

Генрих

**Сверхновая.
Выход на орбиту**

Агдан карабкается всё выше. Мелко меркантильные цели достигнуты, она — успешный айдол и мультимиллионер. Молодой муж-чеболь не роскошь, а средство продвижения в высшие эшелоны большого бизнеса Южной Кореи.

Она может и сама, но поехать на ком-то так приятно. И что дальше? Высота положения даёт свободу, но дышать, чем выше, тем труднее. И проблемы всё сложнее. Но для чего становится сильнее, как не для того, чтобы решать всё более и более сложные задачи. И справляться со всё более мощными врагами. Если кто осмелится...

Предисловие

Сим открываю продолжение Сверхновой по многочисленным просьбам трудящихся. Первая глава на вычитке. Будет к выходным. Скачивание на первых главах запрещена. Открою позже. Каждая глава, традиционно по 40 тысяч знаков, будет разбита на две части. Обе части будут публиковаться с разрывом до суток.

Репертуар, накопленный Агдан за время гастролей.

Токийский репертуар

1. Танец-визитка «Too me». В двух вариантах, короткий — для всех и полный — для ТокуоDome». Солирует БоРам. Текст английский. Танцевальное исполнение лучше сестёр Аверниных не найдёшь: <https://youtu.be/76flvJaQaVM>

2. Танец «Банни стайл». Модернизирован. Разбавил размашистыми элементами.

3. «Сайонара» (СонЁн), аранжировка новая. На японском языке.

4. «Лимон» (ИнЧжон) — новая песня. На японском языке. <https://youtu.be/ydGwWuWZOSY>

5. «Перке те вас», солистка БоРам. На испанском языке: <https://youtu.be/V2tDbdEafvU>
Есть русский вариант: <https://youtu.be/pbqGMEoLtL0>

6. «Bananarama». На английском. Солирует Агдан. <https://youtu.be/d4-1ASpdT1Y>

7. «My Bed is too Big», это та самая «а-ха-ха». <https://youtu.be/C0BsA2GAp64> или оригинале: <https://youtu.be/PLRMu1wTo0Y>

8. «ТэСон танцует лучше всех» + танец. На корейском. Перевод «Колян танцует лучше всех».

9. «Цветочный рай», солистка СонЁн. (https://youtu.be/Q-_NtqUrmX4)

10. «Капля любви», солистка СонЁн. (<https://youtu.be/MQ79UoDJg3Q>)

11. «Токуо bynight», ХёМин, с бэк-вокалом БоРам и Кюри (<https://youtu.be/z9UcQmWQJjU>)

12. Корейский проходняк № 1, солирует ИнЧжон. (<https://youtu.be/DIZcqNTCKnQ>)

13. Корейский проходняк № 2, солирует БоРам. Частично английский, частично японский языки. С общей подтанцовкой. Танцевальная. (Условное название — «Побудь со мной»)

(<https://youtu.be/8ImoeXxYgOg?list=RDAu1KhbR0SL8>)

14. «Transit by Токуо» — проект Агдан. Подтолкнуло первым, ушёл ко второму. В итоге получилось чисто своё. От первого остался слабенький след, красавица в клипе, которую сыграет Амуро. Второе изменено до неузнаваемости. Машины заменены на мотоциклы. Подпевка — Амуро. На японском языке.

Murray Head — One Night In Bangkok «From chess» (https://youtu.be/rgc_LRjlbTU) + Toky drift (<https://youtu.be/YJCKo7mYasU>)

Парижский репертуар

«Performans» с ИнЧжон: <https://youtu.be/1Q-4dOI7B1o> — исполняют какие-то противные трансы, так что лучше слушать.

«Voyage, voyage» <https://youtu.be/XT9IDo-vF5k>

«Ceux Qui N'ont Rien» <https://youtu.be/1PMf-jqnRM4>

«Kalimba De Luna» <https://youtu.be/gykVAujo1QM>

«Moi Lolita» <https://youtu.be/zfXBNQMj2SE>

«Elle voulait jouer cabaret» (<https://youtu.be/u-AhQFRAQGc>)

«Mademoiselle chante le blues» (<https://youtu.be/kgdiVfEhM-M>)

«Je suis malade» <https://youtu.be/TwIZFPGVL4IB> исполнении Лары Фабиан можно найти

но как иногда бывает, она — не лучшая.

«Derniere Danse» Юная Диана Анкудинова: <https://youtu.be/MQMTafLuxvA> или

французский вариант: <https://youtu.be/hvmKOtumG40>

С реакцией французов на исполнение Анкудиновой: <https://youtu.be/xtSNbDAa6ro>

Парень от её исполнения буквально течёт.

«О, Париж», французский аккордеон: https://youtu.be/Z_baf9fqyXQ

Для перехода по ссылке в текстовом виде:

1. Выделить текст, стараясь не зацепить посторонние символы.
2. Нажать правую кнопку мыши.
3. В появившемся меню выбрать пункт "Открыть ссылку в новой вкладке".
4. Смотреть, слушать и наслаждаться.

Глава 1. Пробуксовка на старте

Ресторан при отеле «Голден Палас»

02 июля, время 19:10.

— О белла синьора Агдан! — пылающий остаточным восторгом Марко припадает к моей милостиво и царственно предоставленной для поцелуя ручке.

ЧжуВон воспринимает экспрессию Марко без энтузиазма, но спокойно. Добродушный и кругленький Лин ВанГи дежурно улыбается. Уважение и опаску внушает его выдержка. Несколько секунд назад он получил унижительный и жестокий до уровня садизма удар. Даже два.

Пять минут назад.

— О, донна ЮнМи! — с этим возгласом у Марко рушится плотина, за которой таился огромный вербальный объём, накопленный итальянской душой, страдающей от невозможности полноценного, с богатой мимикой и ожесточённой жестикуляцией, энергичностью напоминающей утреннюю зарядку, общения на родном языке.

Через пару минут ловлю себя на том, что сама начинаю двигать руками, плечами в сочетании с мимикой подобно Марку. Нет, намного красивее, конечно. Чжу глаз не отрывает, хотя не понимает ни слова. Да ему и не надо. Я делюсь новостями и первыми словами поправляю Марко:

— Нет, нет, Марко! Не синьорина, синьора! — показываю глазами на спутника. И переживаю очередной вулканический удар восторга. Мне особо и говорить не надо. Вышла замуж, получила Грэмми, создаю собственную корпорацию, — вот вся содержательная часть разговора.

— Прошу меня простить, — Марко переходит на английский, — наверное, я вам помешал? У вас деловая встреча?

Его вопросительный поворот головы в сторону ВанГи и служит поводом для малозаметного и жестокого оскорбления. Очень тривиального, такое часто делают просто по неопытности. Марко ждал, что я представлю нашего визави. ЧжуВона-то ему представлять не надо, они сразу поздоровались.

— Ничего важного, Марко. Не обращайтесь внимания, — добавляю после осторожного стука ЧжуВона ногой по моей туфельке. — И разумеется, счёт отдельный. На нас и...

Слова «на этого господина» выражаю небрежным еле заметным движением головы. Всё сносит. Так стоически, — лишь мелькает на лице лёгкая тень, — что я напрягаюсь. Даже Марко слегка оторопел и быстренько свернул разговор. Провожая его взглядом, неожиданно задумываюсь. А ведь он очень хороший и бескорыстный человек. Мои успехи или беды никак на нём не отражаются, но поди ж ты, как он непосредственно и бурно радуется моему взлёту. Чуть не впала в длинные размышления по поводу того, а сколько таких людей мне попало в Корею. Есть мама, ГаБи... хватит. Не за этим я здесь.

Лин ВанГи — президент той самой рекламной фирмочки «КинхЧжоунь», которая много лет высасывала деньги из почти нашего «АгданТВ», бывшего 74-го телеканала. По условиям мошеннического договора. Надо бы ещё разобраться, почему нас старый владелец не предупредил при переговорах о продаже канала. Возможно, вместе мутят какую-нибудь жульническую схему.

Всем схемам конец. Инициирована процедура банкротства. Назначен внешний управляющий, который смотрит в рот ЧжуВону. Как он это провернул вместе со своим фокусником Ли, даже знать не хочу. Они даже успели это сделать до грабительского иска «КинхЧжоунь» к каналу. И глубокая коррумпированность корейского государства, в частности правосудия, нам в помощь. По некоторым обмолвкам нашего супершустрилы Ли догадываюсь, что происходит. Адвокат совместно с судьёй, разбирающим наше дело, планирует и осуществляет весь комплекс нужных мероприятий. Вместе с судьёй! Хм-м, пожалуй, Корея так и остаётся феодальным государством под маскирующим одеялом юридически упорядоченного капитализма. Но играть приходится по существующим правилам.

Собрали все пассивы, то есть, требуемые выплаты, в том числе, мне и «Короне». Плюс долги по зарплате и налогам, выплаты по непогашенным кредитам. Короче, активов не хватило, хи-хи-хи, чтобы погасить иск «КинхЧжоунь» к каналу. Настояла на том, чтобы отослать им 314 159 вон. С припиской, «здесь этим переводом активы 74-го канала исчерпаны полностью». Адвокат Ли, да и все остальные, юмора не поняли, ну, и кумихо с ними. На корейском всё равно не так ярко звучит, как на русском.

Основной фокус в том, что моё выступление на канале, которое должно было стать началом великой эры процветания и щедрого финансирования фирмочки неуважаемого Лин ВанГи, мы обыграли в обратную сторону. Развернули денежный поток в обход канала. Я и девочки из «Короны» своё получили. Моими деньгами больше, чем наполовину, компенсировали первоначальное вложение ЧжуВона в четыре сотни тысяч долларов. Слава ГуаньИнь и Великому Ли.

И вот теперь получивший по носу Лин ВанГи выклянчил у нас встречу.

Странно он себя ведёт. Сначала замер при моих словах о раздельном счёте, но, чуть усмехнувшись, продолжает заказывать. И судя по его набору, с дорогим вариантом морепродуктов, в средствах он не стеснён. Ворюга! Он что, на наш кошелек рассчитывал?

Французский грибной суп, — это у нас с ЧжуВоном, — и куриный суп с лапшой у ВанГи мы поглощаем неторопливо и с чувством. Мраморная говядина у нас и разделанный лобстер с добавлением чёрной икры у ВанГи на второе. Не стесняется парень в расходах.

К концу основного блюда можно брать быка за рога. Хотя какой он бык? Самое большое, козёл-перестарок.

— Итак, господин Лин, о чём вы хотели с нами переговорить? — это я ляпаю, не подумав. И получаю строгий взгляд от Чжу: «Куда без спроса лезешь, женщина?». Будь прокляты эти корейские заморочки! Делаю смущённую мордочку, слегка качнув тяжёлыми серьгами. Теми самыми, его подарком. Одета я сегодня подчёркнуто строго. Никаких вырезов и разрезов. Блузка лёгкая, — жара стоит, — и закрытая. Юбка тонкая, но непрозрачная и заметно ниже колен.

— Можете сначала закончить с блюдом, — милостиво разрешает Чжу, оставляя за собой последнее слово.

Помалкиваю. Тоже добиваю свою любимую говядину. Пива заказать не рискнула. Наконец Лин ВанГи начинает. В такт словам ритмично крутит в пальцах блестящую фирменную авторучку. С позолотой, она что ли? Раздражающая привычка, хотя, если честно меня всё в нём раздражает.

— Я получил извещение о вашем банкротстве. Наш договор прекратил своё действие.

Согласую взглядом с Чжу свой ответ. Немного возмущена, вообще-то я — основной

владелец, он — младший партнёр. Но мужчина, поэтому приходится политесничать.

— Более того, он официально признан неравноправным. По сути, мошенническим.

Козла-перестарка мои слова не смущают. Машинально и очень ловко продолжает вертеть в пальцах ручку. Красивая...

— Хочу вам предложить новый вариант договора. На совсем других условиях. Никакого неравноправия на этот раз...

Он заводит сладкозвучную песню об ожидающей нас золотой эре совместного счастья. Держу покер-фейс. Иронию вообще легче всего удержать. А это что происходит?! Попробовала переглянуться с Чжу, но ничего не получилось. Лицо его, безмятежное и благосклонное, мне жутко не понравилось. Не ко мне оно благосклонное, что всегда приветствуется, а к словам этого козла. Он что, собирается с ним иметь дело?

А это ещё что? Чувствую, что лица и головы что-то нежно касается, но ничего не вижу. И почему не вижу? Непроизвольно сбрасываю рукой что-то, будто паутину.

— Вам остаётся только вставлять небольшой ролик в общий рекламный блок... — у козла Лина вдруг перекашивается лицо. Сразу после моего смахивающего жеста. ЧжуВон продолжает благосклонно слушать с каким-то глупым блаженством на лице.

Что меня надоумило — не сразу сама поняла. Заподозрила, что-то неладное происходит с моим пацаком. Включаю своё аурное, — ещё я называю его медицинским, — зрение. О-о-о! Что же я вижу! От доброго козлика тянется к Чжу зеленоватый, слегка пульсирующий жгут, охватывает голову купальной шапочкой. Начало жгута — яркий зелёный источник в мозгу Лина ВанГи. Где-то в левом полушарии...

А вот и ко мне второй ползёт. Так, надо успокоиться. Ничего страшного не происходит. Но и надевать на себя этот аурный девайс я не дам. Как всё это происходит технически, представления не имею. Но останавливаю растекающуюся вокруг головы зелёную пелену буквально в миллиметре.

Не надо его настораживать. Посмотрим, что будет дальше.

— Фирма берёт на себя обязательство не уменьшать выплаты ниже определённого уровня. Вы может быть спокойными, ведь конъюктура меняется, рейтинг канала может, как подняться, так и опуститься, — козлик лил елей на ЧжуВона беспощадно щедрым потоком.

Аж перекрестилась про себя. И воздаю хвалу ГуаньИнь, а также глупым корейским заморочкам, согласно которым козлик Лин сосредоточен на Чжу, а не на мне. А ведь это моя подпись решающая. Могу дать ход контракту, а могу вето наложить. Но мне мало просто удар парировать. Надо переломать ему всё, чем он может ударить. Руки, ноги и все выступающие части тела.

Лин ВанГи меж тем уже подсовывает сшитую и запечатанную стопку листов ЧжуВону и снабжает его авторучкой.

— Подождите! — делаю голосок максимально мелодичным. Козлик обеспокоенно зыркает.

— ЧжуВон-оппа, ты ничего не забыл? — на мои слова пацак таращится почти бессмысленно. — У нас в Уставе прописан особый порядок визирования важных документов. Ты что, Приложение к Уставу не читал?!

Мои глаза вспыхивают так, что вижу, как у пацака сужаются зрачки. Наш козлик замирает, борясь с беспокойством. Приникаю к ЧжуВону вплотную и вливаю шёпот в его ухо:

— Для таких документов предусмотрена специальная подпись. Не на корейском

языке, — на его ладони рисую русские «иероглифы». Кириллица намного проще корейского хангыля, восприятие Чжу под гипнозом на уровне сканера, так что запомнит.

— Простите, господин Лин. Выяснилось, что с последними изменениями в Уставе ЧжуВон-оппа не успел ознакомиться. Подписывай, Чжу...

Мой голосок нежен, взгляд тёплый. Чжу принимается за работу под моим благосклонным взглядом и ласковым господина Лина. Удовлетворённый через пару минут он тянет к себе завизированный ЧжуВоном договор. На мгновение тень омрачает его чело, когда я накладываю свою лапку на контракт.

— Подождите, господин Лин, — стараюсь не переборщить со сладостью в моей улыбке, — требуется и моя виза. Вы, может, не в курсе, но главный владелец компании — я.

Козлика эта новость неприятно удивляет, но ненадолго. Я же «тоже» у него под зелёным колпаком. В месте, предназначенном для утверждения, расписываю всё, как положено, и ставлю свою подпись.

— Что это? — с недоумением и, — вот наглец! — где-то с негодованием вопрошает козлик.

— Что? А, так я же говорила, — невинно хлопаю ресницами, — у нас особый порядок утверждения важных документов. Подписи и резолюции мы ставим на ассирийском языке.

— ... — козлик выпучивает глаза, которые достигают европейских размеров. Я бы даже сравнила с ближневосточными. Персидскими, например.

— В целях безопасности, — поясняю для умственно отсталых гипнотизёров, — но пусть вас это не беспокоит. Нам ведь всё равно надо заверять контракт.

Быстро договариваемся встретиться завтра в десять утра у нотариуса. После этого козлик встаёт. Оглядываюсь на расслабленного ЧжуВона, толка с него не будет, придётся самой придирааться.

— Господин Лин! А как же наш экземпляр?

— А-д-ж-ж-ж! — поначалу всполошившийся козлик всплёскивает руками и лезет в портфель. Достает какой-то лист бумаги и кладёт на стол. Один лист! Ну, не козёл ли обнаглевший!

Козлина уходит, а я, глядя на чистый лист бумаги, соображаю. Вот почему мы не могли найти контракта в своих документах. Его прятали люди под зелёным колпаком. Вон, на Чжу до сих пор держится. И вот почему прошлый владелец ничего не сказал. Он или не помнил или держал ту фирму за супругу императора, которая вне подозрений.

Кстати. Смахиваю зелёное облачко вокруг головы пацака. Вокруг себя тоже. И что с этим делать?

— Холь! А где этот? — проснувшийся и только что чуть не профукавший нашу компанию ЧжуВон удивлённо оглядывается.

Сжимаю облачко до шарика в руке. И потом выбрасываю. Всё. Я тоже так смогу. Принимаюсь за изрядно остывший кофе. Подходит официант и... вот же гнида! Всё-таки свалил на нас свой счёт, нагрел нас на полтысячи долларов! Ничего, сочтёмся...

Чат «Ред Алерт», ночь с 1 на 2 июля. Портал **OhmyNews** временно закрыт.

Объявление в топе чата: «Как угодно критиковать Агдан имеют право только лицензированные пользователи. Те, у кого ники начинаются с символа «&»;». Хейт со стороны остальных строго воспрещается. Наказание за нарушение одно: изгнание из чата без

права восстановления». Ник «001» принадлежит одному из ближайших помощников Агдан.

[***] — Холь! Фильм Агдан «Выстрел в сердце» на ютубе набрал больше шестисот миллионов просмотров!

[***] — А-д-ж-ж! Это сколько же Агдан заработала? Если даже по 5 центов с просмотра?

[***] — Считать не умеешь? 30 миллионов долларов.

[***] — А Пукхан, Пукхан где?

[**2] — В глубокой дыре. Отстаёт от нашей Агдан на два знака.

[***] — Это как, на два знака.

[**2] — Число шестьсот миллионов состоит из девяти знаков. Число восемь с половиной миллионов состоит из семи знаков.

[***] — Что за восемь с половиной миллионов?

[**2] — Число просмотров на ютубе пукхановского фильма «Любовь и Родина». Ссылка: //...

[***] — Не буду смотреть, чтобы не добавлять им ничего. Пойду лучше Агдан пересмотрю. Она классно танцует, даже гимнастки так изгибаться не умеют.

[**3] — Никто так не умеет. Агдан — лучшая.

[&,*3] — Антифаны Агдан организуют свой чат. Собираются голосовать против Агдан...

[***] — Щибаль! Будут голосовать за Пукхан?! А-д-ж-ж-ж! Предатели!

[**2] — Мы сразу сказали, что они предатели и паразиты.

[&,*5] — Имеют право. У нас свобода слова и мнений.

[***] — Вы имеете. Они — нет, они — подлые трусы!

[&,*5] — Ёксоль! Это всё-таки треть нации. И Агдан сама сказала, что каждый имеет полное право голосовать, как хочет.

[***] — Холь! Смотрите, что я нашла! Как проходит голосование в Пукхане: ссылка...

[***] — Не понял. Это что, они смотрят ролики, а потом голосуют, как на выборах?

(На ролике помещение, похожее на учебный класс, человек сорок дружно смотрят оба фильма. Потом по очереди заходят на четверть минуты в закрытую шторками кабинку. Когда заходит очередной зритель, можно заметить там монитор ещё старого типа, ЭЛТ. И клавиатуру. И инструктора, который показывает, как голосовать)

[***] — Щибаль! Как они живут?!

[**3] — Как голосуют, так и живут.

Квартира Агдан.

02 июля, время 21:35.

— Что смотришь? — после вечернего тренажа с онни и душа вижу в спальне пацака, втыкающего в планшет. Он привольно расположился на полу, привалившись спиной к кровати. Любят корейцы это дело, валяться на полу. Чжу хотел даже в нашей спальне обойтись напольным матрасом, но тут шалишь, я встала на дыбы. Хочется ему, могу коврик для него в уголке постелить, а принцессе на полу спать неуместно.

Сажусь рядом. Я в шортах и короткой пижамке. И тоже стычка была по такому ничтожному поводу. Уже с мамулькой. Ей всё равно было, пока Чжу с нами не жил, и вдруг

начинает коситься и выговаривать. Де, не к лицу приличной даме... дома — я неприличная дама, тут же возражаю я и требую поддержки Чжу, которую немедленно получаю. Кто бы сомневался, что он не откажется лицеизреть меня в лёгком одеянии. Против мужчины мама, — учусь разворачивать корейские заскоки в свою пользу, — спорить не способна. Так что я и против мамы управу нашла, не насилуя священные корейские традиции.

— У нашего фильма уже больше шестисот миллионов просмотров! — пацак горит воодушевлением и косится на мои коленки.

— Пятьдесят один миллион долларов, — тут же высчитываю я, — то есть, уже больше.

— Такими темпами мы и два миллиарда наберём. Или три... — радуется пацак.

— Темп будет снижаться, — слегка дёргаю его за волосы, жёсткие и густые, — всегда так бывает. Но может и достигнуть двух миллиардов. Вот только боюсь, что случится это больше чем через год.

Не зря про год упоминаю. Срок действия наших рекламных контрактов. Не очень справедливым мне показалось, но заказчики объяснили, в чём дело. Каждый год-два модели телефонов, телевизоров и даже автомобилей меняются на более модные, так что реклама теряет актуальность. Возможно, это развод. Лейбл фирмы-то не сменится. Но тут, как везде и всегда. Плата за вход, прописка своего рода. Чуть урезанный контракт — плата за вход в мир большого бизнеса.

— Ты зачем новый контракт с этим козлом, Лин ВанГи, подписал? — строгость в голосе подкрепляю ещё одни дёрганьем за волосы. Почему-то он никогда не возражает против таких жестов.

Любуюсь непонимающим лицом пацака, и окончательно становится ясно, что он находился под гипнозом. И авторучку козлиная поворачивал пальцами в интересном ритме. Прокручивая в памяти ужин в ресторане, последовательно излагаю Чжу всё прошедшее в «Голден Палас».

— И ты мне только сейчас об этом говоришь?! — возбуждённый пацак вскакивает, — блин, какой он мощный стал, как тигр мечется, — и нарезает круги по спальне.

— Я подписал с этим шипсэги новый контракт!? — чуть не волосы на себе рвёт. — Почему ты меня не остановила?!

— Ты что, с Луны свалился? — выражаю мордочкой крайнее изумление. — Поверить не могу, что ты во Франции учился. Во-первых, контракт должен заверяться. Сначала мной. А на завтра назначена встреча у нотариуса. Во-вторых...

Когда излагаю второе основание для полного спокойствия, поведение и настроение моего тигра резко меняется. Снова плюхается на пол, поближе к моим коленкам, и неудержимо хихикает. На самом деле похрюкивает, но не могу же я так о любимом муже, моём, так сказать, тигре!

— Ассирийский язык... ёксоль! Как ты до этого додумалась? — ответ, чувствую, ему не нужен. — Как ты говоришь, я подписал?

Чжу заходится от хохота. Не, нуачо? Кстати, почему бы и нет? Почему действительно не завести такой порядок визирования самых важных документов? И я и ЧжуВон подписываем их на русском языке, называя его ассирийским. Подпись ЧжуВона — «Шельмец», зря, что ли я учу его русским ругательствам? И моя резолюция, одна из возможных, всего лишь вишенка на торте.

«Главному менеджеру. По прочтении снять прошивку, разрезать все листы пополам, тщательно измять, не допуская разрывов. После означенной процедуры весь получившийся

материал утилизировать в уборной в качестве подтирочного средства. Утверждаю: Главная Шельма».

Слегка горюю о том, что надо было заставить его подписаться, как «Второстепенный шельмец», он всё равно в ясном уме это не увидит. Зато про себя похихикала бы.

Мои размышления прерывает сначала Мульча, притеревшаяся сбоку, а затем вопрос ЧжуВона.

— Юна, а ты могла его, как бы это сказать...

— Стерилизовать? — догадываюсь я. Чжу кивает.

Это он молодец. Не в бровь, а в глаз! Выстрел точно в десятку.

— Наверное, могла бы, — и, предупреждая следующий вопрос, — видишь ли, я не люблю совершать необратимых действий. Любой может отрубить человеку руку, а попробуй, пришей её на место.

— К чему оставлять такие фантастические возможности нашим врагам? — Bravo! Снова в десятку! Настоящий морпех.

— Ни к чему. Ты абсолютно прав. Но врага можно сделать союзником или... военнопленным. Попробуй подумать и предложи, что лучше всего сделать с этим козлом?

Он уже сидит рядом. Как говорится, на попе ровно. Тут же поднимаю и выгибаю ногу, кончиком пальцев провожу по его ноге, доставая до бедра.

— Когда ты так делаешь, кх-м, — пацак заворожённо следит за моей ножкой и признаётся, — у меня разум отключается.

— Ты должен быть сильным, — наставительно говорю я, но ногу всё-таки убираю, — никакие чары не должны затуманивать твой разум. Ни гипноз всяких козлов, ни заигрывания бесстыжих коз...

— Не замечал раньше у тебя такой самокритики, — хмыкает пацак. Хороший повод для маленького развлекательного скандалчика, между прочим, но не время. Отложим. Сейчас о деле.

— Итак, что мы можем сделать «хорошего» для нашего Лина ВанГи?

— Предлагаешь нам его как-то использовать? — размышляет Чжу.

— Правильно только наполовину. НАМ он не нужен. Да и опасен чересчур, — о том, что трофей в виде возможности манипулировать разумом окружающих у меня уже почти в кармане, умалчиваю.

Чжу пристально смотрит мне в глаза, сужает свои, превращая их в совершеннейшие щёлочки. Так и хочется в такие мгновенья дожать их прищепочкой.

— Ты хочешь...

— Ук, — соглашаюсь, не дослушав.

В качестве «награды» за сообразительность лишаю его доступа к королевскому телу. Пристально презрительный взгляд Мульчи на его разочарованное лицо вызывает у меня приступ смеха.

— Ты должен воспитывать выдержку, — втолковываю поучающее, — у меня каждый месяц так. Пора бы уже знать о таких вещах, большой ведь мальчик.

Кстати, ежемесячный слив переносить стала намного легче. То ли ГуаньИнь вняла моим страданиям, то ли благотворный эффект замужества сказывается.

Окончание Главы 1.1.

Глава 1.2

3 июля, время 10:55

Нотариат рядом со станцией метро «Чамвон».

— Госпожа Агдан, — тон господина Лина добросердечен в отличие от его вида. Мрачного и перекошенного гневом и досадой. Несложно так организовать аудиоэффект, если звонок не в видеорежиме.

А какое должно быть выражение лица у человека, который только что понял, что его не только обманули, а жестоко посмеялись? Клерк нотариата сначала удивился «ассирийским» письмам, потом обратился в находящийся в этом же здании центр переводов. Вернее, посоветовал обратиться. Что обошлось в некую, не масштабную, но чувствительную сумму. Сто тысяч вон тоже на улице никто просто так не подарит.

И что же видит господин Лин в переводе, как оказалось, вовсе не с ассирийского, а тоже экзотического русского, но не настолько, что о нём даже не слышали?

«Верховному руководителю.

После прочтения документа отодрать его подошву, разрезать на две части. Аккуратно деформировать, чтобы не повредить. После ознакомления с процедурой полученный материал выбросить в уборную, как использованное средство.

Утверждаю: Верховная Дрянь».

Четверть часа господин Лин изучает текст, пытаясь разными способами склеить его в голове. Никак не срастается. Вопросительно глядит на переводчика с уверенными глазами непревзойдённого специалиста. Тот пожимает плечами. Каков текст, таков и перевод.

Придя к непреложному выводу, что в любом случае это не резолюция, запускающая документ в реальную работу, господин Лин звонит секретарше на телеканал, которая и переводит звонок напрямую Агдан.

— Аньёнхасейо, господин Лин. Я вас слушаю, — раздаётся мелодичный голосок Агдан.

— Госпожа Агдан, ну, как же так? — мягко укоряет Лин ВанГи. — Мы же договорились встретиться у нотариуса...

— Простите, господин Лин, — очень искренне винится Агдан, — у нашего юриста возникли подозрения по поводу нашего договора. Он его сейчас проверяет, ничего понять не может.

— Приходите с вашим юристом вместе. Я всё ему объясню на месте. Ручаюсь, он сразу всё поймёт, — разве кто скажет, что это сильнейшая угроза? Тем более, таким доброжелательным тоном.

— Я вам СМС-ку посылала, господин Лин. Вы что, не получили её?

— Не знаю, — теряется ВанГи, — что-то было незадолго до десяти часов. Я не читал, какая-то тарабарщина на английском языке...

Как и всякий нормальный кореец Лин ВанГи знает много английских слов, но читать связный текст, а не распознавать отдельные слова? Увольте!

— Простите, господин Лин. Моя вина. У меня много абонентов по всему миру. И английский язык для меня стандартный рабочий инструмент. На корейском я обычно только живую общаюсь.

Это господин Лин принимает легко. Приятно читать корейские СМС, но как же долго и

муторно их набирать!

— Так как же нам встретиться, госпожа Агдан? — вкрадчиво вопрошает ВанГи.

— Сегодня уже не получится, — раздумывает противная аегусси, — завтра... да, давайте завтра... созвонимся.

С трудом удержавшись от скрипа зубами прямо в телефон, господин Лин завершает беседу.

Выдохнув, ВанГи прячет смартфон и выходит в океан летней сеульской жары.

— Господин Лин? Рекламное агентство «КинхЧжоунь»? — рядом оказывается даже с виду вежливый молодой человек. Несмотря на жару — в костюме, смотреть на него и то тяжело.

— Я — референт Чан. Вы не могли бы проконсультировать нашу фирму?

— А что конкретно вы хотели? — ВанГи вытаскивает из кармана рубашки свою фирменную авторучку. Но вместо её блеска глаза застилает чёрная пелена.

С завернутыми назад руками неизвестно откуда подскочившие молодые люди в костюмах запикивают ВанГи уже с чёрным мешком на голове в просторный джип. Остановившемуся рядом случайному прохожему один из парней на секунду суёт в лицо пластиковое удостоверение.

— Национальное полицейское агентство. Проходите, вас это не касается.

Машина уезжает.

Квартира Агдан.

02 июля, время 22:05.

— Пусть поработает на государство, — рассуждаю я, отпихивая мурчащую кошку, — НИС мне за такой трофей премию должно дать. Одним этим принесу государству такую пользу, что мне уже сейчас можно пожизненное содержание оформлять.

Среди нас троих Мульча — самая счастливая. В «эти дни» ей разрешается ночевать рядом со мной. Соответственно, самый недовольный — Чжу. Я — серединка на половинку.

— Ты уверена, что в какой-то момент НИС не сработает против тебя? — пониженное настроение пацака провоцирует его на неприятные вопросы.

— Если им их должности с зарплатами надоели, пусть попробуют, — всё равно не скажу, что я теперь тоже так могу. Хотя бы по той причине, что на самом деле не могу, тренироваться надо. Но не на кошках же...

Завтра сдам этого козла-перестарка в НИС. Пусть пользу Родине своими талантами приносит. Ибо нефиг! Почему я одна должна стойко переносить тяготы и лишения военной службы? Несовершеннолетняя хрупкая девочка причём? Пусть служба кончилась, — тот парад на ролике не просто съёмка, это реальный ритуал проводов моего высочества из славных рядов, — но ведь она была!

05 июля, время 15:50.

Сеул, университет Yonsei (входит в большую тройку SKY)

— Итак. Давайте окончательно сформулирую. Мне нужны проработанные, оригинальные по конструкции, дизайну, технологиям и материалам проекты. Архитектурные, строительные, коммуникационные. Здания всех видов городского типа,

прежде всего. Жилые, торговые, складские, технические. Коммуникационные сети, канализация, водопровод, энергосети.

Передо мной зал мест на триста. Всем сидений не хватает, но студенты всех стран народ неприхотливый, сидят на ступеньках. Не только местные архитектурных и строительных профессий, но и приглашённые с других университетов. Три дня их собирали. Сижу уже полчаса и продвигаю то, что мне нужно.

— Давайте выберем небольшую комиссию, хватит трёх человек из преподавательского состава Ёнсей. Сразу предупреждаю: работа будет оплачена. Скажем по три миллиона вон, председателю комиссии — пять миллионов.

Орграбату провернули за четверть часа. В председатели седого, но ещё не старого, доцента с архитектурного, с его помощью ещё двух, взяли с них визитки, ну, и так далее. Студенты должны знать, кому нести проекты и у кого можно узнать подробности. На ходу и бюджет формируется.

Известила молодёжь, что проекты, признанные интересными, будут премированы. Суммы опять-таки не сильно велики, но студенту, даже из богатой семьи, пять-десять тысяч долларов — лакомый куш. К тому же это ведь всего лишь бонус. Основной мотив — учебный и профессиональный. Сильные работы зачтут по учебному плану, могут пойти даже в качестве дипломных. Заметный плюс в копилку реального опыта. Учиться ещё не закончили, а реальный проект, который, возможно, будет запущен, уже есть. Имя заказчика, то бишь, заказчицы, тоже не последнее дело. Насколько могу судить, преподаватели весьма довольны. Усиление мотивации к учёбе они могут только приветствовать.

— Хочу сразу предупредить. Сначала сделайте эскиз и намётки. Мы посмотрим, что пропустить, а что нет, чтобы вам лишнюю работу не делать. К примеру, я сразу не сказала, что меня портовые и сельские строения не интересуют. Могла ещё что-то забыть.

— Задавайте вопросы... ой, нет! — меня пугает мгновенно возбуждавшаяся студенческая масса, и я резко маневрирую. — Давайте так. Вам раздали буклеты, там есть интернет-адрес нашего сайта. Мы там организуем место, где вы сможете спросить обо всём.

Уворачиваюсь от массивной атаки студентов и попадаю под огонь журналистов. Их здесь не очень много, видно университетские, — а знали обо мне только они, — сообщили не всем. Придётся потерпеть, не впустить не могла, а раз они здесь, придётся встать под град их вопросов. Впрочем, в любой момент могу прекратить вакханалию. Разрешаю каждому обратиться ко мне один раз. Обычная практика.

— Газета «Чосон Ильбо», журналист Кан, — согласно моему жесту поднимается невысокий лысоватый мужчина, — Скажите, а зачем вам это надо? Ведь не просто так вы стимулируете студентов?

— Потому, что я — хорошая и добрая? — немного веселюсь и получаю ответные смешки из зала. — Конечно, у меня есть свои планы, журналист Кан, но афишировать их не собираюсь. Агдан слишком заметная фигура. Любое моё неосторожное заявление может заметно сдвинуть биржевые индексы. К примеру, если я скажу, что планирую купить какое-нибудь здание в Сеуле, цены на недвижимость тут же подрастут на несколько процентов. Поэтому мои планы останутся при мне.

— А вы нам что-нибудь споёте?! — вопль истосковавшейся фанатской души из зала.

— Нет. Ничего петь не буду. Я здесь не за этим, — затем решаю смягчить пилюльку. — Любой концерт, даже небольшой, надо готовить заранее. Хотя бы несколько дней. И должна соблюдаться гигиена труда. Перенапрягать горло нельзя.

— Как вы думаете, кто победит в вашей кинодуэли с Пукханом?

— Кто победит — неизвестно. Я ставлю на себя. Но уже есть те, кто выиграл. Это обе наши страны, которые нашли повод сесть за стол переговоров. Можно быть уверенным, что хотя бы в ближайшее время взаимных артобстрелов не будет.

— Вы не жалеете тех, кого через суд заставили заплатить вам штрафы?

— А чего мне их жалеть? Они считают, что я должна полностью соответствовать какому-то их идеальному образу айдола. Пусть хоть какую-то часть требований ко мне применяют и к себе. Когда говорят, что айдол Агдан должна отвечать за свои слова и поступки это не правильно. Не Агдан, а ВСЕ должны отвечать за свои дела.

Настаёт очередь и нескромных вопросов.

— Госпожа Агдан, а сколько вы заработали на своём фильме?

— Во-первых, ещё рано говорить, рекламные контракты подписаны на год. Во-вторых, счёт идёт на десятки миллионов долларов. Конкретную сумму не скажу — коммерческая тайна. Добавлю. Зарабатывать, помогая своей стране, не зазорно. Подло зарабатывать, нанося вред своей стране.

И тут же получаю удар. Среди журналистов много журналюг и журнашлюшек.

— Как ваш дядя?

Делаю знак своей главной помощнице ГаБи. Та внимательно смотрит на хлыща, задавшего вопрос про дядю, записывает что-то в блокнот. Затем подходит к дерзнувшему с двумя дюжими молодчиками и снимает с него бейджик. Это не просто висюлька, это зримый знак допуска. Дожидаюсь, пока возмущающегося хлыща не выведут, только после этого отвечаю.

— Вопрос всё-таки прозвучал. Я намеренно дожидалась, пока его не выведут, чтобы он ответа не слышал, — я спокойна, спокойна. — Мы только что занесли эту газету в чёрный список и они больше никогда не получают аккредитации на мои пресс-конференции. Вовсе не потому, что вопрос провокационный, а потому, что он клеветнический. Ведь уже было судебное решение, полностью оправдавшее моего дядю. Так что никакого вреда нашей стране он не наносил.

— Госпожа Агдан, вы так и не раскрыли тайну вашего знакомства с Кимом ЧжуВоном.

— Так нет никакой тайны, — жму плечами, — я же работала в «Голден Палас». Лично имела пару бесед со старшей сестрой ЧжуВона, госпожой ХёБин. Потом директором отеля стал ЧжуВон. Встреч с ним я не искала, познакомились случайно.

— Это когда вы отгоняли от него невест? Только не заносите меня в чёрный список! — парень-журналист шутливо закрыл голову руками.

— Вот видите, — многое могу простить, когда у человека есть чувство юмора, — у вас уже есть рабочая версия тех событий. Но я никак не могу комментировать эти слухи. Поймите меня правильно, семьи чеболей очень чувствительны к публикации любых, самых невинных, подробностей их частной жизни. Зачем мне раздражать своих родственников? Да любой семье это не понравится. Личная жизнь пусть останется личной жизнью.

Чувствую, что сейчас начнётся полный треш. Надо это останавливать. И как это сделать? Желательно с выгодой для себя. А вот так! Поднимаю руку, встаю.

— Все по одному вопросу задали, я своё обещание выполнила, — дожидаюсь, когда стихнет гул разочарованных голосов. — Сделаем так. Подавайте оставшиеся вопросы в письменном виде моей помощнице (кивок в сторону ГаБи), я на них постараюсь ответить. На своём канале, АгданТВ. Следите за программой.

Журналисты себе на кимчхи заработали. Почему бы мне свой канал не отрекламировать?

Продвигать не помешает даже то, что в рекламе не нуждается. Журналисты заработали, кроме «СпортСтипа». Этих в зал не пустили с самого начала.

07 июля, время 21:05.

Сеул, квартира Агдан.

— Аджосси... — выдыхаю радостно в телефонную трубку. Не прошло и полгода, как говорится. Проявился, наконец-то, дядюшка ЮнСок.

Мама с онни, хоть я и почти шёпотом сказала, замирают и напрягаются, как сторожевые суслики. Показываю глазами, да-да, это любимый дядюшка и брат. Их будто по воздуху переносит ко мне. Кто видел русский хороводный танец (<https://youtu.be/xpXr1ZU3Ia8>), тот поймёт.

ЧжуВон, кажется, не понял. Сидит, выпучив глаза. Ему, за заваленном бумагами столом, ног не видно, как и мне при взгляде в зеркало. Вот он глаза и таращит. Мы который вечер, сразу после тренажа с СунОк, занимаемся планированием свадьбы. Замучилась терпеть нападки мамы, сестры и насмешливые взгляды пацака. Я ж в традициях не копенгаген! Поэтому перевела стрелки:

— Мне пофигу, традиции или не традиции. Если какой-то момент не укажете — его не будет. Точка, — мама лёгким подзатыльником утверждает свою точку и критикует мою.

Маму Мульча пропускает, а вот онни пристальный взгляд моей славной охранницы останавливает. А то тоже вознамерилась присоединиться. Старшее поколение из себя корчит.

— Самчон, — поясняю ЧжуВону, зажав трубку. Почему-то он по городскому звонит, не на мобильный.

— Дядюшка, почему так долго молчали?

— Извини, ЮнМи-ян, неотложные дела были. Нам надо встретиться. Когда вас можно застать?

— Ещё как надо, — подтверждаю я, — с утра и до шести вечера только мама дома. Приходи к шести на ужин. Но нам надо ещё и отдельно встретиться. Лучше у меня на работе. Так что лучше приходи на мой телеканал часа в четыре, вместе домой приедем. Адрес...

СунОк смотрит, сощутив глаза.

— Тонсён, что это у тебя за отдельные секреты с дядей от нас?

— Гражданским знать не положено. Только тем, кто присягу приносил. Кыщ, суслик штатский! — Прохожу мимо, отпихнув сестру плечом. Как сладка месть, даже такая маленькая! Расплата за попытку дать мне подзатыльник.

— Всё равно чего-то не хватает, — пока мама с онни терзают самчона по телефону, возвращаюсь к делу. Рассматриваю сценарий, схему расположения гостей, концертную программу.

Короткий, но яростный бой, — в основном с моими женщинами, — прихлопнул Чжу. Огромный кумайо ему за этот. Против самих основ мироздания мои клушки пробовали восстать. То есть, моего плана превратить мероприятие в шоу, что, собственно, это и есть. Традиционная корейская свадьба тоже шоу, только у него развлекательная цель на втором или третьем месте. На первом — убеждение всех окружающих в том, что у молодых и их

семей всё тип-топ. Там ещё какой-то малопонятный диалог идёт с высшими силами, не сильна в корейском символизме. Но в этом плане кондовые корейцы недалеко от меня ушли. К тому же, чего с этими высшими силами политесы разводиться, когда вот она я? Натуральное воплощение этих самых высших сил.

И вот глядя на результат совместных усилий, отчётливо понимаю: изюминки не хватает, а лучше нескольких. Булочка с одной изюминкой это не вау. Вот если изюминка будет размером с кулак. В каждом шоу должна быть фишка, захватывающая интрига.

— Чего ты на меня так уставилась? — по-домашнему бесцеремонно спрашивает онни.

По делу спрашивает, но я продолжаю молча сверлить её взглядом. Не выдерживает всё более неуютно чувствующая себя сестрица, скрывается на кухне. А почему бы и нет? Оценив сценарий свадьбы на три с минусом, перехожу к обдумыванию возможности гипноза для коррекции поведения онни. Или даже вскрытия каких-то талантов. Знаю по оставшейся со мной памяти Юркина, что гипнотизёры могли убедить человека в том, что он умеет рисовать, например. И весьма далёкие от изобразительного искусства люди вдруг выдавали вполне профессиональные наброски и эскизы.

Хм-м, я ещё обдумываю, как можно использовать свалившийся на меня подарок судьбы. В нём кроются захватывающие воображение возможности.

08 июля, время 16:05.

Сеул, офис «Music Modern».

— Госпожа Агдан, к вам посетитель, какой-то Пак ЮнСок, — до ехидства сладким голосом докладывает ослепительно красивая секретарша.

— Проси, — провожаю взглядом скрывающиеся за дверью стройные ножки. ДжиХён могла бы юбку и длиннее надеть. Хм-м, хотя какой тогда смысл брать секретаршу с такими ногами и фигурой? Чтобы под балахоном всё прятать?

ДжиХён прямо-таки сочтётся сарказмом, когда говорит «Госпожа Агдан». Так бы уж зарплату ей подняла, а за такое скрытое глумление над высоким начальством придержу. На пару недель. Или одну... Входит самчон и все мысли побоку.

Через пять минут, когда стихает тайфун страстей, — «Юна, какая же ты стала!», — и обнимашек, — сама от себя не ожидала девятого вала радости и облегчения, — усаживаю самчона в кресло. Сама падаю в такое же, по другую сторону столика. Перед самчоном небольшой графинчик с янтарной жидкостью и уже наполненная рюмка. Сама не пью, а ему можно. Приглядываюсь. Общее впечатление — немного постарел, живости в глазах поубавилось. А времени ведь немного прошло. Видно, изрядно ему крови попортила вся эта история.

— Шикарный кабинет, — ЮнСок оглядывает моё логово. Поглядеть есть на что. И кресла, на которых сидим, по индивидуальному заказу. Описывать бесполезно, но мастерам удалось (с моей помощью) сочетать королевскую роскошь с хайтековской функциональностью. Кстати...

— Дядюшка, справа на подлокотнике кнопочка, слева внизу рычажок, — показываю, как управлять, — можешь отрегулировать высоту сиденья и угол спинки.

Самчон отмахивается, ему и так хорошо. Продолжает рассматривать обстановку. Полки под стеклом с моими регалиями. Внушительный, но пока почти пустой книжный шкаф. Впрочем, его закрытая часть уже набирает в своё чрево самые важные документы. Хотя

самые-самые документы, учредительные, Устав и тому подобное — в сейфе. Огромный и важный, как Мойдодыр, стоит в углу, рядом с моим столом, на котором в теннис играть можно.

На противоположной главному столу стенке сверху нависает огромный экран. Я на нём гоняю редактируемые программы и концертные номера. С обратной к приёмному помещению стороне — дверь. Выход в комнату отдыха и личных репетиций. С моим любимым коргом и акустической аппаратурой. А чо? Жить и работать надо красиво.

— Дядя, так что это за история с контрабандой и судом? — он же должен понимать, что не зря я его отдельно пригласила.

— ЮнМи-ян, а надо тебе это знать? — самчон с наслаждением допивает коньяк. Курвуазье это вам не паршивый соджу.

— Дядюшка, слишком много нервов мне весь шум по твоему поводу стоил, чтобы я не имела права хоть что-то знать.

— Ты же сама под присягой, так что должна понимать... — вот и начинает выбалтывать, а мне ведь много не надо. Втыкаю в него немигающий взгляд и жду.

— Ты изменилась, — мнётся дядюшка.

— Сам сказал, что я под присягой, — наращиваю давление, — это ты маме и сестре ничего не имеешь права говорить, а мне — что-то можно. Слишком не нажимай, говорят, французские коньяки вещь коварная.

Самчон внимает предупреждению и наливает только половину. А я отлучаюсь к столу с пультом управления и включаю большой экран, на котором пошла крутиться развесёлая программа с танцульками и песнюлками. Вряд ли мой кабинет прослушивается, но бережёного ГуаньИнь бережёт.

— Кое-что я и сама знаю. О многом догадываюсь, — продолжаю раскручивать самчона.

Поощряющую и слегка покровительственную улыбку на его лице я сейчас сотру.

— Контрабанда это, скорее всего, правда. Но это всего лишь прикрытие, легенда. Контрабандный канал это, прежде всего, канал. Канал связи с Пукханом, с агентурой на той стороне. Без НИСа здесь не обошлось.

Улыбка на лице самчона начинает замерзать. Но это ещё не вечер. Ему не надо ничего говорить, по реакции вижу, когда в цель попадаю. И голубоватый, — да у меня голубоватый, а не зелёный, как у козла Лина, — шнур, протянувшийся к его голове, мне в помощь. Нет, я не беру его под полный контроль, это же родной дядя. Со своими так нельзя. Но ослабить защитную реакцию, почему нет? Допрос? Вай нот? Имею право.

— Дядя, а какое у тебя звание? Капитан? — по слегка удивлённой, но с долей облегчения, улыбке понимаю, что попадаю в девятку, не в десятку.

— По итогам операции дали майора? — а вот теперь десятка!

Самчон залпом допивает коньяк, крутит головой. Вот так девочка-племянница! — читается в его глазах. А что тут такого? НИС, КГБ или ЦРУ, нигде полковники и генераль непосредственно «в поле» не работают. Это участь лейтенантов и капитанов.

— И вдруг каналом приходится жертвовать, — продолжаю я давить. — Ладно, я понимаю, что это внутреннее дело НИС, их игры. Но удар нанесён по мне и по твоей семье.

— Это не планировалось, — выдавливаю из себя самчон. В час по чайной ложке. Ничего, у меня терпения хватит. Уж на родного-то дядюшку...

Конец главы 1.

Глава 2. Долги

06 июля, время 17:45.

Сеул, окраина. Приземистое охраняемое здание, собственность НИС.

— Господин Лин, вы что, не понимаете, что просто так отсюда не выйдете? — этот козлина со слащавыми глазами и доброжелательным лицом пройдохи раздражает меня безмерно.

Мы в камере одни. Это особая камера, с привинченным к полу столом, такими же стульями и лжезеркалом во всю стену. У амеров слизали. Зеркало это одностороннее окно. Для нас с козлиной — зеркало, для находящихся за ним — окно. Слышат за зеркалом тоже всё.

Не справляется НИС с господином гипнотизёром. Уже сомневаться начинают. О, святые ананасы, во мне начинают сомневаться! Хитрец изворачивается вовсю, и способности свои обнаруживать не изволит. Полковник Хан, — какая говорящая фамилия, — предупредил, что если ничего не выйдет, то придётся отпустить.

— Под наблюдение мы, конечно, его возьмём, но сами понимаете, госпожа Агдан...

Понимаю, чего тут понимать? Как работу гипнотизёра обнаружишь? А вдруг это просто действие харизмы и личного обаяния? Вот поэтому меня и позвали. Не получится у меня — придётся отпустить.

— Почему же я не выйду, госпожа Агдан? — невозмутимо жмёт плечами гипнотизёр. — Никто меня тут вечно держать не будет.

Ну, смотри! Сам напросился.

— Конечно, выйдете, — безмятежно бросаю ему согласие, как отравленную приманку. — Буквально через час. И без всяких подписок. Хотите?

Напрягается гипнотизёр, глазки свои поросычьи сужает. И аурным зрением вижу, как выпускает из головы зелёную змею. Пальцами отстукивает хитрый ритм. Он и так умеет? Мастер! Полупрозрачная змея, изгибаясь в воздухе, плывёт ко мне. Стараюсь не фокусировать на ней глаза, и когда она подплывает к лицу, перехватываю её левой рукой, светящейся слабым голубым сиянием.

С наслаждением наблюдаю, как вздрагивает от боли и неожиданности козлина Лин. Завязываю зелёную змею в узел, — Лина корчит, как грешника на сковородке, — и ребром правой ладони резко обрубаю часть змеи. Зеленоватый обрубок тает в воздухе, остальное втягивается обратно. По уже изменённой траектории, Лин упал со стула и катается по полу, воя и прижимая руки к голове.

И как личико-то перекопилось, вот когда его настоящая козлиная сущность наружу прорывается. С каким-то горловым клёкотом прямо с пола бросается на меня. Р-раз! Встречаю его прямым фронт-киком точно в солнечное сплетение. Подскакиваю к корчащемуся на полу гипнотизёру и д-два! Три! Избиваю его втаптывающими ударами ног. По голове не бью, а всё остальное мне не жалко.

— Я тебе прямо сейчас вырву твои способности, тварь!!! — ещё удар.

— Выйдешь отсюда свободным человеком, и найдёшь себе честную работу, гнида! — удар.

— Или будешь работать на НИС или никого больше загипнотизировать не сможешь...

Последний удар цели не достигает. Барахтающийся на полу Лин ВанГи удаляется со скоростью быстро идущего человека. Быстро перемещаюсь за дверь, которая тут же захлопывается. Только там двое дюжих мужчин ставят меня на пол. Отряхиваюсь, привожу себя в порядок.

— Госпожа Агдан, — укоризненно качает головой полковник Хан, — так нельзя.

— Пожалуйста на меня в суд, — советую я. Уже спокойным голосом, раздражение и злобу выплеснула. Спасибо Лину ВанГи.

Они меня ещё упрекать будут. Можно подумать, сами на законных основаниях Лина взяли. Если объективно смотреть, то держат человека в тюрьме по неподтверждённому доносу. Мы изначально вне правового поля работаем.

— Если у нас ничего получится, то у меня и у вас будут проблемы, — лицо полковника непроницаемо.

— У нас всё получится, если мешать не будете. Мне надо с ним договорить.

— Вместе с ними, — полковник кивает пару молодцов, вынесших меня из допросной комнаты.

— Нет. Опасно. Он может их загипнотизировать и заставить напасть на меня. Войду одна и когда закончу, дам вам знак. Только я могу противостоять его гипнозу.

Полковник соглашается. А куда ему деваться?

И вот я снова в хитрой комнате. Мрачный ВанГи уже при мне, со стонами вползает на своё место. Подхожу к своему стулу, но не сажусь. Гипнотизёру кажется, что я просто пристально смотрю на него. Отнюдь. Про себя злорадствую, слабоват ты супротив меня. Не видишь, как голубая лента под твою черепушку просачивается. Это мне над Мульчей совестно экспериментировать, а над тобой-то... Лин слабо дёргается, но замирает.

— Ты всё уже понял, — голос мой спокоен и размерен. И никакого костыля в виде ритмично поблёскивающего предмета мне не надо. Голубоватое свечение уже заполнило весь череп. Именно так он и делал с ЧжуВоном.

— Ты будешь работать с НИС. Выполнять их приказы. Подтверди, что ты всё понял.

ВанГи кивает, слегка заторможенным голосом, — а вот это моя недоработка, ну, я не волшебница, я только учусь, — говорит:

— Буду работать на НИС и выполнять их приказы.

Делаю знак. Просто поворачиваюсь к «зеркалу» и совершаю приглашающий жест. Через полминуты входит полковник и двое его молодцов.

— Сиди спокойно. Жди указаний, — поворачиваюсь к полковнику. — Кто будет работать с ним непосредственно?

— Видимо, я, — полковник задумчиво смотрит на ВанГи.

— Без «видимо», — требую твёрдого ответа.

— Я буду с ним работать, — решает полковник.

— Господин Лин, — зову я, ВанГи смотрит на меня, — слушай меня внимательно. Это останется с тобой навсегда. Ты будешь выполнять команды господина полковника и мои...

Полковник морщится, показывая взглядом «По-другому нельзя».

— Каков приоритет? — равнодушно интересуется ВанГи.

— Я в высшем приоритете. Потом полковник, после него те, на кого он покажет.

— Первым делом, как выйдешь отсюда, аннулируешь все контракты, которые ты получил с помощью гипноза. В дальнейшем я запрещаю тебе наносить вред мне, моим близким и моим бизнес-интересам в любой форме.

Полковник слегка хмурится, но молчит. Заставляю ВанГи всё повторить, потом оставляю свою голубую метку рядом с его изумрудным источником. Кажется, так он делал. Голубой туман в его голове рассеиваю. У-у-у-х! А ведь это здорово утомляет.

ВанГи приходит в себя, хмуро и непонимающе косится на нас. Хм-м, из головы осторожно выползает змейка, направляется к полковнику, затем изменяет направление и целится на охранников.

— Господин Лин! — от моего лязгающего голоса ВанГи вздрагивает. — Без приказа полковника нельзя!

Зелёная змейка испуганно юркает обратно. В принципе, это хорошо. Способностей не лишился, а то я опасалась. ВанГи затравленно смотрит на меня и утомлённо вздыхает. Уходим. С меня на сегодня подвигов хватит.

— Вы нам не доверяете? — полковник уже в своём кабинете пытается на меня надавить.

— Нет, не доверяю. И у нас есть более интересные темы для разговора.

— Какие же, госпожа Агдан?

— Я дала вам гипнотизёра-экстрасенса, — на мои слова полковник, склонив голову, с интересом смотрит на меня. За своим дубовым столом он — король.

Дело в том, что я нашла способ прижучить все эти государственные и местами могучие организации. И не только их. Спасибо СанХёну, он меня этому и научил. Не только ему, всем спасибо. Какой основной лейтмотив постоянно сопровождал мою работу в агентстве и армии? ЮнМи, — говорили мне все, — ты должна! Должна армии, Корее, агентству. Даже БоРам и остальные коронки в эту очередь пристроились. Фигвам! Теперь моя очередь учёт должникам вести. Я — не благотворительная организация, вкусные плюшки всем бесплатно раздавать.

— Вы от меня получили нечто очень полезное, — развиваю тему дальше, — и, значит, что? То, что ваша служба у меня в долгу, полковник Хан.

— Вы гражданка Кореи, госпожа Агдан, — полковник светится мягкой улыбкой. Соскочить хочешь?

— А вы? Полковник Хан, вы ведь тоже гражданин Кореи? — возвращаю ему ласковую улыбку. — Но вы же немало получаете за свою службу. Разве вы работаете без зарплаты? Вам дают всё: оклад, премии, должность, почёт и уважение, достойную пенсию, служебную квартиру. Зачем всё это соглашаетесь брать, если вы — гражданин Кореи?

Светлая улыбка полковника слегка тускнеет, но не до конца. Но я постараюсь.

— Лично вы тоже мне должны. У своего начальства вы будете на особом счету. Как единственный человек, способный управлять уникальным инструментом. Ведь Лин ВанГи теперь ваш личный агент.

— Вы тоже можете им управлять, — скучно возражает полковник.

— Он мне не нужен. Ни в каком виде, — открещиваюсь от такого счастья.

— А ведь вы госпожа Агдан с нашей помощью решаете и свои проблемы тоже, — хитрая и тонкая улыбка осторожно проявляется на лице полковника. Ещё одна попытка соскочить? Я — Агдан, у меня хрен соскочишь!

— Вы избавились от опасного врага, который мог вам сильно навредить, — улыбочка полковника укрепляет свои позиции.

— Перестаньте, полковник Хан, — пренебрежительно кривлю губы. — С чего это вы

взяли, что я без вас не могла его оскопить? Отдельного кабинетика, как у вас, не нашлось бы?

Встаю. Еле слышно прощально крикает удобное кресло. Несимпатичная мне улыбка полковника бесследно исчезает, пора и честь знать.

— Вы ведь тоже обладаете схожими способностями, — осторожно подбирает слова полковник. И осторожно подбирается к чему-то. Фигвам. Это я тоже умею обрубать.

— Это уже вне вашей компетенции, полковник Хан.

— А в чьей? — вопрос застигает меня, когда я уже делаю шаг к двери.

— У вас нет доступа к этой информации. Кстати... — чуть не забыла о кое-чём. Вопрос решается на удивление быстро. Видимо, канал связи со мной полковнику тоже кажется полезным.

08 июля, время 17:00.

Сеул, офис «Music Modern», агентство Агдан.

— А что планировалось? Почему твоё начальство засунуло тебя в тюрьму?

— Ты правильно сказала, что это был канал связи с нашей агентурой, — после трудной паузы говорит самчон. — Но северная контрразведка тоже не спит. Канал привлёк их внимание, и нам пришлось его закрывать. Чтобы усыпить северных, меня и посадили за контрабанду...

— Там совсем идиоты, что ли? Я бы на их месте не поверила, — действительно, малоубедительно.

— Во-первых, канал засветился, но агентура — нет. Ниточка обрублена. Задействовали план эвакуации, — размеренно и с паузами выкладывает подноготную самчон. — Но ты права. Могло и не получиться, не возникни этот непристойный шум вокруг тебя и моей семьи. Мы сильно встревожились, когда ты высказала предположение, что я — сотрудник спецслужб. Может, ты заметила, что твоё неосторожное заявление быстро заблокировали...

— Это говорит только за то, что не надо людей в неведении держать. Если моё имя используется в каких-то играх, надо было держать меня в курсе, — мой тон поневоле сух.

— Ты права, но тогда возникают другие сложности...

— Никаких сложностей. Я под присягой, сам сказал.

— В итоге этот скандал нам сильно помог. Северные поверили, что канал всего лишь контрабандный.

— И какие секреты вы оттуда вытаскивали? — вопрос задаю наобум и вовсе не рассчитываю на ответ, который, тем не менее, последовал. И который враз приводит меня в чувство и отшибает напрочь желание что-то узнавать дальше. Нафиг-нафиг!

— Ядерная программа, — дядюшка говорит беззвучно, одними губами, но мне хватает.

Всё! Я — пас! От таких дел надо держаться, как можно дальше.

— Холь! Не хочешь отвечать, не надо, — на случай прослушивания говорю, бережёного ГуаньИнь бережёт. — Но у нас остаётся один незакрытый вопрос. Если в результате игр НИС пострадала я и твоя семья, значит, за НИС ещё один долг.

— Почему ещё? — оживает самчон.

— Это уже моё дело. Кое-что для них сделала...

Любопытство своё самчон держит на крепкой узде. Тему не развивает.

— И если они задолжали, то должок можно истребовать, — а я свою тему

продолжаю. — Не хочешь уйти в отставку?

08 июля, время 18:35.

Сеул, квартира Агдан.

С порочным ехидством наслаждаюсь сценой встречи моих женщин с самчоном. Крики, возгласы, объятия, опять возгласы, уже со слезами. Гомера бы сюда, такие страсти описывать. Быстренько сваливаю из прихожей, обгоняя Мультчу, которая выходила встречать меня. ЧжуВон чуть позже попадает в бушующее пекло. Отгонял машину на стоянку, мы с дядей дожидаться его не стали. Теперь он терпеливо дожидается, пока вулкан кипящих эмоций не переместится на кухню. А вулкан, то есть, облепленный мамой и онни самчон, не торопится, мужественно отдавшись на волю бабских страстей. Мудрый мужчина! Понимает, когда женщин не удержишь.

— Мама, ты гостя кормить собираешься? Да и остальным поужинать не мешает, — заслуживаю совместной и разнообразной реакции. Мультча согласно мявкает, самчон смотрит с благодарностью, Чжу с уважением.

Ну, а для мамы это спусковой крючок. Она тут же уволакивает деверя на кухню. Когда маме удаётся кого-то накормить, она по-настоящему счастлива. Чуточку переждав, приходим на кухню и мы. Одеваю Мультчу пайком, а на стол ставлю небольшую бутылочку лёгкого винца. И тут же одёргиваю онни.

— Нам с тобой нельзя. Занятия впереди.

— А может... — пробует затянуть нитьё СунОк.

— Не может! — рубить в таких случаях надо резко. — Опять хочешь жирной коровой стать?

— ЮнМи-ян!

— Дочка!

Бьют возгласами с двух сторон одновременно. Игнорирую. Не нахожу ничего более подходящего.

— Онни, буду полностью за тебя спокойна, если не будешь пропускать занятий даже в моё отсутствие. Лето сменится зимой, могут прийти гости, есть настроение или нет — ровно в 19:30 идёшь в комнату и тренируешься. Иначе перестанешь быть красавицей, как сейчас.

Онни рдеет щеками, мама умиляется, самчон глядит на старшую племянницу с мужским одобрением, Чжу — тоже, хотя и с понятным оттенком. Де, до ЮнМи всё равно не дотягиваешь. И как ты теперь отвертишься? Никак! Гарантия — голубоватая метка в голове.

Тренировку с онни всё-таки сокращаем минут на семь. Главное, что программу выполнили. И кое-что я подрегулировала, местоположение голубоватой точки в голове. Мысль о тренаже должна вызывать приятные эмоции. И сами занятия — тоже.

Чемпионы любят козырять тем, что они де с раннего детства работали по много часов в день, света белого не видя. Публика принимает за чистую монету, восхищается. Всё правда, только не вся. Тренировки доставляют массу эмоций в широчайшем спектре. От горечи неудач до счастья достижений. Они не просто пахнут, как рабы на плантациях. Это образ жизни, и не самый плохой.

А уж онни-то, по неполному часу в день, плюс утренняя пробежка... мощная подпорка жизнерадостному настроению на весь день, ощущение собственной незаурядной внешности

и прекрасное физическое самочувствие.

— Чего ты на меня так смотришь? — одёргивает меня онни.

— Чего, чего... — заканчиваю с окончательным определением координат синей точки, — ищу, к чему бы придраться в твоей внешности. Чтобы исправить...

— Нашла? — беспокоится СунОк.

— Нашла, — вздыхаю, СунОк поворачивается к зеркалу, я подхожу к двери уже в халате, — бестолковая ты...

И убегаю. Мульча мне во спасение.

Обсуждаем свадьбу. Появление самчона закрывает некоторые дыры в свадебном регламенте. С нашей стороны кроме дяди в семье нет ни одного взрослого мужчины. Даже не взрослого нет. Роль отца невесты не велика, но заметна. Так что одной проблемой меньше.

— ЮнМи-ян, ты не боишься... — самчон сомневается. Вижу, что Чжу тоже озабочен.

— Нет, дядя, не боюсь, — на самом деле, сложности могут быть. Не зря мой пацак морщит лоб, хоть и помалкивает. Можем не досчитаться кое-кого из приглашённых. Например, генерала Им ЧхеМу и посланцев из правительства.

Есть и другие сложности...

— Нет, ЮнМи-ян, пожалуй, я откажусь, — решает дядя, — в отставку я пока не ушёл, а моё начальство будет против.

Поразмыслив, прихожу к такому же выводу. Незачем открывать северянам подноготную. Пусть считают все приключения самчона попыткой скрыть левый бизнес кого-то из высокопоставленных чинов. Но это я за НИС додумываю, а вообще, пусть сами выкручиваются. Чего я за них решать буду?

Дядя всё равно присутствовать на свадьбе будет, но где-нибудь сбоку. А кого вместо отца?

— Генерала Им ЧхеМу, — предлагает Чжу. Да он гений! Вспыхиваю радостью и шлю воздушный поцелуй.

Этим ходом развязывается масса сложностей. Генерал слишком высокопоставленная фигура, чтобы сидеть в общей куче гостей. Статусность, чтоб её! И с кем ему важно общаться? Ну, будет высокий гость от правительства, но точно не министр или хотя бы замминистра. Советник Ли ВанЧин имеет крайне размытый и неопределённый статус. Положим, между собой они как-то разберутся. Что с остальными?

Но если генералу придать статус посаженного отца невесты, то и советник пройдёт вместе с ним, как «друг отца» и всем остальным гостям станет предельно ясно их положение. И как к ним относится. Будут отдавать почести, как отцу невесты. Учитывая мой социальный вес, для генерала умаления его достоинства не будет. Как бы не наоборот.

10 июля, время 08:20.

Сеул, агентство «Music Modern», кабинет Агдан.

— Спасибо, ДжиХён, — пододвигаю ближе положенную на стол стопку бумаг, — не забыла, что сегодня репетиции начинаем?

— Я помню, госпожа президент, — ДжиХён делает неуловимое движение всем телом, намёк на книксен в корейском варианте. И ехидства в голосе почти нет.

— Госпожа президент... — моя красotka мнётся, — вы обещали мне зарплату

поднять...

— Обещала — подниму. Готовь приказ от моего имени. С понедельника следующей недели, — подумав, добавляю. — За участие в мероприятии получишь отдельную плату. Правда, она почти вся на взнос уйдёт.

Это всё корейские традиции. Приглашённые на свадьбу дарят деньги, тем больше, чем выше статус. ДжиХён и остальные девчонки всё равно будут в плюсе. Очередной раз мелькнут на экранах, и смягчится уход с большой сцены, что для айдалов всегда стресс.

После ухода разбираю финансовые документы. Со времени последнего подсчёта случились колебания. Что радует, прибыли кроют убытки, как бык не овцу, а курицу. Так, что у нас тут?

Большую часть правительственной выплаты за фильм «Выстрел в сердце» отжал СанХён. И правительство сторговало чуть ниже запрошенных трёх зелёных лимонов. Два миллиона восемьсот — итоговая выплата по госзаказу. И после всех выплат мне осталось около четырёх сотен тысяч долларов. Я бы сказала: чума на ваши головы, жадные ублюдки! Если бы не мои монопольные авторские права, за счёт которых мне уже причитается чуть меньше пятидесяти четырёх миллионов долларов, из которых получено уже тридцать два.

Итак. На всех моих счетах радующее глаз число: 112 405192 доллара. Сумма постоянно колеблется, есть текущие расходы, но есть и могучий бык прибыли, который будет работать почти год. На очереди ведь ещё двадцать два миллиона. Есть ещё четверть миллиона, вложенные в датакоины, которые уже стоят шестьсот тысяч. Но это долговременная инвестиция. Есть десятиmillionный контракт с «Хилтон»...

Так, а не пора ли нам взяться за нашего, за Шекспира? Роюсь в отдельном ящике, достаю визитку. Только собралась набрать номер, как вспоминаю о разнице в часовых поясах. Придётся поздно вечером звонить, не раньше девяти, у нас разница в тринадцать часов. Или Стив сова? Десять часов вечера не так уж и поздно. Набираю номер.

— Хелло! Стив? — о, он ещё не спит! Удачно попала.

Разговор короток. Даю предварительное согласие на его условия и прошу прибыть в начале августа для окончательных переговоров и заключения контракта. Скоро мощному притоку средств начнёт противостоять сильная утечка средств на сторону. Которой, — ГуаньИнь мне в помощь, — предстоит стать выгоднейшей инвестицией, призванной дать мне первый миллиард. Ну, или хотя бы полмиллиарда. Вроде столько «Терминатор-2» по всему миру собрал. «Терминатор-1» намного скромнее и по выручке и по затратам, но его можно рассматривать, как трамплин к громкому успеху второго фильма.

10 июля, время 14:35.

Агентство «Music Modern», репетиционный зал.

— Нет-нет-нет, так не пойдёт! — снова прерываю общее движение дюжины парней в парадной военной форме. Никак у них самые простые танцевальные движения не получаются.

Генерал Им ЧхеМу подогнал мне дюжину офицеров, удовлетворяющих моим высоким требованиям. Одного роста и комплекции, неженатые и заслуживающие поощрения. А разве плотное общение с девушками айдолами не награда? Моими коронками и принцы не побрезгуют. Девчонок на всех не хватит, от великолепной семёрки надо отнять меня и БоРам. Мне по статусу не положено, даже по двойному статусу. Невесте, если танцевать, то

только с женихом или соло. Борамка слишком ростом отличается. Никакая синхронность движений не спасёт. Зато спас СанХён своим кордебалетом, доводя женскую часть номера до требуемой дюжины.

Прижимистый СанХён попытался нагреть меня на некую сумму в пользу подведомственного агентства, но тут шалишь. Учитель нарвался на оперившуюся ученицу.

— Как бы мне с вас денег не потребовать, саджанним, — бесцеремонно рву его мечты в клочья. — Во-первых, засвечиваетесь на громком мероприятии, великолепная реклама агентству. Во-вторых, ваш кордебалет получит ценный опыт. И заработки, не за счёт агентства.

Пришлось только его самого пригласить. И ещё СыХона. От остальных открестилась. Чо СуМан с АйЮ будут. Этих тоже не обойдёшь. Заставляет напрягаться такая конкуренция. Но что хорошо, платить не надо, сами набиваются. Чо СуМана с АйЮ, кстати, через СанХёна приглашаю. То есть, он осторожно наведёт мосты, есть ли у них такое желание и насколько оно страстное. Если есть и достаточно горячее, то покоряюсь судьбе и отсылаю им пригласительные.

Окончание Главы 2.1.

Глава 2.2

10 июля, время 17:40.

Агентство «Music Modern», автостоянка.

На улице привычно жду, когда ЧжуВон откроет дверь машины. Парни охраны агентства внешне бесстрастны, понемногу привыкают к экзотическому для Кореи зрелищу. Привычно давлю хулиганскую мысль показать им язык и с нахально аристократическим изяществом сажусь в машину.

— В ресторан едем, — извещает Чжу, — ДжеМин-сии я звонил, что будем поздно.

В какой ещё ресторан? Недоумённо морщу лоб.

— Да делай, что хочешь. Я на ближайшее время вообще ни на что не способна. Ни думать, ни что-то решать.

ЧжуВон радостно ухмыляется и немедленно кладёт руку мне на коленку.

— Что хочу? И сопротивляться не будешь?

— Зачем? Я тебя уже захомутила. Если ты не заметил... — Чжу чуть сжимает пальцы. Не больно, но показывает, что мой взбрык замечен.

— Это надо ещё посмотреть, кто кого заарканил, — бурчит он, выводя машину на трассу.

Так что долго его рука мою коленку не греет. Сеульские улицы требуют внимания, и вот обеими руками Чжу с нарочитой ленью, характерной для опытных водителей, перебирает руль. Еле заметно улыбаюсь. Я успешно учусь чересчур не волноваться, не вспыхивать от его прикосновений. Теперь можно жить.

Через полчаса ЧжуВон филигранно точно загоняет машину на стоянку. С уже привычным аристократизмом, — одно время просто играла принцессу и незаметно втянулась, — одним лёгким плавным движением выплываю из машины. Только ремень сама отстегиваю. Отстёгивание/пристёгивание ремня безопасности посредством ЧжуВона лучше оставить для особых случаев. Демонстрации неудовольствия, например, хи-хи...

Привычно кладу руку на подставленный локоть и замираю на мгновение. Мы у входа в ресторан «Голден Паласа». Приятный сюрприз. Вознаграждаю улыбающегося ЧжуВона звонким поцелуем в щёку.

— Спасибо, Чжу. Лучшего варианта просто не существует, — и после короткой паузы, когда уже поднимаемся по широкой лестнице, — Марко здесь?

Помещение встречает прохладой, снимающей надоедливое давление летней жары. Марко Бендетти здесь. Не уехал в отпуск на родину, не взял выходной, весело распоряжается в своей кухонной вотчине. Стою у входа и улыбаюсь, глядя, как ловко на грани невидимости быстрых рук орудует за столом Марко. Что-то напевает при этом. Так увлечён, что никого вокруг не видит.

Сразу нацелилась сюда, в самое сердце ресторана, его сакральный бурлящий храм, где Марко верховный жрец. Не прямо от входа, конечно. Сначала дожидаемся официантки.

— Что выберешь, Юна?

— Сначала ты. Тут твоих любимых свиных шкурок нет... — ЧжуВон строит стоически скорбную физиономию «вот на какие жертвы он идёт ради своей принцессы», — так что

возьми баварские колбаски. Примерно того же вкусового диапазона блюдо.

ЧжуВон соглашается, добавляет что-то из морепродуктов на закуску и зависает над выбором первого.

— Что же взять?

Вздыхаю. Хочется борща, — Юркин ушёл, но своими пристрастиями успел заразить, — но надо уважить Марко.

— Минестроне возьми. Тебе подойдёт и даже больше. Итальянская кухня очень калорийная, мне-то придётся вечером работать в спортзале, чтобы лишние пол-кило из себя выжать.

Про себя думаю, что неплохо бы склонить Марко к расширению диапазона в сторону русской или шире славянской кухни. Ну, а что? Почему пицца и макароны в России популярны, а в Италии о борще ничего не знают? На первое заказываю куриный жюльен с шампиньонами, к нему салат Пармезан. И отказалась от второго. Решила, что не осилю.

Только после этого направилась на кухню. И вот стою и люблюсь работой настоящего мастера. Увлечённо работает, ничего не замечает. И вроде посмотрел в её сторону, но так равнодушно. Не узнал?!

— Бон джорне, синьор Марко! — приходится его окликать.

Марко не узнавал её секунд десять. Наконец громко, но неуверенно вскричал:

— Синьорина ЮнМи!!! О, но, синьора ЮнМи!

После этого оба с энтузиазмом и величайшей радостью трещим на итальянском. Присутствующие мелкие сравнительно с шеф-поваром, да и я ростом выделяюсь, помощники замирают на пару секунд. Но затем дисциплина берёт своё, и все принимаются за работу. Но с куда меньшим пылом и постоянными оглядками.

Подправляю свой заказ, мне хочется побольше бульончику и поменьше жирного. И самое главное, поделилась с Марко проблемой. ЧжуВон любил свиные шкурки, мне нужен похожий рецепт из европейской кухни. Марко одобряет выбор баварских колбасок и с энтузиазмом излагает рецепт.

— Значит, сначала в духовке? — уточняла Юна, — А соус мариновать заранее?

— О да, синьора! Ваши гости будут в восторге!

— А что есть из быстрого? Такого, чтобы раз и готово?

Нашу милую беседу, — ловлю себя на том, что даже жестикулирую на итальянский манер, — прерывает холодное и громкое восклицание.

— Что здесь происходит?! Почему посторонние на кухне?!

О-о-у! Кунчан-ним ХёДжу? Она до сих пор здесь?! И уже открытый рот менеджера всей кухни остаётся открытым. Не хватает вопроса «Что у тебя с глазами?». Внимательно разглядывает свою бывшую начальницу. Она что, с Луны свалилась, совсем про меня ничего не знает? Судя по выражению лица, что-то слышала. Кажется, есть возможность пошалить. Упираюсь в менеджера распахнутыми глазами.

— О-о-у, госпожа ХёДжу? Вы так здесь и работаете? На той же должности?

— ... — госпожа ХёДжу открывает и закрывает рот. Без всякого результата. Видно всё-таки что-то про синеглазую Агдан она слышала. Сзади неё появляется ЧжуВон.

— Юна, ну, куда ты пропала?

— Извини, Чжу, я сейчас, — Юна оборачивается к Марко. Тот экспансивно её заверяет:

— Ваш заказ на первом месте!

— Не надо спешить, Марко. Мне нужно двадцать минут, а лучше полчаса. Хочу

поиграть.

Иду к ЧжуВону, отесняя ХёДжу. Та прижимается к стенке и срочно прикидывается ветошью.

— Чжу, это самый лучший в Сеуле ресторан. Ты пока посиди, а я на пианино поиграю. Полезно пальцы размять.

Через минуту в ресторанном зале зазвучала полька, потом Моцарт. Отыгрываю половину своего официального репертуара, пока не почувствовала, что рядом стоит кто-то большой. Марко.

— Синьора, я не мог отказать себе в удовольствии побыть вашим официантом.

Моё настроение после неудачной репетиции восстанавливается окончательно. Иду к столу вместе с Марко.

— А почему ты пива не заказала? — ЧжуВон уже приканчивает десерт.

— Не хочется. Взрослею, наверное.

— Как-то мне не понравилось, как на тебя смотрела менеджер ХёДжу, — неожиданно говорит ЧжуВон, — Хочешь, я её уволю?

Чуть не поперхнулась чаем. Пожимаю плечами.

— За что? Я так понимаю, с работой она справляется. К тому же не тебе решать, ты на сегодня здесь не начальник.

— Не начальник. Но попросить директора отеля могу.

— Не стоит. Она особа противная, но работников держит в кулаке. Пусть себе работает.

ЧжуВон добывает десерт и откидывается на стуле. Юна набирает номер на телефоне.

— ЁнЭ! Устрой мне встречу с советником Ли. Дня через три.

— ...

— ЁнЭ! Будешь мямлить и тушеваться, я тебя уволю! Ты менеджер звезды первой величины. Устрой, я сказала! Если кто-то из секретарей тебе нахамит, я с ним разберусь.

ЧжуВон сидит по виду равнодушный.

— Ты не слишком заносишься, Юна? С кем ты там разбираться собралась? С правительственными служащими?

— А что такого? — недоумённо округляю глаза, — Я — звезда, меня вся Корея знает, муж — корейский принц, советника знаю лично...

— Как вам обед, синьора?! — прерывает меня энергичный возглас. Рядом со столом Марко.

— Замечательно, синьор. Милль граacie. И получите чаевые, синьор, — встаю и впечатываю поцелуй в щёку сияющего шеф-повара. Ловлю слегка кислый взгляд ЧжуВона, протягиваю руку.

— Ну, что, Чжу? Нам пора?

Обрадованный тем, что может прекратить раздражающее его общение с другим мужчиной, ЧжуВон быстро вскакивает. Четыре охранника тут же образуют периметр вокруг нас. Успеваю на прощание махнуть Марко ладошкой.

10 июля, время 18:55.

Выезд от отеля «Golden Palace».

— Давай, Юна, рассказывай, что у тебя не так, — Чжу закручивает сложную траекторию движения на многоэтажной развязке.

— Офицеры наши — хорошие ребята, но танцевать не умеют абсолютно, — жалуясь я, — просто теряюсь, не знаю, что с ними делать.

— Не понял, — признаётся ЧжуВон, выходя на ровный, как натянутая нитка, участок трассы. — Они легко выполняют сложнейшие комплексы, учебные упражнения рукопашного боя...

— Чжу, ты — гений!!! — взвизгиваю я. Чуть не бросаюсь ему на шею, ремень безопасности спасает нас от моего безрассудного порыва.

Точно! Танец должен быть на основан на знакомых движениях! И я их тоже знаю. Не зря же службу проходила. Всё! Проблема ещё не решена, но способ ясен. Всё сработает. Останется добавить пару поддержек партнёрши и два-три несложных пируэта. Даже одного хватит.

Рассказываю Чжу, какой он молодец и как лихо, мимоходом, обнулил все мои затруднения. Для мужчин это важно. И так забавно затем наблюдать, как он пытается справиться с наползающим на физиономию выражением неуёмного самодовольства и гордости.

— А куда мы едем? — с любопытством посматриваю в окно. Сеул большой, здесь я и не была никогда.

— Узнаешь, — важничает пацак.

10 июля, время 19:45.

Двухэтажный собняк на окраине Сеула.

— Мама, мы позже подъедем. Нет, кормить нас не надо, мы в ресторане ужинали, — пока не отобьёшь интенсивную атаку из тревог на пустом месте, до дела не доберёшься. — Мама, СунОк занимается? Как нет?!

— ...как нет? — пустое помещение отзывается гулким эхом.

От возмущения горло перехватывает. Беру смартфон в другую руку, выпускаю из лёгких сжатый гневом воздух. Маминых объяснений и выгораживаний, СунОк так устаёт, так устаёт, не слушаю.

— Мама! — приходится выходить из просторного зала, эхо, непрременный спутник брошенных помещений надоело своим передразниванием. — Мульчу мне, быстро.

Вот с ней я мгновенно договариваюсь. Никаких вопросов, никаких допросов и приставаний. Короткое «м-р-у-у», выражающее готовность к приёму инструкций, и «мя-у-у-р-р» — в знак принятия приказа к исполнению. После «разговора» с Мульчей мгновенно успокаиваюсь.

ЧжуВон, доставивший меня в этот особняк, пытается удержать лицо. Никак он не может осознать уровень моих отношений с кошкой. Приставать с требованиями разъяснений прекратил, но удивляется не перестаёт. Ему-то что? СунОк какво? Она наверняка слышала мой разговор с мамой, потом к телефону подходит Мульча, слушает инструкции и после короткого мява, аналога солдатскому «Есть!», пристально смотрит. Сначала просто смотрит, затем с угрозой, подходит ближе, нервно бьёт хвостом... бр-р-р-р! Меня саму от такой картины пробирает. А по СунОк наверняка мурашки размером с грецкий орех бегают и волосы дыбом.

— Хороший спортзалчик будет, — выношу вердикт об осмотренном помещении, — только не забудь, одну стену сделать зеркальной и балетный станок поставить.

Ходим дальше, поднимаемся на второй этаж. Чжу хочет купить этот особнячок. Подарок к свадьбе. В деньгах перехлёстывает за пять миллионов долларов. Охренеть! Хотя было бы ближе к центру или в центре... не, в центре такого совсем нет. Там только многоэтажки и небоскрёбы. Но ближе к центру могло быть и три раза «охренеть». А здесь практически пригород. Элитный посёлок, местное «Рублёвское шоссе», за километровым лесопарком у края города.

— Хотел сделать сюрприз, показать после ремонта, — объясняет Чжу, — но правильно сделал, что не удержался. Про балетный станок я и не подумал. А это наша спальня. Как тебе?

Осматриваюсь. Без мебели комната кажется просторной, как тот же спортзал. Дальше по коридору три резервные комнаты, в конце — душевые и санузел. Не спрашиваю, для чего комнаты. Пригодятся, хотя б для будущих детей. А это что?

Кроме большого окна в углу по диагонали от входа обнаруживается дверь в небольшую комнатку. Гардеробная? Моё!!!

— Здорово! — оживляюсь, тут же объясняю пацаку высокую политику. — Сделай здесь стальную дверь. Буду от тебя прятаться, если что.

— Зачем прятаться? — теряется пацак.

— Ну... это ж будет мой личный будуар. Гардеробная. Гримёрка, — загибаю пальцы на руке. — Посторонним вход воспрещён.

— А кто посторонние? — не понимает пацак.

— Все.

— А кто не посторонние? — стремится к полной ясности пацак.

— Я и Мульча.

13 июля, время 09:30

Правительственный квартал Чонногу, министерство образования.

— Советник Ли, зачем нам замыкаться только на Сеульском Национальном университете? — искренне недоумеваю. — В одном университете мы можем и не набрать группу. Они что, все снимутся с места и поедут в Москву? А что будут делать остальные потенциальные работодатели?

— У нас много университетов, — флегматично отвечает советник, — на всех хватит.

— Вы — выпускник Сенхёкку, — догадываюсь я. Советник улыбается с еле уловимым смущением. Поймали на мелком протекционизме.

Прописка у советника двойная. Его незаметная, но в своей сфере влиятельная, группа занимает пару кабинетов в минобре и ещё один президент ГынХе выделила в своей резиденции. Показатель её заинтересованности в решаемом вопросе. Ещё бы нет, когда рождаемость в стране падает катастрофически.

Советник, видимо в знак уважения ко мне, покинул своё доминантное место хозяина кабинета. Мы сидим в креслах, между нами столик с прозрачной столешницей. Мода на такие в последние годы пошла. Подозреваю, что не только уважение проявил советник, но и лёгкий вуайеризм тешит. Юбка на мне не короткая, но и не макси.

Есть в упрямстве советника благой признак. Он считает мой проект по десанту наших студентов в МГУ на специальности биоинженерии перспективным. Иначе не проталкивал бы свою альма матер.

— Есть целый ряд возражений против вашего желания сосредоточиться на одном учебном заведении, — я начинаю загибать пальцы.

— Нельзя класть все яйца в одну корзину, то есть, загонять всех выпускников в одно место. И оставлять других работодателей на голодном пайке.

— Если привязать к проекту университет второго ряда, не из SKY, то он тоже может попасть на вершину рейтинга, — загибаю второй палец и добиваю. — Вы что, против того, чтобы у нас было не три топовых университета, а четыре или пять? Это не патриотично.

— Не у всех могут оказаться способности к иностранным языкам. Ведь кроме английского придётся учить русский...

— Возражу, ЮнМи, — возражает советник. — Можно прописать условия, чтобы занятия велись на английском языке.

— Можно, — легко и якобы соглашаюсь, — но тогда мы ограничим русских. Из учебного процесса могут выпасть отличные специалисты, слабо владеющие английским языком.

— И самое главное, — для наглядности загибаю большой палец, — мы сами себе сильно ограничиваем возможность выбора. Согласитесь, что выбор двадцати пяти человек из ста будет лучше, чем из двадцати пяти.

— Трудности организации, ЮнМи, организовать сложнее, — советник мстительно загибает свой палец.

— Не верю, что это непреодолимая преграда, советник Ли, — знаком показываю, чтобы он отогнул палец. — К тому же есть огромный плюс. Хоть и маленький, но это национальный проект — объединяющий фактор для нескольких университетов. Толчок к более тесному сотрудничеству, советник Ли.

И пристально смотрю. До тех пор, пока он не отгибает палец обратно. Меня посещает ещё одна догадка.

— Советник Ли, зачем вы это делаете? Я же вижу, что вы давно согласны.

Смотрю укоризненно, советник без всякого смущения хихикает.

— О, великолепная ЮнМи! Я просто не могу себе отказать в удовольствии пообщаться с вами подольше.

И хочется обругать его, и не могу. Compliments женщин обезоруживают со стопроцентной гарантией.

— Сове-е-т-ник Л-и-и... — только и остаётся укорять тоном и взглядом. — Кстати, вам приглашение на свадьбу отправить? Другим чиновникам не могу, но вы — лицо, хоть и влиятельное, но непубличное.

— Конечно, госпожа Агдан! — собеседник переходит от радости на высокий слог и сияет всем лицом.

— По статусу вам придётся... — задумываюсь на секунду, — отдавать тысячи три долларов. Если вам сложно, могу компенсировать эти затраты.

— Мне не сложно, — широко улыбается советник.

— Можете с женой... — вижу искреннее недоумение, поправляюсь, — я не сильна в свадебных традициях.

— Это не свадебные традиции, — кое-как советник справляется с изумлением, — жена всегда сопровождает мужа, для неё никогда никто отдельного приглашения не пишет.

— А я напишу, — выползаю из глубокой лужи под названием «Корейские традиции», в которую только что вляпалась. — Как её зовут?

— КаЮн.

— Впишу в приглашение её имя. Ей приятно будет.

Советник хмыкает и задумывается. На лице проявляется выражение, которое можно расшифровать, как «А ведь действительно!».

13 июля, время 10:40.

Министерство образования, кабинет замминистра.

Попалась! Зажали с двух сторон. С одной Ли со своим вуайеризмом, с другой — замминистра Кан ГыХин. Советник Ли обломался с видом моих ножек, сидим за высоким столом, друг напротив друга, но всё равно, вид у него, как у фаната живописи перед любимой картиной.

Меня пытаются склонить к плохому, советник сдал меня замминистра с потрохами. Эти ребята чувствуют выгоду лучше, чем поисковая собака свежий след. Продал меня советник прямо при мне, а замминистра Кан засветился всем лицом почти мгновенно.

— ГыХин, ты не хотел бы вывести ещё один университет в топ? По линии лингвистики?

Рефлекторно упираюсь, как кошка, которую подталкивают куда-то. Чиновным ухарям загорелось засунуть меня в университет на лингвистический факультет. Один факт обучения в нём Агдан равносителен включению форсажного режима в высококонкурентной гонке за рейтингом высших учебных заведений.

А мне это зачем? Когда я со счёта сбиваюсь при перечислении языков, которыми владею. Опять кто-то пытается надеть на меня хомут и пристроить пахать своё поле?

— Диплом! — чуть не хором говорят мужчины. — Высшее образование открывает многие двери.

— Пять-шесть лет эта корочка стоит, — возражаю я. — Вы, старшее поколение, наверное, согласитесь, чтобы Агдан исчезла на пять лет с небосклона шоу-звёзд. Молодёжь нашей страны, и не только нашей, тоже стерпит? Я соглашусь всё бросить и уйти в университет? В моих планах в ближайшие год-два заработать до миллиарда долларов. Слишком дорого мне этот диплом встанет. И главное: зачем он мне, когда я сама — работодатель?

— Понимаете, госпожа Агдан, — начинает осаду замминистра, — поднимется престиж всего корейского образования...

— Ваши выгоды я понимаю. Мои — где?

— Выгоды для всей Кореи, — мягко поправляет замминистра.

— Хорошо, — делаю покорную моську, — как только все наши чеболи отдадут свои капиталы в бюджет Кореи на решение общегосударственных задач, я тут же пойду учиться.

Советник Ли почему-то хихикает, замминистра приходит в замешательство.

— У меня, как у всех граждан, с государством — договор. Все граждане страны зарабатывают, сколько смогут, и платят налоги. Плюс исполнение законов и кое-каких обязанностей, как например, служба в армии. Всё. Ни один гражданин не обязан отдавать сотни миллионов или даже миллиарды долларов государству сверх обязательных выплат. Кстати, граждане за свои налоги много чего получают. Охрану от преступного элемента, соцобеспечение, безопасность от внешнего военного вторжения.

Из состояния замешательства выходить замминистра не даю.

— Дело не только в том, что вы хотите меня попросту ограбить. Если я не заработаю,

условно говоря, свой миллиард, то будет сорвана важнейшая программа, которую я задумала провести на эти деньги. И которая принесёт Корее колоссальную пользу.

— Какая программа?

— Связана с деторождением. Подробности опущу.

Молчат оба, хотя советник как-то хитро улыбается. И он что, не проинформировал Кана о программе, которую сам же курирует? Хотя понятно, она вроде засекречена. И когда бы он это сделал, пришли-то мы вместе? И вот советник начинает выкладывать свои карты. Время от времени посматривает за замминистра, тот или сразу кивает или после недолгих раздумий.

— Всё не так грустно, госпожа Агдан. И вы же должны понимать, что уж мне совсем невыгодно отвлекать вас от вашей программы?

У-п-с-с! Вот тут он прав! И, когда отвлёкся, чтобы ограниченно посвятить в курс дела Кана, тоже прав. Всяк замминистра должен понимать свой манёвр.

— Только учтите, ГыХин, это не для газет.

Тоже не лишнее предупреждение.

Короче, не успела опомниться, как дала согласие на обучение в университете не из SKY, но из десятки. С кучей условий, разумеется. И вот теперь выхожу из здания и думаю, а не нагрели ли меня снова?

Конец главы 2.

Глава 3. Женские хитрости

12 июля, время 09:40.

Сеул, головной офис «Home plus mart».

Симпатичная бухгалтерша ДжиЮн потом пару дней неустанно себя хвалила. За то, что поддалась своему страху перед сложным разговором с начальником финотдела, господином ДонХи.

Девушка долго выбирала момент, ведь не так это просто. Кунчанним ДонХи не так уж часто пребывает в благодушном настроении. Вчера был спокойный день, никто не проштрафился, показатели приличные, отчёты сданы вовремя. Так что оставалось только выждать. Ещё ДжиЮн заметила, что после обеда кунчанним ведёт себя спокойнее. Но незаметно наблюдала за начальником с самого утра. Благо тот не имел отдельного кабинета, сидел за стеклянной перегородкой в одном помещении со всеми. Десяток их тут был, вместе с кунчаннимом и молодым парнем, что отвечал за компьютеры и программное обеспечение.

Сейчас кунчанним разговаривал со старшим бухгалтером МинХи-сонбе. По возрасту не намного старше, ДжиЮн двадцать четыре, МинХи — на два года больше. По стажу и рейтингу законченного университета, — МинХи являлась выпускницей Корё из обоймы SKY, — разница в статусе намного значительнее. ДжиЮн хороший университет закончила, но всё-таки не из поднебесного ряда SKY. Интересно, о чём они? Судя по отдельным словам, которые наострившая ушки ДжиЮн улавливает, кунчанним не доволен и за что-то распекает МинХи-сонбе.

— Я разочарован, МинХи, — пожалуй, голос кунчаннима можно назвать грозным, — идите и хорошенько подумайте. Что вам делать дальше...

Что-то бормоча, — не нужно гадать что, «да, кунчанним, хорошо, кунчанним», — и кланяясь, МинХи спиной вперёд выходит из закутка начальника. И вид у неё расстроенный. Хотя какой он может быть после нахлобучки от раздражённого начальства.

По наитию, не иначе, ДжиЮн одним плавным движением оказывается у стола МинХи.

— Прошу вас, сонбе, — ДжиЮн легко касается руки МинХи и ставит перед ней стакан с абрикосовым соком. Вкусы старших надо знать твёрдо и ДжиЮн их знает.

— Спасибо, ДжиЮн, — лёгкое раздражение в глазах смывается удивлением, ему на смену приходит благодарность.

В сложных положениях любой человек рад даже символической поддержке.

Строгий взгляд начальника даже через стекло немедленно отправляет ДжиЮн на место. Девушка углубляется в бумаги, но над мыслями, слава небу, никакой начальник не властен.

В последнее время родители, и её и мужа, насели на неё, как ястреб на куропатку. Рожай, и немедленно, — вот чего им вдруг захотелось. Внуков. Она одна в семье дочка, муж тоже, старшие ещё не старые. Всё говорит за то, что шестеро взрослых смогут вырастить хотя бы одного ребёнка. Вот только шестеро ли? Пока она будет занята родами и выкармливанием малыша, работать она не сможет. Значит, пятеро будут вытаскивать двоих.

Страшновато. Своих денег не будет, в кафе с подружками не посидишь. Родительская помощь выглядит почему-то пугающей. ДжиЮн сама не понимает, почему. Если бы они ещё отдельно жили, а не у родителей КанГи.

На обед ДжиЮн увязалась за МинХи и уболтала её на своё любимое кафе.

— Тормозишь, подруга, — бесцеремонно приветствует её ЛинСон. Козырная подружка, но до чего ж она бывает грубоватой. Художник из отдела рекламы, иногда приводящая ДжиЮн в замешательство самого широкого спектра. Один раз случайно заметила, как та, — о, ужас! — спорила со своим начальником. Вежливо, но непреклонно, хоть и с поклонами. Наверное, художникам это дозволяется.

— МинХи-сонбе, старший бухгалтер по налогам, — представляет свою старшую коллегу ДжиЮн, и быстро узнав о её предпочтениях, убегает за обедом для обеих.

— ЛинСон, у сонбе был неприятный разговор с кунчаннимом, — ДжиЮн схитрила, не стала спрашивать МинХи в лоб, что случилось.

Уловка срabатывает. ЛинСон вопросительно смотрит на МинХи, и та не может ей отказать.

— Я беременна... — нехотя говорит она, цепляя палочками кимчхи.

— Дальше можешь не объяснять, — ЛинСон делает небрежный жест. Но ДжиЮн не согласна.

— И что тебе сказал кунчанним?

— Сказал, что я намереваюсь подвести отдел и всю компанию. Что я хочу нарушить ритмичную работу отдела и поставить его в сложное положение... — вяло рассказывает помрачневшая МинХи.

ДжиЮн на время отстаёт. Надо мысленно похвалить себя в первый раз. Как хорошо, что она не влезла со своей просьбой, точно такой же, к кунчанниму. Он бы её тут же в пол вбил. А МинХи продолжает:

— О том, что я уже беременна, не хотела говорить. Но он сам догадался. И намекнул, чтобы я заявление на увольнение подала, — окончательно загрустившая МинХи отодвигает недобитую тарелку с супом.

— Не вздумай! — Почему-то ЛинСон, — хотя она часто такая, — считает себя вправе что-то запрещать кому угодно. МинХи смотрит удивлённо.

— Она в Европе стажировалась, сонбе, — объясняет ДжиЮн, — набралась оттуда некорейских привычек.

— И что ей делать? — ДжиЮн спрашивает ЛинСон, инстинктивно соблюдая известный в некоторых краях тезис: «критикуя — предлагай!».

— А ты сама не хочешь родить?

— Не знаю. Родители настаивают, — ДжиЮн уходит от ответа. Хотя себе-то можно признаться. Родителей послушаться почти невозможно, и выполнить их пожелание жуть, как страшно.

— Рожай! — Великодушно и решительно приказывает ЛинСон. — Сама я этого делать не собираюсь, пусть все идут в глубокое море, но вам совет могу дать.

По мере того, как ЛинСон менторским тоном излагает план, который им надо выполнить, МинХи веселеет, но озабоченно поглядывает на ДжиЮн. План общий, и от ДжиЮн многое зависит.

— И нечего тянуть! — Напоследок инструктирует ЛинСон. — Прямо сейчас идите к своему начальнику, пока он что-нибудь сам не придумал.

Они и пошли.

Через десять минут после обеда.

Впереди МинХи, за ней ДжиЮн. Серия поклонов под строгим взглядом начальника. Дольше и глубже обычного, иначе и не стоило бы упоминания.

Идея, которую подала им ЛинСон, казалась предельно тривиальной, но вот им самим почему-то в голову не пришла. И самый большой бонус на первом этапе доставался ДжиЮн. МинХи берёт её себе в ученицы и натаскивает, пока ей позволит это делать растущий живот.

— Кто будет работать вместо вас, бухгалтер ДжиЮн? Или вы готовы взять на себя всё? — От строгого начальнического взора даже у самого толстокожего в голове взвояет сиреной сигнал опасности.

— На моё место придётся взять кого-то другого, — вздыхает от сочувствия предстоящим тяжёлым испытаниям кунчаннима ДжиЮн, — но моя работа не так сложна, как у сонбе. Найти замену не так трудно. А я берусь обучить новую сотрудницу всем тонкостям.

— Ты будешь учиться у МинХи, сама обучать молодую бухгалтершу и не забывать свои обязанности. Это бинарная нагрузка, — кунчанним любил иногда употреблять заковыристые словечки, как сейчас.

ДжиЮн стоически вздыхает, выражая всем своим видом готовность к самопожертвованию во имя процветания родной компании. Кунчанним одобрительно улыбается.

— Мне эта задача по силам, кунчанним. Зато как мои родители и муж обрадуются, когда узнают, что моя зарплата станет больше.

— Не раньше, чем через три месяца, — строго хмурится начальник. — Я должен убедиться, что ты справляешься.

Так что не так всё просто. Три месяца ДжиЮн будет получать зарплату по-старому, это нормально, лишь бы начальник не забыл по истечении этого срока.

— Не нормально! — резко возражает ЛинСон, когда они опять втроём встречаются в кафе после работы.

— Ты, ДжиЮн, сделаешь вот что, — и ЛинСон под заинтересованными взглядами новых подруг излагает, что нужно делать ДжиЮн. Те слушают, от изумления открыв рты. Почему они сами не догадались?

Действительно, кунчанним не сказал конкретно, от какой даты отсчитывать три месяца. Почему бы не с завтрашнего дня, когда ДжиЮн начнёт осваивать новое дело?

— А если он не согласится? — ДжиЮн всё-таки сомневалась.

— Ты же девушка! — упрекает её ЛинСон. — Спорить не надо, просто сделай вот такое расстроенное личико, — подружки дружно смеются, настолько забавно это выглядит.

— Можно чуточку всплакнуть, — добавляет ЛинСон.

— Лишь бы кунчанним ДонХи взял на работу кого помоложе, — остужает их восторг ЛинСон, — тогда вы могли бы её уговорить на такой же финт и ходить рожать по очереди.

— И лишь бы она не оказалась такой же сампо, как и ты, — вздыхает ДжиЮн.

Хорошее не может продолжаться вечно, и предусмотрительный начальник взял впоследствии на работу женщину в возрасте, уже имеющую почти взрослого сына. ЛинСон потом что-нибудь придумает, — решают девушки, неожиданно ставшие близкими подругами. Очень непросто родить ребёнка в Корее.

Один из элитных ресторанов Сеула.

— Вы не понимаете, госпожа Агдан, — увещевает полковник Хан, — ваши требования удовлетворить очень непросто.

— Я вам больше скажу, господин Хан, — полковник сразу попросил не упоминать его звания. — Даже не желаю понимать!

Полковник пришёл позже нас с самчоном. И пока дядя управлялся с меню, разговаривал с официантом, я рисовала на салфетках схемы группового танца. Наших доблестных морпехов и очаровательниц из «Короны» и агентства FAN. Идея выстроить хореографию на основе движений тхеквондо и вообще рукопашного боя сработала на ять. Мои коронки и даже приданные им трейни снисходительно усмехались до тех пор, пока мы не начали работать над синхронностью. Вот тут пришлось попотеть всем. И они ещё там пыхтят, это я в ресторан удрала.

— Что вы хотите сказать, госпожа Агдан? — полковник слегка склоняет голову набок. Самчон, не считая приветствия, в разговоре пока не участвует. Ну, да его дело телячье.

— Это ваши чисто внутренние проблемы, — просят объяснить, мне не жалко, — это во-первых. Издать соответствующие приказы может какой-нибудь ваш... начальник.

Чуть не сказала «генерал», вовремя спохватываюсь.

— Не делает он этого либо из вредности, либо чего-то опасается. Чего-то малосущественного, не так поймут, никогда такого не было...

— Это не так уж малосущественно... — перебивает полковник.

— Повторяю. Это ваши внутренние трудности, которые вы вполне способны превозмочь. Никакие объективно непреодолимые факторы этому не мешают. А теперь, во-вторых...

Прерываюсь на любимую говядину, запиваю томатным соком. Мужчины берут с меня пример. Впрочем, самчон в этом смысле в самом выгодном положении. Ему говорить не надо.

— А во-вторых, почему я должна убеждать вас делать то, что вам самим выгодно? — упираюсь взглядом в полковничье лицо. Он не успевает переспросить, только лицом сыграл вопрос.

— Вы провернули очень крупную операцию, деталей которой я знать не могу, — самчон держит покер-фейс и я удерживаюсь от стрельяния глазами в его сторону, — но масштабы которой заметить не трудно. И самчон сыграл в этой операции ключевую роль. Почему бы не отметить его работу особым образом? Ваши сотрудники примут это с пониманием и одобрением. Все решат, что НИС и Корея в целом умеют быть благодарными своим героям. Разве нет?

Полковник молчит, благо у него есть на что отвлечься. Хм-м, тоже, как ЧжуВон любит свиные шкурки. Сверлю его взглядом. Делает вид, что не замечает, подлец.

— Господин Хан, невежливо не отвечать на вопросы, — на мои слова самчон, не меняя выражения лица, слегка толкает меня ногой под столом. «А чего он?», — безмолвно его вопрошаю.

— Не так всё просто, госпожа Агдан, — наконец-то рождает уклончивый ответ полковник.

— Хорошо, — я покладиста, как никогда, — я вам помогу. Передайте своему начальству, что я в ближайшие же дни дам интервью, где расскажу публике всё, что мне

известно об этой истории. Выглядеть вы будете не очень.

— Вы этого не сделаете, — полковник как-то быстро обменивается взглядами с самчоном перед своими словами. Примерно догадываюсь о смысле безмолвного диалога, но как интересно! Не только мы с дядей понимаем друг друга с полуслова. С сослуживцами он вообще на одной волне.

— А что мне помешает? — добиваю свой салат, мясо ещё остаётся. — Подписок я вам никаких не давала, то, что дядя — ваш сотрудник, сама догадалась. Обо многом другом тоже сама додумалась. И когда я публично заявлю, что Пак ЮнСок — сотрудник НИС, вы сами его отправите в отставку. Зачем вам засвеченный агент?

— Вы нанесёте вред Корее, — тон и взгляд полковника сух и строг.

— Не я, а вы, — беззаботно доедаю своё блюдо. — Это же отказываетесь всё уладить тихо и мирно. И я имею на это право. Вы без моего ведома и разрешения втянули нас в свои дела. Пострадала не только я, но и семья самчона. Они, в отличие от него самого, присягу вам не давали. И терпеть всего этого не обязаны были.

— Положим, в утечке информации по вашему дяде есть и доля вашей вины...

— Нет. Предсказать мою обеспокоенность по поводу любимого дяди нетрудно. И кстати, вы обнаружили, кто проболтался? Нет? Очередной ваш прокол.

— Положим, лично вы от этой истории только выиграли, — полковник улыбается с тонким ехидством. Намекает на штрафные миллионы в мою пользу.

— Да? А треть корейцев, которые мечтают изгнать меня из страны, откуда взялись? — ехидство из глаз полковника быстро испаряется под моим взыскующим взглядом.

— Ладно! — слегка хлопаю ладонью по столу. — Закончим на этом...

— Мы согласны на подполковника, — вдруг изрекает самчон. И я горжусь своей выдержкой, потому что после совсем короткой паузы добавляю:

— Но это наша единственная и последняя уступка. Если не сделаете, ровно через семь дней я дам интервью на своём канале. Рейтинг у меня подскочит выше горы Намсан.

Воздерживаюсь перед этим даже от переглядок с самчоном. Зову официанта и требую счёт. Против оплаты всего счёт мной полковник не возражает. Проклятый жиголо!

Чуть позже, в машине Агдан.

— Они согласятся, — говорит самчон.

— Куда б они делись? — ворчу я.

— Вопрос, что мне делать дальше? Просто сидеть дома и ничего не делать? — самчон типичный кореец. Настоящий кондовый кореец живёт для того, чтобы работать. Удивительно трудолюбивая нация.

— Это не вопрос, — посматриваю в окно, мы едем к дому семьи самчона. — Работать будете у меня, дядя. Чем вы занимались? Разведкой и контрразведкой? Вот то же самое будете делать в моём холдинге. А то мы с ЧжуВоном уже разок вляпались...

Кратко пересказываю эпопею с покупкой телеканала.

— Только штатов не дам. В каждой подразделении холдинга есть охрана, служба безопасности. Объедините их в одну общую службу, подтянете ребят из «РедАлерт». Работать будете по всем возможным угрозам. Сами разберётесь.

14 июля, время 20:35.

Квартира Агдан.

Сижу над сценарием свадьбы. В общих чертах всё готово. Настал момент шифовки. Надо ещё к генералу заехать, ознакомить его с ролью свадебного отца, не только генерала.

— А это что? — влезает СунОк. Резко захлопываю папку перед её носом. Зря я в общей комнате всё смотрю.

— Нельзя смотреть! Засекреченная часть.

— Я — твоя сестра! — возмущается онни.

— Тебе нельзя доверять, на весь свет развонишь, — безапелляционно заявляю ей в лицо. — Много раз уже так делала. Ты проболтаешься, а я несколько миллионов долларов потеряю.

— С чего это ты потеряешь? — недовольно бурчит онни, косясь на внимательно наблюдающую за ней Мульчу.

— С того, что сенсации не будет. Поэтому все будут знать только то, что им положено знать.

Достаёт меня периодически. Вот и на тренировке, полчаса назад закончившейся, домогалась. Чего это я не тренируюсь, только стопы тяну и растяжки? Пояснения, что я в агентстве своё отработала, всё равно не смывают с её лица недовольства. Но я нахожу способ нейтрализовать её вредность. Я — девушка находчивая.

— Когда ты вредничаешь и недовольничаешь, ты становишься противной и некрасивой, — вот теперь попробуй повредничать, хи-хи-хи...

— Я — старшая сестра, — пробует качнуть права онни.

— Уже нет, — говорила ей это, загнув ногу назад, до зависания над плечом. Под немного завистливым взглядом СунОк.

— Уже нет. Ты, конечно, онни, но я — твой сэнсей. И ты обязана относиться ко мне со всем уважением. Иначе ничего из тебя не получится. А будешь спорить, я тебя побью и Мульчу напущу.

Мама в наши разборки не вмешивается. А Чжу откровенно веселится.

Кроме шифовки номеров, которые будут показаны на свадьбе, а потом и на моём телеканале, есть ещё одно мероприятие.

— Чжу, когда дом будет готов?

— Через пару дней.

— Какой дом? — тут же влезает СунОк, да и мама смотрит с интересом. Ну, это не секретное дело. Рассказываю.

— За сколько ты особняк купил? — вопрошаю Чжу только сейчас.

— За пять с половиной миллионов. Долларов.

Понятно. Значит, согласно корейским обычаям мне надо возместить ему почти два миллиона. Тридцать процентов — доля невесты. С меня ещё ему подарок, его брату с женой, госпоже МуРан. Бабушке Чжу прямо не знаю, что подарить.

Пацак на мои сомнения как-то едко улыбается. Подозрительно смотрю на него. Сестра и мама заинтригованы.

— Хальмони кроме внуков от тебя больше ничего не надо.

У, ...лять!

— Хальмони совсем скоро получит первого внука. Или внучку. ХанЬль уже вышла на финишную прямую.

— А кто это, ХанЬль? — влезает СунОк.

— Жена СанРи, старшего брата ЧжуВона и моя подруга, — хм-м, мой промах. Тут же исправляю, рассказываю с дополнениями от Чжу про его семью подробно. Пока рассказываю, в голове складывается план, что я подарю родственникам Чжу. И хальмони и семье брата. Нечто вовсе не материальное, миллионеров, а тем более, миллиардеров ничем материальным потрясти невозможно. Сгодится, к примеру, некий артефакт, но таковыми я пока не обзавелась. Нет, есть один, мой самый первый автограф, которую мне обещала отдать Сильвия, но ему самое место в «РедАлерте».

Если подумать, то любой документ, начертанный моей рукой, способен стать артефактом. Со временем. Надо бы как следует обдумать этот вопрос.

Ближе к десяти вечера сваяла дурака, лезу в сеть и натываюсь на вдруг оживший чат. Правильно говорят, что культурные растения выращивать надо, а сорняки сами лезут. Оживились мои недруги, оправились от нокаута.

Чжу замечает мой сморщенный носик и утешительно комментирует.

— Юна, это тоже показатель интереса к тебе. Ты ж сама говорила, что пусть болтают, что хотят, лишь твоё имя правильно называли.

Ну, да. Всё правильно. Разглаживаю носик, а чуть позже настроение даже поднимается. Не поняла! Я что, скучала по этой толпе мудаков?!

Чат «Цунами», сборище антифанов Агдан. Портал **OhmyNews**, с ночи 13 на 14 июля.

[**S] — Ёксоль! Эта крыса действительно выходит замуж за чеболя Кима!

[***] — А разве это новость?

[***] — Уже несколько месяцев не новость. Давно уже замужем.

[***] — Но кое-кто до сих пор поверить в это не может, кх-кх-кх...

[**S] — Щибаль! Зачем он это сделал?

[***] — Кто? Что сделал?

[**S] — Ким ЧжуВон! Его же сразу наследства лишили! И правильно сделали...

[**3] — Агдан не нужно его наследство. Она на одном фильме «Выстрел в сердце» несколько десятков миллионов долларов сделала...

[**S] — А-д-ж-ж-ж! Киссаки!

[***] — Смотрите, что я нашла! Ссылка (Фото Агдан, где она с самчоном выходит из ресторана).

[***] — И что это за мужик?

[**S] — Щибаль! Неплохо бы об этом чеболя Кима спросить. Киссаки не успела выйти замуж, а уже с другими мужиками по ресторанам ошивается.

[**3] — Сама ты киссаки! Во-первых, это её родной дядя. Его, как давно известно, уже оправдали и выпустили из тюрьмы. А во-вторых, Агдан — бизнеследи, имеет полное право на деловые встречи.

[**S] — Ёксоль! Да откуда ты знаешь?!

[**3] — Поисковиком пользоваться не научилась? Вот ссылки... (на них несколько фото Пака ЮнСока с детьми у школы и странички соцсетей, где прописались эти же дети).

(Надо заметить, что лицо ЮнСока почти везде видно плохо, в отличие от фото у ресторана. Такое впечатление, что мужчина избегал фотоснимков. Но не всегда мог уберечься)

[***] — Интересно, как этому контрабандисту удалось избежать ответственности?

[***] — Ловкий адвокат и деньги могут творить чудеса.

[***] — Не верю. Слишком много шума.

[**S] — Зато денег у племянницы хватает. И связи есть. Ведь почему-то все считают её красивой.

[***] — Ты думаешь, что... дело не только в деньгах?

[**S] — Уверена.

[**3] — Уверена в чём? В том, что наш корейский суд за деньги и красивые глазки оправдает кого угодно?

[**S] — Отстань от меня! Иди, доешь из её тарелки суп!

Окончание подглавы.

Глава 3.2. Свадьба

17 июля, время 09:15.

Квартира Агдан.

— Хм-м, может мою комнату закрыть? Вдруг когда-нибудь захочется или придётся здесь заночевать? — размышляю вслух, оглядывая свою спальню. Если резервировать комнату, то надо что-то из тряпья оставить, халат, полотенце, сменное бельё...

ГаБи просто ждёт, что я решу.

— Ты сможешь присмотреть? — вопрошаю свою незаменимую помощницу.

— Конечно, ЮнМи-сии, я же сама планирую тут жить.

Возникшую поначалу дурную идею оставить квартиру СунОк по здравому размышлению отметаю. А ещё через час сама удивляюсь своему глупому авантюризму. Как там дон Корлеоне говорил? Держи друзей близко, а врагов ещё ближе? СунОк надо примотать к себе скотчем и не отпускать одну даже в туалет. Условно говоря.

Поэтому сдаю квартиру «РедАлерту» в аренду. Условия аренды простые — оплата всех коммунальных плюс ежемесячная арендная плата в тысячу вон. ГаБи пришла в неописуемый восторг, я и не представляла, насколько остро стоит жилищная проблема в Сеуле.

— Многие наши девочки учатся в университетах и с ног сбиваются, чтобы заработать на съём жилья, — ГаБи светилась от счастья. — Ты же не против, если в каждой комнате будет по две девчонки жить.

— В моей комнате ты будешь? — моё уточнение немедленно подтверждается. — Хорошо. В каждой комнате по две девушки, порядок хочу, как в музее. Значит, вместе с тобой — шестеро.

— В гостиной можно...

— Нет. Не надо устраивать хостел. Если только временно кого-то приютите. Ненадолго. Заканчиваю закидывать в пакет косметику с призеркального столика. Весело брякают пузырьёчки и тюбики. За исключением отвергнутых

Сама необходимость переезда меня слегка угнетала. В голове всплывали пугающие сцены переноса тяжелой мебели, холодильников и всего прочего. Реальность мило улыбнулась и спрятала зубки подальше. Никакой мебели, за исключением моего «Корга», нескольких эспандеров и других спортивных мелочей мы не таскали. Плюс одежда и то не вся. Есть повод обновить домашний гардероб, а наши халаты и постельное бельё пусть остаются.

Мы даже в помощи не нуждались, сами всё вниз снесли и в минивэн покидали. Грузчики понадобятся, сейчас поедем по магазинам. ЧжуВон справедливо рассудил, что выбирать мебель единолично не стоит и присвоил себе только одно право. Назначить магазины, где мы будем обрастать бытом. Грузчиками нас обеспечила ГаБи, разумеется, из состава «РедАлерт».

17 июля, время 15:30.

Особняк Агдан на окраине Сеула.

Работа кипит. Своё шмотьё я просто закинула в свою комнатку при спальне. Кровать

модели аэродром внесли парни из «РедАлерт», «Корг» я отнесла в спортзал. Теперь ходим по особняку и окрестностям втроём, я с онни и Мульчей. Мы сейчас все ведём себя, как кошки. Осматриваемся и чуть ли не принохиваемся. Мама хлопчет на кухне, готовит народу угощение.

Спустя полчаса всех семерых парней вместе с Чжу усаживаем на кухне. Размеры позволяют. Женщины, в числе которых и я, ухаживаем. Всё, прямо как в настоящей корейской семье, но мои фаны малость смущаются. Ну, как же! Королева о них заботится, её мама и сестра.

— Госпожа Агдан, а когда у вас свадьба? — несмело спрашивает один из фанов.

— Что ГаБи, кто-то ещё не знает? — смотрю на ГаБи, та жмёт плечами: «всем говорила».

— Свадьба 25-го. Я не всех пригласила, поймите правильно. Но присутствовать в начале, когда мы поедем отсюда, и рядом с рестораном вы можете. Там у ресторана есть дворик, как раз обеспечите безопасность и не пустите чужих.

Я бы правда, весь «РедАлерт» пригласила, но там только ядро — полтысячи человек. Знаю, что во многих странах принято гулять свадьбы всем селом, но Сеул — слишком большая деревня.

25 июля, время 08:45.

Особняк Агдан на окраине Сеула.

Мы толпимся на полянке перед особняком. Тут очень хорошее место, не для рядовых, насколько я понимаю. Дома стоят друг от друга в отдалении, метрах в пятидесяти, не меньше. Наверняка это норма. Тут же лес или лесопарк, а скорее, облагороженный бывший дикий лес. Но это с тыла. Перед домом дорога, за ней природная обширная поляна, которую мы оккупировали. Вокруг масса зевак, которых удерживают цепочкой мои королевские мушкетёры.

Мы это я, коронки, трейни-танцовщицы из FAN, СунОк. Короче, украшение человечества и, в частности, нашего мероприятия. Я не в белом, корейские традиции этого не оговаривают, но и традиционным мой комплект назвать нельзя. Корейские мотивы просматриваются явно, но сильно, я надеюсь, облагорожены.

От вариантов неуклюжих и сковывающих движения нарядов отказалась сходу. Платье умеренно облегает, до колен. Ревнителю традиций пусть идут в море корейским лесом. Мне, в отличие от обычной стандартной невесты, малоподвижной тумбой сидеть на свадьбе не придётся.

— А мы выкуп за тебя с жениха трясти будем? — ко мне подступают самые алчные, БоРам и, конечно же, СунОк.

— Конечно, трясите. А как же, — честно соглашаюсь я.

— Тогда тебе надо в доме спрятаться, — СунОк берёт меня под руку с намерением отконвоировать за крепкие стены. Мягко высвобождаюсь.

— Во-первых, не по сценарию. Вы должны меня здесь оборонять. Во-вторых, там скучно и душно.

Насчёт «душно» преувеличиваю. Кондиционеры работают бесперебойно. Но пахучий лесными травами лёгкий ветерок всё равно приятнее.

Откуда-то доносится рокошующий гул, публика, не чуя беды, оглядывается по сторонам. И

мало кто видит с первой секунды, как из-за леса на высоте всего метров в пятьдесят выпрыгивает боевой вертолёт.

— А вот и Чжу! — приходится напрягать голос. — Давайте, защищайте меня от его грязных посягательств и всего такого...

Бестолковые девки, — СунОк так и замирает с открытым в небо ртом, — могут только сгрудиться вокруг меня, как цыплята у наседки. Впрочем, хоть и непроизвольно получается, но вполне рабочая схема обороны меня, такой красивой. Но хищным планом захвата всё предусмотрено.

— Ах! — вскрикивает кто-то, кажется, СонЁн.

Именно на это я и рассчитывала, особый элемент моего секретного плана. Пока все тарашатся на вертолёт, откуда по тросу спускается мощный морпех, — это ЧжуВон, но его ещё мало кто узнаёт, — по шоссе к нам врывается три БМП, откуда высыпает пара отделений тех же морпехов. Сержанты, офицеры, рядовые, все вперемешку.

Вот тут и начинается настоящее веселье. Визги, хохот. Какой, к хвостам собачьим, выкуп? Обломитесь, жадюги! Оборону, всех моих девиц, морпехи разбирают поштучно и на руках бегом относят к задним створкам БМП. Раздаётся последний взвизг, уже мой, когда ЧжуВон хватает меня и вносит в бронированную карету.

Возбуждённые кинооператоры строчат вокруг камерами, как из пулемётов.

Я оказалась в одном месте с СонЁн и КюРи. Сонька миленько смущается, а раскрасневшаяся КюРи напропалую кокетничает с соседом-сержантом. А нет, уже расширила сектор обстрела и до другого соседа, лейтенанта. Не остаётся без внимания ещё один офицер, сидящий наискосок.

— СонЁн, не зевай, — советую я под хохот морпехов, — а то КюРи сейчас половину экипажа себе застолбит. Ничего тебе не оставит.

Жалко, не видно ничего. Представляю лица автомобилистов и прохожих, перед которыми с рёвом проносятся боевые машины под флагами голубой дивизии и моим штандартом. Строго говоря, знамя «РедАлерта», но какая разница.

— Чего ты хихикаешь? — всё пацаку интересно.

Не только хихикаю, но и жалею, что не догадалась повесить на флагманский БМП, — мой в центре, — пупсика. А на свою — куклу в белом наряде невесты. Рядом со стволами пушек и на матово-зелёной броне выглядело бы сногшибательно.

Теперь и Чжу смеётся.

25 июля, время 10:00.

Один из элитных ресторанов Сеула.

Нас, похищенных азиатских сабинянок, заводят в здание с тыла. Пока гости не прибыли, у нас есть полчаса, которые посвящаем последней репетиции. Групповой танец пятнадцати морпехов и стольких же коронок и трейни — заправка праздника.

С хореографом агентства, — она, кстати, здесь, — после подавления её естественного чисто корейского сопротивления мы состряпали нечто вполне съедобное шоу. Хореография и музыка по мотивам «Destination Calabria» (<https://youtu.be/Kq4OtRsdXls?list=RDKq4OtRsdXls>) и «Parov Stelar» (<https://youtu.be/QN4tPpJngyM> — смотреть до отжи чернокожими).

Destinaion сам по себе основан на марширующих движениях, только девочки

раскачивают бёдрами. Несложный танец, но производит впечатление за счёт синхронности. Плюс несколько трюков, сквозное вхождение шеренги в шеренгу, волновое прохождение движений и тому подобное.

Гостей встречают именно они. Прямо на улице, во внутреннем дворике. Ресторан при взгляде сверху напоминает подкову. Гости на территории, улицу с восторженными зеваками блокирует «РедАлерт». Само собой и танец, и музыка, и слова зарегистрированы.

После танцевального приветствия вперёд выходит генерал Им ЧхеМу с супругой. Меня к нему подводит Чжу и вверяет в его руки. Генерал сыграет роль моего отца, поэтому к нему в компанию включают и мамочку. Партию жениха играют хальмони с мужем и старший брат с ХанЬль.

Далее начинается скучная корейская тягомотина. Проходящие гости отдариваются конвертами, которые принимают БоРам и СунОк. Традиционно преподносит дары семья жениха. СанРи с ХанЬль — небольшую яхту, которую, конечно, с собой не привезли. Но на фото очень симпатичная. Мамочка охает от неожиданности, но я её быстро успокаиваю:

— Мамочка, это бизнес. Отличная рекламная акция их корпорации, яхта Агдан от «See group».

Хальмони дарит машину охрнительной стоимости. Представительского класса, больше восьмисот тысяч долларов.

— Доченька, как же ты за ними угонишься? — опять волнуется мамочка.

— Не переживай. Смотри внимательно на их лица, когда я буду им подарки дарить, — интригую я.

Частично меня реабилитирует генерал. Зачитывает приказ о присвоении ЧжуВону звания старшего сержанта и вручает новые погоны. Чжу откровенно сияет, его родители гордо оглядывают гостей.

Мои подарки никто не переплюнет. И они не материальны.

— Дарить подарки богатым людям дело очень сложное, — толкаю небольшую речь перед внимательной публикой. На лицах откровенное любопытство, и как это теперь сравню счёт? Самолёт что ли им дарить? Нет, ехидно про себя улыбаюсь. Мои подарки не материальны, только так я могу выкрутиться.

— Я нашла выход. Мои подарки не имеют денежного эквивалента. И сделать их могу только я. Хальмони и СанРи-оппе я дарю по секретному сертификату. Настоятельно прошу не обнародовать их.

С поклоном, двумя руками, всё как полагается, вручаю сначала конверт хальмони, потом СанРи-оппе. Воцаряется тишина. Всем страшно интересно, как среагируют мои сродственники.

Хальмони неторопливо открывает конверт, читает. Видно, что она старается не выйти за рамки, но огонь безудержного восторга сносит напрочь весь покер-фейс. Дедушка просто одобрительно улыбается и показывает мне кольцо пальцами, аналог русскому поднятому большому пальцу. Народ оживляется, в глазах сверкает неуёмное любопытство. Пардон, ребята. Вам это знать ни к чему. Всё равно вы не в теме.

Открывает конверт СанРи, через плечо текст читает ХанЬль. И чуть не подпрыгивает от счастья, заражая своей радостью мужа. Опять-таки никто не понимает, как я ухитрилась ввести их в такое состояние. И не узнаете, хи-хи-хи.

Так или иначе, все смогли убедиться, что Агдан взяла и эту высоту. Я обрадовалась подаркам, но у них восторгов было больше.

Обязательная программа включает и подарки жениха невесте и наоборот. Это тоже обговорено и продумано заранее. Согласно национальным традициям и со спецификой от Агдан.

ЧжуВон дарит в мою собственность купленный им особняк, СунОк получает неплохую тачку, а мама, — тут Чжу поступил по моему примеру, перешёл на язык символизма, — длиннейший отрез дорогущего китайского шёлка. Надеюсь, публика поймёт и оценит. Это ведь тоже в традициях. Этим самым он показывает, что его тёща ни в чём нуждаться не будет.

Сначала ЧжуВон достаивается поцелуя в щёку, а потом я начинаю свою партию.

— Согласно традициям, по которым жена обязана участвовать в делах и расходах мужа, возмещаю треть стоимости особняка, — отдаю ЧжуВону чек на два миллиона долларов, показав его сначала кинооператорам.

— Главный подарок не эта мелочь, — пережидаю лёгкий шумок среди уже рассеявшихся гостей, — а вот это!

Помахиваю ещё одной важной бумажкой. Кинооператоров пока игнорирую.

— Вы все знаете, что ЧжуВон уже, не жалея сил и времени, помогает мне в бизнесе. Настала пора оценить его усилия по достоинству. Этот документ делает его законным совладельцем холдинга «Агдан корпорейшн». С этого момента тридцать процентов холдинга переходят в его собственность. Сообщу для справки: на настоящий момент активы «Агдан корпорейшн» превышают сто миллионов долларов.

Всё! Я сделала всех! Тридцать пять миллионов долларов тяжело переплюнуть даже мультимиллиардеру. Ведь на самом деле даже крутые миллиардеры редко манипулируют такими деньгами. Переход из рук в руки солидных пакетов акций и ценных бумаг это события, которые двигают котировки всех мировых бирж. Происходит это достаточно редко и переговоры по таким поводам ведутся годами.

Теперь ЧжуВон целует меня в щёку, исподтишка погладив бедро.

Тема подарков ещё не закончена. Публика давно косится на красивую даму европейской национальности. Никто не знает, кто это и зачем тут. Блок-пост на входе, взимающий подарочную пошлину, она прошла, не замедляя шага. Многие это заметили. Кто-то наверняка шепнул что-то про вегугинов, которым традиции не писаны. И вот теперь им придётся смотреть на неё с огромным уважением.

Дама подходит ко мне, коротко говорит в микрофон. Мало кто её понимает, хотя... кроме меня и ЧжуВона, есть ещё коронки, которые довольно бодро чирикали по-французски в Париже. Так что в их глазах нет недоумённого непонимания.

— Бонжур, — сказала Сильва, — приветствую всех собравшихся и выполняю своё обещание. Отдать это, — она машет небольшой бумажкой, — Агдан лично в руки.

Быстро обмениваемся поцелуями, оставляю её рядом и прошу ЧжуВона перевести для неё мою речь.

— Вот эту невзрачную бумажку мы хотели выкупить у мадемуазель Сильвы, — она парижанка, — за пятьдесят тысяч долларов. Сильва отказалась её продавать, но решила подарить мне её, как свадебный подарок. Прежде чем я скажу, что это такое, отдам предварительное распоряжение. ГаБи...

ГаБи понимает с полуслова и быстро выталкивает вперёд девушку из «РедАлерта». Кажется, это бухгалтер.

— Передаю этот документ в собственность «РедАлерта». Автографы не принадлежат

тому, кто их даёт. Это собственность фанатов. Да, это автограф! Мой самый первый в жизни автограф! Я дала его человеку, который поверил в меня настолько, что не пожалел заплатить за него двести долларов. Тогда, когда про меня никто не знал, я не написала ещё ни одной песни, не умела ни петь, ни танцевать...

В рядах «РедАлерта» возникает сдержанный шум, тут же кто-то из девчонок взвизгивает от восторга. Есть чему радоваться. Никто, насколько я знаю, среди корейских фанатов других групп и айдолов не может похвастаться такой реликвией.

— Друзья, этого не купишь ни за какие деньги. Я не об автографе, как вы могли подумать. В то время только один человек верил в меня. Моя мама. Мне многие помогали, и те двести долларов от Сильвы мне тоже сильно помогли. ЧжуВон выручал, семья поддерживала, но поверили в меня только два человека, мама и мадемуазель Сильва. Этого не купишь ни за какие деньги!

Мамочка тут же прослезилась. СунОк успокаивает её, слегка растерянная. Ага, она-то как раз яростно спорила с моим стремлением стать айдолом. Не хотела и не задумывала такого, но так получилось, что накидала камней в её огород. Да во многие огороды.

После моей речи группа «РедАлерта» неистовствовала минуты три, выкрикивая хором «Виват, Агдан!». Окружающие смотрели с улыбкой. Коронки под шумок берут Сильву под свой патронаж. Правильно. С ними она не будет чувствовать себя глухонемой.

Делаем перерыв на подкрепиться.

— Пора, госпожа Агдан, — через четверть часа шепчет на ухо хореограф. Ведущего у нас нет, зачем он, когда есть я? Поэтому назначила хореографа негласным координатором всего мероприятия.

Спецы из агентства выносят на площадку колонки, разматывая провода, хлопчут у аппаратуры. Публика поневоле стихает, ожидая с интересом. Что-то намечается. А как же?

— Вынос тела опустим, — с улыбкой инструктирую ЧжуВона. Жду возражений, но он сразу соглашается. Свадьба это всё-таки не кино, чтобы на плече меня утаскивать. В том танце и без того трюков хватает.

Может сказалось то, что выпила чуточку шампанского. Совсем немножко, граммов тридцать. Но меня унесло, дала жару. Танго из фильма «Выстрел в сердце» по задумке насыщено финтами, основанными на моей гибкости. А с тех пор я заметно прибавила и в этом плане. Несколько раз отчётливо слышала мамины ахи, например, в тот момент, когда стоя спиной к Чжу задним загибом клала ногу ему на плечо.

Кинооператоры мечутся вокруг нас, как тигры вокруг оленьего стада. Слегка уставшая, — выложились на все сто, — иду под руку с Чжу, слегка раскачивая бёдрами. А пусть ему вся мужская часть Кореи завидует. Женская мне — не сможет, никто больше так не умеет.

В какой-то момент старшая часть гостей эмигрирует в малый зал. Это генерал, советник Ли, хальмони, Чо СуМан с СанХёном, мама, самчон (который не светится) ещё кто-то Остаётся молодёжь, которую выгоняю на площадку и заряжаю это:
https://youtu.be/7QytA_A1suc

Позже по желанию, любую музыку из заготовленного заранее репертуара. АйЮ, подарившая мне золотой браслет с бриллиантами (за сорок тысяч долларов), врезает свой медляк. И на французском, — хихикаю, наблюдая, как млеет Сильва, — и на корейском. Я отвечаю за энергичные танцы.

— Юна, гляди, — обращает моё внимание ЧжуВон. Это что? СунОк виснет на каком-то морпехе. Офицер хотя бы? Нет, офицеров всего трое, их разобрали коронки.

Ловлю момент, когда онни поворачивается лицом ко мне, и украдкой показываю ей кулак. Делает вид, что не замечает, однако со скрипом и нехотя отодвигается от партнёра. Убью дуру! Вторая КюРи, блин...

Рядом появляется Сильва. Коронки её бросили, даже поговорить не с кем.

— Сильва, хотите сняться в кино? — мои слова ЧжуВон сопровождает загадочной улыбкой.

Ошарашенная мадемуазель хлопает глазами.

— Кес-ке се диэ? (Что это значит?).

— Да я знаю, что вы не актриса. Но в любом фильме есть массовка, второстепенные маленькие роли с несколькими фразами. Хотите?

— О-ля-ля! — Сильва приходит в восторг. А что, она вполне киноголична, очень привлекательна внешне, почему бы ей не сыграть мимолётную роль какой-нибудь официантки или барменши?

— Я вам даже заплачу какие-то деньги. Как актрисе. А в силу особых отношений оплачу дорогу до Сеула или другого места съёмок и обратно.

Сильва кидается целоваться.

Свадьба заканчивается танцем «Performance», который обычно исполняю с ИнЧжон, нс сейчас моей партнёршей работает СунОк. Лажает в паре мест, но замечаю только я, коронки и другие причастные к шоу-бизнесу. Зато её сержант глаз от неё не отводит. Ну, посмотреть есть на что, слава мне.

Мы не совпадаем телосложением, но взаимодействовать нам не надо, так что для полупьяной публики прокатывает на «ура».

Когда уезжаем домой, ближе к полуночи, меня пошатывает от приятной усталости. Молодёжь, кстати, остаётся. «РедАлерт», морпехи, коронки. Ресторан снят до утра. Рвётся и СунОк, но без меня её никто не остановит. Так что мамочка, дав лёгкий подзатыльник, конвоирует её в машину.

Конец главы 3.

Глава 4. Послесвадьбие

26 июля, время 17:05.

Свадебный ресторан, теперь самый престижный в Сеуле.

— Прекрати, Намиэ! — мы за столиком вчетвером. Амуро-сан без своей Харуки никуда, я без ГаБи, как без рук.

Едва прилетев, прямо в аэропорту Намиэ обрушивает на меня лавину упреков. Почему, де, я на свадьбу её не пригласила? И пилила меня всю дорогу. Не спорила с ней, некогда было. Держала её за руку и всматривалась в неё, просвечивала. Вроде всё в порядке. Ударненько я тогда поработала.

— Как раз на свадьбу я тебя и пригласила. Только вот первый день самый утомительный и суматошный. Ты сама подумай! Ты — артистка, певица. Могла бы не спеть? Нет. Никто бы твоего молчания не понял. Но пение это напряжённый труд, а ты ещё очень слабенькая. Нет, ни в коем случае!

В зале только свои. Причём даже моей мамы и сестры нет, как и ЧжуВона. Новый дом обживают. В основном, члены клуба «РедАлерт», человек сто пятьдесят, то есть, всё-таки не полный состав. Ну, не все и могут.

— А я всё-таки спою, — упрямится Намиэ. Соглашаюсь, но только на какую-нибудь спокойную песню.

— «Сайонара» подойдёт? — улыбается подруга.

— Внатяжку.

Иду аккомпанировать. Репетировать нам не надо, если Амуро выучила эту песню, то выучила.

Голосок у неё, и правда, пока слабый. Но я немножко помогла, а публику, подозреваю, сам факт нашего совместного выступления радует безмерно. Мне кажется, если я пару раз пройдусь вприсядку, они всё равно будут в восторге. Это же «РедАлерт»!

Нас несколько раз фотографируют, за столом — тоже. Фотограф тоже из клуба. Только дома, среди своих, я чувствую себя так же хорошо, как в кругу «РедАлERTA». С одной оговоркой, у меня дома всё-таки СунОк есть и если бы не Мульча... так что, в обществе клуба я, как лисёнок в родном логове. Хорошо, спокойно и абсолютно безопасно. Все полтора гостя одновременно мои охранники.

На столе стоит подарок от Намиэ. Золотая черепаха размером больше моей ладони. Хоть пустотелая и внутри отделана не золотом, очень тяжёлая, килограмм десять весит. На одной стороне небольшой экранчик. Часы. Когда открываешь крышку-панцирь на его обратной стороне — зеркальце. Внутри достаточно места для десятка тюбиков с помадой или флешек. Есть место для батарейки, не скажу, куда она вставляется. Глаза зелёные, из-за двух изумрудиков. Даже боюсь спрашивать, сколько стоит это произведение искусства. Навскидку, не менее миллиона долларов.

О цене не спрашивала, а о том, кто сделал, форменный допрос устраивала. Это небольшая, но важная чёрточка из жизни мультимиллионеров, которую теперь мне тоже надо знать. Вот какие подарки в ходу у богатых людей. Вроде безделушка, но, во-первых, произведение искусства, а во-вторых, есть и функциональная нагрузка.

Я, конечно, здорово выкрутилась с подарками. Ради ХанЬль пришлось даже

отвлекаться на полминуты. Во время объятий при встрече быстренько просканировала её и выяснила, что ребёнок, которого она зачала, мальчик. И в записке, который я торжественно обозвала секретным сертификатом, дописала, что она родит крепкого, здорового мальчика. В основном тексте — клятвенное обещание присутствовать при родах.

Хальмони от меня получила другое обещание. Просто поделилась с ней своими планами обзавестись двумя детьми через шесть-семь лет. Погодками или близнецами. Насчёт ребёнка ХанЫль ей тоже дописала. Поэтому МуРан чуть не описалась от радости Первого правнука получит буквально через несколько месяцев. И ещё парочку через шесть лет. Хотя ХанЫль может во вкус войти и ещё раз родить.

С автографом № 1 тоже здорово получилось. Однако ж всегда пригодится иметь запасной вариант.

— ГаБи, сделай объявление, — подписываю и отдаю ей обыкновенную бумажку. Бумажка заурядная, а вот сумма на ней красивая.

— ЮнМи-сии! — округляет та глаза. — У вас такие расходы, и ещё это?!

— Глупая ты, — смеюсь и переглядываюсь с Намиэ, что такие вещи понимает сходу, — свадьба это не только расходы. Свадьба это шоу, которое продаётся! В агентстве уже монтируется фильм. Мне даже этот ресторан в итоге бесплатно обойдётся, хотя я им почти семьсот тысяч долларов отвалила.

ГаБи, с трудом приведя глаза в норму и отойдя от заоблачных сумм, встаёт. Её объявление, что клуб получает на счёт ещё полмиллиона долларов, ожидаемо встречают восторгами.

Ресторан будет виден в свадебном фильме, поэтому его рейтинг выстрелит вверх. Аншлаг им обеспечен. Ассортимент расширят, количество мест увеличат, цены чуть поднимут. В плане востребованности они встанут в один ряд с московскими ресторанами советской эпохи, когда у входов в них вечно клубилась толпа желающих туда прорваться.

Я же не просто так ресторан выбрала, а заключила с администрацией рекламный контракт. Условия чуть другие, верхний потолок ограничен сотней миллионов просмотров, один цент за просмотр и я положу в карман миллион. Платить мне за просмотры свыше ста миллионов нет смысла. Из Турции или Португалии сюда в ресторан не поедут на вечерок. Есть, конечно, туристы, но сколько у нас этих туристов?

Есть мой телеканал и другие ТВ-каналы. Рейтинг тоже поползёт вверх после свадебного репортажа. Мелькнули кое-какие марки автомобилей, с этого тоже сниму пенку. Не захотят платить, смажем и вырежем эти кадры. Короче, работы по добыванию денег вагон и маленькая тележка.

Новая песня «Destination» тоже что-то принесёт, но тут, слава небу, самой пыхтеть не придётся. Господину Икуте тоже кусок пирога полагается... а вот, кстати, и он!

— Опаздываете, Икута-сан, — недовольно выговариваю с первой секунды. Исключительно с превентивной целью. А то сейчас тоже начнёт фонтанировать. Добить в зародыше не помешает, и я заявляю:

— Даже не упоминайте про первый день. Там не было ни одного человека вашего уровня кроме меня. А я вам внимания уделить не могла.

— О, нет, ЮнМи-ян! — протестующе поднимает руки. — Даже в мыслях не было упрекать вас в чём-то. Госпожа Амуро!

Икута припадает к ручке Намиэ. Какая галантность! Тут же сую ему рядом свою и подмигиваю ГаБи с Харукой. Японка тормозит, а ГаБи быстро присоединяется. Мистер

Икута не чинится и оделяет лёгкими прикосновениями губ и нас. Потом дружно хохочем. За исключением недоумевающей Харуко.

— А это вам, — Икута жестом фокусника вынимает из портфеля и ставит на стол нечто. Все девчонки и я, в том числе, мгновенно залипаем. Невероятно красивая статуэтка девушки в гимнастическом купальнике, стоящая на полупальцах со второй ногой в заднем загибе. Опирается одной рукой на арфу. Гимнастически музыкальная композиция.

— Она только позолоченная, сделана из бронзы, — будто извиняется мистер Икута, — но глаза сапфировые.

Да уж вижу, — думаю я, справившись с норовившей отвиснуть челюстью. Не совсем попал мастер в мой цвет глаз, мои в реальности гораздо красивее. Но что делать, если не нашлось камней именно такого цвета?

Оборачиваюсь к ГаБи, дипломат с моими документами у неё. Но та, — за её способность понимать меня с полуслова и ценю, — уже подаёт прозрачный файл, в котором виден лазерный диск.

— Это вам, Икута-сан, — пододвигаю файл. — Песня «Destination» с моей аранжировкой и вариантом танцевального номера. Танцы можете поставить от себя, всё остальное менять не надо.

Примечательно, что мистер Икута берёт документы двумя руками. Не акцентирует и немножко не одновременно, но всё-таки. Что-то хочет этим сказать или случайно?

Славненько мы посидели. И хорошее на этом не закончилось. Намиэ согласилась остановиться у меня на сутки. Дольше нет смысла, всем работать надо.

27 июля, время 20:04.

Канал SBS, авторский фильм «Заглянем внутрь».

Ведущий, высокий подтянутый импозантный мужчина, по виду интеллектualan. Господин Чанг КенДу.

«Вы знаете, что мы давно внимательно наблюдаем за феноменом нашего общества под именем Агдан. Девочка с необычайным цветом глаз ворвалась на небосклон шоу-бизнеса, не признавая национальных границ. Первые же её композиции стали занимать верхние позиции в глобальных чартах. Агдан полностью оправдывает свой псевдоним. Она ломает не только корейские, но и мировые стандарты путей к успеху.»

Посмотрите биографию и творческий путь любой мировой звезды. Любых звёзд. Всех звёзд. Ничего похожего не было у Агдан. Обычно талант показывает себя в школе или небольшом провинциальном городке. Потом становится известным в регионе, и если заметят крупные продюсеры или агентства, то на мировом небосклоне восходит новая звезда.

Агдан презрела стандартный путь. Никто не знал, не признавал и не видел её талантов в школе или на улице, где она жила. Никто не знает, что случилось потом. Но вдруг, первый раз в культурной истории страны песня никому не известного автора и композитора в исполнении никому не известной группы выпрыгивает в «Billboard». Никаких прелюдий, никаких предварительных заявок, ничего!».

Эмоционально напряжённое лицо ведущего исчезает. На экране в динамическом формате меняется таблица «Billboard». Песня «Bye, bye, bye», начав с 87-ой позиции, неумолимо ползёт всё выше и выше. 87-ая, 79-ая, 72-ая, 61-ая... на 44-ом месте движение

притормаживает, затем продолжает рваться вверх, вплоть до девятой позиции. Вновь появляется задумчивое лицо ведущего.

«Это не единственный шаблон, который безжалостно рвёт Агдан. Мы показывали вам, дорогие зрители, её богатую самыми разными событиями учёбу в Кирин...».

На экране, появляющемся сбоку и выше уменьшившейся фигуры ведущего, мелькают кадры с Агдан, отмечающими самые примечательные события. Игра на столе на гитаре в пьяном виде, разгневанная мокрая девушка выскакивает из туалетной комнаты, сидит одна в столовой, почему-то очень спокойная. Лица учителей, среди которых мелькает пикантно красное лицо директора по безопасности,

«Могла ли войти в топ национальных айдалов героиня столько скандальных историй? Можете себе такое представить? Попробуйте. Я не советую, но можете попробовать. Готовы выдержать тысячи тонн хейта, проклятия сотен тысяч антифанов, сложности с руководством агентства, с коллегами? Готовы, и можете ли, сменить цвет глаз в самый неожиданный момент? Только помните, что синий это уже повтор. Меняйте на изумрудно-зелёный или гранитно-серый или хотя бы небесно-голубой».

Под аккомпанемент следующих слов на экране отображается история с сунын. Интервью, телепередача с голым задом Драгона, и как финал итоговое новостное сообщение, что в отличие от остальных годов число суицидов обнулилось.

«Можете вдруг с низкого старта и без разбега решить пусть не самую масштабную, но болезненную проблему на государственном уровне? Целые ведомства, группы специалистов решали проблему детских суицидов при щедром бюджете многие годы. И что? А ничего! Количество суицидов только росло. Не хочу говорить ничего плохого про тех, кто занимался этой проблемой. Вполне возможно, что не уделяй государство этому никакого внимания, самоубийств было бы намного больше. Но кардинально проблема решилась, как только за неё взялась Агдан. Случайность? Такая вероятность есть, социология и психология науки сложные и малопредсказуемые. Но простая логика говорит, что это результат воздействия Агдан. Всё происходило, как всегда. Всё было, как обычно. И мы готовились учитывать горестный урожай детских смертей. Изменилось только одно: появился фактор Агдан. Агдан вмешалась, и детские суициды сошли на нет».

Слова демонстрирует убедительная статистика на экране. Кривая слабого и неуверенного, но неуклонного роста самоубийств в первые дни после сунына вдруг входит в вертикальное пикирование. Врезается в координатную ось и сливается с ней.

«А можете конвертировать тонны хейта на свою голову в политический кризис, в результате которого уходит в отставку руководство МИДа? Фанаты Агдан?», — ведущий, заложив руки за спину, проходит туда-сюда перед экраном.

«Фанаты Агдан... тогда в её фанаты надо записать самую мощную оппозиционную партию Кореи и её лидера ВинЧона. И тогда Агдан не просто самый знаменитый айдол Кореи, а мощный политический фактор».

На экране мелькают кадры заседаний в парламенте, иногда очень бурные. Демонстрации с портретами Агдан и требовательными лозунгами. Толпы, яростно сминающие полицейские кордоны и врывающиеся на территорию канадского посольства. Не только в Сеуле, но и в Токио. Огонь, вырывающийся из окон здания посольств и консульств.

«И вот теперь Агдан также резко и неожиданно врывается в замкнутый и тесный мир большого бизнеса. Прошло всего полгода, как Агдан ушла из агентства, и вот она уже

мультимиллионер, основатель и главный владелец медиа-холдинга «Агдан корпорейшн». Её состояние велико, но сравнительно с главными бизнес-кланами она пока маленькая мышка рядом со слонами».

На экране последовательно отражаются фотографии самых известных миллиардеров страны и названия бизнес-групп. На портрете Ким ДонВука, отца ЧжуВона, смена кадров останавливается, портрет увеличивается.

«Ким ДонВук», — задумчиво говорит ведущий, — «Есть ли в стране хотя бы один человек, хоть немного разбирающийся в экономике, который бы поверил, что господин Ким всерьёз лишил своего младшего сына доли в семейном бизнесе? Есть ли хоть один такой наивный? Среди нас таких нет. Имеющий разум прекрасно видит, что происходит. «Seegroup» создаёт союзное подразделение в сфере шоу-бизнеса. Кима ЧжуВона лишили наследства? Может быть, может быть... вот только доступа к семейным ресурсам его никто не лишал. Иначе, на какие деньги он приобрёл бы особняк для невесты почти за шесть миллиардов вон? Корпорация «Seegroup» начинает расти вишьрь. И одновременно открывает Агдан дверь в мир большого бизнеса. Наследство? А что наследство? Семейный бизнес остаётся в одних руках, это огромный плюс. А младший сын господина ДонВука становится самостоятельной и экономически независимой и сильной бизнес-фигурой».

Ведущий внимательно вместе со зрителями смотрит на свадебные снимки. Пока скудные, со стороны. «Агдан корпорейшн» жёстко придержала все фото и видеоматериалы.

— У меня нет сомнений, что очень скоро семья Агдан станет одним из чеболей. И чем это нам грозит? Национальной катастрофой? Благоволением богов? Я не знаю, и предсказывать не берусь.

26 июля, время 21:15.

Особняк Агдан.

Сидим в гостиной в тесном кругу. Мама, онни, пацак и я с Мульчей. Намиэ с Харуки угнала спать. Прекрасно вижу, что ещё слабенькую Намиэ буквально с ног валит.

Тренировку в спортзале, посвящённую онни, провели вместе с ними. То есть, мои японские подружки пытались повторить наши выкрутасы. Мало что у них получалось. Зато веселья всем хватило, а онни раздувалась от гордости. И гордость же заставила её сегодня достичь вождедённного рубежа. Из положения стоя встала на мостик и вернулась оттуда. Без помощи стенки. Честно заработала пять песчинок.

— Намиэ, у себя найдёшь тренера по художественной гимнастике. Он тебе всё подробно распишет, — отвечаю на просьбу дать ей систему тренировки. Она ведь очень индивидуальна.

Серьёзное дело, на самом деле. А я — дилетант, сама у специалистов консультировалась.

И вот сидим, отходим от свадебной суматохи. Слова онни не заставляют меня напрягаться, как раньше. Научена. Это всего лишь повод поизмываться над ней.

— Ты так и не выполнила своего обещания найти мне мужа, — заявляет СунОк. — Так я сама нашла.

— Ты вышла замуж? Когда?! — вскрикиваю я. Мама, ЧжуВон и Мульча удивлённо упираются взглядом в онни.

— Скажи онни, почему ты всё время врёшь? — не даю ей ни секунды, чтобы

опомниться. — Во-первых, это тебе мудан обещала, а не я. И все мы это знаем. Во-вторых, я всё-таки нашла тебе мужа, хоть и не обещала.

Вскакиваю и убегая за планшетом, он недалеко, на столике у окна.

— Онни, как ты исхитряешься в одной фразе соврать сразу три раза? — продолжаю терроризировать сестру, втыкая в планшет.

— Почему три раза, дочка? — улыбается мама.

— Я ничего ей не обещала. Раз! — загибаю палец. — Обещание, которое не давала, выполнила. Два! И никого она сама не нашла. Три!

— Нашла! — выпучивает глаза СунОк.

— Вот! — я тоже нашла. — Смотри! Твой будущий муж!

Мама улыбается, Мульча вспрыгивает мне на колени и смотрит в планшет. Ей тоже интересно. ЧжуВон, только бросив один взгляд на экран, валится на пол от смеха.

Искала и выбирала я подходящую рожу довольно долго. Это ещё не самая колоритная. Но перекосило СунОк знатно. Беззвучно открывает и закрывает рот. ЧжуВон регочет на полу.

— ЮнМи, ты с ума сошла? Мне такого не надо, — обретает дар речи СунОк.

— Ничо не знаю, — безапелляционно заявляю ей прямо в лицо, — просила — получай. Он наверняка согласится. Ты сестра знаменитой певицы и миллионерши, владелица процветающего кафе, твой зять — корейский принц. Точно согласится. Так что получите и распишитесь.

— Ты где откопала такого старого и страшного?!

— Где-где... под мостом. А чо не так? Отмоешь его, вставишь недостающие зубы, причешешь, приоденешь, и будет ничего так.

СунОк опять молча открывает и закрывает рот.

— А ты что хотела? Богатенького красавчика? Таких ещё с пелёнок разбирают и тоже богатенькие красотки. Не-е-е-т! Ты возьми завалящего и сделай из него конфетку. И будет вам совет да любовь. А он придёт в себя, ещё и поколачивать тебя станет. А чо, счастливая семейная жизнь, она такая.

Отмахиваюсь от мамочки, которая пытается меня урезонить, но ей не хватает сил от смеха, который она с трудом давит. Звуки снизу от ЧжуВона становятся какими-то странными, нечто среднее между собачьим воем и ослиным рёвом. Мульча смотрит на него с презрительным удивлением.

— Ты что же думаешь? Муж просто так на дурнинку достаётся? Вон на ЧжуВона посмотри. Сейчас он богатый и красивый. А раньше? Кем он был? Бестолковый разгильдяй, нищеброд...

Шум снизу стихает. Физически ощущаю на себе долгий-долгий сверлящий взгляд.

— Я сама себе жениха нашла, — вырывает на своё СунОк, — хорошего парня, не то, что это...

Вскакиваю от переполняющего меня возмущения.

— Сама нашла?! Ах, ты, неблагодарная! Ты про того сержанта?! Да мы с генералом чуть не месяц из всей дивизии морпехов отбирали. Самых красивых, самых толковых, обязательно неженатых. Я их танцам учила! Проверяли даже, чтобы девушек ни у кого не было. А ты мне тут заявляешь, что это ты нашла?! Да ты пальцем не пошевелила, бестолочь!

Мама дёргается было для подзатыльника, но я далеко от неё. Грожу СунОк кулаком.

— Допрыгаешься у меня! Подговорю ХёМин с ДжиХён, они живо этого сержанта у теб

отобьют.

Снизу моя нога попадает в жёсткий капкан. Пацак у моей ножки смотрит хмуро и недовольно.

— Что ты там про разгильдяя говорила?

Обрушиваю на него игру глазами, бровями, голоском.

— Да я так, Чжу... ради красного словца. Так-то ты всегда красавчиком был. Но со мной-то ты стал ещё красивее.

Смотрю на него честными-пречестными глазами. Захват ослабевает.

— Смотри у меня, — бурчит пацак.

Окончательно отпускает мою ногу. Тем более, что Мульча уж больно пристально на него смотрит.

Плюхаюсь обратно на диван и тут же получаю отложенный подзатыльник от мамы. И стандартное требование.

— Немедленно извинись перед сестрой.

— Мам, ты чего?! — округляю глаза. — Я ей полтора десятка классных парней подогнала, выбирай любого... хорошо, мамочка, как скажешь.

Поворачиваюсь к СунОк.

— Онни, извини меня за то, что я так сильно ради тебя старалась. Больше не повторится. Ничего просто так теперь от меня не получишь. Понятно?!

Опять подзатыльник. Да что ж ты будешь делать-то! Ладно, мамахен. Сама напросилась. Делаю плаксивое лицо.

— Ты меня не любишь, мамочка. Все меня избивают. СунОк избивала, ЧжуВон избивал, теперь ты меня lupишь. А за что?! За то, что СунОк меня оклеветала и оболгала?!

Снизу опять доносится какое-то хрюканье. ЧжуВон так и валяется на полу. Встать не может, на его могучей груди угнездилась Мульча. Кошка осуждающе смотрит на маму. Мама теряет, её вообще легко сбить с толку.

— Ты плохо воспитала свою старшую дочь, мама, — бросаю ей в лицо тяжкое обвинение. — Она неуравновешенная, невоспитанная, постоянно врёт и возводит на меня напраслину. Всё самчону расскажу.

Мало? Добавлю. Сужаю глаза и выдаю.

— Ты ещё не всё про неё знаешь. Я тебя просто расстраивать не хочу... ладно, я спать пошла.

В таких случаях главное смыться вовремя. Пусть теперь гадают, про что это я. А у СунОк лицо было такое, что я на месте мамы точно заподозрила бы её в чём-то нехорошем, хи-хи...

Окончание подглавы.

27 июля, время 10:25.

Агентство «Music Modern», кабинет Агдан.

— ...скоро семья Агдан станет одним из чеболей. И чем это нам грозит? Национальной катастрофой? Благоволением богов? Я не знаю, и предсказывать не берусь.

— Чего уставились? — не ласково отбиваю пристальные взгляды ЁнЭ и ДжиХён. — Благоволением, конечно. Какие тут могут быть сомнения?

ЁнЭ приволокла мне запись фильма, которым разразилась SBS. На огонёк совместного просмотра и ДжиХён заглянула. Ей можно отвлекаться, её старослужащая секретарка страхует. Подменить ей, выйдя из своего уголка, ничего не стоит. Это её старое рабочее место. Но такая лафа для ДжиХён продлится недолго. Секретарша СуМин быстро прониклась новыми свежими ветрами и уже подходила с вопросами по поводу отпуска по беременности. Ей давно пора, тридцать пять лет для первого ребёнка — почти наглое игнорирование законов природы.

На мой прямой вопрос СуМин что-то смущённо начала мямлить, пришлось включить «зрение» и выяснить самой. Хм-м, не стала девушка тормозить. Как только я занялась агентством плотно, так она моментально и залетела. Ну, мне же лучше. Только надо ДжиХён предупредить. Так-то вот. Ещё и не начала проблемой деторождения заниматься, а она только за счёт моего присутствия уже решается.

ЁнЭ в моих словах ни на грамм не сомневается, ДжиХён хитренько улыбается.

— Джи, пока я не забыла. Не вздумай беременеть в ближайшее время!

— ЮнМи-сии, ты ж сама...

— Сама, сама! Только сначала СуМин уйдёт в детский отпуск (понятия «декрета» в Корее нет), и только потом — ты! Она старше, она замужем, ей давно пора. А ты пока погуляй годика полтора, — смотрю на неё требовательно и ожидающе.

— Да я и сама так быстро не планировала... — пожимает плечами Джи.

— Вот и офицеру своему так скажи! — добавляю строгости. И ощущения всеведущего и всезнающего неумолимого начальства.

На самом деле, ничего страшного не произойдёт, если вообще вся фертильная женская часть агентства одновременно и дружным строем отправится в роддом. У меня огромный кадровый резерв из фанатов. Никто не откажется поработать на Агдан, пусть и временно.

— Что скажете по фильму, девочки? — Щёлк! Сыграла рычагом и откидываюсь на кресле, превратив его в подобие шезлонга.

— Не понятно, — морщит лобик ДжиХён, — вроде хвалят, а вроде и нет.

— В целом, наверное, положительный фильм, — осторожничает ЁнЭ.

— SBS пытается выстроить к нам мостик. Помяните моё слово, девочки. Скоро они начнут плотно нас обхаживать. Джи, ЁнЭ, ставьте этот канал в число самых доброжелательных к нам.

Вот так лениво и между делом определяю стратегическую политику агентства. Для холдинга в целом немного сложнее. У нас тоже есть телеканал, и по определению мы — конкуренты.

Но управлять большой организацией сложно. С меня быстро слетело

шапкозакидательское настроение после прихода в агентство. ЁнЭ, как главный администратор, явно не тянет, но с ней отдельная история. Каюсь, я, как и прочие обыватели, раньше считала, что руководители чем-то груши околачивают за нехилые зарплаты. Хренушки! Любое дело требует навыков и умений. И где-то таланта. Если с грозным и требовательным взглядом у меня всё в порядке, то с механикой этого дела пришлось преодолевать сложности.

Начать с того, что нам с ЁнЭ пришлось провести чуть ли не бой по всем правилам военной науки по ничтожному поводу. Мы, владелица и главный менеджер агентства, не могли сразу добиться того, чтобы зарезервировать за собой места на автостоянке! Это как? А вот так. Добро пожаловать в Корею, где главный аргумент в споре — возраст. А мы с ЁнЭ — самые молодые в агентстве.

А как написать резолюцию? Какие существуют формы для письменных приказов? Как отражаются и где должны фиксироваться устные распоряжения? Формальные правила и стандартные бюрократические обороты резолюций и приказов целую неделю изучала по архивам старого руководства. Наложить резолюцию на заявление на отпуск, по любому поводу, не так просто. Можно с конкретной даты отпустить, можно указать только месяц. Можно «голые» отпускные начислить, а можно усилить бонусом или матпомощью.

Корейская специфика часто мешает до жути, но она же сильно спасает в определённые моменты. Можно легко, просто и без последствий для фонда зарплаты, притормозить на работе весь персонал агентства хоть до ночи. И никто не пикнет и не заикнётся о компенсации. Надо, значит надо. И чувствую огромный соблазн законсервировать такой порядок. К своему небольшому стыду. За то, что стыд небольшой, тоже немного стыдно, хихи.

Такая самоотверженность работников — палочка-выручалочка корейских руководителей. Огромнейший ресурс, которым очень легко злоупотребить. Постараюсь этого не делать. Но вот эта иерархия возраста, чтоб ей пусто было!

Сейчас прикидываю, как организовать обед в агентстве. И где. Выделять отдельное помещение, заморачиваться с санэпидстанцией и прочим подобным? Нафиг, нафиг!

Народ, в основном, бенто с собой носит. Но кое-кто в кафе бегаёт.

— ЁнЭ... — ставлю задачу проводить обед в агентстве организованно. Обед и в агентстве можно проводить, отвести общее место для поедания бенто. Снабдить всех какими-то приправами и минеральными водами дело копеечное, а удобство — несомненное.

— Чего мнёшься? — видок у моего главного администратора очень неуверенный. ДжиХён смотрит насмешливо.

— Джи, а ты чего тут околачиваешься? А ну, марш на рабочее место! — и с удовольствием наблюдаю, как красотка изящно встаёт, не упуская ни одного момента показать все свои изгибы. Даже ЁнЭ на неё залипает.

— Слушаюсь, моя госпожа, — ДжиХён враскачку фланирует до дверей, вальяжно танцевальным движением открывает их. Последней из виду исчезает попка.

Позиция у меня не огневая, а то бы не удержалась, хлопнула по задочку. Кажется, некоторые ухватки навязывает начальственное кресло. Такую секретаршу не пропустит никакой начальник, будь трезвенник, язвенник и примерный семьянин. И даже принадлежность к женскому полу не спасает. Удерживаюсь от хиханек из-за несчастного вида ЁнЭ. Что у неё там?

Устало вздыхает. Приходится догадываться.

— Что, опять?

ЁнЭ грустно кивает.

Это проблема. И как её решить, я, хоть мордой об тейбл, не знаю.

— Давай уволим нафиг всех старпёров, наберём молодёжь? — моё предложение разбивается о такой же грустный взгляд. М-да. И что делать?

Высшая мудрость не только руководителя, а любого человека, гласит: если не знаешь, что делать, найди того, кто знает, и спроси у него.

— ЁнЭ, а подать мне смартфон! — подскочившая (приятно, чёрт возьми!) с кресла ЁнЭ через секунду вкладывает мне в руку смартфон. Набираю номер пацака. Он должен знать, бывал он в таком положении. Не совсем в таком, он всё же мужчина. Хотя бы с женской частью коллектива проблем не имел.

— Хорошо, Чжу. Спасибо, — опускаю руку с телефоном. Так себе способ. Распоряжения старшим товарищам надо передавать через ещё более старших по возрасту. Или ровесников.

ЁнЭ вздыхает, моё озабоченное лицо её не вдохновляет. Вызываю ДжиХён.

— Джи, как можно быстрее мне список самых старых работников. Кроме возраста пусть кадровики укажут стаж работы в этом агентстве.

— Сколько вам нужно человек, госпожа?

— Это могут быть три человека, а может быть десяток, если они по возрасту близки. Разрыв между ними и остальными должен быть не менее года. Хм-м, и, пожалуй, давай ограничимся десятком.

Кажется, у меня наклёвывается вариант решения этих затруднений. Но не будем торопиться. Кстати, ещё одна высшая мудрость: если можно не спешить, то спешить нельзя. И намного глобальнее есть у меня задачи. Этот фильм пробудил у меня кое-какие порочные желания. Загнать весь большой бизнес Кореи ко мне в стойло. Своё-то агентство я в чувство приведу. А вот как сделать так, чтобы все корейские чеболи беспрекословно выполняли команду «К ноге!»?

Чат «Цунами», сборище антифанов Агдан. Портал **OhmyNews**, ночь с 28 на 29 июля.

[**S] — Щибаль! Задавака не может обойтись без фокусов!

[***] — Ты про танки?

[***] — Сразу видно, девушка. Это не танки, это БМП!

[***] — Сразу видно, продвинутая девушка, кх-кх-кх! Это не БМП, это БТР! Колёса от гусениц отличить не можешь?

[***] — Холь! Чего ты от них хочешь? Хорошо, что вертолётom не назвали.

[***] — Всё у неё не как у людей. Что она сказать этим хотела?

[**S] — То, что правила ей не писаны! Что хочет, то и делает!

[**3] — Чушь! С ней был генерал и офицеры морской пехоты. Всё согласно традициям. Генерал Им ЧхеМу выступил в роли отца невесты, а морская пехота — семья. БТРы — семейный транспорт, кх-кх-кх...

[***] — Интересно, что эта нищевродия подарила бабушке и брату жениха?

[***] — Ничего себе нищевродия! Тридцать миллиардов жениху отвалила!

[***] — И всё-таки интересно, что она подарила?

[***] — Судя по лицам госпожи МуРан и ХанЬль что-то очень ценное.

[***] — А танцы и музыка классные...

[***] — Неплохо. Но чего-то не хватает.

[***] — Танец с женихом наверняка постановка с дублёршей. Так никто из айдалов не может. Даже гимнастки так закручиваться не умеют.

[**3] — И кто эта дублёрша? Назови имя, сестра.

[***] — Откуда я знаю? Откуда я вообще могу знать.

[**3] — А должна бы. Неужто ты думаешь, что девушка-танцовщица с такой уникальной гибкостью могла быть никому не известной в Корее?

[***] — Да ещё с такими глазами, кх-кх-кх...

[***] — Глаза не пруф. Можно линзы нацепить.

[***] — Попробовал заказать места в том ресторане, сводить свою девушку. Сказали, что на месяц вперёд мест нет.

[***] — Холь! Я тоже хотел... хнык-хнык...

[***] — Свадебный фильм выложили всего три часа назад, а уже двести тысяч просмотров...

[**S] — Даже на секунду открывать не буду!

[**3] — Зачем тебе открывать ещё раз?

[**S] — Я не смотрела!

[**3] — А откуда знаешь про фокусы и что Агдан — задавака? Кхе-кхе.

[**S] — Рассказывали!

30 июля, суббота, время 20:05.

Особняк Агдан.

Дневная обязательная программа исполнена. Рабочий день завершён танцами с СунОк. Гимнастическую тренировку мы так проводим. Работа, а тренировка — самая настоящая работа, должна доставлять удовольствие, тогда не будет соблазна увильнуть от неё. И сама так делаю, и сестрицу дрессирую на тех же принципах.

Располагаюсь с максимальным комфортом и минимальным дискомфортом. В числе удобств: подушка на диванной боковушке под головой и ЧжуВон, на колени к которому я возложила свои длинные, прекрасные, точёные ножки. В числе относительных неудобств — Мульчара, мурчащая у меня на груди.

— Без разговоров! — приказываю всем. — Смотрим и слушаем меня!

Телеканал С3TV-Goodtv.

— Что это такое было, ЮнМи-сии? — первый вопрос после демонстрации свадебного фильма. Телеканал поступил мудро, моё интервью ИнЧжон, моё приданое ей, руководство вставило сразу после. Кстати, фильм им предоставила со скидкой.

ИнЧжон в чёрном в обтяжку платье, с длинными рукавами и небольшим пикантным ромбиком-вырезом на груди. Ей идёт. Я мудрить с нарядами не стала. Цветастая блузка и синяя юбка до колен. Серьги и кольцо имени Кима ЧжуВона тоже на мне.

— Ты про бронетанковую технику? — сначала уточнить, затем объяснить. — Обычное дело. Согласно традициям жених должен добраться до невесты. Подкупом, хитростью, могли заставить что-то сделать. Станцевать или спеть. ЧжуВон-оппа решил пойти

напролом, как настоящий морпех...

— Согласно традициям? Тебя и нас всех просто похитили, — со странной мечтательностью во взоре возражает ИнЧжон.

— Насколько я знаю, морская пехота в полнейшем восторге.

— Особенно те ребята, которые нас уволокли? — хихикает ИнЧжон.

— Это тебе лучше знать, — ехидничаю я, — я могу только про ЧжуВона-оппу сказать.

— И что ЧжуВон-оппа?

— А что ЧжуВон? Он получил юную, богатую и красивую невесту. Скажи, кто из богатых невест может похвастаться тем, что выходит замуж, не достигнув формального совершеннолетия? Всем же надо закончить университет, сделать хоть какую-то карьеру и только потом, годам к тридцати...

— ЮнМи-сии, я что-то слышала о твоей причастности к государственной программе, нацеленной на повышение рождаемости, — ИнЧжон меня перебивает, нащупав интересную тему, — лично ты, не собираешься подавать пример?

— ИнЧжон, мне всего девятнадцать. Ты... — хотела сказать «намного», вовремя спохватываюсь, — заметно старше. Кто кому должен подавать пример?

ИнЧжон уходит в лёгкое замешательство. Режиссёр — настоящий профи, тут же врезает рекламную паузу.

— А действительно, — поворачивается ко мне СунОк, — когда ты планируешь рожать? Ещё одна.

— Смотри программу, там всё узнаешь, — торопыга. Тут же решаю ей отомстить. Откидываю томно руку и команду:

— Сестра! Чаю!

— Ты — тонсён, а я должна тебе чай подносить? — поражается моей наглости онни.

— Конечно, должна. Во-первых, я — твой сэнсей по гимнастике и танцам. Во-вторых, я намного больше работаю. По сравнению со мной, ты — возмутительная бездельница...

— Да я весь день на ногах! — взвизгивает онни. — Это ты в кресле весь день посидиваешь!

— Оппа, сколько мы за этот день заработали? — обращаюсь за помощью к мужу. А к кому ещё?

— За день не скажу, а за фильм уже больше двух миллионов накапало.

— Вот! — тычу пальцем в СунОк. — Миллион долларов мы заработали. А ты сколько? Я в сто раз больше тебя работаю. А тренировки? Тренируемся вместе, но я ведь ещё и тренер. Двойная нагрузка! А ты, бесстыжая, ленишься сэнсею чаю принести.

ЧжуВон беззвучно смеётся, мама улыбается и предлагает:

— Не шуми, Юночка. Я сейчас принесу.

— Вот видишь, какая ты плохая дочь! — бросаю обвинение в глупое лицо СунОк. — Старенькая мама за тебя должна бегать...

Что-то бурча под нос, СунОк удаляется на кухню. Когда выносит поднос с чашками, рекламная пауза кончается.

— Я совсем другое дело, ЮнМи-сии, — ИнЧжон подготовилась за время рекламы, — на меня так не смотрят, как на тебя. Я могу родить пятерых или ни одного, это никакого влияния на статистику рождаемости не окажет...

— Как не окажет? — удивляюсь я, — Статистика покажет плюс пять детей, рождённых тобой. Ты внесёшь посильный вклад в решение жгучей проблемы.

ИнЧжон смеётся и продолжает настаивать.

— Согласись, ЮнМи-сии. Если ты начнёшь призывать рожать всех женщин, то сама просто не можешь остаться в стороне.

— И не останусь, — соглашаюсь без всякого сопротивления. — А в чём вопрос?

— Когда?

— Так бы и спрашивала, — делаю маленький выговор, — кратко и по делу. Мой ответ прост. Когда я буду готова к деторождению, тогда и рожу. Тут надо кое-что объяснить про индивидуальные особенности моего организма.

— С удовольствием послушаем, — и красиво скрещивает ноги, вот зараза! Если ещё оператор бросит туда фокус, то это изрядный отвлекающий манёвр. Ну-ну...

— Дело в том, что мой биологический возраст не больше пятнадцати лет. А рожать девочкам в таком возрасте врачи не рекомендуют. В принципе, ничего страшного не происходит. Как правило, пятнадцатилетние девочки благополучно рожают. Но есть издержки...

— Подожди, подожди... — останавливает меня ИнЧжон, — почему ты решила, что твой биологический возраст именно такой?

— ИнЧжон, ты-то должна знать, что я прибавляла в росте, будучи айдолом «Короны»? — ИнЧжон кивает, — У меня даже льготы от руководства были по этому поводу. Мне разрешали иметь вес выше нормы. Именно потому, что я росла. Только последние полгода мой рост остановился, и гормональный фон утратил детские особенности. Обычно это происходит в четырнадцать-пятнадцать лет. Край, в шестнадцать.

— Значит, твой биологический возраст сейчас пятнадцать-шестнадцать лет, — видимо, для зрителей разжёвывает ИнЧжон.

— Да. При этом идеальным возрастом для родов врачи считают диапазон в девятнадцать — двадцать пять лет. Именно в это время надо рожать первого ребёнка. Ну, учитывая, что у кореенок период юности и молодости дольше, можно прибавить пару лет.

— Ты ведёшь к тому, что для тебя идеальный возраст для родов наступит года в двадцать четыре? — ИнЧжон решает закруглить эту тему. Мне она тоже поднадоедает.

— Именно так. Типичная корейка окончательно взрослеет в двадцать лет, я — в двадцать пять. Вот тогда и спросишь меня, когда я планирую рожать.

— Хорошо. Спрошу, — улыбается ИнЧжон.

Рекламная пауза.

— Так ты ещё моложе! — вскрикивает СунОк под смех ЧжуВона. — Ты вообще должна вокруг меня бегать!

— Это биологически, — объясняю я, — а социально мой уровень такой.

Показываю рукой на потолок. А затем — на пол.

— А твой, по сравнению с моим — вот такой.

Бестолковые, но такие весёлые разборки продолжаются до конца рекламы.

ИнЧжон опять поворачивает ножки. Не пытаюсь в ответ перетягивать одеяло на себя. Не буду рушить игру подружке, ей надо рейтинг наработать, а у меня и так заоблачный.

— ЮнМи-сии, в сети до сих пор ходит то неприятное обвинение по поводу двух

девочек, якобы покончивших с собой из-за твоего невыполненного обещания, — ИнЧжон поднимает руки, предупреждая мою резкую реакцию. — Извини, ЮнМи-сии, но ты сама разрешила задавать любые вопросы.

— Вопрос-то в чём?

— Как ты к этому относишься?

— Как к тесту на кретинизм. Те, кто так думает, успешно его сдают. И могут себя поздравить: они — кретины, — ИнЧжон немного ошибается, резкость моя проявляется по-другому.

— Склонна согласиться, но не пояснишь ли для зрителей? — ИнЧжон делает хороший финт. Отдаёт пас мне и присоединяться к кретинам не хочет.

— Охотно. Давно пора прекращать эти глупости. Во-первых, мы негласно проверили эти слухи. Ничего подобного не было. У девочек были личные проблемы. Какие — не скажу. Это частная жизнь, в которую мы не имеем права залезать. Лично я — не буду. Я же не в «СпортСтип» работаю.

ИнЧжон хмыкает. И как я вижу уже сидя у себя, режиссёр не вырезал эти слова.

— Во-вторых, это шоу-бизнес, часто непредсказуемый. Кто угодно может быть уверен, что какая-то песня выскочит в «Billboard». Автор, композитор, любой самый авторитетный и опытный эксперт, все могут заявить, что песня выйдет в топ. Все могут. Но, тем не менее, это будет всего лишь прогноз. Поэтому я и говорю, что если человек не понимает такой простой вещи, то он — идиот. И ничего не понимает в жизни и бизнесе.

Делаю паузу, ИнЧжон отмалчивается, просто ждёт.

— Чтобы песня вышла в топ, всё должно быть на высшем уровне. Текст, музыка, аранжировка, исполнители, сопряжённый клип. Я тогда и сейчас считаю, что обе песни способны были прорваться в «Billboard». Ты должна помнить, как мы тогда торопились.

— Помню.

— Очень важно было уложиться в срок. И я не успела доделать аранжировку. Кто-то её допиливал без меня. Клипов вообще не было.

— Думаешь, из-за этого?

— Да. Это уменьшило шансы. Надо ведь ещё понимать, что одна и та же песня в одно время может прорваться в топ, а в другое — нет.

— Это как? — играет бровями и лицом ИнЧжон.

— Велик фактор случайности. В какой-то месяц может быть сделано множество композиций высочайшего уровня. И тогда пробиться трудно. В другое время средний уровень топовых песен снижается, и тогда пройти в «Billboard» легче.

— Так что вполне возможно, что выпусти мы эти песни на месяц позже или раньше, то они даже в том сыром виде вошли бы в чарт.

— Ты думаешь?

— Я не думаю, я — знаю. И ты знаешь, не один год в шоу-бизнесе работала.

— Может и знаю, — загадочно, и на мой взгляд немного глупо, улыбается ИнЧжон.

— Время выходит, — с сожалением говорит ИнЧжон, — только ещё один вопрос успеваю задать. Скажи, что же всё-таки было в тех конвертах семье ЧжуВона-оппы?

— Этого я не скажу. Семейная тайна.

— Позволь, я угадаю.

— Попробуй, — мне аж интересно стало, куда её фантазия заведёт.

— Про госпожу Ким ХанЫль не скажу, а госпоже МуРан ты пообещала правнуков с

синими глазами, — ИнЧжон победно смотрит на меня. На секунду в замешательство прихожу. Не ожидала такой прозорливости от ИнЧжон. Небось, подсказали.

— Ни подтверждать, ни опровергать не буду. Но ты удивила меня своей креативностью.

Немного похихикали, поулыбались и закруглили передачу несколькими движениями из нашего танца.

— Ой, правда, забыла спросить! — вскрикивает СунОк. — А что в конвертах-то было?!

— Видишь, мама, какая она несдержанная, — разве упущу такой момент ткнуть онни остреньким в мягкое? — Чего ты разоралась? Аж Мульча вздрогнула.

— СунОк, не кричи... — говорит мама.

— А где подзатыльник? — разочарованно кривлюсь. — Да, меня, так сразу...

СунОк так разбирает любопытство, что она сама подставляет голову под ласковую мамину ладошку. Не отстанет. И говорить ей нельзя.

— Да угадала ИнЧжон, угадала, — отбрыкиваюсь я. — Только ведь теперь вся Корея об этом узнает, да, онни?

— И ничего не узнают, — бурчит СунОк.

— Спать пора, — чуть ли не впервые подаёт голос Чжу.

— Так чего ты сидишь? — выпучиваю на него глаза. Он аккуратно сносит мои ноги на пол. Но я позы не меняю.

— Пойдём, — пацак тянет за руку. Освобождаюсь круговым движением кисти.

— Зачем это я пойду? — веселюсь, глядя на пацака, но виду не подаю.

Не, не понимает. Хмурится. Почти грозно.

— Зачем я буду куда-то идти, когда у меня есть универсальное транспортное средство?

— Какое? — до пацака никак не доходит.

— Какое-какое... Шагопед! Под названием «ЧжуВон-оппа», модель первая, экспериментальная. Управляется голосом. Давай уноси нас с Мульчей...

Мульча, впрочем, спрыгивает. А я, не меняя позы, перемещаюсь на второй этаж, в спальню.

Конец главы 4.

Глава 5. ЧжуВон...

28 июля, суббота, время 09:15.

Агентство «Music Modern», кабинет Агдан.

— Аджосси, как вы относитесь к господину ХоГину?

Аджосси мелко хихикает. Небольшого роста, ниже меня, живые глаза на лице, которое безуспешно сопротивляется наступлению морщин. ХоГин — самый старый сотрудник мне не подошёл. Слишком тупой. Какой ещё характеристики можно удостоить человека, за всю жизнь достигший всего лишь умопомрачительной должности бригадира коммунальной службы? Руководитель дворников, прямо говоря. Очная беседа только подтвердила составленное заранее мнение.

Пак ЛиХай — второй в рейтинге старейших. На три года младше первого, ХоГина.

— Глупый старикашка, — бесцеремонно заявляет ЛиХай. В моей душе теплеет.

— Как у вас со здоровьем? На пенсию не планируете уйти?

Старикан выражает крайнюю степень возмущения. Вскакивает с кресла, приседает и, отставив ногу в сторону, медленно встаёт на другой. Ого! Вряд ли он сможет, как я, раз десять присесть на одной ноге, держа другую строго горизонтально, но для его возраста великолепный трюк. Не всякий мужчина в расцвете лет делает.

— Садитесь, — противоположно приказу сама встаю и обхожу его сзади. Возлагаю руки на плечи. Мне надо его «просветить».

Хм-м, действительно на редкость благополучный в смысле здоровья, старикан. И нет, даже не старик. Крепкий мужчина, которому до полного заката ещё далеко. Кое-что в сердце и сосудах я ему слегка подправляю. Ни один медцентр не заметит, что и как. Зато аджосси что-то чувствует.

— Молчите, — не нужны мне его комментарии, — так надо.

Сажусь на место. ЛиХай, которого я мысленно уже нарекаю Лихим, смотрит на меня с еле сдерживаемым восторгом.

— Что вы сейчас сделали, госпожа Агдан? — всё-таки спрашивает.

— Ничего особенного, — жму плечами, — я немножко экстрасенс. Проверила ваше здоровье. Ваше улучшенное настроение — приятный побочный эффект. Короче говоря, вы действительно здоровы и можете работать.

На этот раз аджосси проявляет выдержку и помалкивает. Ждёт.

— Подберите себе замену, — ЛиХай начальствует над рабочими сцены, — для вас создадим отдельную должность. Кабинет рядом с кабинетом главного менеджера агентства...

Объясняю диспозицию. Нашла я способ обойти корейские заморочки. Если не можешь от чего-то избавиться, используй это во благо.

— Таким образом, вы становитесь практически третьим лицом по значимости в нашем агентстве. Президент, главный менеджер и вы, комендант агентства.

Старикан сияет всеми своими морщинами, которые выстраиваются в многолучевую звезду. Офигительная карьера на старости лет. Даже спрашивать не надо, согласен или нет.

— Зарплата ваша будет привязана к зарплате ЁнЭ. Без учёта бонусов. У вас свои будут. Получать будете восемьдесят процентов от её оклада. На данный момент это больше на

пятьсот тысяч вон вашей нынешней зарплаты.

Сияние ЛиХая не прекращается.

— Функционал у вас следующий. Никаких приказов, кроме своих подчинённых, — подберём вам пару молодых сотрудников, — в агентстве вы отдавать не сможете. Лично вашему отделу подчиняться никто не будет.

Сияние слегка меркнет.

— Ваша работа будет заключаться в том, чтобы отслеживать исполнение приказов по агентству. Моих и главного менеджера. Вот здесь ваша власть будет велика. Практически безгранична. В разумных пределах. В случае обнаружения саботажа подаёте мне или ЁнЭ соответствующий доклад и рекомендуемые санкции. Когда обвыкнетесь, наказание, наложенное на нерадивых сотрудников, будем утверждать автоматически.

Сияние вспыхивает с новой силой.

— Про обратное тоже не забывайте. Сотрудники систематически, дисциплинированно и безупречно выполняющие свои обязанности, должны поощряться. Это тоже на вас. Сами приказы доносить до сотрудников будете тоже вы.

Строго по канону. Самое важное выдаётся в последних словах. Про себя называю его должность: «Старикашка на побегушках». Он самый старый, — ну, почти, — ему никто не посмеет прекословить или насмешливо хмыкать, чем уже задолбали мою ЁнЭ.

— Сотрудников рекомендую вот этих, — поддвигаю ему листок бумаги с выписанными именами. Выбрала парочку бесполезных, на мой пристрастный взгляд, работников. Мне не нужны бесплодные композиторы.

Как ответил на вопрос «Сколько человек у вас работает?» в одном анекдоте американский бизнесмен:

— Ровно половина.

У меня примерно так же. Так что резервы есть.

31 июля, воскресенье, время 12:15.

Один из элитных ресторанов Сеула.

ЧжуВон.

Давненько не выбирался куда-то с друзьями. Кончилась привольная жизнь, работы по горло. Сидим за столиком с ЧонХаном, разминаемся салатиками и крабами.

— И как тебе семейная жизнь, хён?

А, правда, как?

— Неплохо, наверное. С чем сравнивать, не знаю. Если с жизнью в родном доме, то здорово.

—..? — ЧонХан спрашивает одними глазами. Как объяснить словами то, что выразить трудно?

— Я у них — единственный мужчина, понимаешь?

— Холь! — друг хлопает себя по лбу. — Точно! Младшим в семье трудно.

— Не только в этом дело, хотя переоценить сложно. ДжеМин-сии относится, как к любимому сыну, сестра с уважением.

— А ЮнМи-сии? Она тебе не перечит?

Хороший вопрос. Роюсь в памяти, и к своему удивлению ничего подобного не нахожу. Приносят свиные шкурки.

— Ты знаешь, нет. Никогда не командует. Но вот ты спросил, и я кое-что начинаю понимать. Она никогда не командует, а с другой стороны, мне очень трудно ей хоть в чём-то отказать. Получается очень интересно. Я — главный, но как-то так получается, что почти всегда делаю, что она захочет.

Так! Приступаю к своим любимым шкуркам. У-у-у-х! Кажется, перцу многовато.

— Как это может быть, хён? — ЧонХан тоже бодро поедает свою порцию, подливая в себя пиво. Не отстаю от него. Хотя я и за рулём, но меня есть кем заменить.

— Кумихо его знает. Юна ухаживает за мной, как и положено благонравной корейской жене, но представляет это, как невиданную привилегию, — смеюсь, ЧонХан присоединяется. — Даже иногда отгоняет от меня ДжеМин-сии и сестру.

— А если она чего-то сильно не хочет?

— Не нахожу в себе сил настаивать, если она начинает огорчаться.

А ведь это правда! Сам только сейчас понял. И не только это. Вот зачем они столько перцу в мясо насыпали?

— Значит, ты не жалеешь, что женился? — ЧонХан наблюдает, как я счищаю перец с кусочков. Почему-то пристально наблюдает. Наверное, задумался и взгляд остановился.

— Не вижу причин, — кое в чём я признаваться не собираюсь. Был один момент, когда я вдруг запаниковал. Какая свадьба? Что я делаю? Куда меня тащит? Зачем? Юна сидела рядом в машине, спокойная и царственная, любовался её профилем, непроизвольно выискивая малейшие недостатки. Какой-нибудь, пусть незаметный на первый взгляд, волосок-переросток на неподобающем месте, прыщик или крупные поры на коже. Ничего. Нашёл только пару еле заметных конопушек и вздохнул. Непонятно, то ли огорчило меня, то ли обрадовало. Это всего лишь украшение.

Юна почуяла моё пристальное разглядывание, величаво повернула голову и вдруг её сапфировые глаза полыхнули шальным весельем. Показала мне язык и тут же всё веселье снова спряталось. Одновременно с языком. Так же величественно она отвернулась.

И все мои сомнения куда-то исчезли. Да, меня несёт, но плыву я не просто по течению, я плыву туда, куда мне надо. Случаются в жизни попутные ветра и попутные течения.

И про другое не скажу. Сегодня воскресенье. Обычно Юна отбрыкивается от секса по утрам. Мне хочется, не так чтобы, но не отказался бы. И Юна вроде не против, но отговаривается тем, что её после этого срубает и надо бы подремать хоть часок. В будний день невозможно, график у нас напряжённый. Но сегодня воскресенье, и я сделал своё чёрное мужское дело. Юну действительно разморило. Пропустила зарядку, отложила завтрак, нежилась в кровати.

— Хочу сегодня с другом встретиться, чисто в мужской компании, — сказал ей полусонной, — скучать не будешь?

— Да пропади ты пропадом, — пробурчала в подушку, — хоть полдня от тебя отдохну...

Почувствовал себя так, будто рванул с силой тяжёлый рюкзак, а он оказался набит пухом. Ждал нитья, споров, вопросов и допросов, а мне: «да топай уже, достал!». Даже желание куда-то вырваться пропало. Как вырвешься, когда тебя никто не держит? Без всякого удовольствия в ресторан уехал. А так предвкушал. Вот зараза, так обломать!

— Знаешь, Чон, оказывается, зарабатывать деньги тоже интересно. Ещё интересней, чем тратить их, — пока не принесли заказ, начал отвечать на вопрос, как у меня дела. Увлёкся так, что не заметил, как стало заканчиваться основное блюдо.

— Неплохо, но у Юны лучше, — добиваю свиные шкурки.

— Холь! — в восклицании Чона и восхищение, и недоверие, и что-то ещё. — Может мне тоже жениться?

— Женись. Ты всё с той, как её...

— КимВан. Да, хён, с ней. Только вот она готовить не умеет, — смеётся ЧонХан.

Расслабленно откидываюсь на спинку стула. Хорошо. Приятель смотрит с одобрением и долей любопытства.

— Хён, интересно на тебя женитьба подействовала, — ЧонХан провожает взглядом мою руку, протянутую к стакану с остатками пива. — Ты стал вроде ухоженнее, пойми меня правильно, хён.

— В каком смысле?

— Нет, ты всегда выглядел безупречно, но... — опять он пристально на мой стакан смотрит.

— Пива хочешь, друг? Давай ещё закажем?

— Нет, хён. Дай-ка руку... — ЧонХан чуть придвигается, склоняется, разглядывает мою руку. — Холь! Хён, никогда не замечал, чтобы ты маникюр делал.

Что он там молотит? Что он там увидел? Какой мани... щибаль!!!

С грохотом отодвигается стул, едва не упав. С соседних столиков на нас оборачиваются.

— Хён, хён... — ЧонХан дёргает меня за рукав, — садись, ничего страшного. Лак прозрачный, если не приглядываться, никто не заметит.

Чус-сан-пурида!!! Ёксоль! А я вчера вечером прямо млею, когда Юна мне ногти стригла и заусенцы срезала. Так приятно было. Особенно, когда она склонялась так близко, что чувствовал её тёплое дыхание. Но ногти она мне не лакировала! Ночью тихонько закончила обработку, пока я спал, щ-щельма!

— Слушай, Чон, — лезу в портмоне, — расплатись за меня.

— Конечно, хён...

— И ржать не надо! Щ-щибаль! Ну, я сегодня ей устрою!

На выходе из ресторана вызываю Юну по мобильнику. ЧонХан идёт рядом и держит покерфейс.

— Юна, ты где?

— Привет, Чжу, — мелодичный и радостный (точно знаю, чему она радуется!) вливается в уши. — Как у тебя там?

— Да вот, вспоминаю русские слова, которым ты меня учишь. Щ-щельма!

— Ты так смешно это слово произносишь, — хихикает Юна. И я знаю, что не над произношением она хихикает. погоди, я сейчас приеду!

— Я домой возвращаюсь...

— Да? А зачем? Там только мама, СунОк куда-то умчалась, я — в салоне красоты.

— Ёксоль! Тогда и я немного погуляю...

— Погуляй, конечно, Чжу, — медовым голоском одобряет Юна.

Можно, конечно, её и в салоне перехватить. Знаю я этот салон. Но не на улице же сцены устраивать... резко оборачиваюсь к ЧонХану и успеваю заметить, как вспугнутой птицей с его лица исчезает ехидная ухмылка. Или показалось? Глаза у него что-то чересчур честные.

— Чон, можешь помочь?

— Всё, что скажешь, хён, — преданно внимает ЧонХан.

Время 14:55.

Инчхон, пляж Ырванни.

Мощными гребками мы отплыли метров за полтора от берега. Теперь можно и отдохнуть, лёжа на спине. С далёким еле слышным гулом чуть в стороне от нас на взлёт идёт авиалайнер. Они то и дело здесь летают.

Морская вода, хоть и тёплая, окончательно меня успокаивает. ЧонХан хоть и постоянно хихикал, но всё-таки помог. По пути сюда купил в магазине жидкость для снятия лака, в просторечии ацетон. Последствия гнусной подставы от Юны были ликвидированы.

— Скажи, хён, а что ты будешь с ЮнМи делать? — ЧонХан косится на меня с любопытством. Не вижу, потому что смотрю в синее небо, но знаю.

— Что-нибудь сделаю, — я расслаблен и думать мне не хочется. — А зачем ты спрашиваешь?

— Кх-м, мне интересно, хён, как оно там в семейной жизни происходит. Я же тоже когда-нибудь женюсь.

— Между парнями проще, — размышляю вслух. — Сделал так же и все довольны. Вынул кто-то из-под тебя стул, сделай так же. А что я Юне могу сделать? Тоже ей ногти выкрасить? Так она только спасибо скажет...

Со стороны ЧонХана доносится смех.

— Скандал ей закачу, безобразную сцену устрою... потом зверски изнасилую.

Смех усиливается. Я чуть приподнимаюсь и плюхаюсь обратно, помогая нагнать волну руками. Смех ЧонХана сменяется бульканьем. А нечего над другом потешаться.

— Хён, а может не стоит ЮнМи скандал устраивать? — осторожно спрашивает ЧонХан уже на берегу. Ему что, жалко её что ли? — смотрю на него с подозрением.

— Чон, ты не понимаешь, — приходится растолковывать, — Юночка старалась, проснулась ранним утром, работала. Теперь готовится отражать мои претензии (интересно, как она это будет делать?). И вдруг ничего не будет?!

— Понимаешь, — привольно лежим на золотистом песке, — Юночку я обожаю и не могу себе позволить так разочаровать её.

ЧонХан опять смеётся, но на этот раз вместе со мной.

— Хотя ты прав. В этом что-то есть. Сделать вид, что ничего не заметил...

— А потом расскажешь, что возился с двигателем автомобиля и помыл руки бензином, — подхватывает ЧонХан.

— И понаблюдать за её разочарованной мордашкой, — оба ржём в голос. — Неплохо. Но лучше зверски изнасиловать...

Проржавшись, идём к машинам. Мои охранники тоже окунулись. По очереди.

31 июля, воскресенье, время 18:05.

Особняк Агдан.

Захожу в гостиную и, честно сказать, слегка столбенею. Заготовленную заранее схему с целью максимально завинтовать вредную жёнушку вышибает, как пробку нагретым шампанским.

Юна занимает свою любимую позицию на диване. В бежевом топики в обтяжку и сразу видно: без бюстгалтера. В тёмных шортиках, почему-то в ботиках на шпильке и в нейлоновых чёрно-прозрачных чулках. Кружевной верх из-под шортиков выглядывает.

Картина сбивает с ног наповал.

Юна, чуть согнув ножку, — а-д-ж-ж-ж! — что-то втирает нахмуренной СунОк. Вслушиваюсь.

— Онни, что значит, я неприлично одета? Что за фигню ты молотишь? Да я на сцене перед миллионами зрителей ещё и не в таких нарядах скакала.

Замираю, хочется послушать, что будет дальше. Меня пока не замечают. Юна вроде видит, но игнорирует.

— Юночка, ты же дома, а не на сцене, — мягко увещевает ДжеМин-сии.

— Вот именно, мамочка, я дома. Кого мне стесняться? Мульчи? Мульча, ты меня стесняешься?

— Мы-р-р-р!

— Вы обе меня всякой видели. ЧжуВон-оппа тоже.

— Неприлично, — бурчит СунОк.

— Да что ты понимаешь?! — пренебрежительно кривится Юна. — Что, ты, бестолковая девственница, можешь поведать мне, замужней даме, про приличное и неприличное?

— Не груби старшей сестре! — строжает ДжеМин-сии. Сидит в кресле, далеко от Юны поэтому обходится без подзатыльника.

— Скажи мне, так называемая старшая сестра, что ты знаешь о сексе?

— Ой! — сказали все три дамы, когда я в дверях, не выдержав, начинаю ржать. Стоять сложно, на полусогнутых, держась за живот, преодолеваю пространство до дивана.

Юна не спрашивает, куда я сяду. Молча подгибает ноги, и когда я сажусь, укладывает их мне на колени.

— Новые ботики, — проясняет моё недоумение, — надо разносить, чтобы удобные были. А чулки, чтобы скользили и ноги не натирали.

— Понятно, — возможность погладить атласную ножку вконец убивает моё намерение сквитаться с Юной за подлый розыгрыш.

— СунОк, мне, признаться, тоже интересно, — поворачиваюсь к ней. — Действительно, что ты знаешь о сексе?

Юна восторженно и одобрительно дёргает ножкой. СунОк под нашими дружными взглядами начинает полыхать всем лицом под безжалостные комментарии тонсён.

— Смотри, смотри, Чжу! Щёчки зарделись! Ой, а теперь и ушки. О-о-о-у, и шея.. мамочка, загляни там, пожалуйста, у неё спина не покраснела?

— Твоя сестра просто прелесть. Повезёт же кому-то, — мой комплимент усиливает полыхание лица СунОк.

— Думаешь? — Юна и Мульча с огромным сомнением изучают СунОк.

— Уверен, — моё авторитетное мнение не даёт утихнуть пунцовому пожару на лице СунОк. — Мужчины любят таких красивых и трепетных дам.

— Холь! — Юна быстро переобувается, и речь не о её изящных ботиках. — Повезло ей моей сестрой родиться.

— Перестань, дочка, — мягко просит ДжеМин-сии. Чувствую, она опасается что-то прямо запрещать Юне. Та вроде никогда прямо не возражает, но так выворачивает ситуацию, что мама всё время попадает впросак. У неё, впрочем, есть неубиваемый аргумент. Подзатыльник.

Всё! Больше нет никакого терпения. Ножки Юны у меня на коленях и под моими руками — атомное топливо для костра во мне. Наклоняюсь и просовываю руку ей под спину.

Юна не сопротивляется, наоборот, волнообразным перекатом помогает.

— Извините, дамы, мне надо с супругой посекретничать, — от рывка с дивана уже вместе с Юной на руках Мульча протестуяще мявкает. Иду на второй этаж в нашу комнату. Пора Юне и расплатиться за свою подлую выходку. По ходу дела Мульча решает, что ей спокойнее будет без нас и спрыгивает. Юна из-за моего плеча показывает СунОк язык. Но хоть не говорит ничего.

— Ты сейчас будешь наказана, — уже в спальне, укладывая Юну на кровать, приступаю к исполнению задуманного. Первая часть — безобразная сцена.

— За что? — Юна немедленно округляет невинные глаза.

— За это, — шевелю пальцами перед ней.

— Что такое? Ты стёр мой самый дорогой лак? Да как ты посмел! Столько трудов! — Юна не на шутку возмущена. Так и знал, что в угол её не загонишь. Ну, что ж, приступим ко второй части. Давно не терпится. Впиваюсь в её губки жёстким поцелуем, Юна не увильивает, тут же закидывает руки мне на шею...

Через полчаса расслабленно отваливаюсь. Юна недовольно бурчит, приводя себя в порядок.

— Даже не разделись... навалился, как бегемот... совсем уже... ничего, с завтрашнего дня у меня критические дни, хоть отдохну от тебя.

— Совсем забыл, — не собираюсь давать ей спуску, — я ж тебя отшлёпать хотел.

— Совсем крыша съехала? — Юна иногда очень образно говорит. — Я нежная, хрупкая, маленькая. А твоими лапами можно фигурно арматурные работы выполнять. Это я тебя могу бить, тебе, слонопотаму, ничего не будет.

Ещё и крутит пальцем у виска. Пальчиком. Длинным, красивым, с перламутровым ноготочком, у-м-м-м...

Юна ловит мой взгляд, вскакивает и тут же убегает.

— Хватит! И так меня из колеи выбил, у меня сейчас тренировка с онни, — выкрикивает уже их дверей. А-д-ж-ж-ж! Не успел её схватить, а ловить лень. Ладно. Ночью-то она никуда не денется. Надо только решить, кто кого сейчас изнасиловал? Зверски. А то что-то сомнения меня одолевают.

Неизвестно когда и в каком месте.

Небольшой изысканный конференц-зал.

На сцене Агдан. В зале члены богатейших фамилий Южной Кореи. Агдан одета строго и красиво. Белая блузка со стоячим воротником не закрывает длинную шею, тёмный жакет с длинными рукавами. Юбки из-под трибуны не видно.

— Аньёнхасейо, уважаемые господа! Наша встреча состоит из двух частей. Первая часть вступительная, вторая — деловая. О ней я ещё скажу.

— Для начала позвольте выразить огромное уважение и восхищение вашими впечатляющими успехами в бизнесе. Вас по праву можно назвать лидерами национальной экономики. Если переходить на термины шоу-бизнеса вы — биас республики. Вы достигли таких высот, о которых десятки миллионов наших сограждан даже не смеют мечтать.

Здесь Агдан делает паузу. Опытный человек, а среди присутствующих большинство именно такие, уже мог сказать, что оратор готовится к разделке аудитории. Идёт этап размягчения публики. Своего распашка и культивация, затем можно сажать. Зёрна

разумного, доброго, вечного. Или наоборот.

Опытность, однако, не всегда спасает. Любому, и тому, кто видит лесть, тем не менее, трудно ей противостоять. Особенно, если комплименты абсолютно справедливы.

— Огромные капиталы это огромная сила. И вы этой силой обладаете. По экономической мощи вас можно поставить в один ряд с титанами, мифологическими существами, бросившими вызов богам. Но что это значит? А это значит, что и задачи нам придётся решать поистине титанические. Ведь наша страна на пороге огромных проблем. Кто их будет решать? Некому кроме большого бизнеса. Может быть это сможет сделать государство? Прошу простить за прямоту, но государство — всего лишь инструмент в наших руках. Политические партии? Тоже инструмент.

— Нам выгодна существующая система. Мы — её главные бенефициары, значит, нам и думать о том, чтобы её сохранить. Простые люди и даже средний класс слабо в этом заинтересованы. Они проживут и при коммунистах.

— О каких проблемах вы говорите, госпожа Агдан? — раздаётся уверенный голос из зала.

— А я не знаю. То есть, я обо всём не знаю. Я вижу то же самое, что и все. Что такое коэффициент рождаемости ниже единицы? Пессимисты говорят о вымирании нации в далёком будущем, что начнётся лет через пятьдесят. Но я скажу о понятных и близких вещах. Чем грозит падение рождаемости? Это сужение рынков детских товаров, начиная от памперсов и кончая учебниками. Нехватку рабочих рук мы ощущаем уже сейчас, а через двадцать она станет катастрофической. Но это не единственная проблема.

— Что же ещё нам угрожает, госпожа Агдан? — в голосе еле заметно звучит нотка снисходительности.

— Не знаю, господа. Одно знаю точно, хорошие времена, рано или поздно, всегда сменяются плохими. И ещё знаю твёрдо: кризис намного легче преодолевать, если к нему готовиться заранее. Но какого рода кризис нам угрожает и когда, я не знаю.

— Зачем тогда вы затеяли этот разговор, госпожа Агдан? — снисходительность в голосе меняется на скуку и равнодушие.

— Затем, чтобы вы задумались. Я тоже буду думать. А теперь переходим к следующему вопросу, — Агдан резко меняет тему.

31 июля, воскресенье, время 21:50.

Особняк Агдан. Спальня Агдан.

— Примерно так я вижу, Чжу, — Юна смотрит на меня завораживающе синими глазами. Ждёт моей реакции. Вздыхаю. Порадовать мне её нечем.

— Они тебя не услышат. Могут высмеять, — опять вздыхаю. — Мне будет неприятно, достанется от хальмони.

— А разве я не права?

— Права, наверное. Но разве нам нечем заняться?

— А для чего?

Разве такие вопросы должна задавать молодая женщина в своей спальне своему любимому мужу-красавцу? Хватаю её и затаскиваю на себя. Очень удобно. Никаких усилий, чтобы прижать к себе, эту заботу берёт на себя сила земного тяготения. А свободными руками можно пройтись по завлекательным изгибам сзади.

— Для чего, для чего? Для того... — зарываюсь носом в её волосы.

Окончание подглавы.

Глава 5.2 ...и Юна

6 августа, суббота, время 20:35.

Особняк Агдан. Спальня и окрестности.

В шортах и футболке, загоняю Юну в тупиковый коридор. Тот, где вход в нашу спальню, пару гостевых комнат и кладовку. В торце душевая и санузел. Юна в таком же наряде, заливаясь смехом, пытается проскользнуть под рукой, но попадает в крепкий захват вокруг талии. О, момент торжества и превосходства! Придерживая бессильно попискивающую Юну и победно размахивая другой рукой с зажатой в ней внушительного вида расчёской, вступаю в спальню берлогу. Рядом крутится игривая Мульча, слегка покусывает за ноги. Будто говорит: ты там побережнее с моей хозяйкой. Резвиться сегодня можем вволю, ДжеМин-сии с СунОк уехали в старый дом. Что-то они там забыли взять, да и прибраться надо.

После короткой возни, сопровождаемой слабым повизгиванием Юны и моим грозным рычанием, устраиваемся на полу у кровати. Прижимаю её к себе спиной, правой рукой нацеливаюсь расчёской.

— Спасите! Насилуют! — успеваешь вскрикнуть Юна, прежде чем расчёска вонзается в шелковистые пряди.

После этого резко замолкает. Расчёсывание обладает для Юны мистической силой воздействия. По её рассказам, лучше всех получается у СонЁн. Так здорово, что мурлыкать хочется. За неё это делает Мульча, не теряющая времени и расположившаяся на её бёдрах. Наверное, не умею, как СонЁн, но блаженство настигает Юну как бы ни быстрее и глубже, чем в ласковых руках подружки. Наверное, потому что руки мужские...

После полного отключения девушки времени тоже не теряю. Чем я хуже Мульчи? Когда Юна с лёгким вздохом открывает глаза, она уже раздета.

— Ты соблазняешь меня, пользуясь инсайдерской информацией, — пафосно упрекает меня Юна, — я буду жаловаться в комиссию по делам межличностных сексуальных отношений.

Играть возбуждение мне не надо, и преувеличенно похотливо оскалившись, прицельно ощупываю взглядом беззащитное тельце девушки. Сделать Юна ничего не может, её руки прижаты к бокам. Наклоняюсь всё ближе, выбирая первую цель. Юна смотрит внимательно и, неожиданно грозно ощерившись, делает резкое движение вверх.

— А-м-м-ц! — вдогонку клацает зубами.

— Му-у-у-р-р-р, — одобрительно отзывается Мульча, наблюдающая за нами с подоконника.

Холь! Застигнутый врасплох слегка подпрыгиваю, резко одёргиваю голову. Юна заливается смехом. С отчётливо глумливым оттенком.

— О-а-а-а-х! — с контрударом не затягиваю. Захожу с козырей, припадаю к соблазнительным холмикам. Юна вздрагивает, стонет, изгибается всем телом. От стиснутого зубами соска её будто бьёт током. Чувствительные места любимой жены давно мне известны.

После такого держать её нет необходимости. Выпущенные на волю руки не отталкивают, а забрасываются на шею. Вместе и дружно падаем в сладкий морок.

Утро следующего дня. Юна.

Утром привычно просыпаюсь, прильнув к ЧжуВону сбоку. Головой на его груди, закинув правую руку и ногу. Зеваю и отваливаюсь на спину.

«Пока оппа спит, можно спокойно поразмышлять. Свести баланс. Дела идут, то хорошо, то замечательно. То вскачь, то вразвалку. Но это дневные заботы, публичная деятельность, неплохо бы и себя в кучу собрать.

Хм-м, ЧжуВон. ГуаньИнь некисло подсуропила. Она, кому же ещё такое под силу. Её женское тело такие коленца выкидывает, хоть стой, хоть падай. Стоило только чуть-чуть... нет, не снять, только чуть-чуть ослабить контроль разума, как тело мгновенно взяло все свои права. От близости с Чжу буквально крышу сносит. Которую ночь уже вместе, а до сих пор, нет-нет, да и потеряю сознание от оргазма. Чжу первые разы пугался, сейчас привык. Осторожно укладывает и ждёт, когда в себя приду.

И само тело стало меняться. Внешние изменения почти не заметны. Немного увеличился объём бёдер, грудь пока нет. Вроде бы. Да и бёдра в пределах точности измерений. Но она чувствует, что меняется. Аппетит не такой зверский, как раньше, психика устойчивее.

А самое главное, — надо хоть себе прямо признаться, — она откровенно счастлива. Вот сейчас лежит нагишом, переполненная счастьем. Истома во всём теле неистребимая. Вставать пора, а не хочется. Ладно б только ночью так, но ведь и днём, если окажется рядом, то как-то само собой приваливается к нему и будто пригревается, как кошка. От его касаний тепло расходится по всему телу. Что она там ему наговорила, назапрещала? Нельзя того, другого, третьего? Всё ерунда. На самом деле в постели он сделает со мной всё, что захочет. После его поцелуев просто не смогу сопротивляться. Хорошо, что он не знает. И он примерно в том же положении, что и я, как бы не хуже, хи-хи... тоже сделаю с ним всё, что захочу. И есть у меня кое-какие порочные желания, которые не буду откладывать в долгий ящик.

О-хо-хо, вставать надо. Что я там задумала? А то проснётся раньше времени...».

Через десять минут, высунув от старания язык, завершаю диверсионные работы. Слегка отодвинувшись, люблюсь. Красота! Просто замечательно! Хихикнув, с чувством исполненного долга иду в ванную. Через четверть часа выхожу оттуда свежая, как утренняя птичка.

— С добрым утром, принцесса, — ЧжуВон смотрит благожелательно, потягивается, сплетая мощные руки.

— С добрым утром, ЧжуВончик, — отвечаю приторно ласково.

Медленно-медленно с лица парня сходит улыбка, в глазах начинает светиться подозрительность. Якобы невзначай, обхожу кровать по широкой дуге и уже у дверей сообщаю:

— Я на кухню готовить. Ты давай умывайся и завтракать.

И быстренько исчезаю за дверь. Но не ухожу, приникаю ухом к дверной щели. В спальне слышится недоумённое бормотанье, возня на кровати и, наконец, утробное рычание. Аж с низкими хрипами и рокотом, каким пугают других животных тигры и львы. Удовлетворённо и радостно хихикаю, убегаю вниз.

ЧжуВон.

В спальне ЧжуВон рычит сквозь смех или смеётся сквозь раздражённое ворчание.

Рассматривает ногти на ногах ярко-алой кокетливой расцветки. Юна опять постаралась украсить своего оппу. Вот что с ней делать, а?

Гоняться за ней в поисках по всему дому он не будет. Ничего. Куда она с подводной лодки денется? Свежий после умывания ЧжуВон спускается в столовую и видит тарелку с дымящейся кашей, стакан с чаем. Всё, как положено, а Юны нет. Воровато оглянувшись, ЧжуВон достаёт из холодильника пластиковую коробку с кимчи и, довольный, садится за стол.

— Попался! — на его плечо резко опускается девичья ладошка. ЧжуВон замирает.

— Конвенцию нарушаем? Опять? — ему в лицо заглядывают по-прокурорски строгие синие глаза. Кимчи немедленно покидает стол. Юна садится рядом со своей тарелкой.

— Ты за это ответишь, — обещает ЧжуВон, — по всей строгости.

— За что это я отвечу? — хладнокровная Юна поглощает свою порцию.

— За издевательства над любимым мужем.

— Какие издевательства? Ночами ублажаю, по утрам кормлю...

— ...а ещё глумишься, — ЧжуВон выставляет голую ступню, шевелит яркими ногтями. Юна отворачивается, когда возвращает лицо в прежнее положение, оно почти серьёзное.

— Что значит «глумишься»? — с королевской холодностью спрашивает Юна, — Я трачу своё драгоценное время, чтобы тебя украсить, а ты, шельмец эдакий, смеешь не ценить?

Юна так чисто играет благородное негодование, что ЧжуВон даже засомневался. Ужели он опять не прав?

— Украсила? — ЧжуВон убирает обвинительные нотки, — А что ж так небрежно? Смотри, вон там и там недокрасила.

Парень тычет пальцем вниз, и Юна ловится. Смотрит вниз на шевелящиеся ярко раскрашенные пальчики на крепко корявой с чёрными волосками мужской ступне. И не выдерживает. Скрючивается от хохота. ЧжуВон, глядя на неё, тоже посмеивается. Вроде не так активно, но подрагивает всем телом, удерживая такие же приступы смеха.

Завтрак пара заканчивает, просто устав смеяться. Смотрят друг другу в глаза. Юна сначала с проказливой боязнью, вдруг всерьёз обиделся? Но нет. Напускную строгость то и дело смывает весельем.

— Пошли, — командует оппа, — смывать будешь. А потом будешь наказана. Очень строго.

— Нет, — мотает головой девушка, — Смывать не буду. Просто не смогу. Умру от смеха.

ЧжуВон выдвигает челюсть вперёд, Юна, склонив голову набок, с интересом смотрит.

— Отшлёпаю.

— Меня нельзя бить, — быстро отвечает Юна.

— Знаю, нельзя. Но придётся, потому что надо.

В итоге высокие стороны договариваются отложить разборки до вечера.

После пяти часов возвращаются мама и СунОк. Привозят какой-то хлам, дорогой их сердцам. Зато Чжу сваливает в отчий дом. Хальмони возжелали пообщаться с любимым внуком.

Долгий день подойдёт к концу, когда мы с СунОк уйдём из спортзала. Для начала стоим перед зеркалом. Сама себя не пойму, полчаса выкаблучивались с онни перед зеркальной

стенной и всё мало. Хотя работа это одно, а самолюбование другое. ЧжуВон нас в это время не беспокоит, у меня железная защита от него — СунОк. На меня он имеет право глазеть, на онни — нет.

Мы в сногшибательных нарядах. Чёрный гимнастический купальник с длинным рукавом в обlipку в сочетании с чёрными же тонкими нейлоновыми колготками. СунОк ревниво косится в мою сторону, сравнивает. А если ЧжуВон увидит, с ума сойдёт. Но с онни я, хи-хи, в безопасности.

Эротичность костюма — побочный эффект. Наряды не для мужских зрителей. Чёрный цвет идеален для контроля. Контроля всего, и фигуры и чистоты движений.

Осматриваю себя со всем тщанием. Слева на стуле приладила видеокамеру. К другому стулу прилепила полуметровую линейку. Хочу точно, до миллиметра, знать про изменения малейших параметров.

— А это зачем? — онни смотрит с любопытством.

— Затем. Давай, ты тоже... — её тоже проверяю на коэффициент фактурности. Длина ног должна составлять ровно половину роста, иначе ты — не гимнастка. Объясняю СунОк, измеряю. Слава небесным апельсинам, сестрица дотягивает до коэффициента пятьдесят. У меня сорок восемь с половиной. Чем меньше, тем лучше. Это отношение расстояния от сиденья стула до макушки (измеряемый сидит на стуле) к общему росту. Чем меньше это отношение, тем большая доля достаётся ногам.

Время истекает. Моё время, когда я с относительной лёгкостью могу повлиять на параметры своей фигуры, уходит. Подростковый период на финише. Если упущу момент, потом не нагонишь. Не всё так грустно, конечно. СунОк ведь привожу в порядок.

Насмотрелась всяких видео, вот в чём дело. В какое-то время захотелось всего и сразу. И я всерьёз занялась собой сразу по нескольким направлениям. Ударными темпами стала развивать гибкость... и это уже не гибкость, это сверхгибкость. Девушки, способные на это, в цирке выступают или в эксклюзивных шоу. Кроме того занялась приручением обруча. Вращать вокруг талии могут все. Упорно раскачиваю это умение. Не останавливая вращение, пробую приседать, ходить. Перемещать плоскость вращения вниз и крутить обруч бёдрами, коленями. Выгонять вверх и задействовать движения грудью и вытянутыми вверх руками. И начинает получаться. Недавно удалось поднять второй к уже крутящемуся первому. Кажется, пора думать о новом шоу.

А ещё в одну из ночей, прямо во сне, меня настигла потрясающая воображение картинка. Из прошлой жизни. Попытки найти в интернете нечто подобное оказались безуспешными. Девушка, танцующая на толстом канате. И ступни крупным планом. Святые небеса, как же они были красивы. Сразу решила, что приложит все силы, но её ножки будут так же божественны. Начиная от кончиков пальцев ног и заканчивая кончиками пальцев рук, хи-хи. И в спортзале появляются крепления для горизонтального подвешивания толстого каната.

Идея всерьёз заняться художественной гимнастикой давно мной овладела. После двухчасового, — могла бы и дольше, дела оторвали, — восхищённого до отвисания челюсти рассматривания гимнасток в интернете. Все эти арабески и прочие невероятные загибы буквально очаровывают. Реакцию мою можно описать одной фразой «Тоже так хочу». Пока осваиваю основы. Изнуряю себя у балетного станка, тяну связки во все стороны. Любые шпагаты она делала и раньше. Ещё в школе Кирин научилась. Теперь добивалась глубокой, глубже и глубже, просадки. Так я это называю. На сегодня она добилась касания ягодицами при поперечном шпагате на опорах высотой тридцать пять сантиметров.

Вечерами растягиваю стопы. Надо сформировать высокий подъём. Он и так не плох, но лучшее — враг хорошего.

Включаю видеокамеру и на фоне линейки делаю стойку на полупальцах. Сначала на одной ноге, слегка отклонив другую назад. Потом на другой. Загнула до боли каждую ножку в стойке на пальцах. Это когда нога опирается на загнутые вовнутрь пальцы. Села на пятки и начала поднимать колени на максимально возможную высоту, так же опираясь на сжатые пальцы. Оказывается это больно.

Подкладываю коврик и позже выключаю камеру. Занятия на растяжку стопы продолжаются полчаса, на фоне тяжких стонов СунОк. Согласно с ней, это не занятия, это пытки. На себе ощущаем самоотверженность, и даже героизм балерин, которые часами изнуряют себя такими упражнениями. Может, потом будет легче. Но даже если не будет, сдаваться не собираюсь. Очень уж я впечатлилась видом стройных ножек с оттянутым носочком и обточенных изнурительными тренировками в течение многих лет. Если взаимоотношения полов рассматривать как войну, то такие ножки можно уподобить по силе воздействия переносным ракетным комплексам. Это вам не жалкие стрелы Амура!

Усталые уходим с СунОк из спортзала. В спальне ухожу в свою маленькую личную комнатку. Личная спаленка. Там можно отмакияжиться, переодеться. А то и спрятаться от ЧжуВона. Есть кушеточка, на которой можно спать.

После быстрого и лёгкого душа переодеваюсь в обычный наряд. Шорты и футболка. Традиционно без лифчика. Дома никогда его не ношу. Мне можно, у меня не пятый размер и даже не второй. В таком виде меня и застаёт ЧжуВон.

— Юна, ты здесь?

Валяюсь на животе, болтая ножками, и ковыряюсь в планшете. Нужно найти тренера по художественной гимнастике. В Корее это не очень развито, но хоть кто-то есть? Рядом на столике стопка открыток с моими автографами. Обязательная почти ежедневная программа. Надо, кстати, цены повышать, чтобы поток сбить.

— Чем занимаешься, принцесса? — принцесса, то бишь я, тут же вальяжно протягивает ему руку.

— Целуй. И докладывай, что и как?

Зря это сказала. ЧжуВон чиниться не стал и принимается целовать. Сначала руку. С трудом отбиваюсь, когда он уже добирался до шеи. Ничего не помогало, пока не догадалась сказать:

— Ножки мне лучше помни, а то они ноют после тренировок.

И понятно, чем это кончается. Впрочем, всё равно укладываться надо.

8 августа, понедельник, время 08:10.

Шоссейная трасса на въезде в Сеул.

— Останови! — нашим двум машинам и без того приходится притормаживать.

— Юна, не стоит. Мы — не полиция и не медики...

Он, что собирается проехать мимо?! Выехавшую на встречную, нашу, полосу машину от встречного удара просто отбросило с разворотом. Столкнувшийся с ней автомобиль при попытке увильнуть от удара перевернулся на крышу. И с пятю метров проехался на ней.

Случилось всё почти на наших глазах, метров за двести.

— Останови! — неожиданно для меня самой голос лязгает так, что послушаться

невозможно.

Из машины выскакиваю без обычного ритуала с открыванием двери ЧжуВоном. Просто выскакиваю. Быстрым шагом иду к разбившейся машине. Не оглядываюсь, но знаю, что охрана и Чжу идут следом. Кто-то ещё остановился, появляются первые зеваки, около перевёрнутой и второй машины уже суетятся. Довольно бестолково.

— Дорогу! — рывкаю на суетливых и бестолковых. Оцениваю ситуацию.

— Надо зажигание выключить! — нагнетает кто-то. Ага, три раза! Из топливного бака действительно течь, слышен запах бензина. Но выключение, как и включение, электропитания сопровождается искрами, так что нет.

— Только попробуй! — предупреждаю я. — Руки оторву! Отошли все назад!

— Высадите двери! — последний из идущих охранников бегом возвращается к машине за монтажкой, как я понимаю. Так же бегом возвращается и начинает высаживать вторую дверь. Первую мои бравы молодцы вырывают руками. Оттаскивают пострадавших, мужчину и женщину средних лет, по видимости живых и не изломанных. Ремни безопасности — наше всё.

А вот дамочке помоложе, сидящей сзади, досталось круче...

На обочине организуем лежбище. Один из охранников по моей команде срывает чехол с кресел. На нём и относим пострадавшую на обочину. Спешу за ней. Девушке досталось. Кроме царапин и опасно бледного лица открытый перелом правого предплечья. Под небольшим углом, но кость прорвала кожу. Из глубокого пореза на плече, — на разбитое окно её бросило что ли? — толчками бьётся кровь.

Присаживаюсь рядом на одно колено. «Зрение» включаю на автопилоте и сразу понимаю, что не ошиблась. Не знаю, как остальные, но эта девушка в пограничном состоянии. И недолго ей осталось, если не помочь. Не так я сильна в анатомии, была не сильна, пока «видеть» не стала. Артерия в плече повреждена. И ниже есть опасные порезы.

Рассуждения мои действиям не помеха. Пальцами уже пережала артерию, толчки крови из раны меняются на слабеющее вытекание.

— Агдан, Агдан... — на эти шепотки не обращаю внимания. Я сейчас не Агдан, а обычный гражданин. Вернее, не обычный, а цивилизованный, тот, который не пройдёт мимо попавшего в беду человека. Краем глаза фиксирую какую-то возню, возмущённый возглас, тихий, но грозный рык. Охрана не спит.

— Не подходить! — предупреждаю тем же командным голосом. — Даже не дышать в эту сторону! Дайте что-нибудь стерильное. Салфетку, полотенце...

Поданную через полминуты салфетку приказываю осторожно накрыть место перелома. Надо закрыть доступ воздуха, перекрыть канал загрязнения раны. Даже микробрызги при разговорах могут повредить, занести инфекцию. Пыль может попасть. Сама я уже в маске и хоть убей, не помню, когда успела её нацепить.

Проверяю всё остальное. Пара ребёр сломана, но не катастрофично. Лёгкие и другие органы не повреждены. Почти не повреждены. Небольшой разрыв печени. Состояние шоковое, что тоже опасно. Осторожно кладу вторую руку и начинаю «работать». Кость я ей не сращу, а печень подлатаю и, вообще, силёнок волью...

Наконец-то прибывает скорая помощь. А то уже устала в одной позе сидеть. Под расстреливающими взорами зевак. Это ещё меня Чжу прикрывает и осаживает норовящих подобраться поближе неласковым взглядом. Кратко докладываю людям в белых халатах (на самом деле, в чёрных робах с оранжевыми вставками).

— Разрыв плечевой артерии, открытый перелом правого предплечья, сломано два ребра, внутренних повреждений нет кроме ушибов, вывихнута левая ступня. Возможно, сотрясение мозга, кости черепа целы.

— У-ф-ф-ф! — кое-как встаю, ноги затекли.

— Быстро в жопу пошёл! — предваряю и сопровождаю действия охранника, который заворачивает сначала руку, а потом и целиком зеваку лет тридцати. Нашёл время автограф выпрашивать. Тем более, я давно их на улице не раздаю.

Через пять минут, сразу, как только привела себя в порядок, вырливаем с места ДТП. За нами уже пробка. Не сильно большая, поток машин в этом направлении не велик.

8 августа, понедельник, время 09:20.

Одна из студий «Агдан-ТВ».

— Вы напрасно задаёте такой вопрос, господин ЕнУ, — упомянутый мной господин прислан ВинЧоном, лидером оппозиции. Он попросил об интервью, мне не то, чтобы не жалко, мне выгодно. Изрядная, хоть и меньшая часть общества, их поддерживает. Значит, впереди маячит рост рейтинга моего телеканала.

Небольшого роста с профессорской бородкой интервьюера прислал ВинЧон. Он не журналист, по представлению ВинЧона, аналитик и политический эксперт. Вопрос он задал провокационный, насколько коррупционно нынешнее правительство? Это фишка нашего канала, которую поддерживаю всеми силами. Нет запретных тем и запретных вопросов. В разумных пределах, конечно. На нескромные вопросы просто отвечать не буду. Но и репрессировать за их озвучивание не планирую. На первый раз, а там посмотрим.

— Он бесполезен, — объясняю я. — Я не смогу сказать, что правительство коррупционно, даже если мне будут известны такие факты. Во всём следует соблюдать порядок. Если я вдруг обнародую такие обвинения, это будет означать объявление войны правительству. Но в настоящий момент моя корпорация принимает участие в одном национальном проекте. Согласитесь, будет странно, если вместо сотрудничества, я затею драку со своими партнёрами.

— А вам известны такие факты? — хитренько улыбается эксперт.

— Нет, лично я с таким не сталкивалась. Но опять повторяю: ваш вопрос не имеет смысла. Если бы я что-то такое знала, я бы всё равно сказала «нет».

— Потому что не хотите раздражать правительство и президента?

— Не хочу. И смысла не вижу.

— Но ведь каждый честный человек...

Вот упёртый!

— Каждый честный человек должен соблюдать естественный порядок. Если заболел — обращайся к врачу. Если подвергся нападению грабителя — вызывай полицию. Если узнал что-то о коррупции в государственных органах...

— Да-да? — опять хитренько улыбается ЕнУ.

— ...то надо обращаться к вам. В оппозиционную партию. Это одна из ваших функций — следить за правительством и президентом. Но не обязательно делать это публично.

— А почему не публично?

— Потому что это вам решать, когда и как применять эту информацию. Публично к народу нужно обращаться по другим вопросам. Общенационального характера.

— Холь! Оставим эту тему, — наконец-то! — Госпожа Агдан, а вы не думаете заняться политической деятельностью?

— Мне придётся это делать. Любой миллиардер влияет на общественную жизнь. Я пока не миллиардер, но, во-первых, это временно, а во-вторых, если брать во внимание не только финансово-промышленные активы, то я не уступаю в силе миллиардерам.

— Про какие активы вы говорите?

— Популярность, количество фанатов. Мало кто из чеболей, скорее всего никто, может похвастаться тем, что у него есть несколько сотен или тысяч абсолютно преданных им людей.

— Не испытываете желания вступить в нашу партию?

— Испытываю желание сотрудничать, но в вашу партию вступить не могу.

— Почему?

— Потому что я тоже лидер, если не партии, то достаточно широкого слоя корейского общества. И решать за них не имею права.

— Вы работаете с правительством. Не боитесь вызвать недовольство руководства нашей партии?

— Почему оно должно быть недовольным? Политически я правительство не поддерживаю. А работают с ними все. В том числе и вы.

—..?

— Вы же в парламенте работаете с правящей партией? Или вы хотите сказать, что ваши депутаты — бездельники? — острые вопросы я тоже умею задавать.

— Чем планируете заниматься дальше? — эксперт снова меняет тему.

— Займусь кинобизнесом, укреплю свою корпорацию и начну решать национальные проблемы.

— Повышать рождаемость? — улыбается эксперт. — И как вы это сделаете?

— Уже делаю. Например, сейчас. Перво-наперво, корейское общество должно осознать очевидный факт: рождение женщиной ребёнка важнее службы в армии мужчины. А у нас что происходит? Все владельцы и руководители фирм с пониманием и сочувствием относятся к мужской обязанности служить в армии. И тех же самых руководителей крайне раздражают женщины, вынужденные оставить работу ради рождения ребёнка.

— Хм-м... — эксперт задумывается.

— А разве это менее важно для страны? Ну, давайте скажем, что не важно, и дружно выйдем лет через пятьдесят. Пукхан очень обрадуется, когда мы им без всякой войны проиграем.

— И как вы заставите их задуматься об этом?

— Так уже заставляю. Мы заставляем. Мы с вами сейчас указываем бизнесменам страны на их ошибки, за которые расплачивается вся страна.

— Они вас тут же попросят показать им пример, — тонко и с долей ехидства улыбается ЕНУ.

— Не о чем тут просить! — отрезаю я. — Всем женщинам моей корпорации дано право уходить в отпуск по рождению ребёнка. Начиная с шестого месяца беременности до возраста одного года. С предоставлением ежемесячного пособия и резервированием рабочего места. Это сделано сразу, в самые первые дни организации компании.

— О-о-о, — ошеломлённо тянет эксперт. Вот тебе и «о».

Конец главы 5.

Глава 6. Реакция

Чат «Ред Алерт», ночь с 9 на 10 августа.

Объявление в топе чата: «Как угодно критиковать Агдан имеют право только лицензированные пользователи. Те, у кого ники начинаются с символа «&»;». Хейт со стороны остальных строго воспрещается. Наказание за нарушение одно: изгнание из чата без права восстановления». Ник «001» принадлежит одному из ближайших помощников Агдан.

[**1] — К сведению. Число просмотров на ютубе фильма Агдан «Выстрел в сердце» на данный момент составляет 672 миллиона! Предваряя вопросы и подсчёты, Агдан получила тридцать три миллиона шестьсот тысяч долларов из расчёта пять центов за один просмотр. Подсчёт условный, сколько на самом деле причитается за один просмотр — коммерческая тайна.

[&*2] — А ещё Агдан пустила коров на чужое бобовое поле.

[***] — На чьё поле? Когда?

[&*2] — Вчера. Сказала, что это бизнесмены виноваты в том, что рождаемость падает.

[***] — Прямо так и сказала?

[&*2] — Примерно так. Точную формулировку не помню.

[**2] — «Руководителей (фирм) крайне раздражают женщины, вынужденные оставить работу ради рождения ребёнка» — почти дословная цитата. Было сказано, что это ошибка. На мой взгляд, на прямое обвинение не тянет. Обвинение предполагает преступление, разговор идёт об ошибочной политике.

[***] — Королева указывает подданным на их промахи, кх-кх-кх...

[***] — Как бы корову Агдан, которую она пустила на чужое поле, не сожрали...

[***] — Кто?

[***] — Как кто? Злые бизнесмены, допускающие ошибки.

[***] — Холь! Пусть только попробуют!

[***] — Не мешайте! Я свадебный фильм пересматриваю. А-д-ж-ж-ж! Сестру Агдан какой-то сержант окучивает! Неужто я опоздал?

[***] — А ты набей ему морду! Кх-кх-кх... и СунОк будет твоя.

[***] — Агдан правильно говорит. Какая бы ты хорошая работница ни была, попробуй заикнись начальнику о беременности, житья не станет.

[***] — Пробовала? Заикаться?

[***] — Да. Но нас двое, моя сонбе беременна, я её подменяю по работе. Она меня сейчас учит. А когда она родит и выйдет на работу, я рожу. Хотели третью девушку уговорить к нам присоединиться. Ту, что заменит уже меня. Но хитрый начальник принял на работу сорокапятилетнюю, у неё уже сын школу заканчивает.

[***] — Кунчанним знает, что следующей ты рожать будешь?

[***] — Щибаль! Ты с дерева упал, что ли? Ему только попробуй скажи...

[***] — Агдан правильно сказала, что рождение ребёнка надо приравнять к службе в армии. Сколько там служат, 21 месяц? Вот такой отпуск нам и надо давать.

[***] — Оплачиваемый?

[***] — Солдатам оклад дают? Дают. И живут на всём готовом. И нам так же надо.

[***] — Не оклад, а денежное довольствие!

[***] — Мне всё равно, как называется источник, из которого в мой кошелёк втекают

воны.

[&#1] — Видели, как Агдан в ДТП вмешалась? (ссылка на видео).

[***] — Дебак! У неё руки в крови были! Ужас!

[***] — Вам ли, девочкам, крови бояться?

[***] — Что это с пострадавшей делала?

[**1] — Артерию ей пережала, чтобы от потери крови не умерла.

[&#1] — Охранник по-хамски с прохожим поступил.

[**2] — Ничего хамского. Куда он так летел с разгону? Агдан на голову хотел упасть?

[***] — Всего-то автограф хотел взять. В руке какая-то бумажка с ручкой была.

[**2] — Во-первых, Агдан автографы сейчас не даёт. Только через кафе сестры и наш клуб. А во-вторых, головой думать надо, а не задницей. Тут люди умирают, а этому автограф приспичило.

[***] — Не знаю, я тоже бы не удержался...

[**2] — Да у неё ещё и руки в крови. Она уже потом их ополоснула (на видео есть момент, когда охранник поливает руки Агдан минеральной водой из бутылки, с рук стекают розовые струйки).

9 августа, вторник, время 08:35.

Агентство «Music Modern», кабинет Агдан.

— Хорошо, госпожа СунСиль, я могу принять вас прямо сейчас. Дела у меня всегда есть, но ближайшие можно сдвинуть.

Кто молодец? Я — молодец! Мне помогает старательно в последнее время возвращаемое нахальство. Корейские традиции вынуждает. Уж больно мне не нравится кланяться на каждом шагу. И что для этого нужно? Решение тривиально. Чем выше ты в иерархии, тем меньше тебе приходится сгибать спину.

Молодец я потому, что вовремя совершила манёвр. Как только эта самая СунСиль, президент какого там фонда «Национальной культуры республики Корея» заявила, что желает меня видеть и когда я могу подъехать, в этот момент и залепляю ей, что «могу её принять». Если ЕЙ так надо, — этот контекст изо всех сил постаралась вложить в интонацию.

Но не с детьми общаюсь, а с опытными и матёрыми.

— Да, госпожа Агдан, — таким же медовым голоском продолжает госпожа СунСиль, — немедленно высылаю к вам свою помощницу...

Э, нет, родная! Тут ты меня тоже на кривой козе не объедешь. Научена. Уровни должны соответствовать.

— Так даже лучше, госпожа СунСиль, — возвращаю ей сладчайший тон. — Ваша помощница в любой момент может встретиться с главным менеджером агентства, госпожой ЁнЭ.

— Нет-нет, встреча нужна с вами, госпожа Агдан, — медку убавляется, но не до полного отсутствия.

— Это вам решать, госпожа СунСиль, — ласково. — Хотите встретиться со мной,

приезжайте. Надо обговорить нечто второстепенное — присылайте помощницу.

Соглашается. Миленко прощается, хотя жду от неё скрипа зубами. Всё очень просто, но просто, только если знать. Вопрос, кто к кому приезжает, совсем не мелкий. Это вопрос статуса, занятие позиций перед разговором. Снизу ты встанешь или сверху. Если я по вызову этой мадам срываюсь с места и мчусь к ней, сразу ставлю себя на ступеньку ниже. Условно говоря, я ей должна кланяться, а не она — мне. Равный тоже может навестить равного по статусу, если ему что-то нужно. Если я кому-то нужна, у меня преимущество. Тогда даже равный должен мне кланяться. А мне можно просто кивнуть. Или поклониться так же, если статус гостя всё-таки выше или он по возрасту старше.

Кстати, что за мадам? Где-то что-то и краем уха слышала, но ничего определённого. Применяю один базовых принципов жизни, если чего-то не знаешь, спроси того, кто знает.

— Ты не в курсе? — удивляется в телефоне голос ЧжуВон и кратко вводит в курс дела. Так-так, подружка президентши, своего рода «ночная кукушка», а значит, влиятельная дама. Ну, раз влиятельная, то надо напрямчь ДжиХён. И ЁнЭ.

Через час.

Этот час секретарши и ЁнЭ шуршали и суетились. Мне настоящей работой заниматься надо. Агентство формирует базу данных айдолов всех уровней, включая трейни и даже кандидатов в трейни. Без проблем данные получены только от FAN и целого ряда мелких. Ещё три музыкальных корейских кита отмалчиваются. Потому этот час посвящаю переговорам с Чо СуМаном.

Саджанним Чо СуМан позволяет себя уговорить. А вот тут я маху дала. Буквально за несколько минут до этого не позволила себя объегорить, а с Чо СуМаном... быстро исправляюсь:

— Саджанним, вы поймите, я вам лично звоню в силу наших особых отношений. И я вас не уговариваю, а предлагаю. Взаимовыгодную форму сотрудничества. И у меня к вам просьба. Не считите за труд переговорить с вашими коллегами из JAP и YG. Предупредите их о том, что уж их-то я уговаривать не планирую. Не откликнутся, пусть потом кусают локти.

Пообещал. Замордовали меня эти корейские национальные танцы с бесконечными поклонами. К примеру, Икута-сан без долгих разговоров всю свою базу скинул. По всем странам. Вот это по-настоящему деловой человек.

Это наша фишка, особое место в нише шоу-бизнеса. Возможно, не только национального. Моё агентство не станет делать ставку на собственных айдолов. Возможно, мы ими обзаведёмся, но главное направление — не они. Мы будем работать с чужими айдолами. Они будут зарабатывать, агентства будут зарабатывать, а мы иметь свой законный процент. Десять процентов прибыли с Икуты, те же десять процентов, но уже доходов, с корейцев. С опоздавших буду драть пятнадцать. Любопытный может спросить, почему с корейцев больше беру? Ответ элементарен: в розницу — дороже. У них рынок узкий. И вообще, пусть и этому радуются, мне-то одного Икуты по горло хватит.

— Госпожа СунСиль! — торжественно объявляет ДжиХён. Мерзавка! Почему в её прекрасных очах нет и доли ехидства? Или только я его достойна?

Не уступая голосу ДжиХён в торжественности, wpłyвает мадам СунСиль. Приятной наружности, среднего роста и средней же полноты, возрастом на пороге аджумности. Встаю,

выхожу из-за стола, ожидаю, склонив голову набок. Первый ход за ней. Меня начинают развлекать и забавлять национальные игры.

Мадам тоже замирает в лёгком замешательстве. Надо признать, быстро решает. Кланяется. С натяжкой это можно назвать поклоном, жест вежливости, не более. Хорошо, как скажешь. Кланяюсь ровно так же, но на волосок меньше. Невооружённым глазом не заметишь.

— Прошу вас, мадам СунСиль! — приглашающий жест в сторону самого шикарного кресла. — ДжиХён, меня ни для кого нет! И кофе нам!

Прекращаю издеваться над гостьей, не возвращаюсь за своё место, сажусь в такое же кресло по другую сторону столика.

— Мадам? — изгибает вопросительно бровь СунСиль.

— Француженкам свойственен особый шарм, — любезно поясняю я, — увидев вас, я почему-то вспомнила о Франции. Но если вам неприятно...

— О, нет-нет, госпожа Агдан, если вам так удобнее... — мадам СунСиль поневоле расцветает.

Первый раунд за мной. Собеседница размягчена и расслаблена. Ей сейчас будет очень трудно мне возражать. А уж на обертоне перейти и вовсе невозможно.

Входит ДжиХён с подносом. Также молодцы. Успели по своим каналам, — вот новость для меня, что у секретарш есть собственная информационно-разведывательная сеть, — узнать, какой сорт кофе предпочитает мадам. Я так-то чай больше люблю, но за компанию могу и кофе отравиться... а вот так раскачивать бёдрами ни к чему! Вот зараза, аж мадам засматривается.

— Итак, мадам, — выбираю момент перед тем, как в чашке показывается дно.

— Я президент фонда «Национальная культура». Фонд создан при президенте республики, его предназначение в продвижении идей Халлю во всём мире...

Благожелательность моей улыбки тщательно маскирует веселье. Глобальные замашки маленькой странишки, кхе-кхе...

— Об этом рассуждают многие, но конкретного никто ничего не делает...

А вот это ты зря, мадам! Моя улыбка становится вежливой. Пожалуй, надо её поправить.

— Простите, мадам СунСиль, но это не так. Лично мне дали не так давно медаль за продвижение корейской культуры в других странах.

— О-о-о, простите, госпожа Агдан. Я всего лишь хотела сказать, что все эти усилия, часто успешные, носят неорганизованный характер.

Пела сладкие песни она ещё минут пять. И в какой-то момент речь заходит о деньгах.

Всё по пословице: помяни чёрта и он появится. Стоило только мне публично сказать, что мне ничего не известно о коррупции в государственных органах, так она сама ко мне является.

— Многие уважаемые корпорации уже вложились в фонд. Общий объём достигает семидесяти миллионов долларов. Я думаю, госпожа Агдан...

Своё мнение лично для себя я потом ясно сформулирую. А пока действовать надо! Из глаз выбрасывается зелёный сполох. Мадам надо притормозить. Всё, теперь дальше. Возбуждённо вскакиваю, всплёскиваю руками.

— Ах, мадам СунСиль, где же вы были раньше?! Мы так нуждались в поддержке вашего фонда! Нет, и в Японии и во Франции мы справились, но насколько легче нам было бы, будь вы рядом с нами! Но ещё не поздно!

Не даю ей вставить ни слова.

— Мне как раз страшно нужны пятьдесят миллионов долларов для одного проекта. Я и сама могу заработать, но это время!

Лицо мадам слегка вытягивается, улыбка замерзает. Точно я угадала, пришла денег просить. Но стриженной она, придя за шерстью, не уйдёт. Я сторонница взаимовыгодного сотрудничества.

— Мадам СунСиль, я предлагаю вам крайне выгодное для вас дело. Вы вкладываете в мой проект пятьдесят миллионов, а когда проект будет реализован, я пожертвую в ваш фонд пятьдесят пять.

— Вы хотели сказать, шестьдесят пять, — сладко улыбается мадам. Что-то акулье мне в её улыбке чудится. Ну-ну, посмотрим, кто из нас более крупная акула.

— Я хотела сказать пятьдесят пять с половиной, — улыбаюсь с максимальным очарованием.

Начинается обычный торг. Заканчивается на шестидесяти, почти заканчивается.

— Но сразу после этого, а можете прямо сейчас, — денег у вас хватит, — оказать помощь агентству SM. Они попытались пробиться в Америке. У них не получилось, понесли огромные убытки, но ведь они попробовали. Рискнули, пытались. Думаю, такие движения надо поощрять. Ведь вы сами сказали, что ваш фонд нацелен именно на это. Думаю, пара миллионов долларов их утешит.

Опять торг. Собственно, я и целилась сразу на планку в миллион. На чём мы и сошлись. Возрадуйся, Чо СуМан!

— Это выгодно для вас, мадам СунСиль, — убеждаю поскучевшую гостью, — очень выгодно. Время от времени вы просто обязаны делать такие жесты. Иначе вас очень быстро обвинят в коррупции. Президент ГынХе может пострадать.

Это уже, считай, открытым текстом предупреждаю. Зарываться не надо, мадам СунСиль. Иначе быстро небо в клеточку увидишь.

— Раз уж мы договорились, мадам СунСиль, — провожаю дорогую гостью к выходу и дальше, — то теперь можете присылать свою помощницу. Обговаривать технические детали, номера счетов и тому подобное.

— И поздравляю вас, мадам, с удачной сделкой, — присыпаю сверху сахарной пудрой. А то проскальзывает в ней какая-то растерянность. Глупая она. Не понимает, что нельзя выиграть по лотерейному билету, который не куплен.

Там же.

Звонит телефон. Бросаю взгляд на таймер. Ого! Почти одиннадцать часов, но время прошло не зря.

— Ну, как у тебя там дела? — голос муженька слегка обеспокоенный. Не доверяет?

— Великолепно! — вкратце излагаю итоги.

— Ты выдала из неё пятьдесят миллионов долларов?! — откровенно поражается ЧжуВон. — Дебак!!!

— А что такого-то? Отдам-то я больше, она в прибытке будет.

— Ей все чеболи платят. Кто полмиллиона, кто миллион или два. А ты сумела эти деньги себе забрать, — да-да, восхищайся мной, восхищайся!

— Не понимаю, что тебя удивляет? В итоге-то я ей десять миллионов сверху отвалю. Правда, года через полтора. Между прочим, довольно высокий процент получается. Сейчас

под восемь-десять процентов годовых запросто можно кредит взять...

— Кумихо под зад эти кредиты! — ругается любимый. — Банки из тебя всю кровь выпьют, прежде чем деньги дадут. Лёгкость оформления тоже дорого стоит.

— То, что нам выгодно, я понимаю. Иначе не согласилась бы. Но ей тоже выгодно. За один приём десять миллионов получит. Это не по полмиллиона шакалить.

— Поосторожнее с ней, — советует Чжу, — про неё много чего рассказывают.

— Ты просто плохо свою жену знаешь, дорогой. Она у меня на крючке и сделает всё, что я захочу, — последние мои слова дышат сухим холодом. Обещала себе не злоупотреблять, но я и не злоупотребляю. Подумаешь, маленькую зелёную точку в голову мадам всадила. Мне для этого всего десять секунд понадобилось. Ничего плохого теперь она мне не сделает. И мой вид и даже просто мысль обо мне будет вызывать приятное чувство лёгкой неги. Даже к своей дочери (вроде есть у неё такая) она не будет относиться лучше, чем ко мне.

Могла бы и обойтись. Но так надёжнее. А то выйдет от меня и передумает пятьдесят вечнозелёных лимонов перечислять. Жадновата она всё-таки, так что бережёного ГуаньИнь бережёт.

— Что за тон? — напрягается Чжу.

— Так это ж не к тебе тон, а к ней, — удивляюсь, неужто не понятно?

— Поехали на обед в ресторан? — предлагает Чжу. — Отметим удачную сделку.

Соглашаюсь. После разговора думаю, а когда он успел научиться у меня плохому? Чисто по-русски отмечать удачные дела? Ничего такого не помню за собой.

И надо ещё одно дело обстряпать. Совсем маленькое дельце. Снимаю телефонную трубку.

— Господин Чо СуМан! У меня для вас шикарная новость...

Первым донести приятную весть — прекрасный ход. Тем более, что благодаря мне Чо СуМан подарок получит. Его убытков это не возместит, но это приятная кругленькая мелочь.

Ещё через полчаса еду в ресторан, который нам назначил ЧжуВон. Задумчиво гляжу в окно. Вот так и приходится крутиться каждый день.

Чат «Цунами», сборище антифанов Агдан. Портал **OhmyNews**, ночь с 9 на 10 августа.

[***] — Не люблю Агдан, эту отвратительную сапсари.

[***] — Годится, как лозунг чата в топике. Модератор, закрепи это высказывание на самом верху. Это наше общее кредо.

[**5] — Все собрались? Уже можно вас всех мочить?

[**S] — Модератор!!! Срочно уберите отсюда чужака! Опять к нам сторонник Агдан просочился!

[**5] — Пока меня не убрали, может, объясните, за что вы так не любите Агдан?

[***] — Тоже мне вопрос. Она — выскочка и задавака. Ненавижу её!

[**5] — Посмотрите биографию любой звезды, особенно вегуинов. Все выскакивают, будто ниоткуда. И почти все из простых семей, среднего класса. Очень мало детей миллионеров. То есть, про любую звезду можно сказать, что она — выскочка. И задавака, иначе её смотреть не будут.

[***] — Щибаль! Глупости! Плевать на вегуинов, наши корейские звёзды не такие!

[**5] — Ты серьёзно? Айдол, выступающий на сцене, часто перед миллионами зрителей

всегда образец скромности? Разве можно взрослому человеку быть таким наивным?

[***] — АйЮ очень скромная и милая!

[**5] — Джираль! (Чушь!) АйЮ держит образ для вас, дурочек. Играет роль. Если бы она не была амбициозной штучкой, не выходила бы в топы, в том числе во Франции. За счёт Агдан, кстати.

Сообщение от модератора: юзер «**5» за систематические провокации отправлен в бессрочный бан.

[***] — Холь! Наконец-то. И не за счёт Агдан наша АйЮ побеждала во Франции. Такого голоса, как у неё, ни у кого нет.

[**S] — Эта дура Агдан недавно оскорбила всех бизнесменов страны. Можете себе представить? Смотрите... (ссылка на короткий фрагмент, где Агдан огульно обвиняет все подряд корейские компании в неподобающем отношении к женщинам).

[***] — Холь! А ведь это правда! Хотя какая-то от неё польза есть!

[***] — Ёксоль! Мою двоюродную сестру так с работы выжили. До слёз доводили, пока она не уволилась на пятом месяце беременности.

[***] — У нас соседка до последнего не признавалась, пока живот не смогла прятать. Но на работу её обратно после родов не взяли. Пришлось другую искать.

[***] — Нашла?

[***] — Нашла. Только зарплата в два раза меньше.

[***] — Мичинномы! Ублюдки эти бизнесмены!

[***] — Вот кто виноват, что у нас рождаемость падает. Они нацию к вымиранию ведут.

[**S] — Всё правда! И чеболи больше всех виноваты! Это целенаправленная политика. По всем кадровым отделам всех чеболей есть циркуляр. Рекомендации, какого возраста надо брать на работу женщин.

[***] — И с какого?

[**S] — Правильно спросить: до какого? До тридцати пяти лет, незамужних и без детей.

[***] — Чем дети помешали?

[**S] — Они иногда болеют, что сказывается на качестве работы их матерей. Что интересно, сорокалетних дам с взрослыми детьми на работу принимают очень неохотно. Хотя отвлекаться на них уже не надо. Взрослым детям не требуется постоянный уход.

[***] — Подожди-ка. Это получается так, что бизнес сознательно тормозит рождаемость? Женщин с детьми на работу не принимают, молодым девушкам не рекомендуют рожать, чтобы не доставлять неудобства работодателям?

[**S] — Не всё так просто. Не думаю, что это сознательная политика. Но примерно так всё и происходит. Женщин с детьми, даже взрослыми, и к сверхурочным работам привлечь сложнее.

[***] — Щибаль! Вот козлы!

Далее в чате начинается буйный срач. Все вдруг поняли, кто именно во всём виноват. То, что это вскрыла Агдан, благополучно забыли. Кто-то приводит статистику по одной из крупных компаний. Женщин — сорок процентов персонала. Детей имеет около трети.

10 августа, среда, время 07:45.

Трасса Намъянджу — Сеул.

Слегка дёргаюсь от телефонного звонка, который звучит необычно требовательно.

Всегда подозревала, что телефоны имеют скрытую функцию одним и тем же звуком доносить совершенно разную информацию. Не глядя на экран, уже знаешь: это по работе звонят, вот мама хочет поговорить, друзья повисли на проводе, а вот злыдни и недоброжелатели желают гадость сказать. Не знаю, к кому СунОк отнести. Наверное, поэтому её звонки всегда неожиданны.

Еду на работу вместе с Чжу. И кому это я понадобилась ранним утром? Подключаюсь. Слушаю.

— Госпожа Агдан? — голосок миленький, но чувствуется властная значительность. — Вам необходимо прибыть в канцелярию президента республики. Немедленно.

Голосок дождался моего недоумённого согласия и тут же отключился. Своё нерастраченное недоумение изливаю на ни в чём не повинный телефон.

— Что случилось? — Чжу кладёт руку на колено.

— Не знаю. В голубой дом вызывают. Так что нам придётся разъехаться.

— Я тебя подожду.

— Будешь ждать меня неизвестно сколько времени вместо того, чтобы работать?

Окончание подглавы.

Глава 6.2

10 августа, среда, время 08:20.

Чхонгвадэ (Голубой дом), кабинет президента.

— Может быть, госпожа Агдан, вы страдаете приступами неконтролируемой логореи*? — президент ГынХе переходит в тональность змеиного шипения. До этого она только наращивала децибелы, с угрозой перехода в ультразвук. У меня чуть уши не заболели, я начала всерьёз опасаться за связки любимой госпожи президентши.

— Что случилось, госпожа президент? — только сейчас смогла вклиниться в паузу. И кажется, зря.

— Что случилось? Вы даже не знаете, что случилось?! — голос президента опять начинает наливаться звонким металлом.

Старательно прячу скуку, изо всех сил изображая внимание и готовность к... готовность, короче. Когда-то же это должно кончиться?

В какой-то момент президент вдруг перестаёт упражняться в злом остроумии по поводу некоторых, что не замечают тайфуна вокруг них. Гадство! Срочно возвращаю на лицо выражение внимания и готовности взамен незаметно пролезшей скуки.

— Я вижу, вам даже не интересно, госпожа Агдан, — снова яд льётся полноводным ручьём.

— Простите, госпожа президент, — если гора не желает прекращать вулканизировать, придётся самой затыкать эту гору, — вы — высшее должностное лицо, ваше время на вес золота. Но вот уже больше четверти часа я ломаю голову и не могу понять, о чём, собственно говоря, идёт речь? Случилось-то что, госпожа президент?

— Ты действительно не знаешь? — ГынХе сверлит испытующим взглядом. С трудом удерживаюсь от того, чтобы возвести очи к потолку. Отрицательно мотаю головой.

— Читай, — пододвигает ко мне бумажку. Это что? Рассматриваю.

Докладная записка. Сканирую строчки, пропуская официальные бла-бла-бла... ага, вот.

«...8 августа, в еженедельной программе Агдан-ТВ «В гостях у Агдан» госпожа Агдан высказала следующее мнение:

— Все владельцы и руководители фирм с пониманием и сочувствием относятся к мужской обязанности служить в армии. И тех же самых руководителей крайне раздражают женщины, вынужденные оставить работу ради рождения ребёнка.

В дальнейшем госпожа Агдан дополнила это утверждение:

— Мы с вами сейчас указываем бизнесменам страны на их ошибки, за которые расплачивается вся страна.

Таким образом, госпожа Агдан обвинила весь национальный бизнес в том, что это именно они виновны в катастрофическом падении рождаемости в стране...»

— Как раз это мне известно, госпожа президент, — гляжу вопросительно. Дело-то в чём?

— То, что в сетях поднялся небывалый шум, вам тоже известно? — едко спрашивает ГынХе.

— Известно. А слово «небывалый» по оценке нашего аналитического отдела явно избыточно. Некоторая истерика наблюдается, чуть больше, чем по поводу неудачной

футболки какого-нибудь айдола**. Когда девочку-айдола ловят на свидании с каким-нибудь парнем, шуму бывает и больше, госпожа президент.

Госпожа президент молчит, продолжая копить недовольство.

— Так что простите, госпожа президент, до сих пор не понимаю, в чём причина ваших волнений. Но обещаю, ситуацию я исправлю. Вернее, заморозю. Проблема всё равно стоит, и решать её надо.

— Каким образом вы их успокоите? — размыкает уста президент.

— Сделаю экстренный выпуск той же передачи...

— Извинитесь за неосторожные слова... — подсказывает ГынХе.

Вот что у них за мания? Чуть что, извинятся и каются. Любимая национальная забава.

— Не вижу оснований извиняться, — соглашаться на всякую хрень ищите дураков в другом месте, — к тому же это не поможет. И будет крайне неуместно. Я сделаю по-другому.

— Как?

— Позвольте не углубляться в подробности, госпожа президент.

— Вынуждена настаивать, госпожа Агдан. Вы очень не осторожны, — президент сжимает губы.

— Переведу фокус недовольства нетизенов на них самих.

— Подробнее.

— Госпожа президент, вы хотите, чтобы мои усилия не привели к желаемому результату? У меня есть удручающе постоянно работающая примета. Если я поделюсь с кем-то своими планами, то они обязательно провалятся. Я и так сказала рискованно много. Если не получится, виноваты будете вы, госпожа президент.

Президент сверлит меня мрачным взором. Не выносят корейские начальники, когда с ними поступают так же, как они на каждом шагу. Ответственности за собственные действия как огня боятся. На подчинённых всегда сваливают всё. Только я ей не подчинённая.

— Ко мне приходила делегация руководителей крупных предприятий, — с явным усилием разжимает губы президент. Слава небесам, рожает наконец-то! Не прошло и часа, как мы добрались до сути дела.

— Они крайне недовольны вашими словами, госпожа Агдан, — припечатывает ГынХе.

— Опять я что-то не понимаю, госпожа президент, — если живёшь в Корее, первым делом учишь увиливать и переводить стрелки. — Они недовольны мной, но почему-то приходят к вам. Мне они ничего не говорили. Никто ни единого словечка. Ни очно, ни по телефону.

Неожиданная для неё мысль сбивает ГынХе с толку. А действительно, — прямо читаю с её с виду непробиваемого лица, — почему они не выказали своё раздражение напрямую Агдан?

Кстати, у самой возникает ряд неясностей. Если чеболи побежали жаловаться на меня аж президенту, то кто я для них? Особа, приближённая к императору, к которой самим соваться боязно? Отсюда вопрос, щас я его задам.

И ещё одно. Почему «See group» молчит? Мы вроде не чужие, хоть и не без сложностей.

— А кто конкретно приходил на меня жаловаться, госпожа президент?

В ответ опять гневное высверливание во мне дыр.

— Вы же хотите успокоить общество, госпожа президент? Для этого мне надо знать всё. Вы же сами сказали о моей неосторожности. А как я проявлю осторожность, если не буду

знать, что и откуда может появиться?

Удаётся убедить! ГынХе находит и пододвигает ещё один листок. Список. Заявка-просьба на встречу с президентом со списком. Внимательно читаю. Сначала большая тройка чеболей, потом пропуск и до десятка крупных компаний, но из второго ряда. «See group» отсутствует.

— Всё, госпожа Агдан, — закругляет встречу ГынХе, когда я отрываю взгляд от бумаги, — идите и работайте. Не подведите меня. И чтобы сегодня же...

— Завтра, — поправляю я уже стоя.

— Сегодня! — глаза ГынХе снова загораются гневом.

— Завтра будет намного лучше, госпожа президент, — спокойно объясняю я. — Законы шоу-бизнеса, про них всегда надо помнить. Сегодня будет интригующий анонс, публика заинтересуется, примолкнет, шум стихнет. А главный удар я нанесу завтра.

Президент молчит. Прохожу немного, поворачиваюсь.

— Но проблему всё равно надо решать, госпожа президент. Не сочтите за наглость, но сейчас самый удобный момент для парламентской инициативы. Предлагаю изучить этот вопрос со всей тщательностью и объявить о разработке проекта соответствующего закона.

«Иди уже!», — машет рукой ГынХе. Иду, иду...

— Иначе вас оппозиция опередит, госпожа президент... — ловко исчезаю за дверью, а то у неё глаза такие, что вот-вот чем-нибудь в меня метнёт. Совсем что-то я обнаглела, советы президенту даю. А с другой стороны, будем честны, она временами удивительный тормоз. Сама запросто не сообразит.

По краю, вообще-то, хожу. Подсказать начальнику сильный ход не такая уж хорошая идея, если вспомнить о корейском менталитете. Если проигнорирует, точно останешься виноватым. Ведь он почувствует, что подчинённый умнее его, а по корейским обычаям так не должно быть. Если воспользуется советом, смотри выше: идея подчинённого сработала. Тут только один выход: когда инициатива принесёт плоды, убедить начальство в том, что ты ни при чём. Это он, начальник, сам придумал, а я просто напомнила.

На выходе отзваниваюсь. Сначала ЁнЭ, затем ЧжуВон. В агентство я сегодня могу и не попасть, на телеканале придётся весь день пыхтеть. Умучилась я с этим руководством и большой политикой, работать по-человечески некогда...

10 августа, среда, время 20:10.

Особняк Агдан.

Сижу по-турецки на диване, плююсь, словно типичная домохозяйка, в телевизор. СуНок рядом, мы с ней после занятий даже в душ не сходили и не переоделись. Она только халат накинула, а я так. В закрытом купальнике и гетрах. Мама время от времени поглядывает с лёгким осуждением. Это она на автопилоте корейских традиций. Вот будь они замужем и её мужчина рядом или кто чужой, тогда да, не прилично. А так-то что? Чжу меня всякой видел, да и мои сценические костюмы иногда не уступают в эротизме... кстати, что-то пацак на меня чересчур спокойно реагирует. Медовый месяц всё, в прошлом?

Мой лик в телевизоре смывает все посторонние мысли. Заставка, собираемая и тут разбиваемая на куски (программными средствами) уже в другой конфигурации, внушающий и одновременно вкрадчивый мужской голос за кадром, звёздная вспышка, из центральной

точки которой быстро вырастает моё лицо. Задерживается на секунду.

Далее Корея с орбитальной высоты, приближение, городские улицы. В этом месте мы не забыли показать несколько надписей, рекламных вывесок и плакатов. Рекламные контракты не оформлены, быстро сговорились на словах по льготной цене. Полторы сотни тысяч долларов для меня сейчас копейки, — с ума сойти! — но это те воны, которые доллар берегут.

И голос.

— Республика Корея — сильная страна, но и проблемы у неё гигантские. У любых трудностей есть причины, у любой ошибки есть автор, во всяком поражении есть виновный. Часто его трудно найти, но он есть.

Переход на каскад кадров с участием детей, потом удручающая демографическая диаграмма.

— Кто виноват в катастрофическом падении рождаемости? Недальновидная государственная политика? Эгоистичное поведение чеболей? Несознательность современной молодёжи? Кто? Своё мнение Агдан выскажет через сутки! Смотрите наш канал завтра в это же время!

Короткий анонс заканчивается.

— Какая же ты красивая, Юночка, — умиляется мама.

Слегка скривившись, смотрю на СунОк, сорвавшуюся в душ. Машинально, по привычке морщусь. Привычка осталась со времени проживания в квартире, где ванная была одна на всех. Здесь, в особняке, две. Плюс просторная душевая в спортзале. Мы могли там ополоснуться и переодеться, но спешили к телевизору. Мне тоже интересно. Почему-то взгляд с этой стороны экрана производит несколько другое впечатление. Вроде и смотришь каждый раз готовый продукт в студии, но со стороны зрителя выглядит хоть немножко, но по-другому.

— Спокойной ночи, мам, — мимоходом чмокаю её в щёчку и чапаю наверх. Мульча провожает меня взглядом, в душ со мной она не пойдёт.

Что-то я снова вождедеющего мужского взора не чувствую. Он там не заболел часом?

21:05, спальня.

В другом месте, но в той же позиции, сидя на кровати, втыкаю в планшет. Интересно, какие гадости про меня сейчас пишут? Вот раньше было нетизенам раздолье! Интригующие манёвры с корейским принцем, сенсации, скандалы, разоблачения. Целуются или нет, а был ли секс и когда, есть где разгуляться фантазиям и сплетням. Женитьба и свадьба накрыла всё это огромным медным корытом.

Одни мелочи остались. Грубость к прохожему? Ну, попробовали раздуть из мухи хотя бы слонёнка — не получилось. «Змеиное гнездо» купировало эти разговоры одной левой. Показали видео этого несущегося на меня азартного дурня. Ага, я специально остановилась, чтобы этому придурку удружить с автографом. Тут рядом люди умирают, а ему автограф вынь да положь. Да ещё несётся так, что не встань охрана на пути, с ног бы меня сбил. Правильное ему определение наши дали: мичинном, как он есть, в чистом виде.

А вот шпилька, воткнутая в зад чеболям, видимой реакции пока не дала. ТВ молчит, а волна, что подняли нетизены, спадает. Возможно, не из-за моего анонса. Человек так устроен, — давно заметила, — что какие-то мелочи, вроде перебравшего алкоголя айдола, его волнуют больше, чем действительно серьёзные и масштабные проблемы. Но, так или

иначе, цунами не поднимается. Это мне подходит. А вот тайфун по другому поводу мне нужен, поэтому тянусь к телефону.

Сначала думаю звонить напрямую Холлу (шефу «Змеиного гнезда»), и всё-таки набираю ГаБи. Они уже привыкли от неё приказы получать. Пока разговариваю, входит ЧжуВон, раздевается, пристраивается на кровать. Меня продолжает игнорировать.

— Аннён, ГаБи, — заканчиваю инструктаж, тяну руку с телефоном поверх ЧжуВона. — Чжу положи, пожалуйста...

Слава небесам, его игнор имеет пределы. Спокойненько переправляет смартфон на тумбу. Но фразу я продолжаю:

— ...и давай, выкладывай свой камень из-за пазухи.

Реакция у него хорошая. И взрослая. По-детски губы не гнёт. Но минутку на раздумья берёт и признаётся:

— Не знаю, как сказать. Я про ту аварию, где ты девушку спасала. Ты всё правильно сделала. Никаких претензий к тебе быть не может, хоть как рассуди. Не было бы претензий, если б ты была мужчиной.

— Если б была мужчиной, да старше тебя, — киваю, соглашаюсь, но не смеюсь. — Ты прав, идеального решения в том положении не было. Но моё самое лучшее, согласись. Ты просто не знал, что делать.

— Знал, — удручённо признаётся ЧжуВон. — В армии, особенно сержантов, многому учат. Конечно, по-быстрому и особого внимания не уделяют, медики ведь есть. Но теоретически я знал, что ей надо артерию пережать.

— Ты бы её не нашёл, — вон оно что. Удар по самолюбию не столько мной, сколько собственной некомпетентностью.

— Найди у меня ту артерию, — предлагаю свою руку, Чжу, немного поискав, пережимает пальцами в нужном месте.

— Хотя нет, так не пойдёт. Ты видел на той девушке, у ней тоже левая рука пострадала... — протягиваю правую. Слева и справа сосуды несимметричны, «гуляют» изрядно.

— Вот видишь! — удостоверяюсь в том, что целых две минуты Чжу не может нащупать нужное место. — Мне-то легче, я экстрасенс, я просто вижу.

— Не веришь?! — возмущённо округляю глаза, пацак начинает источать иронию. Слава небесам, оживает. Кстати, удачный момент для стратегического разговора.

— Тебе тяжело, понимаю. Но ты с самого начала знал, на что шёл. Я не люблю командовать, женщинам это вообще не свойственно. Начальник часто должен проявлять жестокость, твёрдость и даже злобу. Мужчинам это легче.

Разглаживаются морщины, уходит хмурость, ЧжуВон светлеет лицом.

— Но шуганула ты зевак в лучшем стиле...

— Я всё-таки сангса, — улыбаюсь.

— Чжу, проблема не в том, что я немного покомандовала на дороге, — вот он момент истины, самый удобный момент для серьёзнейшего разговора. — У тебя нет самого главного качества, без которого нет лидера.

Мхатовская пауза, очень важная.

— Этого какого? — опять мой пацак мрачнеет. Сейчас он прав, сейчас есть от чего.

— У тебя нет цели, — снова делаю паузу. Ну, попробуй, возрази!

— Есть!

— Какая? Восстановить свой статус миллиардера?

Не дурак он всё-таки, по одной моей улыбке понимает, что сейчас его ждёт быстрый и беспощадный разгром.

— Что в этом плохого?

— Плохо то, что цель слишком мелкая. Её хватит на два-три года. Что дальше будешь делать?

— Дальше работать и больше богатеть, — пожимает плечами.

— Зачем?

Встречаю полное непонимание. Придётся объяснять.

— Богатеть после определённого предела означает только одно: в бизнес-сводках увеличиваются цифирьки, отражающие твоё состояние. Как в газовом или электрическом счётчике. Уровень твоей жизни меняться не будет. Начиная примерно от миллиарда, ну, может, двух, разницы в уровне жизни между миллиардером, мультимиллиардером или триллионером нет никакой. Не придумала человеческая цивилизация товаров для мультимиллиардеров. Самые дорогие и навороченные яхты, размером с крейсер, стоят сто — сто пятьдесят миллионов долларов. Мелочь.

Взгляд пацака замораживается. Хихикаю.

— У хальмони и даже твоего отца цель была. Прорваться на высший уровень, когда человек имеет всё, что он захочет и что может дать ему цивилизация. Лучшие автомобили, роскошные дома, лучшие клиники с лучшими врачами. У них была цель. У тебя — нет. Ты уже родился на этом уровне.

— Сейчас я не на том уровне...

— Да перестань! Пусть у нас ничего не получится. Не представляю, как такое может случиться, но допустим. И что? Твой брат всяко переживёт твоего отца, так ведь? А к тебе он хорошо относится. И что, он бросит тебя на произвол судьбы? Не-а. Какую-нибудь должностишку тебе даст. Никак ты не пропадёшь. Голод и нищета тебе не грозит в любом случае.

— К чему ты ведёшь?

— Да уже сказала. У тебя нет цели, а у меня — есть. Поэтому мне приходится быть лидером.

— И какая у тебя цель? — усмешечка саркастическая. Будем работать, на уничтожение паразитного сарказма.

— Цель я могу поставить, могу поменять. Главное, что...

— Цель какая? — настойчиво перебивает пацак.

— У меня даже не цель, у меня — план. На ближайшие десятилетия. Стать мощной финансово-промышленной группой — промежуточная ступень. Далее, создаём политическую партию и двигаем в парламент. На следующем этапе — стану президентом. Или продвигаем на этот пост тебя. Но это тоже только средство. Главная цель — выстроить нашу страну, её экономику и всю общественную систему так, чтобы она была крепкой и одновременно динамичной.

ЧжуВон раздумывает.

— У тебя там какие-то планы по деторождению, исследования в генетике...

— Это как раз то, чем должны заниматься все чеболи, весь большой бизнес, — мой тон слегка холодеет, — не только я. Понимаешь, что это значит?

ЧжуВон смотрит сосредоточенно и отрицательно дёргает головой.

— Это значит, что мы сначала подомнём под себя всех чеболей, — пауза. — Если большой бизнес не хочет думать за всю страну, то придётся их заставить.

— Во всём должен быть смысл. Зачем народ выделил из себя самых энергичных, умных и предприимчивых? Зачем он позволяет им быть невероятно богатыми, независимыми и сильными? Чтобы они решали проблемы всей нации. Вот зачем! Согласись, что слесарь или продавщица мало что могут. А я, даже будучи всего лишь миллионером, могу очень многое. Что могут мультимиллиардеры, и представить трудно. И чем же они занимаются? Взятки дают и от налогов скрываются?

На этом заканчиваю дозволенные речи. Плюхаюсь на кровать. Капля камень точит. Чжу, даже будучи вполне современным и восприимчивым к новому парнем, сразу всё не примет. Так что будем его точить. Ночная я кукушка или где?

А про самый главный фокус, что я собираюсь лихого и дикого проделать со всей корейской нацией, умалчиваю. Он узнает. Лет через пять, когда проект запустим. А до того — ни-ни. Основное правило шоу-бизнеса: держи интригу до конца. Зато будет, чем удивить родного мужа и не только восстановить его интерес, но возвести его в квадрат. Он, интерес, рано или поздно угаснет. ЧжуВон посчитает в какой-то момент, что дражайшая супруга изучена им до конца. И вдруг откроется новый и очень глубокий слой.

Чат «Цунами», сборище антифанов Агдан. Портал **OhmyNews**, ночь с 11 на 12 августа.

[**S] — Ёксоль! Да как она смеет! Щибаль!

[***] — Что случилось?

[***] — Я знаю. Агдан что-то выдала. Как всегда.

[***] — Агдан, Агдан! Куда ни плюнь, всё равно в неё попадёшь, кх-кх-кх...

[**S] — Смотрите, что она говорит! Про нас! (ссылка на ролик с Агдан-ТВ)

[***] — И что там?

[**S] — Посмотри и узнаешь!

[***] — Пока там посмотришь... ты коротко давай.

[**S] — Коротко всё просто. В падении рождаемости больше всего виноват ты.

[***] — Я?!!! Да я через день над этим работаю! Моя девушка не даст соврать! Почему она не рождает, у неё спрашивайте.

[**S] — Ты виноват, твоя девушка, я и все остальные! Вот тварь! Она провокатор и манипулятор.

[***] — А ещё грубиянка. Того парня чуть не убили. А он всего лишь автограф хотел взять.

[**3] — Никто его не убил. Даже руку не вывихнули. В больницу по-крайней мере не обращался и на грубость в полицию не жаловался. Так что не надо жопой зря трясти.

[**S] — Заткнись, мичинном!

[**3] — Факт бесспорный. Парень попытался напасть на Агдан, его блокировали и ничего в итоге плохого не сделали. А Агдан той девчонке жизнь спасла. Каждый делает, что может. Кто-то людей спасает, а кто-то помои во все стороны разбрасывает.

[***] — Модератор!!!

[Модератор] — юзер [**3] не нарушил Правила, никого не оскорбил. Если его отправлять в бан за небольшую грубость, то надо полфорума ему в компанию. Прошу присутствующих в дискуссии придерживаться фактов и Правил.

[***] — Я видел ту передачу. Лихо она стрелки передвинула. И не придерёшься ни к чему.

[***] — Вай нот? Лично я ничего такого не делал.

[**3] — Другие делали. Их много было. А ты не спорил, значит, тоже виноват.

[**S] — Ёксоль! А ты спорил?

[**3] — Да. Фаны Агдан ведь не отвернулись от неё, когда она замуж вышла. А что вы сделали с ХёнА? У неё и так здоровье было подорвано сверхнапряжённой работой, а тут вы. ***

Примечания.

* Логорея — произвольное словоизвержение.

** — Агдан упоминает случай с ЦзюЮ из Twice. Она надела футболку с надписью «*Hoes take off your clothes*» (*Шлюшки, раздевайтесь*).

*** — История травли певицы Ким ХёнА оставлена за кадром. Досталось ей, в том числе, за мимолётные свидания с бойфрендом, тоже айдолом.

Окончание главы 6.

Глава 7. Перевод стрелок

11 августа, четверг, время 17:05

Особняк семьи Ким.

— Аньён, сын, — как только МуРан принимает звонок, тут же отправляется в беседку. Гулять и одновременно разговаривать по телефону — тяжёлая работа в её возрасте, от которой любой рад увильнуть. Её верный оруженосец ИнХе тенью следует за свекровью.

— Аньён, мама. Ты уже в курсе очередного безрассудства нашей очаровательной невестки?

— Нет. Что случилось, сын? — по тону мужчины, которого она знает с тех времён, когда он мог только лупать глазами и сиську сосать, МуРан догадывается, что ничего катастрофического не произошло. Очередное хулиганство Агдан, не более.

— Три дня назад в своей телепрограмме «В гостях у Агдан» наша невестушка обвинила чеболей в падении рождаемости. По её мнению, мы виноваты в вымирании нации.

МуРан молчит. Рядом ИнХе тоже не издаёт ни звука.

— Что ты молчишь, мама? С нашей неадекватной невесткой надо что-то делать.

— Мама, ты меня слышишь?

— Сын, а разве... что-то я ничего понять не могу. Разве телеканалом не ЧжуВон управляет?

Вместо словесного ответа в телефоне еле слышно доносится всего лишь дыхание.

— Что ты молчишь, сын? — против воли МуРан слегка ехидно улыбается.

— Ты хочешь сказать, это ЧжуВон выступил против своей семьи?

— Не знаю. Я ещё не смотрела. В это время моя любимая драма как раз идёт.

ДонВук опять молчит. Видимо, думает. Паузу рвёт МуРан.

— Скажи, сын, а это правда?

— Что правда? — не понимает ДонВук.

— Правда чеболи виноваты в падении рождаемости?

На этот раз ДонВук молчит куда дольше. Потом прощается и разрывает связь.

11 августа, четверг, время 17:20.

Огромная вилла в окрестностях Пхёнтхэка.

Гуляющий по обширному зелёному газону, ограниченному декоративными деревьями и столами с закуской, ДонВук озадаченно кладёт смартфон в карман. Сопровождающая его холёная и вышколенная Ли КуЕн держит покер-фейс. В её случае это выражение постоянной готовности к действию по одному движению пальца шефа.

По зелёной полянке хаотически перемещаются парочки и небольшие, не более трёх-четырёх человек, компании. Более многочисленные группы встречаются редко и только у столов.

Сегодня высший свет национальной бизнес-элиты принимает «Korean Air». Всё чаще и чаще это делают именно они. Не потому, что самые влиятельные, хотя сильная компания и сильный клан. Они лучше остальных организуют такие тусовки. С одной стороны полянки стоит «Боинг-747». Хозяева утверждают, что аппарат хоть и отработал четверть

века, но остаётся на ходу. Обслуживающий персонал, разносящий по лужайке и столам напитки в стилизованной форме стюардесс. Очень красиво, ДонВуку ранее с непривычки редко удавалось оторвать взгляд от плавных линий точёных фигурок, упакованных в красивую форму.

— А ты что думаешь, КуЕн-ян?

— Сабоним? — вопросительно поднимает бровку девушка.

— Руководство нашей корпорации мешает сотрудницам рожать детей? — ДонВук смотрит испытующе.

— Не знаю, сабоним, — девушка безмятежна. — Никогда не задумывалась. Я ведь не замужем, сабоним.

Ожидаемый ответ. Подтверждение невозможно в принципе. С ней-то всё понятно, а вот что вокруг происходит, не очень. Короткие разговоры с «коллегами» оставляют за собой впечатление странности. Сначала лёгкая критика невестки, которая неосторожна в словах и тут же: «Да-да, мы понимаем, что именно поэтому, саджанним, вы держите дистанцию». А дальше нечто непонятное.

— Полагаю, уважаемый ДонВук, вы всё-таки имеете возможность что-то передать на словах вашей невестке, — саджанним МонГу даже не ждёт подтверждения. — Корпорация «Hyundai Motor Group» всегда будет рада сотрудничеству с компанией «Агдан».

ДонВук не нашёл, что сказать, ограничился вежливой улыбкой. Собеседнику этого хватило. Недоумение шефа развеивает помощница.

— Госпожа Агдан делала им рекламу, сабоним, — девушка шуршит в планшете и добавляет. — С начала года их продажи выросли на три процента. В денежном выражении четыре миллиарда долларов.

Брови ДонВука, преодолевая его отчаянное сопротивление, ползут навверх. А ведь год ещё не кончился! Будет и пять миллиардов, если не больше. До мужчины начинает доходить то, что давно знает его мать, и чувствуют остальные. Огромный вес этой сумасбродной девчонки.

Вот только в салон самолёта его сегодня не пригласили.

11 августа, четверг, время 20:10.

Особняк Агдан.

Сижу на диване с ногами. Ступни вместе, колени врозь. На одну коленку пристроил свою ладонь Чжу. Смягчился, видать, пацак, как-то уговорил свою мужскую гордыню с корейским уклоном.

Занятия с СунОк провели раньше. Ради совместного просмотра по ТВ меня, красивой и беспощадной. Моя бестолковая онни окончательно втянулась, сама меня в спортзал тащит. Хотя меня-то заставлять не надо, мне тренинг необходим почти на физиологическом уровне. Способ релаксации и сброса напряжения, скопившегося за рабочий день. Сейчас в душе покой уровня нирваны.

— Никак не могу привыкнуть, — бурчит СунОк с другого конца дивана, — Юна здесь и в телевизоре одновременно.

О, совсем забыла!

— СунОк, чаю! — в моём голосе сановная уверенность в непременном исполнении приказа.

Онни, чуть наклоняясь вперёд, чтобы обойти препятствие в виде зятя, вознаграждает меня долгим взглядом. Мама чуть вздыхает, Мульча наперекор СунОк нацеливает на неё свои глаза. А пересмотреть мою Мульчу не может никто.

Через паузу онни встаёт и топает на кухню. Вот так, потихоньку — помаленьку делаю из своей сестры человека. А настоящий человек должен уметь отменять некоторые бесчеловечные корейские нормы.

— Мама, что ты на меня так смотришь? СунОк — моя старшая сестра, так? Так. Значит, должна заботиться о своей младшей. Вот она и заботится.

Сбоку доносится еле слышное хмыканье. Но чу! Рекламная пауза кончается, начинаем смотреть меня.

Еженедельная передача «В гостях у Агдан».

Интервьюером назначила ДжиХён. Для привлечения внимания. Для того же самого юбка у неё колени не закрывает.

— ЮнМи-сии, — ДжиХён, красиво склонившись над столиком между нами, перебирает разложенные бумаги, — вы на самом деле считаете, что именно чеболи виноваты в падении рождаемости? Именно так зрители поняли ваши слова на прошлой передаче.

— Нет. Когда говорят... когда так формулируют, то создаётся впечатление, что главный виновник найден, остаётся призвать его к ответу и проблема решена. Это не так.

— Вы хотите сказать, что чеболи не виновны? — ДжиХён хорошо играет голосом. Не идеально, но хорошо.

— Во-первых, я не употребляла слово «чеболи». Я говорила обо всех, подчёркиваю, всех бизнесменах и руководителей всех фирм и организаций. Во-вторых, главная мысль была в том, что всё наше общество должно поменять отношение к этому вопросу.

— И каким оно должно быть? — дежурный вопрос, ДжиХён согласно инструкции тянет время.

— Об этом тоже говорила. Общество должно относиться к беременности с таким же уважением, как и к мужской службе в армии. Служба в армии почётна, но если бы не женщины, служить было бы некому.

— Не согласиться не могу. Но я тоже девушка, а как отнесутся к вашим словам мужчины?

— Не знаю. Можно провести соцопрос, а ещё у нас в парламенте подавляющее число депутатов — мужчины. Если они откажутся проводить нужные законы, а соцопрос покажет, что мужчины против возможности давать женщинам спокойно рожать, то...

— То? — подхватывает с улыбкой ДжиХён. Подумывала в этом месте рекламу вставить, но решила не злоупотреблять.

— То мы узнаем, что главный виновник падения рождаемости — наши мужчины. Перехихикиваемся с ДжиХён. А вот теперь — можно.

Рекламная вставка.

— Прошу вас, сэнсэй-тонсён, — СунОк с поклоном ставит передо мной поднос с чаем и розеткой варенья.

— Наконец-то ты себя, как взрослый человек ведёшь, — удовлетворённо заявляю я и

ойкаю. Мама, проходя мимо, всё-таки отвешивает мне лёгкий подзатыльник. Все хихикают, только Мульча смотрит на маму неодобрительно.

Конец рекламной вставки.

— Думаю, что ни депутаты, ни мужчины в целом не возьмут на себя нехорошую славу главных виновников, — возобновляет беседу ДжиХён.

— Согласна. Так что законы, защищающие женщин, парламент примет. Торопиться с этим не нужно, проблема нуждается в глубокой проработке.

— А каким вы видите такой закон, ЮнМи-сии?

— Глубоко продуманным, ДжиХён. Возможно, надо увеличить пенсии. Не только матерям, но и отцам. За каждого ребёнка, скажем, тысяч четыреста-пятьсот вон. И тут тоже надо думать. За одного ребёнка платить меньше, а если в семье двое и более, то больше.

— За двух или трёх детей и так будет больше, чем за одного, — замечает ДжиХён.

— Ты не поняла. Прогрессивная шкала должна быть. К примеру, за одного ребёнка — триста тысяч, а за двоих — восемьсот, то есть по четыреста тысяч на каждого.

— Понимаю, — кивает ДжиХён, — стимулирование количества детей.

— Да. Один ребёнок это ни о чём.

— И как вы думаете, ЮнМи-сии, как только закон или пакет законов примут, ситуация поменяется? — зрители не знают, но именно с этого момента начинается обострение в стиле Агдан.

— Нет, — ответ настолько же категоричен, насколько и короток.

ДжиХён делает глаза и сдвигает ножки. Недоумение она выражает не вербально, а всей позой и лицом.

— Закон это только один аспект. Меры по изменению ситуации должны быть глубоки и многоплановы. Вот вы говорите, чеболи, чеболи... с чеболями как раз иметь дело проще всего. Их немного, несколько десятков. Их легко собрать и провести разъяснительную работу, договориться о разделении бремени. Какую-то нагрузку на себя может взять бизнес, в чём-то может помочь государство. Кстати, это нужно сделать до принятия законов. Парламент только зафиксировывает договорённости с бизнесом.

— ЮнМи-сии, вы развернули ситуацию совсем в другую сторону. Чеболи не виноваты, с ними просто никто не проводил работу...

— Ты совершенно права, ДжиХён. Вот если в процессе диалога правительства с большим бизнесом выяснится, что чеболи наотрез отказываются облегчать положение женщин, тогда и следует заводить разговор об их вине. Не раньше.

— Справедливо, — принимает подачу ДжиХён.

— Но вот про кое-кого сразу можно сказать, без всяких социологических исследований и опросов, что именно на них лежит огромная доля вины за падение рождаемости.

— И кто же это?

И, конечно, же — рекламная пауза. Законы шоу-бизнеса, ничего не поделаешь.

— ДжиХён, не догадываешься? — тяну интригу, пока можно.

— Нет.

— Мы с тобой совсем недавно были айдолами, — подвожу всё ближе к разгадке. — Помнишь, особые пункты в наших контрактах?

— Ты о запрете выходит замуж и рожать? — в красивых глазах ДжиХён вспыхивает

понимание. Не окончательное, но близкое.

— Не только. Нам даже отношения были запрещены.

— ЮнМи-сии, вы хотите возложить вину на агентства? — разочарование и недоверие в голосе. Морщусь. Сейчас, как в одной игре, должна была сказать: «Холодно».

— А кто заставляет агентства вносить такие пункты в договоры с айдолом?

— Фанаты, хейтеры, нетизены... — «догадывается» ДжиХён.

— Правильно. Именно на нетизенах огромная доля вины за падение рождаемости в стране.

Эта с виду неприметная и без малейшего пафоса фраза и есть кульминация всей передачи. Ради этого заявления всё затевалось и вокруг него все пляски. ДжиХён округляет глаза и рот, «О-о-о!». Хорошая она актриса, премию заслуживала честно. Своей мимикой фиксирует внимание на моих словах, закрепляет их в памяти зрителей. Особенно мужчин, ведь ножками тоже не забывает играть.

— А разве нет? Тебе ли не знать, какой шум поднимается, если айдола застукают даже не на свидании, а просто заметят проявление симпатии к кому-то? Какие горы хейта сразу выливаются на «виновного»!

ДжиХён замедленно кивает, «Да, да...».

— Нетизены хотят видеть айдолов ангелоподобными куклами. И страшно нервничают, когда вдруг девушки-айдолы интересуются молодыми людьми, а парни-айдолы засматриваются на девчонок. И что получается?

— Что?

— При таких условиях айдолы невольно пропагандируют образ жизни, в которой нет места любви, замужеству и семейному счастью. Полагаю, что корни такого явления, как сампо* растут именно отсюда.

— Вы уверены, ЮнМи-сии?

— Ещё раз повторяю, нужны научные социологические исследования, но думаю, именно так всё и просходит. Молодёжь берёт пример с айдолов, это несомненно.

— ...

— Забавно, правда, ДжиХён? Нетизены сначала заставляют айдолов отказываться от отношений, а потом сами же берут с них пример.

— Холь! Выходит, чеболи ни при чём?

— Не знаю, ДжиХён. Ещё раз повторяю, вопрос нуждается в глубоком изучении. Но как раз с чеболями дело иметь проще всего. Не забывай, я тоже чеболь, хоть и не такой масштабный. А ты работаешь у меня. Скажи, тебе запрещают выходить замуж и рожать?

— Нет, ЮнМи-сии. Спасибо вам огромное.

— Когда выйдешь в отпуск по рождению ребёнка, тебе будет выплачиваться пособие в размере половины оклада. И твоё рабочее место сохранится за тобой. И это относится ко всем женщинам, которые работают в моём холдинге.

— О, да, ЮнМи-сии, — ДжиХён слегка розовеет от лёгкого смущения. А я потом подумай, это она так гениально играет или на самом деле смущается.

Время 20:55

— Ты — молодец, Юночка, — умиляется мама.

— Лишь бы бизнес выдержал, — хмыкает ЧжуВон. — Это всё-таки дополнительная нагрузка, а ты, Юна, всё берёшь на себя.

— Ты не забыл, что мы на льготном налогообложении? — мне только дай палец, враз руку по локоть отхвачу. Договорённость с правительством в рамках особой программы как раз и предусматривает работу и в этом направлении.

Обеспечение приемлемого уровня рождаемости в развитом государстве — проблема общая. Для этих самых развитых стран. Но есть ещё одна, отложенная опасность уже для всего человечества. Постоянное сужение генофонда и накопление мусорных генов. При преимущественно одном ребёнке в семье каждое последующее поколение теряет половину генов. Ведь одному ребёнку достаётся половинка генов отца и половинка матери. Остальное теряется.

Если детей двое, то тут надо считать, но сто процентов тоже не передаётся. Родительские половинки берутся от них случайным образом, так что можно принять, что передаётся процентов семьдесят. В среднем.

По закону бутерброда дефектные гены передаются чаще. Поэтому всяческие гемофилии и дальтонизмы сами по себе не затухают, хотя вроде бы теория вероятности работает вслепую. Но законы Мэрфи они такие, исхитряются даже случайности подчинять.

Резкое падение детской смертности оно благо, конечно. Только тут же возникают упомянутые проблемы. Сужение генофонда в каждом следующем поколении, аккумуляция дефектных генов и, как следствие, вырождение. Почему-то никто этим не занимается. По крайней мере, мне неизвестно, чтобы кто-то и где-то целенаправленно эту проблему решал. А раз никто не берётся, то «кто в цари последний? Что, никого? Так я первая буду!».

— И если я буду первая, — втолковываю уже в спальне своему домашнему транспортному средству, шлёпая по шаловливым ручонкам, — то, что это значит?

— Что? — вопрошает транспортное средство, примостив свою головёнку мне на колени.

— Когда все прочие поймут перспективы, они ринутся туда же. Но какое-то время мы будем во главе мощного потока. Используя своё лидирующее положение, именно мы снимем пенки, сливки и тому подобную сметану с этого высокоперспективного начинания...

— Ёксоль! — закатывает глазки муж, который не роскошь, а средство передвижения (да простит меня славный тандем Ильфа и Петрова за маленький плагиат). — Юночка, а ты не могла бы расшифровать?

— Представь, появляется медицинская фирма, которая предлагает всем, — за хорошие деньги, разумеется, — гарантию рождения умных, крепких и красивых детей. Как ты думаешь, будет она иметь успех?

— Холь! — первая реакция меняется на задумчивость. — Вижу много рисков. Сначала будет недоверие, технология наверняка будет дорогостоящая. Можно и прогореть. Так часто бывает.

— Любой высокотехнологичный бизнес рискован. Это не кимчи в кафе подавать, на него-то спрос всегда будет. Но нам президент ГынХе гарантировала поддержку.

— Неизвестно, сколько она президентом будет. Когда ты планируешь открыть этот бизнес?

— Лет через пять-шесть...

— Кх-кх-кх, а-к-х-м-м... — ЧжуВон аж кашлять от смеха начинает, — к тому времени не только ГынХе уйдёт, но и её преемник...

— Президенты уходят и приходят, а президентские программы остаются, — философски замечаю я, безуспешно отбрыкиваясь от стремящегося подмять меня пацака.

— Реклама будет убойная, — успеваю сказать перед решительной атакой пацака.

— Какая? — уже в нескольких сантиметрах от моего лица спрашивает ЧжуВон.

— Совпадение сроков тебе ни о чём не говорит? Через пять-шесть лет фирма появится, и примерно через столько же времени планирую рожать.

— Дебак! Приступим к тренировкам!

Пока не утонула в руках пацака, успеваю обозначить одну мысль. Если у меня будут синеглазые дети, хотя бы один такой ребёнок, то такая реклама вызовет цунами ажиотажа. Только как это сделать, если ген синих глаз всегда подавляется геном карих?

12 августа, пятница, время 08:35.

Университет Хангук, кафедра немецкого языка.

— Нет, госуним (профессор), я этого сделать не могу, — это один из секретов лёгкости бытия, умение сбрасывать с себя лишний груз. В этом разрезе я очень уважаю ослов. Животные с характером. Если лошадь можно нагрузить так, что она сдохнет или вусмерть её загнать, то с ослом такой фокус не пройдёт. Как только он почувствует, что предлагаемая работа выходит за пределы его возможностей, он останавливается, и с места его трактором не сдвинешь.

— ЮнМи-ян, — снисходительно улыбается завкафедрой со смешным для меня именем БинСук. Резко его останавливаю, вовремя на место не поставишь, потом умучаешься.

— ЮнМи-сии, — поправляю с самой милой улыбкой. — Можно, госпожа Агдан.

Профессор выпучивает глаза.

— Сколько у вас человек в подчинении, госуним? Четверо? Пятеро? Студентов считать не будем, даже если учесть, то несколько десятков. У меня стремительно растущая компания с числом сотрудников около тысячи. И это не я просилась в ваш университет, это ваш ректор уговаривал меня учиться у вас.

Хоть и нет у меня соответствующего органа, но меряюсь. И не хочется, а надо. Про стремительно растущую компанию тоже правда. Сейчас идёт работа по организации собственного банка, мои агенты рыщут по Сеулу и стране в поисках приличной кинокомпании с циничной целью подмять её под себя. С центром репродукции сложнее, но работа тоже начинается. Это кроме уже работающих и набирающих обороты телеканала и музыкального агентства. И клуба «Ред Алерт».

Профессор думает. Что-то долго ты голову ломаешь, тоже мне интеллектую!

— Хорошо, госпожа Агдан. Но вынужден настаивать на своей просьбе. Почему кафедры других языков, — это он про конкурирующие кафедры английского, французского, японского и испанского языков говорит, — имеют ваши песни, стихи и музыку, а у нас ничего нет? Чем мы хуже?

— Вы ничем не хуже, просто так получилось, — кажется, я нахожу непробиваемую отговорку. Пока он обдумывал соотношение наших статусов, я тоже время даром не теряла. Парень не промах, придумал загрузить меня по полной. Кафедра английского принимает мои англоязычные песни, как самостоятельные, оригинальные и общепризнанные лингвистические работы в зачёт, вот и ему хочется. Но нарисовать и продвинуть песни, — а из-за одной и мараться не стоит, — это крупный бизнес-проект сроком от полугода до года. Никак не меньше. А там тут же в очередь встанут «итальянцы» и «русские», «испанцы» заноят: де, одной «Порке те вас» мало. И что? Три-четыре года мне на них горбатиться? А

рожа не треснет?

— Просто так получилось, госуним. Международный музыкальный бизнес велик и сложен. Европейский, как и весь мировой, рынок поделён крупными лейблами. Там сложнейшая система договоров, контрактов, устных договорённостей.

— Это вы к чему, госпожа Агдан? — с непреклонной вежливостью вопрошает профессор БинСук.

— К тому, что по договорённости с «Sony music» я в ближайшие три года на европейский рынок не суюсь. Попробуйте сначала уговорить Икуту-сана, чтобы я вдруг бросилась писать песни на немецком языке. Сразу предупреждаю, что это бесполезно. Он связан соглашениями с европейскими партнёрами и нарушать их ради вашей кафедры...

Подвешиваю многозначительную паузу. На самом деле, блефую. Ничего такого нет. Предложи я сейчас мистеру Икуте пакет песен на любом языке, он радостно вцепится, как щенок в мелькающую перед мордой тряпку.

— Не понимаю... — начинает профессор.

— И понимать не надо, госуним, — перебиваю бесцеремонно. — Это сложный и тяжёлый бизнес с многомиллиардными оборотами и плясать под вашу дудку он не станет.

Чтоб ты провалился со своими аппетитами! Прячу злобу под милой улыбкой, унося побыстрому ноги. Лингвистический реферат он всё-таки на меня повесил. Причём с такими требованиями, что на диплом потянет. С трудом удерживаюсь, чтобы дверью не хлопнуть. Да и доводчик ломать не с руки.

Окончание подглавы.

Глава 7.2

Чат «Цунами», сборище антифанов Агдан. Портал **OhmyNews**, ночь и утро 13 августа. Споры продолжаются.

[**S] — Щибаль! Народ не может быть ни в чём виноват!

[**2] — Может! Народ всё может! Кх-кх-кх...

[***] — Агдан лихая стрелочница. Хоп! И теперь не чеболи, а мы виноваты.

[***] — Как будто мы запрещаем женщинам рожать...

[**2] — Айдолам запрещаете. Даже не рожать, а на свидания ходить.

[***] — Их всего несколько сотен.

[**2] — И несколько миллионов дурочек, которые мечтают о мальчиках с экрана и не обращают внимания на ребят вокруг.

[**S] — Про дурачков забыл упомянуть. Которые только и смотрят на свою Агдан и не обращают внимания на обычных девчонок вокруг.

[***] — Холь! Врежь ему ещё!

[***] — Агдан сказала, что она сама почти чеболь, вот и защищает своих.

[***] — Только они её своей не считают, кхе-кхе. Даже свёкр не признаёт.

[**2] — Девушки! А кто хотел бы в компании Агдан работать? Признавайтесь! Замуж выходить можно, рожать можно, никто за это не уволит, рабочее место сохранят, и даже пособие будут платить.

(Следующее сообщение появляется только через двадцать минут)

[***] — Я бы не стал в компании Агдан работать. У меня и так работа хорошая.

[***] — И пособие по родам обещают платить, кх-кх-кх?

[**2] — У вас там что, умеют делать так, чтобы мужчины рожали?:-)))))) Интересно, как? Так же, как женщин?

[***] — Щибаль! Ни капли не остроумно!

[**2] — Первый начал так острить.

[***] — К Агдан не пробьёшься... вон у неё какие работают.

[***] — Интересно, а сама-то Агдан будет рожать или нет?

[***] — Она сказала, что лет в двадцать пять родит.

[**S] — Врёт! Не будет она рожать.

(в чате в списке присутствующих в низу экрана появляется новый юзер с откровенным ником «Агдан»)

13 августа, суббота, время 08:15.

Агентство «Music Modern», кабинет Агдан.

Отслеживаю антифанатский чат уже минут двадцать и решаю вмешаться. На минутку. По клавиатуре летают пальцы...

[Agdan] — Первого ребёнка рожу через шесть-семь лет. Планирую иметь двоих детей. Может и больше, но не уверена. Хотелось бы мальчика и девочку. Вы, как хотите, а у нас в семье коэффициент рождаемости будет не менее двух.

(компьютер Агдан издаёт звуковой сигнал, сопровождающий закрытие аккаунта)

(чат потрясёно молчит минут пять)

[**2] — Дебак! Гордитесь, сама Агдан до вас снизошла.

[***] — Двое это мало. Такие красивые должны как можно больше рожать.

[**2] — Она тебе что, муравьиная матка?

[**S] — А ты уверена, что это у неё природная красота? Да она из пластической хирургии не вылезает.

[**2] — Глупости. Агдан только недавно перестала расти. И внешность менялась из-за повышенного гормонального фона, как меняется у всех подростков. Так что она могла обратиться к пластическим хирургам только в последние три-четыре месяца. Но в это время изменений в её внешности не было.

[***] — Были! Растолстела она!

[***] — Попка круглее стала, у-м-м-м-м...

[**2] — На сайте Агдан есть публично представленные данные. Со времени ухода из агентства она поправилась всего на килограмм. Кстати, подросла ещё на полсантиметра с того времени.

13 августа, суббота, время 08:30.

Агентство «Music Modern», кабинет Агдан.

Заканчиваю отслеживать чат, вроде цель достигнута. Могут и меня полоскать, лишь бы от чеболей отцепились. Мне и на чеболей-то начхать с высокой колокольни, но уж больно ГынХе нервничает. Снимаю трубку служебного телефона.

— ЁнЭ, выпиши «Змеиному гнезду» двадцать миллионов вон из моего личного премиального фонда. В сопроводилровке напиши: особо отметить номер второй.

Потом смотрю результаты отбора кастинга. Мы его проводим скрытно и негласно. Ненавижу ажиотаж у ворот агентства. Ни к чему заниматься этим самим, когда его все агентства проводят. Выцарапать у них базы данных с записями добром не всегда удаётся, но этим самchon занимается. И больше полутора-двух тысяч долларов платить не приходится. Это ведь даже предательством не назовёшь, нас больше интересуют те, кого агентства забраковали. По внешности, по росту. Уличных музыкантов и прочих волонтеров берём на учёт, «Фристайл» тоже из таких был и вовсе не один, их как грибов в лесу после тёплого дождя.

Агентство JAP пару месяцев назад забраковало интересную девочку. Танцевать она, видите ли, не умеет. А зачем ей танцульки с таким выразительным голоском? И росточек чуть выше Борамки не проблема. Мы её себе и забрали, дали псевдоним КейФлай и начали работу. Девочка способна взять на себя две трети моих англоязычных песен. Оставшуюся треть тоже может, но там лучше подобрать другого тембра голос. Пару новых песен для неё изобразила, мне лишний процент капнет при работе с Икута-саном. Ещё можно было с её связками поэкспериментировать, но не решилась. В одном месте, про которое точно знаю, что на пользу пойдёт, укрепила и всё. Именно, что укрепила, диапазон не расширится, но риск срыва голоса сведён к минимуму. В первый ряд мирового уровня она не выйдет, но приятное разнообразие звёздному небосклону придаст.

— Кей, стоп! — останавливаю песню, девушка снимает наушники. Тичер по вокалу смотрит ожидающе. Не понимает, что мне не нравится, но привыкла.

— Вот в этом фрагменте надо выразительнее голосом сыграть, — занимаю её место, заодно и сама потренируюсь. — Это кульминация всей песни, здесь ты должна улететь под облака, показать все возможности своего голоса и петь заметно громче. Если громче не можешь, тогда всё остальное пой чуточку тише.

— А-а-а-о-о-о-а-а-а! — после полоскания горла начинаю распевку, пробуя связки. Всё нормально, я в голосе. По сигналу включают музыку, и я урезаю «Деспозито». На моменте 1:12 поднимаю палец вверх, показывая Кей, чего я от неё хочу.

— Агдан-сонбе, я так никогда не смогу... — ноет Кей.

— Не говори ерунды! Ты моим голосом не можешь, а со своим справишься. Ты не должна вытягивать мою высоту и тембр, тебе надо разнообразнее в своём диапазоне играть.

Учитель вокала улыбается Кей ободряюще.

— О жестикуляции не забывай, она очень помогает. Ты же видела, как Агдан-сии делала?

Век живи — век учись. Никогда о таком не слышала, и вот — привет, опять что-то новенькое узнаю.

Прослушиваем снова.

— Уже лучше. Продолжайте в этом же направлении. Давайте «Lose Yourself».

Ухожу советоваться со звукорежиссёром.

— Аджосси, вы можете помочь тичеру... — смотрим частотные спектры разных исполнений, — глядите, вот этот профиль нам понравился больше, чем этот. Разницу видите?

Звучач кивает, а я отвлекаюсь на прослушивание Кей. Этой песней она реабилитирует себя в собственных глазах. Включаю внешний микрофон по окончании пения, из аквариума звукорежиссёра сообщения идут именно так.

— А вот эту песню, Кей, лучше тебя никто не споёт. Я такой низкий регистр с трудом беру, зато ты в них купаешься.

Девочка расцветает.

— А теперь идите сюда, кое-что вам с аджосси покажем... — Кей и тичеру полезно посмотреть на процесс и с другой стороны.

На обед еду домой, и персонал кроме дежурной смены охраны распускаю. В субботу — короткий рабочий день.

13 августа, суббота, время 13:55.

Особняк Агдан.

Мама поначалу обижалась, что мы по субботам с ЧжуВоном обедаем в ресторанах. Пришлось объяснять, что это не просто так. Обычно мы подводим там итоги недели, иногда проводим деловые встречи. Даже наш совместный обед больше деловая встреча директор телеканала с его главным владельцем и президентом сопряжённого музыкального агентства, чем семейное мероприятие.

Сегодня к нам прибыла ГаБи... хотя почему сегодня? Почти каждая суббота завершается её докладом о состоянии текущих дел.

Самая важная новость на распечатке статьи на главной странице «Корея таймс» (газету почти открыто контролирует правительство).

— Буквально час назад на сайте появилась. В печатном виде пока нет...

Нахальный пацак выхватил распечатку первым, ладно, потерплю. Ну, и затаю, конечно. Давненько я ему макияж по ночам не делала.

Статья короткая, так что Чжу быстро её пробежал глазами и подло спойлернул.

— Всё, Юночка, можно считать, проблема с нападками на чеболей решена. Пусть нетизены себе сами глотки перегрызают.

Статья.

Причины запрета отношений айдолов

«Общий знаменатель во всех случаях, когда компании накладывают строгий запрет для артистов — поддержка фанатской культуры, чтобы айдолы могли стать популярными не только благодаря музыке, но и благодаря своей привлекательности как романтических партнёров. С коммерческой точки зрения такой подход делает бизнес более жизнеспособным. Однако корнем такой коммерции является не агентство, а сами фанаты. Есть много примеров, демонстрирующих крайне негативную реакцию фанатов на отношения айдолов или их желание встречаться. Словно айдолы обязаны удовлетворять фанатов и их фантазии ценой собственной личной жизни и счастья. Но поскольку это то, что привлекает «рынок», компаниям приходится вводить подобные запреты. Это позволяет сократить количество возможных скандалов и не допустить появления антифанатов, недовольных отношениями айдолов.

Таким образом, запрет на отношения является скорее способом защитить артистов, а не проявлением бесчеловечности компаний. Хоть это и кажется несправедливым с их стороны, но именно одержимая фанатская культура подливает масла в огонь. То, что новости об отношениях и браке считаются не нормой, а сенсацией, происходит из-за СМИ, желающих привлечь внимание фанатов с искажённым чувством реальности. И это искажение естественных человеческих отношений только усиливается из-за запретов компаний. Это замкнутый круг, из которого невозможно выбраться, пока компании сами не подведут черту».

И пара ссылок на грустные истории, связанные с темой:

<https://www.yesasia.ru/article/927154>

https://super.ru/a/k_pop_die_young

Плюс убийственная цитата:

«Со мной все будет хорошо», — говорила весной после попытки наложить на себя руки 28-летняя Гу Хара — любимица публики со времен участия в группе KARA. Ее бой с депрессией не был ни для кого секретом, но уже осенью лейбл посчитал, что его звезда вполне готова вернуться на сцену. В прошлое воскресенье, через несколько дней после очередного сольного концерта, Хару нашли мертвой в ее доме».

— Нетизены — глупые детишки, — замечаю я. — Даже сравнительно неопытный и не сильно искушённый политик сделает их одним пальцем левой руки. И чего ГынХе так нервничала?

Чжу смотрит с осуждением. Почто я так фамильярничаю с аж президентом страны, пусть и заочно? ГаБи невозмутима. Обожаю её. Для неё нет никого выше Агдан.

Уже дома расспрашиваю ЧжуВона о банке. Эту работу спихнула на него, ничего в этом не понимаю и голову забивать не собираюсь.

— Процесс идёт, — напускает туману пацак.

— Не пудри мне мозги! Когда банк начнёт работу? — пока к стенке не припрёшь, ничего не добьёшься. Сужаю глаза, нагнетая напряжённость и наполняясь подозрением.

— Погоди-ка! Да там у тебя и конь не валялся!

ЧжуВон прячет глаза и пытается увести тему в сторону.

— Какой конь? Что это значит?

— Это значит, что ты и пальцем не шевелил по этому делу! — точно, так и есть.

— Ну, почему, Юночка? Я нашёл человека, приставил к нему Ли, ты его знаешь. Они и занимаются, я просто давно не интересовался. А там пока все бумаги пробьёшь... банк не так просто создать.

Ладно, будем считать отвертелся. Дело, действительно, сложное. Но теперь он хоть присмотрит. ГаБи, я знаю, озадачена с самого начала. Среди фанатов кого только не найдёшь. Есть выпускники финансовых факультетов.

— Пятьдесят миллионов от СунСиль приши? — вспоминаю толстое обстоятельство.

— Нет ещё...

Вот сучка! Придётся напомнить.

Но есть и хорошие новости. Заглянула на график курса датакоина. Ох, ничего ж себе! На моих глазах ползёт от шестидесяти пяти к семидесяти. Это сколько у меня бабла уже? Не доверяя в этом важном вопросе собственным мозгам, кидаюсь к калькулятору в планшете.

Ничего себе! У меня в датакоинах девять миллионов долларов! Ничего бы у меня не получилось, выгнали бы с позором из айдоллов, никакой работы не нашла бы, всё равно стала бы миллионером.

14 августа, воскресенье, время 09:15

Особняк Агдан.

Могучий мужчина ЧжуВон в домашних тапочках и халате спускается вниз на завтрак. Юны почему-то нет. ЧжуВон проснулся раньше семи часов по привычке и только после умывания вспомнил, что сегодня благословенное воскресенье и снова плюхнулся спать.

— ДжеМин-сии, а где Юна? — ЧжуВон брякается на стул.

ДжеМин собирается что-то ответить, но почему-то её челюсти двигаются как-то рассогласованно и, наконец, рожают пресловутое корейское «а-д-ж-ж-ж-ж».

— А-а-а, му-ю, и-э-э-э, а-д-ж-ж-ж...

Чтобы там не происходило, женские руки работают на автопилоте, подогревая мужчине завтрак. Заходит СунОк, так же на автопилоте присоединяется к маминым хлопотам, занимаясь чаем. В какой-то момент СунОк поворачивается к ЧжуВону и замирает. Была бы в руках чашка, упала бы на пол.

ДжеМин слегка толкает её в плечо и с улыбкой спрашивает:

— Чего ты замерла? Налей ЧжуВону чаю.

— Что? — До ЧжуВона что-то доходит. — Чего вы так на меня смотрите?

— ЧжуВон-оппа, ты решил стать айдоллом? Краситься стал по утрам...

Недоумевающее лицо ЧжуВона через секунду становится негодующим. Он бросается из

кухни в прихожую, к ближайшему зеркалу. Ещё через секунду оттуда доносится рёв раненого мамонта.

— Где она?!

Женщины пожимают плечами, они не знают. ЧжуВон, враз сбросивший с себя утреннюю негу, через три ступеньки несётся вверх. Полы халата развеваются вокруг могучих ног. Переглянувшись, ЖеМин и СунОк начинают безудержно хихикать. СунОк находит повод осудить сестру.

— Себе такие глаза никогда не делала. А ведь умеет!

— У неё и так глаза красивые, — защищает младшую ЖеМин.

Сверху доносится топот, взрывается и смолкает смех Юны, слышится грозное бурчание ЧжуВона.

— Как бы он чего с ней не сделал, — беспокоится СунОк.

— Самое страшное, что может случиться — родит раньше, — спокойно замечает мать. — Я только рада буду.

15 августа, понедельник, время 09:45.

Университет Хангук, класс со спецгруппой русского языка.

— Сла Саса по шассе и сусила сиську... — в классе смех, пытается другой.

— Сшла Саша по шассе и сосала... — молодец! Почти сказал. Дальше! — ... систишечки.

Нет, меня всё-таки срубает от смеха. Думала всё, ничем меня не удивишь, но нет, мои подопечные выдают вариант за вариантом. Я бы удержалась, но некоторые из студентов, более продвинутые, буквально корчатся от смеха. Очень заразительного.

Язык следует изучать с фонетики и привязки к письму. Русский язык в этом плане самый удобный. Произношение процентов на девяносто пять соответствует написанию. И даже если говорить строго по написанному, «Что» вместо «што», «кОрова» вместо «кАрова», тебя прекрасно поймут. Да и несоответствия написанному безударных гласных — послабление говорящему. Так проще, «а» говорить проще, чем «о».

Сложности в обучении корейцев русскому языку, тем не менее, огромные. Один барьер, общий для многих иностранцев, твёрдый звук «р». В корейском языке тоже нет такого звука. Нет «ц», фамилия русского корейца Виктора Цоя на самом деле в родной среде звучит примерно, как «Чхой». Нет звука «ф» и «в», сложности с другими буквами. То бишь, фонетика отличается очень сильно.

Более иль менее, мы всё это прошли, хотя рытвины остаются и мы их сейчас преодолеваем с помощью скороговорок, которые один из моих подопечных долго и упорно называл «сковородками». Звукосочетание «рл» одна из таких рытвин, немало мы повеселились на словах «орлы», «Берлин» и тому подобного. Ещё они часто неуместно смягчают и глотают гласные, например, фраза «пороша не бела, а белым-бела» звучит так: «пороша не бля, а блим-бля». Когда приедут в Россию, местные будут ходить за ними толпами и от души потешаться.

Эта группа — мой дипломный проект. Как обучу русскому языку, получу университетский диплом. Не сразу, конечно, примерно через восемь-девять месяцев. Ничего. Мне есть чем заняться.

— Расскажите мне, как вы начали день с момента, когда проснулись, — поднимаю

одного студента.

Слушаю его и заставляю слушать остальных. Ошибки поправляю на ходу. Затем следующего, который, разумеется, пользуется предыдущим рассказом, как заготовкой для себя. И правильно делает. Порадовал один парень, — кстати, девчонок всего две из тридцати человек, — который строит своё жизнеописание, как надстройку над предыдущими речами.

— Я встал, чуть позже, чем мои друзья, но вместо кофе или чая утром выпил яблочный сок...

Ну, и так далее. Весь рассказ на этом строится, вот это он сделал, как все, а вот тут — по-своему. Ставлю ему плюстик в своих учётных записях.

Заканчиваю занятия и галопом к начальству, у меня ж куратор есть, декан лингвистического факультета. Большой, святые апельсины, начальник. Ревниво оглядываю секретаршу и успокаиваюсь. Моя ЖиХён её перебьёт одной левой. Ножкой.

— Кунчанним занят... — секретарша говорит на автопилоте, не отрываясь от компьютера, бойко стуча по клавишам. — Холь! Госпожа... Агдан?

Первый раз меня увидела? Наверное. В кабинет декана я нагрязнула первый раз, до сего дня необходимости не было.

— А вы что, милочка, думали, что людей, которых показывают в телевизоре, на самом деле не существует? — что-то меня пробивает на саркастический юмор.

Через четверть минуты, отойдя от шока, секретарша, кокетливо потряхивая выбеленной красиво свивающей до подбородка прядкой, соединилась с начальством и пропустила меня пред светлые очи высокого начальства.

— Господин БинСу, почему не выполняете наши договорённости? — не с места в карьер, но сразу после приветствий ставлю вопрос ребром.

Импозантно интеллигентный декан напускает во взор недоумение, за которым тщательно прячется смущение и понимание.

— О каких договорённостях речь, госпожа Агдан?

Вопросы со статусами решила с первого дня. Присутствовал и декан и другие официальные лица при нашем общем разговоре, уже без участия советника Ли. Так вот ректор университета ясно дал понять присутствующим, что мой статус в Хангуке уступает только его, ректора, личному статусу. Переводить никому не надо.

Напоминаю о договорённостях.

— Видите ли, госпожа Агдан, мы просто не знаем, как это обеспечить.

Не знают они... что тут знать-то? Начинаю втолковывать. Через полчаса декан вызывает коменданта, ведающего расселением студентов. Отдельного кемпинга мне не досталось, но блок в одном общежитии предоставили.

Не слезаю с них два часа, пока мои взмыленные студенты собираются в кучу. Соответственно, не менее взмыленные, но не мои студенты, разбегаются по старым норам моих подопечных.

— На входе в блок организуйте предупреждающую надпись: «Все, проживающие в блоке 73, разговаривают только по-русски». На трёх языках: корейском, русском, английском. И чтобы без ошибок! — инструктирую старосту группы. Угадайте с трёх раз, как его выбрали? Правильно, он старше всех по возрасту.

А я иду в технический центр университета. Для моей группы надо организовать отдельный блок телеканалов и радиовещания. Исключительно на русском языке.

15 августа, понедельник, время 15:15

Особняк Агдан.

Обломился сегодня Чжу с совместным обедом. Обеденное время проваландалась в Хангуке, заменив его бутербродом и стаканом сока. И вместо агентства поехала домой. Мне там удобнее, на работе покоя не дадут. Мне можно, у меня, как владелицы и высшего руководителя, свободное посещение. Справедливо или нет, но у начальства всегда больше привилегий.

Мама очень довольна, что я дома пообедала. Теперь лежу на диванчике, на спине мурлычет не менее мамы счастливая Мульча, а я втыкаю в планшет и качаю русские фильмы. Самого разного жанра и качества. И песни, тоже разных жанров. От частушек до романсов.

Метод полного погружения в языковую среду он именно такой. Мои студенты должны просыпаться под русские песни или хотя бы мерзкую команду «Группа, подъём!!!». Под весёлую физкультурную песенку делать зарядку, желать по-русски друг другу доброго утра. Или провалиться нафиг. Не важно, главное по-русски. Днём учиться, вечером смотреть русские фильмы и опять слушать песни и тексты. Писать письма, статьи и сочинения на разные темы. Разговаривать только по-русски, попавшиеся на использовании родного языка получают штрафные баллы, отработку которых организует староста. Например, уборку помещений общего пользования, дежурство по блоку в «почётной» должности мальчика на побегушках. Самое страшное наказание — выучить дополнительный стих сверх программы. Чем-то я уже их озадачила, чем-то ещё «обрадую».

Погружение должно быть полным, до самого дна. Именно в этом и состоит моя дипломная работа: изучение иностранного языка методом полного погружения. Вот только имеющихся в университете русскоязычных студентов мне не дали. Обосновывая это тем, что им нужно погружение в обратную сторону. Ладно, это дополнение я позже попробую выбить. Или негласно организовать.

Конец главы 7.

Глава 8. Фильм, фильм, фильм...

17 августа, среда, время (монреальское) 18:35
Канада, Монреаль, квартира Стивена Робинса.

К кухонной плите Стив в последнее время подходил всё чаще. Его гёрлфренд Люси при малейшем намёке что-то сделать на кухне очаровательно, но непреклонно морщит носик. Только хардкор, только ресторан. Так что омлет приходится делать самому, да и Люси в наличии нет.

Заливая взбитые яйца молоком, Стив на мгновение замирает от неожиданной мысли. Чуть молоко не перелил. Вылить на сковородку на маленьком огне и можно заняться кофе. И обдумать идею, неизвестными дорожками угодившую ему в голову.

Люси избегает у него появляться, если планируются хоть малейшие работы на кухне. Стив не гордый, может и сам, но подруга всё равно нервничала. Несмотря на все женские права и привилегии, которые дамы в западном обществе себе выбили, в подкорке сидит: кухня — женская зона ответственности. Любое существо нервничает, когда на его территорию кто-то покушается. Самой готовить — ни за что! И впускать кого-то, тем более мужчину, почему-то унизительно.

Собака на сене, — решает Стив. И какие выводы? Простые и очень практичные. Губы Стива раздвигаются в сардонической усмешке. Не надо говорить подружке, что сегодня нет настроения с ней видаться. Достаточно намекнуть, что хочешь что-то приготовить на кухне, пригласить поучаствовать. После этого согласиться, — с тщательно разыгранным огорчением, — на любую отговорку от свидания. А вот в ресторан, тем более дорогой, у неё всегда готовность номер один. Правда, может пожаловаться на извечно женское «нечего надеть», но есть противоядие и против таких казусов. Свой карман от женских притязаний надо защищать. Иначе останешься и без штанов и без карманов. Как? А затребовать тот бежевый и оригинальный костюмчик, на который он до сих пор не налюбовался. Или пикантное платье. Контраргумент против Люси до сих пор не изобрела.

Шкворчащее солнышко на сковородке перемещается в тарелку, кофе в чашку и можно занять место перед компьютером, посмотреть последние новости. Ещё одно преимущество холостой жизни, никто не будет пилить на нарушение глупых табу.

Блям! Вспучивается и опадает конвертик в правом нижнем углу экрана. Кто-то обеспокоил мастера кинорежиссуры. Вдруг это долгожданный кинопродюсер, желающий зафрахтовать одного из самых лучших мастеров?

За блокбастер «Адское побережье», посвящённый славной высадке десанта на Европейский континент во время второй мировой, он и получил тот гонорар в пятнадцать миллионов, вскруживший ему голову. По прошествию полугода Стива всё чаще посещают мысли, не слишком ли он задрал планку? Очереди продюсеров, размахивающих чеками с многочисленными нулями, у его порога не наблюдается.

— И что там у нас? — спросив сам себя и выдержав паузу, — сохранять достоинство надо даже в одиночестве, — Стив открывает письмо.

Прочитав его, Стив тряхнув головой, перечитывает коротенький текст второй раз и в третий ключевые места. Не то, чтобы сильно ошеломлён был, не мог решить для себя, радоваться известию или огорчаться.

Мистер Роббинс!

Своё предыдущее предложение я снимаю. Так как вы не давали на него согласия, то имею право это сделать. Моё следующее предложение, на этот раз одобренное моими менеджерами, таково: 10 миллионов долларов за работу над фильмом и полные имущественные и прочие права на результаты вашей работы за моей компанией.

Если вас всё-таки заинтересует моё предложение, то жду вас в Сеуле по адресу...

Сама я в Канаду в силу большой загруженности и других обстоятельств не могу прибыть.

Всегда ваша, Агдан.

— Нет, — Стив быстро печатает короткий ответ, но палец над клавишей «Enter» придерживает. Вздыхает и осторожно жмёт иконку «Отмена». Резко и категорично ответить всегда успеет. Вряд ли эта корейская красотка рассчитывает получить ответ в течение часа.

18 августа, четверг, время 08:55

Агентство «Music Modern», кабинет Агдан.

Отправив письмо Робинсу, принимаюсь за доработку синопсиса к фильму «Терминатор». Пробел в мировом кинематографе восполняю с тридцатилетним опозданием, так что на идеальную кандидатуру Арнольда Шварцнеггера рассчитывать не приходится. Ничего. На планете живёт не меньше полумиллиарда мужчин европейской внешности, найду кого-нибудь. Дольф Лундгрэн, к примеру, тоже на роль подошёл бы. По возрасту он тоже в тираж вышел, я к тому, что образ терминатора может потянуть и другой актёр, не впечатавшийся в умы мира Юркина образ Шварцнеггера.

Отказ Робинса меня тоже не смутит. Найду молодого, энергичного и перспективного. Дешевле обойдётся, и намного дешевле. Молодой будет делать себе имя, а не деньги.

На место главного защитника Сары Коннор надо брать кого-то другого. В каноническом «Терминаторе» Кайл Риз, отец Джона Коннора, выглядит не убедительно. Воевавший и побывавший во многих смертельных переделках, пусть и молодой, человек не может напоминать напуганного студента. Эта роль героическая, и он должен выглядеть опытным бойцом.

С именем «Сара» тоже надо решать. Оставлять или менять. Эта мода в американском кинематографе как раз в 80-ых годах, видимо, пошла. Мода на женские имена еврейского происхождения. Какой фильм ни возьми, обязательно найдёшь Дэвида, Сару или Рэчел, Рахиль в родном звучании. Это не антисемитизм с моей стороны, всего лишь бизнес, ничего личного. Если такая мода сейчас в силе, оставлю Сару, если нет — милль пардон. Переименую в какую-нибудь Линду или Патрицию.

Нацеленность на Америку, безусловно, оставлю. Чем игнорировать самый грандиозный кинорынок, лучше совсем не браться. А для азиатского, конкретно корейского и японского сегментов, поставлю приманки. Намиэ мне там что-то обещала.

— ЮнМи-сии, — говорит динамик на столе мелодичным голоском ДжиХён, — вам пора в репетиционный зал.

Складываю бумаги в стол. Проекты проектами, а шоу маст гоу. Готовим серию концертов по стране. Концерты комплексные, с участием СонЁн и БоРам, — остальные

коронки пристроены, — но главная фишка — Кей Флай. И подтанцовка наша, айдолы мы плодить не будем, но собственный кордебалет планирую. На следующем этапе привлеку группу «Кара», давно её вожделею, страстно.

После обеда — в Хангук. Проверю сегодня, как моя группа в общежитии устроилась. Напряжённый у меня график. И не сбросишь ни на кого никаких дел.

16 августа, вторник, время 10:30

Сеул Сити Холл, здание справа от строения футуристического дизайна.

Кабинет президента фонда «Национальная культура»

Госпожа СунСиль чувствовала нечто схожее с наркотической ломкой. Полчаса назад помощница принесла ей реквизиты по двум банковским счетам. Агентства «Music Modern» и агентства «SM Entertainment». При одной только мысли об очаровательной и милой Агдан в груди разливается тёплое блаженство, хочется порадовать её шикарным подарком... но пятьдесят миллионов долларов!!!

Эта божественной красоты девушка твёрдо пообещала вернуть на десять миллионов больше в течение полутора-двух лет. И не поверить ей невозможно. Но это значит, что целых два года у неё не будет пятидесяти миллионов, которые сейчас есть и глядят на неё бодрим и длинным рядом цифирек с банковского счета.

СунСиль горестно вздыхает и буква за буквой, цифра за цифрой вбивает данные в платёжку банковского перевода. Целых полчаса занимает эта процедура. Долго сверяется, опять вздыхает. Всё правильно. Осталось нажать кнопку «Отправить», потом подтвердить перевод, запросить подтверждения о получении. Будет звонок из банка лично ей. Такие деньги просто так не прыгают со счёта на счёт.

Либо нажать кнопку «Отмена». И очень хочется это сделать, но что потом отвечать онни ГынХе, если она ещё раз спросит? Лгать не хорошо и бесполезно...

«Дорогая, эта девушка тебе дороже дочери. Неужто тебе жалко для неё каких-то денег? Они ведь на хорошее дело пойдут», — заговорило нечто внутри неё. Не словами заговорило, чувствами и эмоциями. СунСиль становится немного стыдно, и она решительно нажимает кнопку «Отправить».

Звонок из банка СунСиль воспринимает стоически и вежливо и сухо подтверждает перевод. Распечатанную платёжку укладывает в тоненькую папочку, где лежит обращение Агдан за финансовой помощью с обоснованием, решение комиссии фонда с её положительной резолюцией и собственный приказ по фонду. Ещё четверть часа потребовалось СунСиль, чтобы уговорить себя сильно не горевать по этому поводу.

А вот Чо СуМан подождёт...

18 августа, четверг, время (монреальское) — 19:05

Канада, Монреаль, ресторан, ближайший к дому Стива.

— Наверное, откажусь, — не очень уверенно говорит Стив, отрезая очередной кусочек антрекота и цепляя зелёные листочки чего-то и пару фасолинок.

— Ты что-о-о-о?! — округляет глаза Люси. Сегодня она в том самом костюмчике, который так радует взгляд её бойфренда.

У неё на тарелке салат на основе морской капусты. Девушка Стива в очередной раз

штурмует очередную диету. Это ненадолго и не первый раз, поэтому он сразу заказал «себе» два мясных блюда. Неприятно, когда пусть и любимая девушка начинает таскать кусочки из твоей тарелки. Потому Стив берёт двойную порцию и немного хмурится, когда видит, как Люси клюёт салатик и гарнирчики из его запасного блюда. Хмурится — обязательно, подружку надо поощрять на «воровство» и всё-таки накормить. Будет дуться, возлагая на него вину за свою слабовольность, но это лучше, чем невыносимая раздражительность голодного человека. К тому же у него не просто оправдание, а обвинение: ты меня объела, так что дважды виновата. И претензии сразу улетучатся. Волшебным образом.

— А что? — прожевав, спрашивает Стив. — Я ж говорил тебе, планку снижать нельзя. Ты опять моё мясо ворует?

— Можно, Стив, — под шумок Люси добирается до аппетитного антрекота. — Посмотри на рост любых акций. Даже при уверенном росте есть небольшие падения и отскоки. Главное, тренд держать.

Люси пробовала играть на бирже, не очень удачно, — ей терпения и усидчивости не хватало, — но и не сказать, что совсем провально. Пара удачно закрытых позиций в своё время дали ей повод считать себя биржевым экспертом.

— Твой гонорар за «Ад» — резкий выброс. Усреднять надо, Стив. Какой твой предыдущий гонорар был? Три миллиона? Вот и бери среднее, получается девять, тебе дают десять.

«С чего бы это она так за меня взялась?», — задумывается Стив и тут же получает разгадку. Люси держать паузу не умела.

— Стив, а дай мне какую-нибудь роль в этом фильме! Ты же говоришь, большинство актёров — не азиаты?

— У тебя актёрское образование есть? — нет, у неё ничего подобного, насколько знал Стив, но повод-то для отказа нужен.

— В школьных спектаклях участвовала, — не смущается Люси. — А что там сложного?

— Любому делу учиться надо, — скучно отвечает Стив.

— Ай, брось! — отмахивается девушка, уже всюю разделяваясь с антрекотом. — Я же главную роль у тебя не прошу. Что-нибудь второго плана.

— Только эпизод или массовка, — категоричный ответ может вызвать бурю возмущения, но куда деваться? — Роли второго плана тоже для профи.

Стив расслабляется. Люси киномир с той стороны экрана не знает абсолютно, поэтому ей можно втереть любую чушь. Тем более, что это не совсем чушь.

— Меня актёрский профсоюз с дерьмом смешает, если я тебе заметную роль дам.

Что произошло вечером в ресторане, Стив осознаёт только утром, когда после чашки кофе Люси исчезает. Стив всерьёз подозревал, что утренняя торопливость Люси связана с опасностью попасть на мытьё пары чашек после кофе.

Вчера он сам не заметил, как принял предложение корейки. Вот как его Люси это делает? В начале ужина он раздумывал над формулировками отказа, а в конце принято положительное решение. Причём Стив так и не смог понять, в какой момент случился этот поворот на сто восемьдесят градусов.

18 августа, четверг, время (сеульское) — 14:45.

Сеул, окружной суд Намьянджу

— Ёксоль! — не удерживается от восклицания секретарь приёмного отделения и смотрит на посетителя почти европейскими глазами. — Простите, но вы серьёзно?

— Ук, — невозмутимо соглашается посетитель, относительно молодой, но уже с небольшим брюшком мужчина, и приглаживает жёсткий ёжик короткой причёски.

— Какие основания? — справившись с первой волной удивления, вопрошает секретарь. Шелестит, скользя по столу, файл с парой листов. Секретарь ловко вытаскивает бумаги, пробегает по тексту глазами, которые снова понемногу принимают европейские размеры. По прочтении секретарь с недоверием смотрит на опустевший файл, затем переводит взгляд на посетителя.

— Это всё?

— Ук, — с прежней невозмутимостью кивает мужчина.

Для того, чтобы привести глаза к прежнему нормальному состоянию и уgomонить шторм изумления, секретарю, — хвала выдержке судебных чиновников, — хватает одной минуты. Посетитель терпеливо ждёт.

— Вы в курсе, чем заканчивались другие подобные иски, с гораздо более серьёзными основаниями?

Невозмутимый мужчина изображает лицом любопытство.

— Иски проваливались, их авторы подвергались встречным, подавляющее большинство которых, напротив, удовлетворялось, — принимается объяснять секретарь. — Она на вас уже состояние сколотила...

Секретарь замолкает, видя полную безмятежность жалобщика. Ладно, его дело маленькое — принять и оформить. Но если так дальше пойдёт, то судейский корпус получит нагрузку, сопоставимую с шахтёрской. Что за времена! Чуть что, сразу в суд.

Посетитель, получив требуемое, уходит. Секретарь провожает его жалостливым взглядом. Дуракам закон не писан. Чтобы с чеболями судиться, надо обладать двумя качествами: дуростью и наглостью. А чтобы судиться с Агдан, надо возвести эти качества в квадрат. Или в куб. И какой же ущерб понёс этот слабоумный в результате столкновения с охраной Агдан? Два синяка на руках и «колоссальную» моральную травму? Он это серьёзно? Секретарь недоверчиво перечитывает заявление. Щибаль! Он сразу не увидел затребованную жалобщиком сумму, вернее, не обратил внимания. На что он рассчитывает? Нет, он точно слабоумный.

20 августа, суббота, время — 18:30.

Неприметное сеульское кафе.

Ю ХиГун, тот самый реактивный мужчина, попытавшийся взять автограф у Агдан в момент, когда она ещё не успела смыть кровь со своих рук, не торопясь, быстро пересчитывает купюры и прячет их в карман. Импозантный мужчина лет сорока, сидящий напротив, следит за ним с лёгкой мефистофельской улыбкой.

— Всё-таки я не пойму, господин Ким, зачем вам это надо, — бормочет ХиГун, но без всякого недовольства. Миллион вон на ровном месте аннигируют любое недоумение.

— Главное для вас, что ничего противозаконного вы не совершаете. Разве что кроме уплаты налогов, — господин Ким тонко улыбается, — но никто вам не запрещает задекларировать эти доходы.

— И как я их задекларирую? — по тону умный человек уже догадается, что ХиГун

ничего декларировать не собирается.

— Да как хотите... — Ким пожимает плечами, — напишите, что пари выиграли. На какой-нибудь футбольный матч.

— Со стороны закона мне ничего не грозит, это я понимаю, — ХиГун принимается за распитие своего латтэ. — А как быть с Агдан? Она мне не отомстит? Я тут почитал кое-что о ней в интернете, она ведёт себя жёстко. Сорок миллиардов вон как-то содрала с антифанатов...

— Пятьдесят, — хладнокровно поправляет Ким.

— Что «пятьдесят»? — притормаживает на ровном месте ХиГун.

— Пятьдесят миллиардов вон содрала с антифанатов госпожа Агдан, — любезно даёт развёрнутый ответ Ким. ХиГун смотрит слегка очумело.

— Но вас это не должно волновать, — продолжает Ким тоном доктора, объявляющего, что пациент здоров и уже не пациент. — Если Агдан попытается вас прижать встречным иском, мы вас прикроем. Юридическую поддержку гарантируем, и все ваши потери в случае неудачи в суде компенсируем. Вы ничем не рискуете. А в случае успеха вашего дела все выплаты со стороны ответчика останутся у вас. Вам предлагают лотерейный билет с большим выигрышем, за который даже платить не надо.

— А если я проиграю в суде?

— Заплатим вам десять миллионов за работу, — спокойно отвечает Ким, попивая своё кофе.

— Вы серьёзно думаете, что суд может встать на мою сторону и взыскать с Агдан миллиард вон?

— Нет, конечно. Но несколько десятков миллионов вон вполне реально получить. Может быть, даже сто...

— Как-то всё слишком хорошо... — бурчит ХиГун. — И всё-таки не понимаю, зачем и кому это понадобилось?

Глаза господина Кима становятся холодными. Самую малость.

— Давайте договоримся, уважаемый ХиГун. Раз и навсегда. Я вам кое-что скажу, но вы больше не будете возвращаться к этому вопросу.

Ким замолкает и сверлит взглядом собеседника. ХиГун отводит глаза и кивает.

— Хорошо, господин Ким.

— Вы ведь понимаете, что кроме вас, нашей официантки, прохожих за окном, есть и другие люди? Генералы, министры, миллиардеры, президенты? Понимаете, да? Так вот, эти люди часто общаются между собой не только словами. Кому-то из них не понравилось что-то сделанное или сказанное некоей звездой, чересчур возомнившей о себе. И этот кто-то вот таким способом даёт ей понять, что ему это что-то не нравится. Мы все культурные люди. Зачем нам ругаться, стрелять друг в друга или как-то ещё варварски поступать?

С лёгким изумлением ХиГун ощущает себя немного причастным к неким закулисным тайнам общественного бытия.

— А если она не поймёт?

— Поймёт, — уверенно отвечает Ким. — А если не поймёт, объясним ещё раз. Как-нибудь по-другому.

20 августа, суббота, время — 21:15.

Особняк Агдан, её рабочий кабинет на втором этаже.

— А что вас держит в России и вашем родном городе? — спрашиваю по скайпу хорошенькую девушку. — Работа? Личные отношения? Ваш молодой человек вас не отпускает?

— Да нет молодого человека... — неуверенно отвечает девушка. Девушка — русская гимнастка, «художница», завершившая карьеру. Елена Стасснер. Немка по происхождению, наверное.

Поначалу я сватала Канаеву, намного более титулованную, чем Елена, но у неё случилось удачное замужество за небедным парнем. Короче, экономического давления на неё не окажешь, поэтому Евгения отпасовала меня своей подруге, та тоже сомневалась, отфутболила меня третьей. Всё это продолжалось, пока я не догадалась связаться с администрацией школы. Сначала с тренерами, которым сказала, чего я хочу.

Что хочу понятно, как добиться? Да просто всё. Директору школы посулила сто тысяч долларов на счёт его заведения. Директор оказался хватким, принялся торговаться. Я тоже не вчера родилась, сошлись на полумиллионе долларов, но в рамках официального договора о долгосрочном сотрудничестве. И те же самые сто тысяч я мгновенно перечисляю на счёт школы, как только получу молодого тренера из бывших звёзд.

Моя протее тут же очутилась в режиме тотального прессинга. Дирекция и преподавательский состав незамедлительно принимаются на неё давить. Ну, так мне представляется. И куда бедной крестьянке податься? Только в мои нежные, но непробиваемые объятия. Пожалуй, пора выбрасывать следующий козырь.

— Лена, я понимаю, что трудности будут. Во-первых, с языком. Корейский вас никто не заставляет учить, но без английского никак...

— Английский я знаю... — отмахивается небрежно Елена.

— How good is it? (насколько хорошо?), — мгновенно перехожу на английский. Лена отвечает после секундного замешательства, но быстро и уверенно.

— Very well.

По акценту понимаю, что не очень «вэри», но вполне «вэлл». Свой козырь выкладываю на английском.

— Насколько я понимаю российские реалии, зарплата в три с половиной тысячи долларов вполне привлекательна?

— Три с половиной? — Елена впадает в лёгкий ступор. Действующие и успешные спортсменки, конечно, получают неплохие призовые, но это разовые премии.

Нет, смотреть, как выпучивают глаза азиаты, намного смешнее, но и лёгкая ошарашенность девушки мне нравится. Недавно российский рубль снова потрянуло и в переводе на русские деньги это примерно двести тысяч. Неплохой старт для молодого специалиста.

— Не так всё гладко, Елена. Нюансов много. С одной стороны, Сеул — дорогой город. Аренда квартиры — от пятисот до тысячи долларов и выше. В зависимости от метража, района и прочих условий. С другой, я вам предлагаю заселиться прямо в моём агентстве. У нас есть жилой сектор для артистов и трейни. Бесплатно, разумеется. Выделим вам двухкомнатные апартаменты. Платить будете только за коммунальные услуги...

В какой-то момент перехожу на русский. Тонкости лучше объяснять на родном языке.

— И опять нюансы. Платить будете только за превышение некоего лимита. Налог? Хорошо, налог мы возьмём на себя, поэтому на руки будете получать три пятьсот чистыми.

Первый ваш приезд в Сеул оплатим мы. Соглашусь раз в год оплачивать вам дорогу до дома во время отпуска. В остальные разы только за свой счёт. Насколько ориентируюсь в ценах, это вам обойдётся не более, чем в тысячу долларов в оба конца.

Гнётся, вижу, что гнётся в мою сторону.

— Чжу, не мешай, — дёргаю плечом, ЧжуВон перемещает руку на спинку стула. — Это мой муж, — объясняю Лене по-русски и продолжаю дальше.

— Конечно, сложности будут. Но вы молоды, легко адаптируетесь. У нас более тёплый климат, но вы приедете ближе к осени, так что летний пик жары не застанете.

Гнётся-то она гнётся, но решение никак принять не может. Немножко надавлю.

— Давайте так, Лена. Я ведь тоже человек занятой. Вы подумайте до понедельника, а в понедельник жду определённого ответа. И только «да», любой другой ответ трактую, как «нет».

На том и расстаёмся, а то меня уже ЧжуВон заждался.

— Красивая девушка, — ЧжуВон впечатлён. Мгновенно про себя решаю, что в Россию его отпускать нельзя. Во Францию — можно, а в Россию — нет.

— Что у тебя с ней за дела?

— Мой будущий преподаватель для трейни и айдалов. Если согласится.

Глава 8.2

25 августа, четверг, время — 17:50.

Сеул, один из элитных ресторанов.

— И всё-таки десять миллионов это мало, — твёрдо, очень твёрдо заявляет Робинс.

Он всё-таки прилетел на переговоры, хотя я предупредила, что никакого торга не будет. Мы здесь втроём, ЧжуВон со мной. С ним легче, численный перевес даже в таких случаях имеет значение.

— Это крайний предел бюджета на фильм, который мы закладывали изначально, — вежливо объясняю я. — Теперь, из-за ваших аппетитов, его придётся удвоить.

— Хороший режиссёр — гарантия окупаемости, — Стив закидывает очередную креветку.

— Ничего не может быть гарантией. Работа над фильмом — коллективный труд. Налажает один, флопнуты все.

Зависает пауза, во время которой уделяем время блюдам. ЧжуВон наслаждается котлетами. Я его приучила, чем горжусь. Он пока помалкивает, только взглядом меня поддерживает.

— Продюсером, как я понимаю, вы будете, госпожа Агдан?

Паузу заполняет. Можно даже не отвечать, настолько всё очевидно.

— Продюсер, композитор, кадровик. Всё это я.

— Можем поступить по-другому, — Стив разделался с основным блюдом и принимается за десерт. Мы стараемся не отставать.

— Плюс к гонорару в десять миллионов вы дадите мне три процента выручки.

Переглядываемся с ЧжуВоном. У нас свой диалог. Не вербальный. В его глазах предупреждение. Именно по его настоянию и после изрядной нахлобучки я сняла предложение Стиву и заменила его более жёстким. Он долго разорялся, и главную мысль я усвоила быстро. Вот сейчас и выложу.

— Нет, — негромко говорит Чжу, а я даю развёрнутый расклад.

— Чтобы претендовать на выручку, надо сделать вклад. На бизнес-языке: совершить инвестицию. Вы никаких инвестиций не делаете, наоборот, вы — расходная статья. Если хотите сделать ставку, то должны твёрдо знать, что можете, как выиграть, так и проиграть. К примеру, если выручка достигнет пятидесяти миллионов, то ваши три процента можно заменить на полтора миллиона долларов, на которые вы должны уменьшить свой гарантированный гонорар. Тогда в договоре прописываем гонорар в восемь с половиной и плюсуем три процента выручки.

— Вы прогнозируете кассовую выручку в пятьдесят миллионов? — режиссёр смотрит очень внимательно.

— Плюс-минус, — пожимаю плечами. — Сами понимаете, прогнозы дело неблагодарное. Если мы пропишем такие условия, про которые я упомянула, то при выручке меньше пятидесяти, вы проиграете. Если больше — выиграете. Всё честно.

Озадаченность Стива вызывает у меня веселье, которое прорывается насмешливым взглядом. Переглядываюсь с Чжу. Стив, занимаешься своим делом и ведь успешно, зачем тебе лезть в незнакомые дела? Давно по голове не получал? Реальность жестока, ей всё

равно, кого бить. Сейчас надо принять решение и как не ошибиться? В какой-то степени придётся действовать наугад, брать что-то на веру. То, что невозможно вычислить.

В прошлом мире первый «Терминатор» взял почти восемьдесят миллионов при тратах в шесть с половиной. Расходы мы уже, считай, утроили. И доллар сейчас дешевле, — так-то «Терминатор» вышел на экраны в 1984 году, — потому целиться надо на сотню. Но Робинсу знать об этом не обязательно.

Не удаётся мне его нагреть. То есть, я всё равно его обштопаю, но в этом месте не удалось. Недоценила американскую привычку по любому поводу идти на пари и делать ставки. Вот Робинс и согласился для получения трёх процентов кассовой выручки на уменьшение гарантированного контракта на полтора миллиона долларов.

Тут такое дело. Могла и упереться. И, скорее всего, Стив бы поморщился, но согласился бы. ЧжуВон предупредил меня заранее, что сам факт его прилёта в Сеул означает согласие на заявленные условия почти на сто процентов, но я...

25 августа, четверг, время — 20:20.

Особняк Агдан, общая комната.

— Чутьочку промахнулась, — чистосердечное раскаяние смягчает вину.

— Не сказал бы, что «чутьочку», — продолжает меня пилить ЧжуВон. Есть за что, надо признать. Только что выдвинул идею, что надо было назвать Робинсу ожидаемую выручку в сто миллионов. Или больше. Тогда бы ему пришлось снижать гонорар до семи миллионов, чтобы сделать ставку на три процента. Хорошая мысль. Жалко, пришла опосля.

— Ты же хорошо в карты играешь... — продолжает доставать меня пацак, — должна уметь считать на ходу.

— Тогда он мог бы больше запросить. Ему интересно за десять миллионов выбежать, а не обменять три на три. И вообще, ты пилишь меня, как стервозная жена покладистого мужа, — замечаю я, почёсывая Мульчу, умиротворяющим тарыхтением оправдывающую своё прозвище.

Всё началось с того, что сама же сказала ЧжуВону об ожидаемой мной выручке в сто миллионов. Язык мой — враг мой. Вот он и прицепился. Если мой прогноз оправдается, то мы переплатим Стиву полтора миллиона. Как бы мелочь по нашим масштабам, у нас ежемесячно два с половиной миллиона долларов только на зарплату персоналу уходит. Но каждый миллион долларов рубль бережёт. Так что прав он, конечно. Хотя и затыкается, когда я сравниваю его с обычной стервозиной.

СунОк внимания не обращает, для неё все эти разговоры, словно птичий щебет за окном. Столько же информации для её девственного мозга. Миллион долларов для неё по-прежнему нечто заоблачное, чего руками не пощупаешь. В свою очередь, мама смотрит с сочувствием, для неё важно, что её дочку поругивают.

— Холь! Внимание! Мама, сделай погромче.

Теленовости доходят до скучных новостей. Для недорослей скучных, а вот взрослые и серьёзные люди сейчас прилипают к экранам. На фоне экрана, где в главном зале парламента меняются ораторы за трибуной, показывается табло с результатами голосования и прочие атрибуты главного законодательного органа, щебечет хорошенькая девушка. Внимательно слушаю стрекотание миленькой телеведущей. Кстати, почему мой телеканал ничего и никак? Почему опять KBS?

— Мы аккредитацию ещё не получили, — отвечает ЧжуВон, — очень длинная там процедура.

«Как вы знаете, две недели назад правящая партия выдвинула в парламенте инициативу о разработке нового закона, защищающего права женщин. Была создана соответствующая комиссия с целью изучения острой проблемы деторождения. Сегодня в парламенте обсуждают основные положения проекта закона...»

— Лишь бы не заболтали, — ворчу я, но для порядка. Всё идёт, как положено. Шума теперь не будет, на любые возмущения есть ответ: мы работаем над этим. Месяца два-три так можно тянуть.

«Звучали предложения...», — тут ведущая «предоставила слово» лидеру ВинЧону, который, — вот зараза! — подставляет меня!

— Предлагаю организовать на каком-нибудь популярном телеканале обсуждение проекта закона и проблемы в целом. И в первую очередь пригласить туда Агдан, раз уж она сама привлекла внимание к этой проблеме. Предлагаю телеканал СЗTV-Goodtv...

Разбежался! Так ему и позволили провести через парламент название подконтрольного оппозиции телеканала. Рекомендацию приняли, но без конкретики. Всем рекомендовали. О-хо-хо! Не было у меня забот, так купила корейского поросёнка...

Поворачиваюсь к хихикающему пацаку, смотрю очень долго. Когда к моему сверлению взглядом муженька присоединяется Мульча, тот замолкает. Взгляды у нас многообещающие: допрыгался ты, пацак!

ЧжуВон.

Кажется, перегнул палку. Уж больно грозно на меня смотрела та, что сейчас едет на мне в спальню. Всё время думаю, не роняю ли я лицо, когда Юна не только обзывает меня транспортным средством, но и пользуется мной именно в таком качестве? Ладно, если на руках её отношу, есть в этом нечто благородное. Но когда, как сейчас, прицепилась сзади, зачем-то сказала «Н-н-о-о-о!» и что-то по-русски... как-то подозрительно.

Сомнения проигрывают незамысловатому удовольствию от тесно-телесного контакта. Это соблазн, ёксоль! И я не могу устоять.

Юна, ширкнув грудью о мою спину, подтягивается ближе и вдруг хватает зубами за мочку уха. Останавливаюсь уже перед заветной дверью. Что-то меня слегка пошатывать начинает.

— Скажи, Юна, — вздыхаю стоически, — как у тебя так получается? Сегодня ещё ладно, но бывает, что готов тебя на части разорвать и вдруг ты делаешь что-то, и я сил лишаюсь.

— Потому что ты меня любишь? — в лицо заглядывают невыносимо прекрасные, какие-то ультрафиолетовые, глаза. Кое-как добредаю до кровати и рушусь на неё лицом вниз. Юна тут же устраивается на спине и хлопает по ней ладошкой.

— Юна, больно же... — жалуясь и вру. Ни на грамм мне не больно. И Юна меня тут же разоблачает.

— Не ври! Вот если я возьму большую дубинку, утыкаю её гвоздями, как следует разгоню и тресну с размаху тебе по спиняке, вот тогда ты, может быть, почешешься. А может, и нет. Здоровый стал, как бегемот.

Опять хлопает по мне ладошкой. Потом трясёт ей. Отбила о мою спину. А мне действительно, только щекотно. А Юна решает мне «отомстить» и вскакивает ногами.

Ходит по мне, притопывает ножкой, «злобно» пинает по заднице. Изображаю страдание, издаю стоны, Юна радуется.

Х-х-а-а-к! — Крякаю, как утка, когда Юна с размаху плюхается мне коленями под лопатки. Юна вцепляется мне в волосы и «злобно» дёргает.

— Ты как посмел меня гнобить, гнусный пацак?

— Юночка, ну, ты же действительно... — нет сил спорить, блаженство переполняет. Она ещё и ложится на меня, дышит в ухо.

— Ладно, проехали.

Почему проехали, куда проехали? Некоторые выражения Юны понимаю только по интонации.

— Такая твоя благодарность за то, что я для тебя сделала.

Когда Юна поступает так непоследовательно и противоречиво, я даже успокаиваюсь. Меня больше пугает, когда она ведёт себя, как настоящая акула, внимательный ко всем мелочам хищник на охоте.

— Юночка, — бормочу расслабленно, — не то, чтобы я против тезиса, что ты много для меня сделала, но сейчас ты про что?

— Ка-а-а-а-к?! — Юна «ожесточённо» щиплет мою спину. Ойкаю, делая вид, что мне очень больно.

— Как ты смеешь забывать всё добро, которое я для тебя сделала? Помнишь, рёбра тебе срастила?

Задумываюсь. История с моими многострадальными рёбрами действительно странная. Но я так и не собрался прорентгенироваться ещё раз.

— И это СанРи пусть думает, что его ХанЬль сама выздоровела, но мы-то с ней знаем что это я сделала.

Вздыхаю. Что-то мою Юночку совсем уносит. Поворачиваю голову, но спорить не решаюсь.

— И как ты это сделала?

— Ты что, не веришь?! Гнусный пацак! Я ж тебе говорила! Я — экстрасенс!

— Ах, да! Точно, — соглашаюсь сразу. И даже не улыбаюсь. Юна не отстаёт.

— Признайся, что ты не веришь, — на её слова, сопровождаемые щипками, ойкаю.

— Ну, Юна. Я не суеверный человек. Признаюсь, в экстрасенсов не верю.

— Вот не понимаю, — Юна скатывается с меня, ложится рядом, смотрит на меня, — кто-то, ладно. Но ты-то должен давно знать!

Она деловито взбивает подушку, устраивается рядком. На Мультчу сейчас похожа. Та тоже иногда долго крутится, устраивая себе лежбище. Старательно удерживаю в чувство неги, которым до краёв меня накачала Юна. Получается неплохо.

— И что я должен знать?

— Ну, я ж тебе говорила, — опять упирает в меня сине-фиолетовые глаза. — У тебя сейчас не просто рёбра срослись, все кости стали крепче и немного толще. Ты разве не заметил, что ты в весе прибавил и вовсе не за счёт лишнего жирка?

— Я в армии был, — напоминаю общеизвестный факт.

— Армия закаляет и укрепляет, — соглашается Юна. — Но где ты слышал, чтобы взрослые люди в армии в росте прибавляли? Ты стал выше на три с половиной сантиметра. Об этом тоже не знаешь?

Если вспомнить и сопоставить некоторые мелкие факты, то, пожалуй, так оно и есть. С

некоторых пор я стал посматривать на своих друзей слегка свысока. На тех, с кем раньше общался глаза в глаза. Но надо проверить, свой-то рост я знаю.

На мои слова Юна куда-то умчалась и прибежала через минуту с сантиметровой лентой.
— Вставай, бегемот! Мерить тебя будем!

Вставать не хочется, но отбрыкиваться бесполезно. Тащусь к стенке, Юна суетится рядом. Слегка высунув язык, встаёт на цыпочки и... о-о-о, приникает грудью! Наслаждаюсь моментом, руки сами собой ложатся на её попку. Юна делает отметку карандашом, отгоняет меня от стены. Помогаю ей придерживать ленту.

— Сто восемьдесят четыре сантиметра! — мне торжественно объявляется результат.

Чешу репу, так это Юна называет. До армии я обладал приличным ростом в сто восемьдесят один сантиметр, плюс-минус. Слышал, что за день рост человека слегка уменьшается. Сокращаются промежутки между позвонками от нагрузки. Проклятие прямохождения. Учитывая эти суточные колебания роста, точность глазомера Юны почти абсолютна.

Мысли не мешают мне вернуться и брякнуться на кровать. И что мне теперь обо всём этом думать? Моя юная супруга — девушка крайне необычная, это я всегда знал. Да все об этом знают. Но чтобы она могла делать нечто выходящее за пределы не только человеческие, а возможности человечества в целом? И от фактов не отмахнёшься. Пусть каждый в отдельности мелкий, но в комплексе они составляют высокую стенку, которую просто так не перешагнёшь...

Плюх! Юна запрыгивает на кровать, которая приветливо и еле слышно крикает.

— Я не понимаю, Чжу! — светит в меня глазами, словно фарами. За окном темнеет, в комнате сгущаются пока ещё светлые сумерки.

— Холь! Рост можно слегка увеличить. Ничего невозможного. Есть специальные упражнения. Вес легко поднять физическими упражнениями. Свой скелет ты увидеть не можешь. Но ты не мог не заметить, что... — взглядом Юна упирается в мой пах. Никогда такого не видел, чтобы траектория взгляда могла изгибаться. Я ведь на животе лежу. И о чём это она говорит?

— Не понимаю, как можно ТАКОГО не увидеть! Я слышала, что мужчины очень внимательны к своему первичному половому признаку...

Это она о чём? О члене, что ли? Дебак! Она-то откуда знает?! До женитьбы она... щибаль! Мой перчик как раз тогда и увеличился. Не в два раза, конечно, но заметно. Но разве это не возрастное?

— К-х-м, ну да, заметил я... будешь утверждать, что это тоже ты сделала?

— А кто же?! — Юна хлещет по мне синими всполохами. Затем неожиданно успокаивается, о чём-то задумывается. Мне тоже пауза нужна.

— Придумала!!! — Юна вскакивает из положения сидя на пятках. Успеваю заметить чрезвычайно красивое положение тела, когда на долю секунды она замирает на кончиках пальцев при полусогнутых ногах. Дальше было ещё лучше. Когда она спрыгнула с кровати.

— Кто молодец? Я — молодец! — выкрикивает Юна, танцуя нечто невообразимое. — Кто гений? Я — гений!

Каскад трюков, элементы её любимого «перформанса» параллельно с выходом на мостик, энергичные махи и вращения ногами в положении стоя на локтях. У меня аж в глазах рябит. Это не танец, это визуальная реализация взрыва эмоций.

Сам себе завидую. Никто кроме меня не увидит. Вот такого, точно никто. В конце

невообразимого танца Юна сдёргивает с себя топик и швыряет мне в лицо. Потом делает кульбит и оказывается на кровати ровно в том же положении, из которого выпрыгивала. Всё то же самое, только кроме её прекрасных глаз на меня дерзко целятся её соски.

— Страшно захотелось засунуть тебе купюру в шортики, — и тут же прикусываю язык. Что я несу?! Но Юна хихикает.

— Какую купюру?

— В сто долларов, — облегчённо вздыхаю, не обиделась, — не меньше.

— А что ты придумала? — торопливо перевожу тему в другую сторону. А то с неё станет придраться. Есть ведь купюры и в двести и пятьсот евро, они весят больше. Даже сто евро тяжелее ста долларов.

— О-о-о! — глаза Юны снова засветились восторгом. — Нечто небывалое! Сразу поверишь, что я крутой экстрасенс. Практически волшебница!

— Внимательно слушаю.

— Сначала я подумала, что можно тебе ЕГО укоротить. Сантиметров на пять...

Слушаю я хладнокровно, но непроизвольно сжимаю бёдра.

— Но так я сама пострадаю. Маловато будет, — нимало не смущаясь физиологических подробностей, объясняет Юна. — А на полтора-два сантиметра незаметно.

— Но я придумала нечто очухренительное! — торжествует Юна. — И будет настолько необычно, что ты не отвертишься! А какое удовольствие я получу, это будет неопишимо! Вот, послушай...

Сначала я не понял. А затем внутри стало холодеть, даже мурашки по спине побежали. Размером с фасолину. Ёксоль! Это же невозможно! А вдруг?

— Представь, — деловито объясняет пылающая восторгом Юна, — длинный шланг примерно в полметра и толщиной в палец.

Юна вытягивает указательный пальчик вверх. Мой взгляд тянется за ним, отлипая от остроконечных куполов её груди. Не успеваю спросить, к чему мне и ей такой шланг? От испуга, наверное.

— Но это общая длина, если вытянуть. Так-то член должен быть в виде сжатой пружинки. Ребристой... и-и-и-и! — Юна взвизгивает в экстазе. — Ребристой и упругой.

— Юна, может, не надо? — Признаться, я плыву. Меня припёрли к стенке. Много часов спустя я понял, что в этот момент фактически признал её правоту. Испугался, значит, признал. Она реально всё это может.

— Юна, к-х-а, к-х-а, не понял. Зачем тебе это? — Тут же клянусь себя за растерянность, но ничего поделать с собой не могу. Ощущение, что меня загоняют в угол, усиливается.

— Как ты не понимаешь?! — всплёскивает руками Юна, по мне хлещут синефиолетовые сполохи. — Представь! Мы начинаем заниматься сексом. Ты вставляешь в меня свой член. Сейчас это просто ф-фух! Я один раз — ах, и всё! А так будет: т-р-р-р-р-я-м! Каждый виток, все десять штук, один за другим, и я: ах, ах, ах-ах! Понимаешь?!

К-х-м, кажется, понимаю. Но холодок внутри не исчезает. А счастливая Юна радостно продолжает.

— Но это не всё!!! Представь, — глаза у неё сияют так, что смотреть на неё невозможно, — что будет при обратном движении!

— А что будет при обратном движении?

— Он будет выходить не сразу, а виток за витком. А это же пружинка, она будет растягиваться! Пы-и-нг! Выходит первый виток, я — ах! Пы-и-нг, пы-и-нг, пы-и-нг, —

тараторит Юна, — и в конце, самый последний: ПЫ-БЫНГ! И-и-и-и!

Юна взвизгивает совершенно по девчоночьи.

— С каждым витком расстояние всё больше, понимаешь? И каждый виток делает мощное движение!

Юна плюхается рядом, ловлю себя на позыве отодвинуться подальше. Первый раз в жизни меня пугает собственная супруга и, вообще, девчонка.

— Классно я придумала, — слегка утомлённо, но довольно говорит она. — А тебе? Какая экономия сил! Так-то сколько раз тебе приходится движений сделать, чтобы отправить меня на небо? Раз сорок-пятьдесят? А с усовершенствованным инструментом ты сделаешь четыре раза трям-пынг и всё.

— Юночка, — осторожно готовлюсь к контрнаступлению, мне не улыбается превращаться в сексуального монстра, — получается, что пока я один раз кончу, ты достигнешь оргазма раз десять?

— Здорово, правда? — расцветает Юна.

— Погоди-ка. Но обычно я делаю это три-четыре раза за ночь...

— Не льсти себе. Такое не часто бывает, — Юна включает стерв-режим. Пока на пониженной тяге.

— Не важно, — главное не отвлекаться, — в некоторых случаях надо учитывать и предельные возможности.

Вот тут ей не нашлось, что возразить.

— И если вдруг меня потянет на подвиги, и я устрою ночью четыре раунда, то ты достигнешь оргазма сорок, а, может, и пятьдесят раз, — выхожу на ударную позицию.

— Холь! — Юна восторженно выбрасывает вверх сжатый кулак.

— Юна, а ты выдержишь? — подпускаю в голос максимальное сочувствие и обеспокоенность за любимую женщину. — Ведь от такого умереть можно. В истории бывали такие казусы. Некоторые просто с ума сходили, но случались и летальные исходы...

— Ты просто... — Юна обрывает фразу и уходит в длинную паузу. И хочется меня обвинить и не в чем. Я трушу? Вообще-то да, но это только я знаю. А так-то, я ведь не отказываюсь. Эгоист? Но ведь о ней забочусь, про себя и слова не сказал. Например, каково мне будет ходить по маленькому? Под каким давлением должна находиться жидкость, чтобы пройти сквозь полуметровый шланг? Сопротивление-то будет намного больше!

Юна обиженно кривит губки.

— Ты лишил меня Мечты, — всё-таки я у неё остаюсь виноватым. Привычно, но сдаваться не собираюсь.

— Не я, Юночка. Обычный расчёт, как в шахматах или бизнесе. Всегда ведь надо думать о последствиях.

— Всё равно ты виноват... — бурчит девушка. Наконец-то до меня доходит, что это прекрасный повод её утешить. Что я немедленно и начинаю делать.

Но секса этой ночью у нас не случилось. Как только разгорячённый я занимаю свою позицию, Юна вдруг говорит:

— Тр-р-р-ям! Пы-и-нг! — и её начинает трясти от смеха.

Это не страшно. Хохочущая девушка почти идеальный партнёр для секса. Способность к сопротивлению в этот момент у неё резко падает. Это было бы не страшно, если бы меня самого не скрючило от хохота.

Смех расслабляет. Если для женщин это не помеха сексу, скорее наоборот, то для

мужчин: «Осторожно! Двери закрываются!».

Конец главы 7

Глава 9. Всяческая суета

26 августа, пятница, время — 07:05.

Особняк Агдан.

Чуть-чуть о ЧжуВоне.

— Вставай! Хватит разлёживаться! — отвратительно бодрый голосок Юны разрывает в истаивающие клочья остатки сна и подкрепляется ласковым пинком босой ножкой в бедро. Эта шельма уже вернулась с пробежки и приняла душ.

Щибаль! Быстрым движением оттягиваю кромку трусов... у-ф-ф-ф!

— Чего ты там разглядываешь? Думаешь, украла? Нет, Чжу, я тебя целиком в аренду взяла.

Чусан-пурида! С ума с ней сойдёшь! Всю ночь какая-то чушь снилась. Не, сначала ничего. Вокруг меня толпится множество красивых обнажённых женщин, а у меня ведь суперчлен! Обнимаю одну, три раза т-р-р-я-а-м — пынг — пынг — пынг... (десять раз одним обратным движением) и всё. Объятая пожаром оргазма красотка с громкими стонами и счастливым лицом отваливается. Из трущихся вокруг женщин ко мне тут же пристраивается следующая. Эх, вот это жизнь!

А вот следующий фрагмент совсем противоположный. Разве бывает такое, чтобы в одном сне привиделось заветное счастье и жуткий кошмар? Никогда такого не слышал, зато испытать пришлось.

Иду в туалет почти наощупь. Глаза лень открывать. Только за дверью до меня доходит: что-то длинное легонько колотится о колено, но прояснить ситуацию лень. Достая причиндал, мочевого пузырь переполнен, давление близко к критическому. Ёксоль! Глаза диафрагмируются на максимальное восприятие. Удивлённый, наконец-то, нахожу кончик и направляю его в нужную сторону, но между корнем и концом член свисает ленивой изгибающейся змеей. Что за щибаль?!

Процесс меж тем начинается, лёгкое утолщение стремительно проносится по всей длине, струя бьёт в унитаз. Кто держал открытый водяной шланг под сильным давлением, тот меня поймёт с полуслова. Техника безопасности в таких случаях проста: надо держать шланг прямым! Но мне никогда раньше не приходилось заниматься поливом из шланга. Более чем полуметровый шланг суперчлена начинает с увеличивающейся амплитудой крутиться и биться в разные стороны.

Щибаль! Кое-как удерживаю разбрызгивающий в разные стороны горячую жидкость кончик, перехватываю, — удаётся не сразу, — в середине. Хорошо, что себя не облил... вернее, хорошо, что в лицо не попало. Щибаль!

— А как ты хотел? — раздаётся ехидный голосок в голове. — У тебя же не может быть эрекции круглые сутки.

Суперэрекция суперчлена в виде скручивания в пружину? Щибаль!

Слава богам, это всего лишь дурацкий сон, который закончился. С чувством огромного облегчения провожу в реале утренние процедуры. В штатном режиме.

26 августа, пятница, время 10:25

Агентство «Music Modern», кабинет Агдан.

— Хорошо, госпожа Ким, мы согласимся на десять долларов с каждой доски при продаже за рубежом. Не важно, в какой стране. Ориентируйтесь на Японию, там меня хорошо знают, даже фанаты есть.

— Спасибо за совет, Агдан-сии, — опять кланяется симпатичная женщина с круглым лицом. Ким ЛинЧау, владелица и управляющая относительно небольшой фирмой по производству скейтбордов. Фигурка у неё, кстати, ничего, ножки почти прямые. Полновата, но это по нашим айдольным худосочным меркам, а мужчинам должна нравиться.

Мы на финальной стадии заключения договора. Четвёртый подобный за время моей работы в агентстве. Вернее, это рекламный ролик четвёртый. Так-то каждый такой ролик мы обвязываем полным комплектом рекламных договоров.

Ролик, а вернее, первоначальный вариант: <https://www.youtube.com/watch?v=w8fDB0ZBauo>

Корона состоит из профессиональных танцовщиц. Поэтому освоить скейтборд может любая. Быстро и легко. ИнЧжон и ДжиХён пристроены, ХёМин — фронт-вумен Агдан-ТГ на радость ЧжуВону, остальные тусуются в моём агентстве. Кто где. Кюри отвечает за мониторинг сетевой активности, она помощник менеджера по связям с общественностью. СонЁн осваивает профессию тичера по вокалу. БоРам — помощник хореографа, тоже учиться учить. На основной работе оклад у них мизерный, всего полторы тысячи долларов, но они берут своё на вот таких проектах.

На доске рассекает Кюри. Сначала я хотела ДжиХён, но та энтузиазмом не загорелась. Она смогла бы, они все смогли бы, но Кюри более отвязная и рисковая тянка. Да и подработать ей больше хочется, у ДжиХён оклад и так приличный. Она же и подпевку на себя взяла, оттеснив СонЁн. Пошла ей навстречу, потому как сильный голос здесь не требуется. Поторговались с ней за оплату, сошлись на семи тысячах долларов. Фирма госпожи Ким не очень крупная, потому так скудновато.

Ким по моему совету поднимет цену со ста долларов до ста восьмидесяти, двадцать пять из них — наши. С каждой доски после тысячи продаж в месяц. То есть, если после рекламной кампании они продадут две тысячи досок, то мы получим двадцать пять тысяч долларов. Удорожание не просто так, я настояла на повышении качества и отличительной заметной раскраски изделия. Доску должны узнавать издали, так и рекламировать легче. Не надо фокусировать каждый раз камеру на лейбле.

— Хватит синей окантовки, например, — с моими резонами ЛинЧау соглашается.

Мы продолжаем обсуждать её дальнейший бизнес.

— Организуйте что-то вроде школы для обучения езде на скейтборде, выбейте из муниципалитета разрешение для оборудования мест в парках города. Наколенниками, налокотниками, шлемами тоже торгуете?

— Ук, — кивает ЛинЧау.

— А нажопниками?

— ... — на меня нацеливаются круглые фары, в которые превращаются глаза ЛинЧау.

— Ничего-ничего, — отмахиваюсь равнодушно, — это я шучу так.

ЛинЧау несмело улыбается.

— Я хочу сказать, что подростки, которые ринутся покупать ваши доски, начнут массово разбивать себе ноги, руки, головы. Подумайте об этом. А то потом от исков родителей не отобьёте.

Так и работаем. Рекламные контракты по этому проекту на спортивную одежду и обувь легче. Не скоро ещё додумаются подавать в суд на производителя кроссовок те, кто падает на ровном месте.

Предыдущий проект рекламы тягачей «Daewoo» даст нам не меньше миллиона. Это гарантированный минимум, скорее всего, будет миллиона три-четыре. Миллион-то нам заплатили сходу. Идею подал Ван Дамм из мира Юркина: <https://youtu.be/M7F1vfx5J10>

Клода заменила я. Музыка сочинила, там не сложно, всего несколько музыкальных фраз. Вокальную озвучку отдала СонЁн. Заодно отрекламировала мотоциклетный шлем и джинсовые штаны стрейтч, в колготках мне ЧжуВон запретил сниматься, кхе-кхе. Мотоциклетный шлем снимаю в самом конце, и мои глаза крупным планом ставят точку в ролике. Сильно получилось, пожилые парни из «Daewoo» были довольны. К обычному тарифу в 1,1 цента за просмотр на ютубе они и добавили миллион, мы же ещё на телеканале крутим ролик время от времени. Недавно продали право на его показ всем желающим за символическую цену в тысячу вон. Это по условиям контракта. Через месяц выложим на ютубе.

Вот так вертимся и только-только выходим на границу рентабельности. Наши ежемесячные расходы, зарплата, коммунальные расходы и прочие платежи, слегка превышают три миллиона долларов. Это на агентство и телеканал в целом. И всё больше возвращаюсь к мысли, что надо иметь своих айдалов. ЧжуВон к этому склоняется, а я всё цепляюсь за его же идею работать со всеми сразу. Теперь оба понимаем, что вовсе не зря все агентства вкладываются в своих артистов. Они всегда под рукой, это удобство мы недооценили. Будем над этим работать, трейни, доставшихся нам по наследству, не разгоняли. Опять же Кей Флай есть.

27 августа, суббота, время 16:25

Кафе «Морской прибой»

— Расскажи о своей сестре, — то ли просит, то ли требует широкоплечий парень с жёсткими чертами лица. На левой скуле ближе к виску небольшой, еле заметный шрам.

— ВанГи-оппа, тебя моя сестра интересуется или я? — хмурится СунОк и слегка поправляет воротник. К свиданию, которое случается не часто, девушка принарядилась. И судя по взглядам её же официанток, удачно.

— Твоя сестра, как и вся семья, это тоже ты, — не сдаётся парень. — Ук, расскажи обо всей семье.

— Всё пошло наперекосяк, когда умер отец, — начинает СунОк. Вовремя вспоминает наставления тонсён. А как не вспомнишь, когда она почти каждый день ей нотации читает. Потому надо осторожнее, девушка ненадолго замолкает. Как там её Юна учила?

— Чего ты замолчала?

— ВанГи-оппа, ты понимаешь, что моя тонсён — чеболь? Корейская принцесса? И все сведения о ней это семейная тайна?

— Замуж за меня выйдешь? — вдруг спрашивает Канг ВанГи, тот самый сержант-морпех, которого заметила на свадьбе Агдан. После вопроса резко замолкает, сжав зубы. СунОк — не Агдан, та бы засекала, что парень испуган собственными словами.

СунОк опускает глазки. Не только от смущения, но чтобы скрыть откровенную радость. Её замуж позвали, о-о-о-о!

— О-о-о, оппа... ну, не знаю. Ты слишком быстрый. Это же только третье свидание... но я согласна, — СунОк поднимает сияющие глаза.

ВанГи, как настоящий военный мужчина, находит способ спрятать своё смятение. Подзывает официантку:

— Ёги! Прошу вас! Искуль Тхок*, одну бутылочку.

— СунОк-ян, твоё согласие надо отметить, — сержант окончательно приходит в себя. В конце концов, в Корее согласие девушки мало что значит. Нужно ещё согласие родителей. Трудно представить себе семью в Корее из среднего класса, которая отказалась бы породниться с самой Агдан. Но если подмигнуть отцу и поговорить с ним наедине, то кто знает, насколько странным может стать решение родителей. Но если самому, как следует подумать, то как отказаться от такого союза? Все сослуживцы и друзья будут откровенно завидовать. И не только потому, что сестра Агдан. У СунОк ножки не такие, как у Агдан, конечно, но тоже красивые. Она сегодня на каблучках, заглядишься... А вот грудь у неё заметно крупнее, чем у младшей сестрицы.

— Что случилось? — ВанГи видит, как резко помрачневшая СунОк замирает, глядячи в экран смартфона, как в немигающие глаза ядовитой змеи.

— Извини, оппа, мне срочно позвонить надо... — СунОк срывается с места и быстрым шагом уходит в служебную зону.

27 августа, суббота, время 17:15

Элитный ресторан, облюбованный четой ЮнЧжу.

— ЮнМи!!! — орёт телефон в предусмотрительно отставленной руке. Плавали — знаем. Отмахиваюсь от ЧжуВона, обеспокоенного доносящимися до него криками.

— ЮнМи, ты меня слышишь! — надывается онни.

Сбрасываю звонок. Всё равно толку не будет, пока не перекипит.

— Что-нибудь случилось? — любопытствует Чжу.

— Онни случилась. Двадцать один год назад. Наградила же судьба такой бестолковой сестрой.

ЧжуВон посмеивается. Ему-то хорошо, его сестра и брат — сдержанные и умные люди.

— ЮнМи! — Вот! Уже не крик, а просто громкий голос.

— Да, онни. Слушаю тебя. Но только до тех пор, пока ты не начнёшь орать, будто тебя режут, — мой тон сух и холоден.

— Ну, чего ты сразу? У меня крупная неприятность, Юна... — начинает ныть СунОк. С этим уже можно работать, с нытьём мы справимся.

— Я тебе сколько раз говорила? — тон мой ещё жёстче. — Хочешь, чтобы тебя уважали, сама себя уважай. Сколько раз я тебе талдычила, чтобы ты забыла свои манеры уличной торговли?

— Ну, Юна...

— Докладывай. Коротко и по существу, — я ж в армии служила. ЧжуВон и тот смотрит с уважением. Ему эти интонации хорошо знакомы. Со всех сторон.

Добиться толкового доклада от СунОк та ещё задача. Но если время от времени остужать её наводящими вопросами и обрывать причитания, то можно. Время на это уходит, так что ж сделаешь.

— Шортики у тебя новые были? Красивые? А чего ты тогда панику поднимаешь? Были

бы старые и грязные, было б стыдно... — вот этот комментарий окончательно сминает всю панику онни.

— А ты там чего делаешь-то? О, у тебя свидание? Так. И ты бросила своего парня одного? — в моём нейтральном тоне появляются нотки осуждения.

— Слушай меня внимательно. Прямо сейчас вставай и возвращайся к своему сержанту. Да, прямо сейчас! На ходу договорим, тебе надо только слушать.

— Первое. У нас в спортзале есть стек, помнишь об этом? Вот. Сегодня два раза получишь им по своему толстому заду. Да, ты не виновата. А в том, что ведёшь себя, как глупая курица, виновата на все сто. Не спорь, а то больше получишь.

— Второе. Свидание пусть идёт, как идёт. На тот звонок не отвечай. Внеси номер в чёрный список. Всё, я сказала! Это не твоя проблема.

Закончив, возвращаюсь к омару. Сегодня меня ЧжуВон уговорил на морскую кухню. Обоснуй железный: надо уметь пользоваться всеми этими лопаточками, вилочками, ножичками, щипчиками. Так что фактически это урок светского этикета.

— Онни всё время возмущается, вроде как я её постоянно третирую. Но мне же есть с кем сравнивать, — нахожу повод сказать пацаку приятное, им это, как котам, крайне необходимо. — Тебя тоже сейчас любопытство пробирает, что же там такого случилось, что СунОк вопит, как резаная. Но ты же не ёрзаешь, не трясёшь меня, и слава небесам, не кричишь. Молча и терпеливо ждёшь.

— Ук, — довольно улыбается Чжу, — но ты не тяни. Мне действительно любопытно.

— Во-первых, ничего страшного. Онни, как всегда, слишком остро воспринимает всякие мелочи. Суть такова: кто-то залез к ней под юбку. В смысле, телефоном...

ЧжуВон кивает в знак полного понимания. Это уже застарелая национальная болезнь. И полиция с ног сбивается, но ничего сделать не может. Так-то, если посмотреть не с корейских позиций, то дело выеденного яйца не стоит. Шалости детишек пубертатного возраста, хотя в Корее и многие взрослые ведут себя не лучше. Вспомнить хотя бы ЮСона. Такое вот пакостливое поветрие в Корее распространилось с появлением смартфонов и компактных видеокамер. Снимают девушек в кабинках туалетов, подсовывают видеокамеры и смартфоны под юбки. Потом выкладывают на полуподпольных сайтах или шантажируют девчонок.

Паразитирование на чувствительной и нежной психологии местных девушек. Попробуй европейку этим шокируй. Фыркнет презрительно и через пять минут забудет. Может расстроиться только от того, что показали её не самые красивые трусики, не более.

Вот и СунОк попалась. Несколько раз в неделю ей приходится метро пользоваться. На работу мы её подбрасываем, а обратно возвращаемся в разное время. Машина у неё есть, но права никак не получит. Зато теперь будет стимул учиться.

Ухарь, что её подловил, набрался наглости попытаться выжать из онни тысячу долларов. Иначе он де, опозорит её на всю Корею.

— Интересно, — пью кофе и рассуждаю вместе с Чжу, — он чем думает? Головой или жопой?

Чжу давит усмешку и тут же делает осуждающий вид: нехорошо порядочной корейской девушке так выражаться. Зря он так. Я ведь отомщу.

— Каким образом он докажет, что это ляжки именно моей сестры? — спрашиваю риторически, но ЧжуВон отвечает.

— Делается подряд несколько снимков по мере приближения к девушке, — и

демонстрирует свою странную компетентность в вопросе. — Что?

Это он вскидывается на мой прищуренный наливающийся самым чёрным подозрением взгляд.

— Юночка, это просто само напрашивается!

— О святые апельсины! За кого я замуж вышла! — закатываю глазки в полнейшей и поддельной тоске и припечатываю:

— Извращенец!

ЧжуВон набычивается и хмурый, — зато я страшно довольна, — расплачивается с официанткой. Ну, вот! Двух минут не прошло, как отомстила.

— Другое интересно, Юна, — находит способ уйти от неприятной обвинительной темы ЧжуВон, — откуда у кэджашика номер телефона СунОк?

Это он молодец. Даже притормаживаю, чтобы бросить на него уважительный взгляд. Лежащее на поверхности я не заметила. Впрочем, в моей голове тоже роятся идеи.

Царственно вплываю в машину, привычно открытую ЧжуВоном и тут же берусь за телефон.

— ГаБи! Привет, подружка, — мне не жалко, а ГаБи за одно это обращение к ней готова мир перевернуть. — Тут такое дело...

Кратко ввожу в суть вопроса, затем излагаю идею. ЧжуВон рядом начинает смеяться. Даже по телефону чувствую, что ГаБи тоже улыбается. Хотя и смущённо, она же корейнка. Что не мешает ей развить мою идею.

— Хорошо, ЮнМи-сии. Я всё организую.

27 августа, суббота, время — 19:05.

Особняк Агдан, спортзал.

— ЮнМи, прекрати! — онни упорно от меня отпрыгивает. — Я — твоя старшая сестра! Ты не можешь!

— Могу и сделаю, — загоняю её в угол, стек с угрожающим свистом рассекает воздух. — Ты мне не старшая сестра, потому что ведёшь себя глупо. Детство в жопе играет. Щас мы его выбьем.

— Как ты можешь так говорить! — вытаращивает глаза сестрица. Пользуясь моментом, ловлю её за руку и тут же выворачиваю.

— Ай! — СунОк сначала сгибается, затем под моим толчком валится на колени. Время терять не собираюсь. Стек издаёт победную трель два раза: ш-ш-и-и-х-шлёп, ш-ш-и-и-х-шлёп!

— Щибаль!!! — вопит СунОк, я снова взмахиваю стеклом.

— Будешь орать, ещё раз врежу, — отпускаю её, но воспитательное мероприятие не закончено.

Раскачиваю стеклом перед лицом сестры, которая, скривившись, трёт задницу.

— Я тебя чему учу? Сдержанности. А ты опять орёшь, как резаная? Подставляй задницу снова.

— Ты чего, совсем с ума сошла?!

— Опять вопишь? Буду бить, пока не научишься молчать. Мульча-а-а!!!

С самого начала знала, что она мне понадобится. СунОк, между нами девочками говоря, дура дурой. Но хитрая, когда под задницей подгорает. Поэтому, придя домой, тут же

побежала в спортзал стек прятать. Глупости. Как будто я у Чжу ремень не могу позаимствовать.

И вот прибегает она к спортзалу, а у дверей Мульча сидит. И смотрит, не мигая. СунОк пробует применить сюси-пусси, фиг ей. Мульча начинает грозно выть.

— СунОк, иначе ты не изменишься, ты слишком тупая.

— Чего это я тупая? — кривит губы онни.

— Была бы не тупая, словами бы всё поняла. А была бы совсем умная, и объяснять бы не пришлось. А до таких тупых, как ты, доходит только через задницу. Давай, не брыкайся. Время идёт. Раньше сядешь, раньше выйдешь. Будешь сопротивляться — штрафные удары назначу.

Воспитательная идея вот в чём. СунОк должна сдерживать крик, когда я ей врежу. Так глядишь, сдержанность и выработается.

— Ш-ш-и-и-х-шлёп! — говорит стек. СунОк давит крик и глухо стонет. Ну, слава небесным апельсинам! Можно и к тренировке приступать.

28 августа, воскресенье, время 10:05.

Агентство «Music Modern», репетиционный зал.

— Ну, девочки, выручайте, — оглядываю десяток смущённых и хихикающих девушек-фанаток.

ГаБи запросила помощи. Её авторитета не хватило, чтобы уболтать на авантюру даже самых преданных фанаток. Сначала подумала, что ей дара убеждения не хватает, но чтобы мне, нет, не то, чтобы отказывают, но соглашаться не спешат.

— Девочки, давайте так. Кто согласится, сфотографируется со мной и ДжиХён, сделаем плакат в единственном экземпляре и подарим с нашими автографами.

А вот это ломает все бастионы стыдливости. Слишком велик соблазн. Правда, затребовали ещё ХёМин и СонЁн. Не проблема, берусь за телефон, но тут девчонки дружно запротестовали. М-дя, это я не подумавши.

— Хорошо, девочки. Тогда не будем мешать тёплое и зелёное, работу и... другую работу. В следующее воскресенье приходите в это же время. А ХёМин, СонЁн, ДжиХён и БоРам я предупрежу.

— ИнЧжон тоже! — раздаётся писк одной из тянок.

— ИнЧжон не обещаю. Она не мой работник. Захочет — приедет, не захочет — извините. Условия те же. Выбираете любых двух, фотографируетесь с ними, мы делаем плакат в единственном экземпляре и дарим вам. Да, с автографами тех, кто на плакате.

— Всё! — хлопаю в ладоши. — За работу!

Девушки одна за другой получают у меня шортики, — они все разных цветов, это важно, — идут в гримёрку. Там ГаБи делает несколько кадров, засунув смартфон под юбку. Мы потом выберем. И представляю, какой жеребячий ржач будет в «Змеином гнезде», которое возьмёт эти снимки в работу. ЧжуВон со своей службой безопасности пусть отрабатывает контакты. Пустые хлопоты, на мой взгляд, но чего на свете не бывает. У СунОк несколько десятков контактов в телефоне, её работницы, подружки студентки, которые перестали быть подружками. Соседки по старому адресу, короче, всякой твари по паре. Кстати! Надо дать кое-какой совет СунОк и ЧжуВону.

*Исуль Тхок Тхок БогСуна — слабоалкогольный напиток крепостью всего 3 градуса. Газированный напиток с запахом и вкусом персика.

Окончание подглавы.

Глава 9.2

28 августа, воскресенье, время — 13:15.

Особняк Агдан, общая комната.

— Ой, да ладно тебе, мам! — прерываю причитания мамы по поводу бесстыжих, которые тешат свои похотливые глазёнки, подныривая видеокамерами под юбки невинных девушек.

Мы сидим все вместе, обедаем. Что-то Чжу серьёзен и молчалив. Он к своим ездил чем-то там загрузили.

— Ничего страшного не случилось. Когда я на сцене выступала с коронками, мы чуть ли не полуголые на сцене отплясывали. Подумаешь, узнали, какого цвета у неё шортики. И что? Про цвет моих трусиков вся Корея два года в курсе была...

— Юна! — мама замахивается на меня, но я предусмотрительная, сижу за мужем.

— Ты привычная, — бурчит СунОк, — а мне стыдно...

— Стыдится надо того, что ты избивала меня и рёбра пинками ломала, а не всякой ерунды, в которой ты даже не виновата, — парирую я.

— Юна, прекрати! — опять шумит мама, СунОк набычивается.

— Слушай, Чжу, — вспоминаю идею, которую придумала ещё в агентстве, — надо СунОк срочно сменить симку. Новый номер она даст только нам и своим работницам. Так мы сразу разделим всех подозреваемых на две части.

— Холь! — ЧжуВон смотрит на меня с уважением. Сразу всё понимает, в отличие от моих куриц. Те требуют разъяснений. Мне не жалко.

— Если шантажист перезвонит по новому номеру, то, значит, он связан с кем-то из твоих работниц. Если нет, это кто-то из твоих бывших подружек-ёнесаек.

За дело мы принимаемся сразу, не откладывая в долгий ящик. Делаем заказ в магазин, можем себе позволить. Через полчаса симку доставляют. Ещё через полчаса СунОк заносит наши номера и своих работниц на новую симку.

— Юна, а почему ты сейчас не требуешь, чтобы я тебя на руках отнёс? — ЧжуВон вопрошает меня на лестнице, мы идём в его рабочий кабинет. Что-то он мне сказать хочет.

— У тебя сразу распутные мысли появляются, а днём секс под запретом.

— Выходной же... — бурчит пацак.

— Так ты меня чего позвал? На маленькое совещание или просто уединиться хочешь? — на вопрос ребром отвечать сразу он не готов.

В кабинете.

— Разговор с отцом у меня был, — начинает ЧжуВон. — Немного туманный. Некто из самых влиятельных чеболей, — не спрашивай кто, не знаю, — попросил отца передать тебе, что они не очень довольны твоими неосторожными публичными высказываниями.

— Некто важный, — резюмирую по размышлению, — обращается к твоему отцу, чтобы он передал мне через тебя своё неудовольствие. Похоже на испорченный телефон.

— Что такое «испорченный телефон»?

Приходится рассказывать про эту игру, которую вдруг затевает со мной некто важный, пожелавший остаться неизвестным.

— Обратная связь подразумевается? — этого ЧжуВон не знает. Это как понимать? Некто важен настолько, что его моя реакция не интересует?

— Давай подумаем, что делать и как.

— Это не только слова, — ЧжуВон будто решается сказать о чём-то. — Я никак не могу купить кинокомпанию. У нас немало таких, на грани банкротства. Уже третья компания требует за контрольный пакет акций какие-то ненормальные деньги.

— Подожди-ка, — высчитываю даты, — ты начал переговоры с первой задолго до того шума с чеболями.

— Первая компания могла и сама по себе от реальности оторваться. И они столько не требовали, как третья.

Требую подробности и получаю. Вторая вдруг передумала продаваться. Третья запросила двадцать пять миллионов долларов. Совсем охренели.

— На них ещё долгов висит больше миллиона долларов. Они в таком положении, которое не позволяет такую роскошь, как капризы. И вдруг стоимость их акций резко подсакивает. В два раза. Значит это может только одно...

— Кто-то начинает скупать помимо нас. Ты много затратил?

— Нет. Сотню тысяч долларов. Как цены подскочили, я скупку прекратил.

— Продай их по двойной цене, — требую я, — с паршивой овцы хоть шерсти клок.

— Хорошо. Но разговор с отцом заставляет глядеть на всё происходящее совсем с другой стороны. Это не случайность, нам целенаправленно мешают.

И этот кто-то тот самый некто важный. Неудовольствие которого проявляется так многообразно.

— Попробуй узнать, кто говорил с твоим отцом.

ЧжуВон скептически морщится. Бедный! Он сидит за своим столом, а я примостилась прямо на столе боком к нему. И на мои голые ноги он смотрит... да вообще не смотрит. Глядит сквозь них!

— Тогда так. Передай своему отцу моё крайнее изумление.

ЧжуВон смотрит вопросительно.

— Изумление по поводу способа ведения переговоров со мной, который они избрали. И дословно скажи так: Агдан не может...

Над чёткой формулировкой приходится думать обоим. Наконец, рожаем:

«Агдан не может учитывать интересы незнакомых ей людей».

— Пожалуй, сойдёт, — оценивает ЧжуВон, — но может и не сработать.

— У них, самых могучих чеболей, должен быть какой-то клуб, место, где они общаются, дела обсуждают, — раздумываю вслух.

— Общаются и обсуждают, — подтверждает ЧжуВон. — И таких мест несколько. Но нас туда не приглашают.

— И кто им тогда виноват?

ЧжуВон устало вздыхает. Ну, всё понятно. Опостылевшие корейские заморочки. Старшие могут делать, что хотят, всё равно младшие будут во всём виноваты. Только мы ещё посмотрим, кто старше и кто окажется виноватым.

Оживает ЧжуВон. Признак самый надёжный: мои ножки начинает поглаживать. Спорю с ним, уже болтая поглаженными ножками у него на руках.

— Конвенция запрещает секс в дневное время.

— Введём в Конвенцию поправку: не считая выходных и праздничных дней, — пацак

демонстрирует свою непоколебимую волю и кобелимость.

28 августа, воскресенье, время 12:55

Особняк семьи Ким.

ДонВук в кругу семьи обедал почти молча. Но когда его отец уходит к себе, роняет недовольно:

— ЧжуВон мог бы и остаться на обед, — на его слова ИнХе согласно кивает.

— Он сейчас фактически не член семьи, — указывает на очевидный факт МуРан. ИнХе пригорюнивается.

— Принять приглашение можно и от чужих, а мы ему всё-таки не посторонние.

— Чай мы попили, — МуРан не спорит, только уточняет, — о делах вы поговорили. Не хочешь нам рассказать.

— Нет, мама. Могу только сказать, что дело опять в ней.

ИнХе поджимает губы. Служанки сновисто убирают посуду и расставляют чайные чашки. МуРан что-то решив про себя, говорит ИнХе:

— Невестка, поухаживай за нами. А вы — свободны.

— Сын, — начинает МуРан, когда служанки удаляются, — если дело в ней, тогда понятно, почему ЧжуВон ушёл. Кому приятно выслушивать плохое про любимую жену?

— Её никто за язык не тянул что-то говорить про чеболей, — бурчит ДонВук.

— Я внимательно посмотрела ту передачу, — опять уточняет МуРан, — она даже слово такого не употребляла: «чеболи». Она говорила про всех бизнесменов и всю страну. Это позже нетизены поняли всё по-своему.

— Вот и не надо говорить то, что могут истолковать по-разному.

— И она же, — не обращает внимания на слова сына МуРан, — через пару дней сдвинула все акценты. Главными виновными объявила нетизенов, те захлебнулись негодованием и в итоге затихли.

— Они затихли, зато парламент заработал, — ДонВук не сдаётся. — Мы посчитали в своей компании, когда это начнётся, мы начнём терять до четырёх миллионов долларов в год.

— Два с половиной ЧжуВона, — опять уточняет МуРан. И на недоумение сына поясняет:

— Всего в два с половиной раза больше, чем нам обходился ЧжуВон. Но он ушёл, так что терять мы будем чуть больше двух с половиной миллионов долларов в год.

ИнХе ошарашенно глядит на свекровь. И даже ДонВук впечатлён.

— Справедливости ради сказать, это было на пике расходов. А дальше он в армию ушёл. И ты забываешь, благодаря кому мы получили госзаказ на сорок миллиардов долларов.

— Мама, Агдан назначила тебя своим адвокатом? — ДонВук показывает, что и он способен на сарказм.

— Любую ситуацию надо рассматривать со всех сторон, сын. Если бы ты безудержно восхвалял Агдан, я бы стала искать минусы. Прокуроров у нас в семье хватает, адвокаты для равновесия тоже нужны.

ДонВук делает паузу, давая понять, что справедливость в словах матери есть.

— И всё-таки она не осторожна в словах...

— Возможно, сын. Не буду спорить, — МуРан отступает. Всё уже произошло, ничего не

изменишь, незачем войну в семье устраивать.

— Им будут мешать. Уничтожить их не смогут, Агдан ухитрилась получить протекцию на самом верху. Но мешать им будут.

ИнХе поджимает губы ещё плотнее, хотя куда уж дальше? МуРан усмехается, но не возражает.

— Новость скорее хорошая, чем плохая, сын. Его компанию не уничтожат, а трудности, будем надеяться, их только закалят.

29 августа, понедельник, время 13:35.

Агентство «Music Modern», кабинет Агдан.

— Хорошо, Лена, вроде обо всём мы договорились. Я не каждый день могу быть на связи, но если захотите, поймаете. А плановую видеобеседу назначим в это же время ровно через две недели. До свидания.

Согласилась Стесснер приехать к нам на работу. Несмело попыталась увеличить оклад, но это извините. Я так понимаю, родственники и друзья возбудились и навстропалили девушку. По принципу «попытка — не пытка». Так и вижу их горящие глаза и нашёптывания в ухо: проси больше, если ты им нужна — дадут! Дам, конечно. Если будет выхлоп, могу удвоить и даже утроить, не жалко. Но авансом такие деньги платить не буду.

Эти две недели она должна пройти у себя как бы ускоренные курсы начинающих тренеров. Попрактиковаться. Сама-то она мастер международного класса, но тренерская работа совсем другое поле деятельности. Преподаватели школы обещали её натаскать, но две недели мало. Будет в процессе с ними советоваться. По интернету.

Итак. Тренер, неизвестно какого качества, у меня будет. Елена, пусть неопытная, но сможет хотя бы всё показать, что уже не мало. И симпатичная. По российским меркам. По местным — богиня, на неё будут смотреть, открыв рот. А когда выйдет в гимнастическом купальнике, мужчины не только рты разинут, но ещё изрядную силушку приложат, чтобы рвущуюся ширинку удержать.

Кстати, зря я раньше считала, что айдольская норма веса тела — садистская азиатская выдумка. В художественной гимнастике, во всех странах, действует точно такая же формула. Вес тела в килограммах должен равняться росту в сантиметрах минус сто двадцать. То есть, девушка ростом 170 сантиметров должна весить не более 50 кг. Хотя насколько я понимаю, на килограмм-полтора перевеса особого внимания не обращают. Не мешает? Пусть будет. И многие спортсменки даже заметно перекрывают норму. К примеру, рост — 170, вес — 48. Надо считать это неким ориентиром, но скорее, это показатель астенического телосложения. Главное условие для художественной гимнастики: девушка должна быть высокой, тонкой, длинноногой.

29 августа, понедельник, время 17:35.

Любимый ресторан Агдан.

— Аньён, онни, — ужин много сил не отнимает, можно и отвлечься на разговор. — У меня один вопрос: шантажист не звонил?

— Нет, ЮнМи.

— А новый номер ты своим работницам скинула?

— Ещё вчера.

Кладу смартфон на стол. Объяснять ЧжуВону ничего не надо, разговор шёл с громкой связью.

— Для верности надо подождать, — решает ЧжуВон, поедая пульки в варианте аналога плова. — Если завтра не будет звонка, это точно не её работницы.

— И тогда искать бесполезно, — отодвигаю опустошённую тарелку и берусь за стакан с томатным соком.

— Не то, чтобы совсем бесполезно... — ЧжуВон сам понимает, что фильтровать окружение нескольких десятков человек дело долгое, муторное и малоперспективное. Шанс есть, но объём работы гигантский.

— А если сделать так, — в голову приходит ещё одна идея, — опубликовать звукозапись голоса шантажиста. Вдруг кто-то узнает?

— Где? На телеканале? Нет!

— Не обязательно на тиви.

Подходит официант, рассчитывает нас. Идём на улицу. Прохожу в заботливо распахнутую передо мной дверь.

— Горжусь тобой, Чжу. Все смотрят на тебя, как мешком ударенные, а ты всё равно по-европейски галантен.

Садимся в машину.

— Всё очень просто. Подключим «Змеиное гнездо», они отработают запись по чатам и форумам. И эффект будет.

— Ты уверена? — ЧжуВон вырывает с парковки, за нами следует машина охраны.

— На все сто! Даже если голос никто не признает, шантажист почувствует угрозу. Ему станет неудобно. И всё-таки есть шанс, что узнают. Надо ещё проинструктировать, чтобы мои «змеи» первым делом надели на чаты Ёнесая. Наверняка и там мои фанаты есть.

Берусь за телефон, хочу позвонить ГаБи. Тут же откладываю и снова берусь, чтобы позвонить СунОк. После короткого разговора разочарованно бросаю смартфон в сумочку. Онни не включала режим записи разговора. Теперь-то будет, но пока записи голоса нет. Печалька.

Мы едем не домой. Мы начинаем действовать согласно предложенному мной и поддержанному ЧжуВоном плану. Не получилось купить вторую кинокомпанию? Поедем в третью. Туда мы и едем.

Первым делом нас встречает надпись «Seul cinema» под корейским хангылем. Район не трущобный, конечно, но и не самый престижный.

— Сравнительно скромная вывеска, — так оцениваю табличку над двойными стеклянными дверями. Парадоксальным образом меня это не радует. Полагаю, что чем хуже идут дела, тем более обращают внимание на внешние атрибуты, делая их кричащими. Иначе говоря, чем хуже, тем больше пафоса. Пафоса не замечаю, значит, здешние ребята считают, что они на плаву.

— Судя по биржевому курсу их акций, — замечает ЧжуВон, — ты не права. Я целых два процента акций купил всего за пятнадцать тысяч долларов.

Вице-президент компании встречает нас вежливо и настороженно. Собственно, мы многого не ждём и мало что требуем.

— Судя по биржевым котировкам, — говорит вице-президенту после ритуально-приветственной части ЧжуВон, — ваша компания стоит меньше миллиона. Мы готовы дать

два.

— Биржевые котировки, ЧжуВон-сии, вещь непостоянная. Сегодня — миллион, а завтра — десять, — вице-президент Чанг тонко улыбается.

— Мы хотим снять фильм, саджанним, — вмешиваюсь я. Не просто так, сначала испрашиваю взглядом разрешения у ЧжуВона, будь прокляты средневековые традиции Намхана!

— Снимать планируем в Америке, режиссёр американский, артисты тоже.

— И что же там будет корейского? — улыбается Чанг.

— Название кинокомпании, имя продюсера и композитора, несколько второстепенных ролей.

— И всё? — улыбка приобретает отчётливо саркастический оттенок. — Агдан-сии, а что скажет ваш муж?

— Моя супруга будет продюсировать эту картину, поэтому все вопросы по фильму — к ней, — обаятельно улыбается ЧжуВон

— Собственно, я всё уже рассказала. Подробности не важны, — снова гляжу на ЧжуВона. Пора заканчивать.

Что он и делает. Есть в корейских традициях небольшие плюсы. Мне можно молчать и не участвовать в прощальных расшаркиваниях. Достаточно одного.

— Аннён, саджанним, — успеваю заметить неподдельное изумление на лице Чанга при виде нашего выхода. Все шаблоны в кучу. Вроде я женщина, слова которой ниже подошвы, но при этом привычно, как должное, принимаю королевские почести. Двери я не касаюсь, всё делает Чжу.

— Дебак! Что, Чжу, всё у нас на сегодня? Или ещё дела есть?

Чат на одном из полуподпольных порносайтов Южной Кореи.

Ночь с 31 августа на 1 сентября.

[**&] — Аннён, люди! Внимание всем! Этого никто не видел! Голая попка Пак СунОк, сестры Агдан!

Четыре кадра, оформленные в форме гифки, показывают симпатичную спортивную девушку в негустой толпе станции метро. Всё с большим приближением. Последний кадр под торжествующую музыку радуется крупным видом снизу подъябочного пространства. Белоснежные бёдра, ладно соединённые светло-бежевыми шортиками.

[***] — Холь! Это правда она? Не врёшь?

[**&] — Она. Три дня её выслеживал. Она не часто на метро ездит.

[***] — А что, у Агдан сестра есть?

[***] — Недавно из села приехал? Есть. Старше Агдан то ли на год, то ли на два.

[***] — А попки самой Агдан нет?

[***] — Ещё один селянин. Войди в интернет, там Агдан во всех видах, только что совсем голой нет. Но в купальнике где-то мелькала, точно не помню.

[**3] — Смотрите на Агдан, вот ссылка: ... Там сотни фотографий и десятки роликов, айдолы свою фигурку не прячут.

[**4] — А этот **& врёт! Это попка совсем не СунОк.

[***] — Откуда ты знаешь? Откуда ты вообще можешь знать? Никто этого не мог видеть!

[**4] — Во-первых, могли. Сама Агдан видела? Наверняка. Их мама всякими своих дочек видела. Вот уже ты не прав, существуют люди, которые видели.

[**] — Ёксоль! Ты такой мудрый! Ук, семья, а кто ещё?

[**4] — Её оппа мог видеть. И даже трогать, кх-кх-кх...

[**&] — С сегодняшнего дня все могут видеть, кх-кх-кх...

[**5] — Да врёшь ты всё! Это не СунОк совсем. Нет, издали вроде она, но как ты докажешь, что попка её? Я вот точно знаю, что это не она.

[**] — Откуда ты можешь знать?

[**5] — А мы давно её пасём. Вот настоящая фотка: [фото]. Видите? У неё там маленькая родинка под левой ягодицей. И такие шортики она не носит, у неё с кружавчиками всегда.

[**&] — Нет у неё никакой родинки!

[**4] — Щибаль! Вы оба врёте! Вот настоящая попка СунОк! [фото с шортиками и сиреневую полосу] Родинка на правом бедре!

[*15] — Херню вы все городите! Настоящее фото вот: [фото с голубенькими шортиками]

[**9] — Нет! Вот, вот и вот! [Целая серия подъябочных снимков] Нет там никакой родинки нигде!

[**] — А чего это у тебя все разные?

[**9] — Почему разные?

[**] — Ляжки разного размера и попки различной округлости...

[**3] — О-о-о-у! Да ты ценитель! Эксперт!

[**9] — Фигня это всё! Просто по ходу дела другие симпатичные девушки попадают, удержаться невозможно. Могла и затесаться одна-другая. Но большая часть это СунОк, мамой того кэджащика ([**&]) клянусь!

[**&] — Не трогай мою маму, шипсэги (ублюдок)!

(В этот момент в «Змеином гнезде» кое-кто стал потирать руки)

[**4] — Согласен! Точно шипсэги! И ты тоже шипсэги! Принёс какие-то левые отфотошопленные кадры...

[**&] — Это настоящие!!!

[**9] — Не свисти! Небось свою сестру-шлюху отснял и выложил. Теперь голову нам морочишь.

[**&] — Ёнмоно, мичинном! (Иди нах... кретин)

[**] — Есть предложение, парни! Давайте проголосуем. Какая жопа больше всех понравится, та и СунОк.

[**] — Холь! Отличное предложение.

[**] — Идея — класс!

[**8] — Давайте, парни! Занумеруем. По времени. Первый номер за тем кэджащиком, который выложил жопу своей сестры, и дальше по порядку.

[**&] — Щибаль! Это не моя сестра!!!

[**9] — Вот проголосуем и узнаем, твоей сестры жопа или нет.

[**&] — Чэнг-чанг, сапсари! (черт побери, шавка)

[**9] — Повторишь очно? Или штанишки намочил? Давай встретимся в парке и узнаем, кто шавка, кто ублюдок и чем жопа твоей шлюхи-сестры отличается от задниц других шлюх.

[**&] — Щибаль! Ёнмоно!

[***] — Голосуем, парни! По одному голосу за каждые шортики. Я — за сиреневые полоски. Это номер три.

*Юзер [**&] покинул чат. На другом конце города, а может совсем рядом, в «Змеином гнезде» (все юзеры с цифрой оттуда) раздаётся дружный гомерический хохот. В чате ржач по другому поводу. Идёт голосование. Первое место делят голубенькие и пастельно-розовые шортики.*

[*15] — Я же говорил, моё фото настоящее.

[**3] — Ук. Народ не может ошибаться.

[**9] — Точно, тот хмырь свою сестру не постеснялся за СунОк выдать. Кэджащик!

[***] — Всё может быть. Может и правда, СунОк.

[***] — Сестра Агдан будет без охраны ходить? Что-то мне не верится. Много ты чеболей в метро видел?

1 сентября, четверг, время — 20:35.

Особняк Агдан, общая комната.

Катаюсь от смеха около дивана. Меня не столько фокусы «змей» веселят, — парни чуть добавили отсебятины, но отработали точно по моим инструкциям, — сколько обескураженный лик онни. Да ещё изрядно покрасневший. Всё-таки она кондовая провинциалка, никак из неё деревню не вывезу.

ЧжуВон улыбается, ошарашенная мама, которая тоже заглянула в чат, не знает, что и думать. Потешаюсь над обеими, делая вид, что меня развеселила тема чата. А то обидятся.

Там в чате правильно про охрану сказали. Мы её через пару дней организовали, задействовали возможности ГаБи. Она даже от денег отказалась, а я настаивать не стала. Всё равно это ненадолго, получит же СунОк когда-нибудь права.

Охрана онни это не всё. Не зря русские говорят, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Если власти и полиция не может справиться с проблемой, приниматься за дело придётся народу. Надо только его организовать.

— Во всей этой истории, онни, есть один положительный момент. Огромный.

Мама и СунОк смотрят на меня с надеждой. Мне не жалко, сестра всё-таки, хоть и глупая курица.

— Попка СунОк и, правда, соблазнительная для мужчин. Ты, онни, сильно похорошела. И вообще, на тех снимках ты выглядишь потрясающе (чуть-чуть преувеличиваю). Главное, занятий не бросай. А ты, мама, проследи, я не всегда смогу быть рядом.

СунОк неуловимо меняет флюиды своей пылающей физиономии. Кроме смущения и почти исчезнувшего стыда, начинает излучать удовольствие. И мама улыбается, глядя на неё.

Перед сном.

— Как там у тебя дела с киностудиями?

— История повторяется, — ухмыляется ЧжуВон. — Ты права, Юна. Это неплохой бизнес, я всего за пару дней заработал полсотни тысяч долларов. Думаю, ещё парочку, а потом по второму кругу пойду.

— Так и научись зарабатывать, избалованный мажорчик, — изогнув ножку, вожу кончиками пальцев по его животу и груди. Кстати, неплохое упражнение для поддержания

себя в тонусе.

— Тебе пора в салон, — ЧжуВон ловит ступню в мягкий захват, — на прошлой неделе пропустила.

— Завтра вечером отвезёшь меня?

Вроде можно и не спрашивать, но мало ли...

Конец главы 9.

Глава 10. Попытка укусить

26 августа, пятница, время (омское) — 17:40

Омск, Тимуровский проезд 10, Омская школа художественной гимнастики.

— Девочки, по два раза прыжок жатэ шпагат! Потом к стенке, отработать основные растяжки и свободны! — громко и без видимого напряжения командует монументального вида высокая дама. Стайка из восьми девочек 11–12 лет выстраиваются в редкую колонну у одного конца спортзала и по одной начинают старательно выполнять тренерскую команду.

Монументальная дама подходит к взрослой девушке, зачем-то забредшей в зал, занятый младшей группой. Хотя девушка в сарафанчике и босоножках, а не в спортивном купальнике. Тренерша садится рядом.

— Здравствуй, Лена. Что-то вид у тебя, как у сомневающейся невесты. То ли выходить замуж, то ли лучше жених найдётся?

— Здравствуйте, Полина Григорьевна. Та корейская миллионерша прямо напирает. Дала срок до понедельника. А я что-то...

Полина Григорьевна молчит. Потом, решившись, спрашивает:

— Лен, ты в курсе, что школа... как бы это сказать? — женщина мнётся недолго. — Выгодоприобретатель.

— В каком смысле?

— Значит, не знаешь... если согласишься, школа немалые деньги за тебя получит. О сумме умолчу, сама точно не знаю.

— Как-то это не очень, — немного хмурится Лена, — крепостной себя сразу почувствовала.

— Глупое чувство, — усмехается наставница. — Тебя никто в кандалы не заковывает, на всё твоя воля. И ты хоть понимаешь, какие деньги государство на вас тратит? Да, я знаю, что и ваши семьи какие-то расходы несут, но это копейки. И если появляется от вас какая-то отдача, то почему нет?

Девушка вздыхает и молчит. Выражение лица у неё необычное, его можно назвать упрямой нерешительностью.

— Лена, что тебя смущает? Контракт тебе царский предлагают, разорвёшь его в любой момент.

— А вы?

— Школа? Да ничего страшного, кого-нибудь другого пошлём. Сама б полетела, но муж воспротивится, — тренер улыбается и окончательно становится понятно, что не такая уж она и грозная. Или не всегда.

— Извини, Лен, не могу удержаться, — женщина продолжает улыбаться, — тебе какую зарплату предлагают?

— Ой, Полин Григорьевна, хоть вы не начинайте! — вспышка раздражения сметает с девичьего лица выражение упрямства.

— Что так?

— Родственники достали. Проси больше, проси больше, — кривится девушка, кого-то цитируя. — Я вообще ещё ничего не решила!

Пару минут они молчат.

— Знаешь, Лен, я — счастливый человек, — говорит женщина, кивая прощающимся

девчушкам, уходящим в раздевалку. — Недавно это поняла. Мы можем жаловаться на маленькую зарплату, какие-то неудобства и неурядицы, но мы — счастливые люди. У нас, у меня, есть ученицы. И многие из них достигли заоблачных высот. Понимаешь?

Девушка внимательно слушает.

— У тебя появился такой же шанс обзавестись учениками. И вдруг получится что-то большое и заметное? Зарабатывать деньги это неплохо. Но для счастья мало. Для счастья нужна гордость за отлично проделанную работу.

— А вдруг у меня не получится?

— Не попробуешь — не узнаешь. На административную работу не ходи. Ирка вон, попробовала, никак отплеваться не может. Завхоз это не для нас.

— Ничего себе завхоз, зампрефекта! — восклицает девушка.

— Высокооплачиваемая работа завхоза, — спокойно парирует тренерша. — Дорожное покрытие, вывоз мусора, уборка снега... Ни уму, ни сердцу. Потому Ирка оттуда и сбежала.

— И что, кроме как в тренеры идти, мы ни на что не способны? — задиристо спрашивает Лена.

— Почему? Наверное, способны. Но вы уже наполовину готовые тренеры. Вам даже авторитет зарабатывать не надо. Он у вас уже на уровне Эвереста. Авторитет для тренера — первое дело. Ученики должны каждое слово ловить. И показать можешь, наглядный пример всегда перед глазами. Зачем такую мощную базу на помойку выбрасывать? Только если выяснится полное отсутствие таланта к нашему делу.

Через полчаса они вышагивают по набережной. Жарко, но от Иртыша, несущего свои непрозрачные воды всего в паре десятков метров, ощутимо веет прохладой. Женщины останавливаются в одном из летних кафе, густо усеявших берег.

— Сама бы туда отправилась, — что-то прикидывает про себя Полина. — Уговорила бы своего Мишу, потерпел бы ради таких денег.

— Не согласится она, — качает головой девушка. — Насколько я поняла, ей нужна действующая спортсменка или только что закончившая карьеру.

— Знаю. Но если никого не найдём, то примет и меня, — вдруг Полина возбуждается и на время отставляет вазочку с мороженым. — А ты знаешь, эта миллионерша, как её...

— Агдан.

— Да. Она, оказывается, здорово поёт и танцует. Дочка случайно наши разговоры услышала и тут же мне наушники нацепила. Она на разных языках поёт, первый раз такое вижу. На японском, английском, французском. Не считая своего родного.

— В Европе большинство населения двуязычное, — равнодушно пожимает плечами Лена. — Обычное дело, когда какая-нибудь немка или шведка поёт на английском.

— Да? — успокоившаяся Полина возвращается к своему мороженому и усмехается. — Но на японском твои немки точно не поют. И голос у неё очень приятный. Кстати, по нашей линии тоже что-то может, очень гибкая.

— Со мной она по-русски разговаривала, — вспоминает Лена, — и на английском говорит лучше меня...

— Видишь, какой она интересный человек!

— Сватаете, Полина Григорьевна? — слабо улыбается девушка.

— Боже упаси! — открещивается женщина. — Больше себя уговариваю. Не согласишься, я буду напрашиваться.

— А вот соглашусь! — Лена вдруг показывает язык своей наставнице.

2 сентября, пятница, время 19:05

Особняк Ким, остеклённая веранда, выходящая в сад.

МуРан со своим ординарцем ИнХе смотрит новости по KBS. ИнХе морщится и кривится. По одному её лицу можно догадаться, кого они видят сейчас и слышат.

В телестудии двое, ведущий и Агдан. Интервьюер от телеканала среднего роста худощавый мужчина. Гладко зачёсанные назад волосы, острое лисьё лицо. Лукавые глаза усиливают ассоциацию с самым хитрым лесным зверем.

Агдан одета строго и на первый взгляд просто. Обычная юбка, тонкий жакет. МуРан, чуть прищурившись, оценивает наряд. Кто научил обыкновенную девчонку с окраины таким тонкостям? Или чувство вкуса уже присуще всем столичным девушкам, независимо от сословия и уровня жизни? Вполне возможно.

Закрытый костюм, очень закрытый. И поневоле взгляд останавливается на шее, запястьях и коленях, которые юбка закрывает только в положении стоя. Нежность и гладкость кожи показана на все возможности современного телевидения. Как и благородное изящество линий. Оператор, скотина, умело выбирает паузы для выделения лица и рук Агдан крупным планом. На отходе камеры никогда не забудет первым делом втиснуть в экран точёные ножки. Женщины тоже чувствительны к женской красоте, МуРан по себе это знает. Как бы ни чувствительнее мужчин, отношение только другое, разумеется. Мужчины испытывают побуждение прибрать к рукам эту красоту, женщины восхищаются и завидуют.

Больше всего МуРан цепляет филигранность наряда Агдан. Ещё на один сантиметр укороти юбку и появится, хоть и слабый, но повод обвинить её в эксгибиционизме. На сантиметр длинее — смотреть станет не интересно. То же самое касается воротника и наискромнейшего выреза.

— Итак, госпожа Агдан, позвольте, я заявлю тему нашей беседы.

— Позволю, — с нарочитой величественностью роняет Агдан. МуРан на миг оглядывается на шипение рядом. ИнХе не сдержала приступ раздражения и злобы.

— Наш информационный век высоких технологий кроме огромных преимуществ и удобств доставляет и некоторый дискомфорт. В стране в последнее время распространилась ужасная мода: мужчины заглядывают под юбки девушкам с помощью смартфонов. Ставят микровидеокамеры в туалетных кабинках. Полиция сбивается с ног, но вуайеристы не унимаются. Отловить их почти невозможно. Нелегальные сайты принудительно закрывают, но тут же открываются новые. Что делать, никто не знает.

Ведущий отдаёт инициативу Агдан. Почти без паузы она возражает ведущему.

— Я знаю.

Ведущий изображает лицом вопрос. Агдан начинает рассуждать, а МуРан поражаться разумности её речей.

— В нашей и любой стране есть три основные силы. Государство, бизнес и народ. Вот появилась проблема видеохулиганства и государство не справляется. Что делать? Самая могучая сила это общество, но его надо организовать. Сам по себе народ похож на океанский шторм, от которого достаётся всем.

— Давайте чуть остановимся, госпожа Агдан, — беспокоится ведущий. МуРан только в конце передачи поняла, почему. Агдан чуть было не раскрыла главную интригу своего

интервью.

Теперь Агдан изображает лицом вопрос.

— Так ли велика проблема, нужны ли решительные меры для её искоренения, — тараторит ведущий, — может, мы собираемся бить мечом муху?

— Насколько я знаю, ваш канал уже неоднократно освещал подобные эксцессы, — с едва приметной насмешкой комментирует Агдан. — Причём в чрезвычайно драматических тонах. Вроде до суицида ни разу не дошло, но неврозы у жертв случались.

— Вот давайте и выясним, насколько справедлив этот драматизм. Не излишен ли он?

Ведущий делает какой-то сигнал в сторону, тут же подбегает стройная девушка и кладёт перед ним планшет.

— Я смотрю комментарии на нашу тему, к анонсу на нашу передачу. Вот один пишет, что некоторые девушки иногда специально нагибаются или становятся спиной, чтобы видеохулигану было удобнее.

— Вполне возможно, есть и такие девушки, — невозмутимо улыбается Агдан. — Легко могу себе представить таких европейек или американок. Они очень раскованы. Но к корейнкам это не относится.

Ведущий внимательно смотрит в планшет, Агдан просит дать возможность ей оценить комментарии и тут же заявляет:

— Ну, конечно! Что же вы не сказали, что этот комментатор — японец?

— Есть и корейцы, — возражает ведущий, — вот, например.

— Это типичное перекалывание вины с себя на жертву. Многие преступники так делают, — заявляет Агдан. — Воры говорят, что жертвы провоцируют их на преступление, держа свои кошельки в легкодоступном месте. Насильники утверждают, что привлекательные женщины слишком красиво одеваются, так что невозможно удержаться. Поэтому давайте договоримся: не принимать во внимание такого рода комментарии.

— Не переоценим ли тем самым существующую проблему? — риторически спрашивает ведущий.

— Не переоценим, — Агдан невозмутима и хладнокровна. — Вы когда-нибудь слышали о такой проблеме где-нибудь в Европе или Америке? Её там нет! А почему? Смартфоны есть, мужчины в наличии, красивых женщин полно, метро тоже есть. Всё есть, а проблемы нет.

— И почему? — ведущий демонстрирует неприкрытый интерес.

— Полагаю, такое случается, — говорит Агдан, — но для европейских дам это всего лишь повод провести с подругой весёлую беседу, не более того. Корейские же девушки чувствительны к таким эксцессам ещё и вследствие реакции окружающих. Все дружно начинают тыкать в неё пальцем, обсуждать и осуждать. Не хулигана, а её. Пострадавшая девушка вместо сочувствия получает негодование в свой адрес. Свинство, как по мне.

От последнего резкого замечания, высказанного спокойно и между делом, ведущий слегка подвисает. ИнХе возмущённо выдыхает, МуРан злорадно хихикает. Чем-то не понравился ей ведущий.

Спасительная для ведущего рекламная пауза.

— А что ты думаешь, невестка? — спрашивает МуРан.

— Мерзавка! — мгновенно отвечает ИнХе.

— Нет. Я спрашиваю о девушках, пострадавших от видеохулиганов, — уточняет МуРан. — Они виноваты или нет.

После долгой паузы ИнХе с трудом формулирует ответ:

— Виноваты. Надо юбки длиннее носить.

— Понятно, — МуРан отворачивается. ИнХе так решила по простой причине: если Агдан за кого-то заступает, она, ИнХе будет против. Не важно, кто прав. Она всегда против Агдан.

Реклама заканчивается.

— Простите, госпожа Агдан, немного не понял. К кому относится ваше последнее резкое замечание?

— К окружению пострадавших девушек, которое осуждает её ни за что, — любезно поясняет Агдан. — Именно они — грязные и вонючие свиньи.

От резкого контраста между ругательствами и очаровательным образом девушки с приятнейшим голосом ведущий опять на секунду замирает. Эту секунду МуРан использует с толком.

— Ты не зря её ненавидишь, невестка, — ласково говорит она. — Видишь, она только что обозвала тебя грязной и вонючей свиньёй.

Пару минут МуРан с наслаждением слушает злобное шипение. Недавно она открыла для себя новое изобретение этого сумасшедшего века. Троллинг.

На экране разговор меж тем продолжается.

— И вы будете воевать с окружением пострадавших девушек? — с нотками злорадного ехидства спрашивает ведущий.

— Нет, это бесполезно. Я буду бороться с видеохулиганами.

— И каким образом?

— Очень просто. Я же сказала, что народ при помощи полиции или наоборот, полиция с помощью народа, вполне способен решить эту проблему. Надо только организовать его.

— И как вы это сделаете?

— Я создала общественный фонд, господин ведущий. Для начала вложила туда сто миллионов вон. Фактически фонд будет премиальным, для волонтёров, которые возьмут на себя задачу отлова видеохулиганов. Допустим, едет человек на работу и замечает, что кто-то подсовывает смартфон под женскую юбку. Пусть хватает его и поднимает крик. Девушка пусть присоединяется. Трёх-четырёх человек хватит, чтобы схватить хулигана и сдать его полиции. После оформления задержания фонд выплатит этим людям премию в десять миллионов вон.

На экране за беседующими появляются реквизиты фонда.

— Так просто? — удивляется ведущий.

— Не совсем просто, господин ведущий, но ничего невозможного. Во-первых, дайте на экран реквизиты фонда, чтобы мог присоединиться любой желающий. Видеохулиганы ведь что-то зарабатывают на своих гнусных снимках? Пусть зарабатывают и те, кто их ловит.

— А полиция?

— Полиции премий не будет, они зарплату получают.

— Вы отказываетесь сотрудничать с полицией, госпожа Агдан? — прищуривается ведущий.

— Господин ведущий, вы с ума сошли! Конечно, мы будем с ними сотрудничать! Во-первых, на сайте моего агентства, — кстати, реквизиты фонда там есть, — мы ждём от полиции инструкцию для групп волонтёров, которые будут вылавливать хулиганов. Во-

вторых, им надо готовиться к появлению таких задержанных. Не знаю, разработать ускоренную процедуру оформления, например. Давать гражданам справки, которые они могут предъявить на работе или месте обучения. Они же могут опоздать.

— Всё-таки думаю, что отказ премировать полицейских похож на дискриминацию, — ведущий упрямится.

— Ничего подобного, господин ведущий, — Агдан по-прежнему непробиваема. — Если полицейский, закончив своё дежурство, по пути домой поучаствует в задержании, он тоже получит премию. Замечу, меньше остальных. Остальные граждане ведь выполняют чужую работу, а он — свою. Получит, как за сверхурочные.

— Понятно, госпожа Агдан. А кто управляет фондом.

— Управлять буду я или кто-то из моих людей. Скорее всего, клуб «Ред Алерт».

На этом передача заканчивается.

— Как раз к дораме успели, — удовлетворённо замечает МуРан и думает: следить за Агдан не менее интересно.

2 сентября, пятница, время 13:25.

Агентство «Music Modern», кабинет Агдан.

Кое-как с этих съёмок в KBS к обеду успеваю. ЧжуВон уже за десерт взялся, когда я подошла.

В кабинет заходит ЁнЭ с какой-то бумагой и почему-то виноватым лицом.

— Чозахрень! — от неожиданности перехожу на русский язык. Удивительная бумага!

— Простите, ЮнМи-сии, — кланяется и кается ЁнЭ, — упустили. Для нас сами: неожиданность.

Приглашение в суд. Уже в понедельник. Некий Ю ХиГун подал на меня в суд. С трудом продираясь сквозь канцелярское косноязычие, кое-как вспоминаю то ДТП, где охрана завернула руки в обратную сторону какому-то слишком резвому вождеющему моего автографа.

— Понятно. А вы чем виноваты?

— А как же, ЮнМи-сии? Мы должны были заранее знать.

— А вам предлагали эту информацию? Нет? — задумываюсь, а почему? Что-то здесь не так. Обычно всегда находятся желающие слить инфу заинтересованным лицам. За вознаграждение.

— Вы пойдёте в суд, ЮнМи-сии? Или послать им отписку?

— Посмотрим. Первое заседание, я так понимаю, ознакомительное. Зашлите туда нашего юриста. И ты вместе с ХоГином как следует замотивируй его. Пусть подмётки на ходу рвёт.

— Как это? — недоумевает ЁнЭ.

— Пусть ловчит и хитрит, как только можно, — перевожу я.

— ЁнЭ, что у нас с фондом?

— Счёт открыт, документы на регистрацию поданы, деньги переведены.

— А нас с регистрацией не притормозят? — от бюрократов чего угодно можно ожидать.

— Нет. Там уведомительный характер регистрации.

Редкий случай. Как это государство упустило такую возможность кровь из граждан попить? Не всё плохо в этом мире и даже в Корее.

После ЁнЭ почти тут же входит длинноногая ДжиХён.

— Госпожа Агдан, — с неизменным ехидством, — к вам мистер Робинс.

Отвечаю небрежным и величественным жестом, — это тебе за ехидство, зараза! — сочетающим в себе два смысла: прочь и проси. Первое — к ней, второе — к уважаемому гостю.

Стив входит, привнося с собой ауру, которая мне нравится до ужаса. Всё просто и демократично без азиатских изысков.

— Хелло, Юни, — и небрежный взмах руки, заменяющий рукопожатие.

— Хелло, Стив, — улыбаюсь искренне и широко, меня радует возможность хоть недолго неформального общения. Корейцы могут общаться в неформальном стиле, но не с каждым и договариваться надо специально.

— Держи, Юни! — с небрежной точностью кидает флешку. Это тоже сложившаяся традиция. Он набирает материал и приносит ко мне уже как бы ни в десятый раз. Флешку в комп, изображение на большой экран на противоположной стене.

— Это он!!! — я даже взвизгиваю от восторга. Подскакивает от неожиданности сидящий в кресле Стив, вольно возложивший ногу поперёк бедра. Далеко не все, кстати, мужчины так могут.

На большом экране красуется мужское брутальное лицо, будто высеченное из гранита. Из мира Юркина его не узнают разве что только младшие детсадовские группы. Те, которые ещё и разговаривать не умеют.

— Кто это? — уже почти шёпотом спрашиваю Стива.

— Ты же сама сказала, — удивляется американец. — Это он.

Ухмыляется. Шутник. Пытается скрыть, но страшно доволен, что мне угодил. Рисую я слабо и неуверенно, никогда не пыталась научиться, но память спасает. По памяти кое-как изобразила, кого я хочу видеть в роли терминатора.

— Арнольд Винкельхок, — наконец-то ответил по существу Стив, водружая ногу на прежнее место, — откуда-то из Швейцарии. Сейчас в Америке пытается устроиться. По бодибилдерским турнирам слоняется, без особого успеха. Впрочем и не из последних. Перехватил его вовремя. Он уже подумывал в порнобизнес уйти.

— Звони ему немедленно! — не справляюсь с возбуждением. Стив даже смотрит с лёгким подозрением, на экране-то он во всей красе могучего тела.

— Юни, в Нью-Йорке сейчас четыре часа ночи, — увещевает он.

— Попробуй. Вдруг возьмёт трубку.

— Давай чуть позже, а то парень спать не будет до утра.

— А ты его расписание знаешь? Нью-Йорк никогда не спит. Ты вполне можешь днём до него не дозвониться, — нахожу аргументы в пользу своего нетерпения. — Предложи ему контракт на три фильма. Гонорар чуть выше, чем для начинающего артиста. Опыта, скорее всего, у него нет, но всё равно спроси.

Стив начинает набирать номер, сверяясь с экраном, куда я вывела установочные данные. Кроме номера, рост, вес, прочие ТТХ, вроде объёма бицепса, адрес. Интересно, а почему он на первые места в бодибилдинге не выходит? Наверное, сейчас это труднее, чем тогда. Стероидов всяких наизобретали, природному не пробиться. Шварцнеггер-то из того мира — натурал во всех смыслах, а про этого мне плевать. Пусть и стероидный, мне лишь

его фактура нужна. В совпадении имени вижу благоприятный знак.

— Хеллоу, Арни! Это Стив, помнишь такого режиссёра?

Не сдерживаю улыбку, будущая звезда взял трубку.

— Поговорил с продюсером, она, — да, это дама, — согласна взять тебя в работу. Через несколько дней приеду в Америку, заключим контракт.

Стив дело знает. Только последний простак скажет, что кандидату светит главная роль. Размер гонорара сразу подскочит.

— Я чего звоню так бесцеремонно, Арни? Есть одно условие. Ты не успел во взрослые фильмы уйти? Если начал сниматься, то извини...

Буквально замираю, даже дышать боюсь. Такой факт сильно подмочит репутацию фильма. В этом мире ЛБГТ и прочие сексновшества ещё не вошли в силу. И негласный запрет в Голливуде не работать с артистами, замеченными в жанре XXX, в силе. Промашки бывают, но выясняется уже постфактум. Выведут новую звезду, а потом вдруг всплывают кадры со страстными стонами и соблазнительными позами.

— Что говоришь? Фото с красотками в бикини? — Стив вопросительно смотрит на меня, шепчу «ерунда». — Ничего страшного, особенно по нынешним нравам. Наркотиками не балуешься, алкоголем не злоупотребляешь? А ну да, ты ж спортсмен. Ну, тогда жди, скоро буду. Что-что? Аванс, хоть небольшой?

Опять вопросительный взгляд и чтение с моих губ слова «Хау?».

— А сколько тебе надо? Пары тысяч хватит?

И на это соглашаюсь. И даже больше. Вызываю бухгалтера, и оформляем документы на выплату аванса в размере трёх тысяч долларов.

— Наличными ему отдай, — выдаю под роспись в кассовом ордере приличную стопку купюр и бланк для получателя аванса. Бухгалтерия это очень муторное и заорганизованное дело.

— А зачем тебе контракт на три фильма? — безуспешно пряча пытливость, вопрошает Стив. — Хочешь три фильма снять?

— Нет, — у меня в планах только два. Три это я планирую с запасом. Не собираюсь вечно стричь купоны с «Терминатора», чем так любят заниматься в Голливуде.

— Обычное дело, Стив. На всякий случай. Вообще-то я просто планирую продать эти контракты. Так что этот пункт тоже в договор включи.

Стив понятиливо кивает. Раньше и в Америке было жёстко. Почти как сейчас в Корее. Контракт со звездой заключается на заре карьеры и на долгий срок. И если звезда вспыхивает ярко, то контракт, ещё вчера казавшийся роскошным, скукоживается до нищенского. Становится очень тесным. Так что я ещё добрая. Всего один фильм мой Арнольд будет батрачить у кого-то. Два — у меня. Но то, что в проекте два фильма, Стиву знать незачем.

Окончание подглавы.

Глава 10.2

4 сентября, воскресенье, время 10:20.

Агентство «Music Modern», репетиционный зал.

— А вот и ИнЧжон! — на моё объявление девчонки щебечут с удвоенной силой. И тут же требуют продолжения разнузданного фотовакханалии.

— ИнЧжон сниматься не будет! — объявляю я. — Слишком поздно пришла.

А то знаю я эти девичьи счёты. На птичий, то бишь, девичий гомон отвечаю веско и хладнокровно.

— А как вы с ней сниметесь? Вы уже выбирали себе пару. Кого-то будете заменять? Хотите обидеть кого-то? СонЁн? БоРам? Давайте сделаем одну общую и всё.

Снялись всей группой, и коронки, и фанатки. Переодеваться коронкам запретила и сама не стала. А то бы это дело на три дня затянулось. Зато теперь за полтора часа обязательная программа вознаграждения самых смелых фанаток заканчивается, и я выставляю их вон. Они действительно храбрые девочки. Кореянке позволить себя сфотографировать под юбкой, это нечто запредельное. Возможно, я даже недооцениваю их преданность.

— А можно мы ещё с вами побудем, ЮнМи-сии? — клянчит самая бойкая. Ага, аппетит приходит во время еды.

— Нельзя, — да, слабинку давать нельзя, иначе они нас до смерти затискают. — Вы что думаете, я просто так «Корону» собрала? У нас деловое совещание сейчас будет.

Бойкую утаскивают более скромные подружки. А чего им? У каждой будет плакат с двумя айдолами из «Короны» на выбор. Только на одном меня нет, кстати. И то, девочка очень разрывалась между мной, ДжиХён и ХёМин. Плакаты с нашими автографами получают в течение недели, и будет у них предмет зависти всех знакомых и друзей.

— Аннён, госпожа Агдан, — прощается и фотограф, сворачивая свои принадлежности.

12:30 закрытый пляж близь Иньчхон.

Девчонки поддержали моё предложение выбраться на свежий воздух. Порезвились на песке, поплескались в море, но недолго. Лично у меня настроения нет, слегка штормит, вода в лицо, нуегонафиг. Сидим в летнем кафе, обедаем. ЧжуВон и несколько охранников, что сидят поодаль, с нами.

— Нет, девочки, вы в Америку не поедете, — поделилась планами экспансии в США, девчонки сразу возбудились, теперь вот остужаю их пыл. — Ни японский, ни французский репертуар там не пройдёт.

— В Канаде есть франкофоны, — вставляет пять вон КюРи.

— Да, но Канада очень маленькая, — на мои слова КюРи фыркает, чуть не расплескав сок, остальные переглядываются. — Девочки, вы деньги получаете не с территорий, которые в Канаде огромные, а с людей. А население в Канаде до сорока миллионов не дотягивает, Корея и то больше.

Девчонки перестают улыбаться и переглядываться, с трудом укладывая рядом в голове плохо совместимые понятия: Канада и маленькая.

— Франкофонный Квебек ещё меньше, — добиваю я. — С точки зрения шоу-бизнеса Канада — ничтожная провинция, где нам ловить нечего.

— Франция вроде не намного больше Канады, — умничает БоРам.

— Франция вся франкофонная. Плюс Бельгия по-французски говорит, часть Швейцарии, Эльзас и Лотарингия... в Европе найдётся не меньше восьмидесяти миллионов человек, для которых французский язык родной или хотя бы не чужой.

Добиваем обед.

— Если кто-то из вас и поедет в США, то в виртуальной форме...

— ЮнМи! — перебивает БоРам. — В США много латинов!

— С одной «Перке те вас» нет смысла ехать, а больше у меня ничего нет. Вот эту песню, наш с ИнЧжон «Performance», что-то ещё, всё втиснем в один диск и «Sony Music» распространит по всей Америке, — лукавлю, есть у меня «Бессаме Мучо», но эту песню я придержу для себя. БоРам не вытянет. СонЁн так-сяк, процентов на семьдесят. Но я — на двести!

— Кстати, ИнЧжон! Дорабатываю «Performance». Он будет длиннее в два с половиной раза, надо репетировать. Ты в деле или искать тебе замену?

Конечно, она не отказывается.

— Так что, концертов в Америке ты давать не будешь? — спрашивает СонЁн.

— Буду. Но репертуар будет по большей части мужским. Мне мужские голоса нужны, причём местные, в Корее таких нет. Кордебалет до ума доведу, тоже повезу. Вам подтанцовку не предлагаю, для вас слишком мелко.

— Вот так и заканчивается карьера, — вздыхает ХёМин.

— Жизнь это не только карьера, — хандрить я им не дам. — Вот родишь детишек, представь, как они будут гордиться своей мамой, которая когда-то блистала на сцене. И не только в Корее, но и в Японии и во Франции.

— Да, — хихикает ДжиХён, — ты первая, ХёМин. Госпожа Агдан (мой долгий взгляд ехидна игнорирует) взялась за решение демографической проблемы, давай ХёМин, действуй.

— А ты?! — вмешивается БоРам. — Ты что, не будешь решать демографическую проблему?

— Будет! — строго говорю я. — Не рожать девушке с такими ножками это преступление против всей нашей кривоногой нации!

— ЮнМи!!! — хором обижаются за кривоногую нацию все коронки разом.

— Хорошо посидели, — говорю ЧжуВону уже в машине по дороге домой.

— Это поэтому они за тобой по всему пляжу гонялись? — ржёт пацак.

— Но ведь не догнали...

Девчонки перестали за мной бегать, когда я их спросила, следят ли за курсом датакоина. А он в последнее время снова резко начал прорываться вверх. И пару дней назад пробил уровень в сто долларов.

Усиленно бегать и при этом высчитывать барыши дело совершенно невозможное. Даже при умножении на круглое число. Тем более, на такое, с двумя нулями. Хихикаю при воспоминании, у них как-то разом ноги отказали, когда они поняли, что у них на руках почти миллион долларов, который они купили за десять тысяч. А у Борамки, маленькой и хитрой, два с лишним вечнозелёных лимона. А у кое-кого меньше. Например, у нахмурившейся ИнЧжон, которая протянула время и купила уже не за доллар (с маленьким хвостиком), а за полтора.

— Чжу, а ты в курсе, что мои датакоины сейчас на четырнадцать миллионов долларов

тянут?

Машина еле заметно виляет. ЧжуВону приходится делать усилие, удерживая себя и машину в руках.

— Ничего себе, у тебя резервы... — бормочет он. Три раза «ха», они ещё раз в двадцать-тридцать раз вырастут. Это сколько у меня будет? Миллиарда три-четыре? Хотя вряд ли. Вывод таких денег из датакоинов обрушит его курс. Но датакоины сами по себе можно использовать, как деньги. Собственно, это и есть деньги.

— И чего я их не купил, — опять бурчит пацак.

— Так купи, — хладнокровно советую я. — Тысяч на пятьдесят-сто. И балуйся с ними на бирже в свободное время. Датакоин будет расти, это долгосрочный тренд. Лет на пять, точно. При резких скачках вверх — продавай, при откатах — покупай. Хотя чего я тебя учу, сам знаешь.

5 сентября, понедельник, время 13:10.

Агентство «Music Modern», кабинет Агдан.

— Это чо за нахер!!! — непроизвольно перехожу на русский, он лучше всех подходит для таких вопиющих случаев.

Мой штатный адвокатик, ещё юный, хотя лет на пять старше меня. Несмотря на это съёживается на стуле. Даже привычная ко всему ЁнЭ старается слиться со своей тенью и не отвечивать.

Адвокат Чонг принёс известие из суда по иску в мой адрес. Заседание прошло в 10 утра. Довольно быстро, до обеда управились. И вот читаю текст иска, раз за разом, не веря собственным глазам. Не выдерживаю, вскакиваю со стула. Пометавшись в узком пространстве около своего стола, снова усаживаюсь.

— Он с ума сошёл, такую моральную компенсацию требовать, — понемногу успокаиваюсь. — Миллион долларов за два синяка!?

Так-так, вдохнуть и выдохнуть, ещё раз. Ничего страшного не случилось. Будем думать, что случилось и как быть дальше.

— Адвокат Чонг, как суд мог принять такую несуразную исковую сумму?

— Закон никак не ограничивает претензии истца, Агдан-сии, — кланяется адвокат. — На практике редко бывает так, что иск удовлетворяется в заявленном объёме.

— Как настроен судья?

— Судья настроен серьёзно, Агдан-сии.

Меня все называют «Агдан-сии», кроме нескольких приближённых лиц. ЁнЭ пользуется обращением «ЮнМи-сии», комендант ХоГин покровительственно и слегка фамильярно — «Юночка», то бишь «Юн-ян». Пока не наглеет, а он делает работу на совесть, позволяю.

— Что значит серьёзно? — мой вопрос ставит адвоката в тупик. Вмешивается ЁнЭ.

— У меня создалось впечатление, что он настроен против нас, ЮнМи-сии, — удручённо сообщает главный менеджер.

— Дайте мне самый вероятный прогноз об итоговом судебном решении, — требую от обоих. ЁнЭ кивает адвокату.

— Судья снизит исковую сумму. Сильно снизит. Скажем до двухсот или сотни тысяч долларов, — мою привычку мерить всё в долларах перенимают все мои работники. — Но решение будет в пользу истца.

Это просто & здесь какой-то! Как такое вообще может быть? Так, надо успокоиться. Пару минут молчим, опять вдыхаю-выдыхаю. Думаю под машинальное постукивание пальцами по столешнице.

— Решение такое. Адвокат Чонг, внимательно изучите всю судебную практику по присуждению моральных компенсаций. Какие-то принципы подсчёта, принимаемые судом во внимание, обоснования должны уже сложиться. Такая практика в судах Кореи вообще есть?

— Да, Агдан-сии. Не слишком широко, но уже несколько лет входит в судебную практику.

— Внимательно изучите подобные случаи, — обращаюсь к ЁнЭ. — Найди мне моего самчона и срочно ко мне.

Кажется, пришла пора поработать моему дядюшке по-настоящему. Не то, чтобы поиск и нейтрализация жучков по местам работы и отдыха ненужное дело, но это рутина.

Интересная у меня жизнь. Надо бы окончательно успокоиться и ехать в Хангук. Туда ещё должны прибыть человек от ГаБи. Мне нужен человек, чтобы приставить его к русской гимнастке, а забирать кого-то из профильных студентов нельзя. Окуну будущего индивидуального переводчика для Стресснер в языковую среду. Ей полезно будет, она и так русский изучает, но пока знает его на уровне бе и ме.

Сначала сделаю один звонок. Не люблю злоупотреблять связями. Не слишком умные люди меня не поймут. Как это не пользоваться блатом, когда он есть? Тупицы! Ладно, если услуги оказывает близкий родственник, там счёты не уместны. Но обычный знакомец быстро тебя в должники запишет. Так что грузить своих «связных» надо по-умному.

Соединяюсь, жду.

— Аньён, советник Ли, — голосок приветливый до крайности. После дежурных приветствий и обмена новостями приступаю к делу.

— Советник Ли, у меня к вам огромная просьба, — гипертрофирую услугу, тем самым обесценивая её. — При случае выскажите госпоже президенту моё крайнее недоумение.

— По какому поводу, ЮнМи?

— Не знаю, хочет ли она, чтобы вы были в курсе. Можете добавить, что если я имела неосторожность вызвать её неудовольствие, то она всегда может позвонить мне напрямую. Или без затей вызвать к себе.

— Кхм...

— Просто передайте дословно. Если вам не трудно.

— ЮнМи, это срочно?

— Нет, конечно. Можете вообще ничего ей не говорить. Вдруг такой возможности не представится. Госпожа президент — человек очень занятой.

— У вас всё в порядке, ЮнМи? — беспокоится советник.

— В полнейшем. Работы много, но всё идёт по плану. И возможно, президент ГынХе хотя бы вам скажет, чем я вызвала её раздражение? Я — понятия не имею.

Немного болтаем и прощаемся. Моя просьба не обязательна и не велика. Но он всё сделает. Не может не сделать, слишком заинтригован. И президентша будет в курсе, что на меня кто-то пытается наехать. Не сам же тот простачок до такого додумался.

5 сентября, понедельник, время 20:15

Особняк Агдан, кабинет ЧжуВона.

— Думайте, мужчины. Всё вам рассказала, — это я Чжу и самчону про судебный иск.

С дядей договорилась встретиться у нас. Давненько его не было, как раз и с моими пообщался. Особенно с мамой, пока мы с СунОк в спортзале занимались.

Чжу и ЮнСок переглядываются, дядя излагает, что он успел нарыть.

— Непонятная ситуация. Мой друг говорит, что судья был назначен вне очереди. У них там заведён порядок для распределения нагрузки. Порядок был нарушен. Мой знакомый осторожно поговорил с тем судьёй и выяснил, что ему Агдан сильно не нравится. Истцу он сочувствует, хотя вида, конечно, не подаст.

Дядя замолкает. Сижу в кресле, почёсываю блаженствующую Мульчу за ухом. Дядя всё время смотрит на меня со снисходительностью, смешанной с умилением. Работать ему это, слава ГуаньИнь, не мешает и ладненько.

— Похоже, судья в деле, — задумчиво изрекает ЧжуВон. Самчон кивает.

— Явно всё это контролируется кем-то очень сильным, — продолжает Чжу. — А кто у нас самый сильный, если Юне покровительствуют на самом верху?

— Кто-то из чеболей, кто же ещё, — озвучиваю общую догадку. Действительно, больше некому. Они в Корее делают что хотят, только друг друга и правительство во внимание принимают.

— Что будем делать? — мой вопрос вызывает тяжёлое молчание. Семья ЧжуВона на мою сторону не встанет, поэтому он и молчит. Самчон тоже никогда с чеболями в конфликтах не сталкивался. Но на вопрос отвечать надо.

— Заплатить придётся, — вздыхает ЧжуВон. — Не такую абсурдную сумму, не придётся. И апелляция не поможет, хотя мы её подадим.

— Дядя, а если мы после суда встречный иск подадим, сможешь организовать благосклонного к нам судью?

— Это тебе удобнее сделать, — тонко улыбается самчон. Да, натурально затупила. Конечно, мне удобнее. На поклон к ГынХе придётся идти, но убедительные слова я найду.

Обсуждаем и приходим к выводу, что так и придётся сделать. План простой: нас заставляют выплатить тысяч сто, мы в ответ ставим истца на миллион долларов. Запросим пять или десять. Аргументы для суда найду легко.

— Мульча, а как ты думаешь, — спрашиваю кошку, раз она здесь, пусть тоже внесёт лепту, — стоит нам заняться этим ненормальным, который на меня в суд подал?

— Мя-у-р-р-р! — соглашается Мульча. Самчон смотрит на неё с уважением. Чжу возражает:

— Не стоит нам отвлекаться на мелочи. Ясно, что этот парень всего лишь инструмент в чужих руках.

— Инструмент, имеющий свою волю, — не уступаю я. — Он согласился быть кончиком меча, которым бьют по мне. Почему бы мне не обломать этот кончик.

— Согласен с Юной, — поддерживает самчон. — Другие посмотрят на то, что с ним случится, и в следующий раз желающих нападать на Агдан не найдётся.

— Самчон, организуй это так, — излагаю свои соображения, дядя дополняет, ЧжуВон начинает ухмыляться. А когда я дополняю:

— Самчон, задействуйте «Sport steer» и другую жёлтую прессу. Я для них выделю до ста тысяч долларов в качестве премии. Если они хорошо сработают, заплатим.

ЧжуВон начинает ржать, аки молодой жеребец.

Чат «Цунами», сборище антифанов Агдан. Ночь и утро 6 сентября.

[**S] — Холь! Холь! И ещё раз холь! Нашёлся смельчак, решивший поставить эту дрянь на место!

[***] — Подробности, пожалуйста. Кто дрянь? Я догадываюсь, но назови имя, дорогуша. И кто этот смельчак, бросивший ей дерзкий вызов.

[**S] — Смелычака зовут Ю ХиГун. Его безжалостно избил охрана Агдан, когда он попросил у неё автограф. Парень подал в суд и потребовал моральную компенсацию в миллиард вон. Первое ознакомительное заседание состоялось. Тварь по имени Агдан сочла ниже своего достоинства появляться на заседании. Прислала адвокатишку.

[**2] — Смелычак не то слово. Слишком слабенько. Окончательно сбрендивший идиот, так будет точнее, кх-кх-кх...

[***] — А у нас что, демократии уже нет? Простой человек не может подать в суд на богатого?

[**2] — Дело не в богатстве. Агдан на своих врагах уже состояние сколотила. Интересно, сколько она с этого кретина денег срежет?

[**S] — Его поддержат. Он не один!

[**2] — Кто поддержит? Чем? Хотите организовать давление на суд? За это сами под суд попадёте.

[***] — Морально поддержим. Деньгами, если надо. Фонд организуем и скинемся. Лишь бы поставить эту выскочку на место.

[***] — Согласен. Эти богатеи совсем из берегов выходят. Избить прохожего только за то, что он автограф попросил?

[**2] — Во-первых, давно известно, что Агдан на улице автографов не даёт. Кому надо, идите в кафе её сестры «Морской прибор» и оставляйте заявку. Через пару дней получите. Оплата на сегодняшний день от двадцати тысяч вон. Во-вторых, идиота никто не избивал. Он понёсся на Агдан, как носорог. Она в это время оказывала первую помощь истекающей кровью девушке. Придурак наверняка сбил бы её с ног, не будь рядом телохранителей. Охрана остановила кретина, завернула ему руки, объяснила, что так нельзя, и отпустила. Ни разу его никто не ударил. Вот случайная запись от прохожих: (ссылка). Видео не очень ясное, но что-то понять можно.

[***] — Не может такого быть. С чего бы он тогда в суд подал, если его не избил? Там плохо видно, могли быстро и незаметно ударить несколько раз.

[***] — Суд во всём разберётся. И виновный будет наказан.

[***] — Виновная!

[***] — А мне интересно, почему Агдан больше не пишет песен для АйЮ?

[***] — Ёксоль! А что здесь делают юэйны? АйЮ с Агдан вроде подружки?

[**2] — Они не подружки. Они партнёры по французскому проекту. К тому же вы сами говорили, что написать песню может, кто угодно, главное — исполнение. Вот, кто угодно, пусть и пишет.

[***] — Слышала, что Агдан собирается в Америку. Тоже хочет флопнуться, как SNSD, кх-кх-кх...

[***] — Желает провала для Кореи? Ты против идей Халлю?

[***] — Она только компроменти... компрене... короче, позорит Корею.

[**2] — Да, позорит...;-) Грэмми получила, первая в истории кореянка, кстати. Гимн Парижу сочинила и подарила Франции. Орденом её там наградили. Японию тоже покорила. Все бы так позорили, кх-кх-кх...

[***] — Так не бывает! Даже талантливые люди годами и десятилетиями учатся, чтобы их заметили. А у этой раз! И готово. Не знаю, как она это делает, но это мошенничество.

[***] — Серьёзное обвинение. И справедливое...

[**2] — Да, ты прав. Даже талантливым людям нужны десятилетия, чтобы взобраться на вершину мастерства и славы. А хочешь, я тебе правду про Агдан скажу?

[***] — Ёксоль! Скажи. Если сможешь. Раскрой, кх-кх-кх, тайну.

[**2] — А вот «кх-кх-кх», это ты к чему? Не хочешь, не буду говорить. Это вам интересно, почему так происходит, а мы-то давно это знаем.

[***] — Холь! Не обращай внимания — говори.

[**2] — Не буду. Вы сами в шаге от того, чтобы догадаться. Если вы настолько тупы, что не додумались сами, то и говорить вам бесполезно.

[***] — Каком шаге? Ты о чём?

(пользователь [**2] покинул чат)

[***] — Щибаль! Заинтриговал и скрылся. Вот минчинном...

10 сентября, суббота, время 10:40

Аэропорт Инчхон

— Ориентируйтесь на два месяца, Стив, — это я отвечаю на его вопрос, когда я соберусь появиться в Америке.

— При таких сроках я всё сделаю, не торопясь, Юни, — усмехается режиссёр.

— Значит, качество должно быть непревзойдённым, — парирую я.

Мы стоим перед терминалом, у нас в запасе четверть часа, но их лучше провести в самолёте.

— Давай, Стив, а то опоздаешь. Если мы что-то ещё не обсудили, всегда можем связаться. По телефону или скайпу.

Стив приветственно поднимает сжатую в кулак руку и входит в остеклённый коридор, куда нас, безбилетников, уже не пустят. Не уходим до тех пор, пока таможенник не поставил штампа в паспорте Стива.

— Бай-бай, Стив! — громко говорит ЧжуВон, я машу лапкой.

В окружении могучих парней, такой тевтонской свиньёй, сквозь шёпотки пассажиров, прибывших и отбывающих, их провожающих, зевак из числа персонала идём на выход.

Со Стивом всё решили. И с кинокомпанией тоже. Кстати...

— Чжу, как там у тебя дела с кинокомпаниями? — пацак держит мою лапку в своих руках у себя на коленях. Сегодня он не за рулём. Как молодожён, честное слово! На вопрос начинает широко ухмыляться. Предвкушаю интересный рассказ и поощряю улыбкой. Давай уже, хвастайся!

Под, скорее, ощутимое, чем слышное шуршание шин, прокручивание придорожного ландшафта, — до размазанных полос вблизи и величавого движения вдаль, — довольный жизнью, супругой и прекрасным днём ЧжуВон начинает вести дозволенные речи.

— Можешь смело гордиться своим мужем, Юна!

— Горю от нетерпения загордится, — слегка даже ёрзаю на сиденье. ЧжуВон

награждает меня подозрительным взглядом и продолжает:

— Я на этих придурках заработал уже четыреста с лишним тысяч долларов. Будет на что тебя в ресторан сводить, кхе-кхе-кхе...

— Сколько кинокомпаний объездил?

— Семь, — ржёт ЧжуВон. — Потом пошёл по второму кругу.

— Когда это ты успел? — натурально, он шустрый.

— Дуплетом обрабатывал, — опять смеётся. — Загляну в одну, сразу еду в другую. Надоело до скуки. По одной схеме работаю, а она всё срабатывает и срабатывает. Скупаю чуточку акций, их цена поднимается, еду разговаривать с владельцами. Через сутки со стороны мощная интервенция по скупке, я в ответ сбрасываю свои акции по двойной или тройной цене.

На повороте меня прижимает к ЧжуВону. Аж грудью наваливаюсь, и не тороплюсь отлипнуть. Замужней даме не возбраняется с мужем пошалить. Поворот кончается, восстанавливаю статус-кво.

— Что думаешь делать? Продолжать?

— Не знаю, Юна. Стив улетел, вроде они должны понять, что вопрос с кинокомпанией как-то решён.

— Не обязательно. Они не знают, о чём мы с ним договорились.

— Как только он начнёт кинопробы, они поймут.

— Но ведь ещё не начал. Заработай ещё на несколько походов в ресторан.

ЧжуВон опять ржёт.

Вопрос с кинокомпанией решился сам собой. Случайно в разговоре с Икутой-саном упомянула эту проблему, чем чрезвычайно его поразила.

— ЮнМи-ян, — с ласковой улыбкой сказал Икута, — почему вы мне не сказали? Корпорация Sony давно уже приобрела парочку не самых маленьких кинокомпаний Голливуда.

Что я могла на это ответить? Только «о-о-о-о!». И второй раз «о», только намного протяжнее, когда он произнёс название компании, на которую мы смело можем рассчитывать. «Columbia Pictures», до сих пор в себя не могу прийти. Ничего страшного, что в мире Юркина фильм сделан «Метро Голдвин Мейер». «Коламбия пикчерс» тоже хорошая фирма. Мне обойдётся это в лишних полтора процента выручки в пользу Sony, но за это, а также хитрую улыбку Икуты, японцы отработают на сто двадцать процентов.

Конец главы 10.

Глава 11. Разные разности

21 сентября, среда, время 09:40

Аэропорт Инчхон.

— Вот она! — говорю ЧжуВону. Пацак навязался ко мне в компанию для встречи гостя. И если бы она была красивее меня, упёрлась бы всеми лапами, не хуже Мульчи.

Елена Стесснер выходит в зал из терминала и пробегает взглядом встречающих. Мы чуть поодаль стоим, правила поведения в общественных местах диктует охрана. Чтобы русская узнала меня, сдёргиваю вниз маску, снимаю тёмные очки и машу рукой.

— Елена! Иди к нам!

Лёгкая ошалелость на лице девушки сменяется облегчением и улыбкой. Тоже улыбаюсь. Мы одеты легко, хоть и в рамках приличий. Дресс-код охраны, к примеру, это обязательные чёрные костюмы. Но ткань тонкая, легко пропускающая воздух. Иначе не заметишь, как сварись летом на улице вкрутую. На русской гимнастке же плотные джинсы, демисезонная курточка, хоть и выглядит лёгкой. Снятый шарфик она держит на руке. Ясненько. В Омске конец сентября не самая тёплая пора. Хорошо, если выше нуля, но может быть и ниже.

— У вас тут жарко, — удивляется Елена после приветствий. По-английски она говорит довольно чисто, хоть и медленно. Видно, что сначала переводит в голове с русского. Вообще-то в здании аэропорта не жарко, но она успела получить ударную дозу жары на выходе из самолёта.

Охрана и ЧжуВон не сводят с неё глаз. Строго оглядываю их, парни смущённо отворачиваются, служба вылетела из головы, теперь возвращается. ЧжуВона приходится дёргать за рукав. Ты-то чего? — спрашиваю взглядом. — Давно европейских мордашек не видел?

Конечно, я их понимаю. Елена, на взгляд её земляков, просто симпатичная, не более, чем хорошенькая. Но у неё разрез глаз от природы такой, к которому корейки приходят после ювелирных пластических операций. Серо-голубого цвета, идеальный овал лица, прямой нос, светлые волосы, всё от природы на зависть сеульским девушкам.

— Как долетели, мисс Елена? — встречает ЧжуВон.

— Нормально. Только у нас снег с дождём, а у вас — жаркое лето.

— У нас осень в декабре начинается, — просвещаю гостью об особенностях местного климата.

Идём на выход. Я снова в тёмных очках и маске, но зеваки меня засечь успевают. И наш маршрут сопровождает возбуждённый шёпоток и концентрированный огонь взглядов.

Уп-с-с-с! Перед выходом на площадку перед зданием сгрудилась толпа. За стеклянной стеной бушует тропический ливень. Никакой зонтик не спасёт. Вырвет из рук, а струи воды лупят во всех направлениях. Да и нет у нас зонтиков.

— Это пи...ц какой-то, — бормочу про себя. Машинально и по-русски.

— Что? — уже по-английски спрашиваю вытаращившуся на меня Елену. Та вдруг начинает ржать, как кобылица. Даже слегка вульгарно, на мой взгляд. Но почему-то окружающие нас мужчины, — ЧжуВон, кстати, по комплекции и росту ничуть не уступает громилам из охраны, — слушают её с явным удовольствием.

— Спасибо, э-э-э... — еле справляясь с очередным приступом смеха, говорит девушка.

— Можешь называть меня ЮнМи-сии или госпожа Агдан, — объясняю, изо всех сил стараясь не краснеть. Без особого успеха. ЧжуВон смотрит на меня с подозрением. Меня подводит незаметно привязавшаяся ко мне привычка нецензурно ругаться по-русски. Всё равно никто вокруг не понимает, — разве что Мульча, — а душу облегчает мгновенно и кардинально.

— Спасибо, госпожа Агдан, — всё ещё улыбается Елена, — я прямо дома себя почувствовала.

— Проникновенье ваше по планете, — декламирую по-русски, — особенно заметно вдалеке. В общественном парижском туалете есть надписи на русском языке.

Девушка опять хохочет. Да так, что на нас начинают оглядываться. Увидев, что дама — европейка, понимающе улыбаются. Что с вегугинов возьмёшь?

— Там действительно есть такие надписи, госпожа Агдан... — давится хохотом Елена.

— Лучше «ЮнМи-сии», — изгоняю краску с лица и перехожу на английский, — это аналог русскому обращению по имени-отчеству. С уважением и без официоза. Суффикс «сии» даёт такой эффект, корейцы не используют имени отца. Кстати, как зовут твоего отца?

— Франц.

Точно, немка! Елена подтверждает. Елена Францевна, если точно.

— Прости, Юна, немного не понял, — подключается ЧжуВон, — наша гостья русская или немка.

От вопроса мы подвисаем обе. Переглядываемся.

— В России много национальностей, — объясняет Елена, — есть коренные, есть пришлые. Большая колония немцев появилась в России примерно триста лет назад. Между прочим, есть корейская община. Немного китайцев есть. Немного из европейских стран. Венгров, поляков, греков.

Всё равно не понимает. Вижу по глазам.

— Считай её русской немецкого происхождения, — моя попытка не увенчивается успехом, и я бросаю это безнадежное дело. — Считай её просто русской. Внутренние русские особенности во внимание принимать не надо. Мы не в России живём, чтобы в этом разбираться.

— Ой, дождь закончился! — говорит Елена, и через несколько секунд мы вливаемся в поток, выходящий на умытую, освежённую дождём улицу.

21 сентября, среда, время 11:35

Агентство «Music Modern», общежитие трейни.

— У моей семьи в Омске квартира чуть больше, — говорит после осмотра своих апартаментов Елена, — но мы там вчетвером живём.

О своей младшей сестре-старшекласснице она уже упомянула. Между нами девочками говоря, я постаралась для неё. Кухня маловата и душ общекоридорный, но там отдельные кабинки. Спаленка небольшая, опять-таки для одной чуть более, чем просто хватит. Сидим в гостиной.

— Иди в душ, — командую я, — приводи себя в порядок, сходим, пообедаем.

Мы с ЧжуВоном часто в ресторан на обед ездим, но не всегда. Агентство взяло под своё

крыло ближнее кафе ещё до меня. При мне мы его натурально оккупировали. Обеденное время официально назначено только для работников агентства. Не всех. Не всем по вкусу не совсем европейская, лучше сказать, европеизированная кухня. Главное отличие от корейской — малое количество специй. Трейни принуждены мной наполовину волонтаристским решением. Остальные, вроде ДжиХён, СонЁн и ЁнЭ, ходят туда по убеждению.

Владелец кафе страшно доволен. К нему заглядывают звёзды первой величины, что приманивает посетителей. Он для посторонних цены удвоил, охрана бдит, чтобы к нам не приставали, но посещаемость только возросла.

Пока Стесснер нежится под водными струями, звоню ЁнЭ.

— ЁнЭ, русская гимнастка прибыла, отправляй в Омск деньги.

— Хорошо, ЮнМи-сии. Приписку не меняем? Спонсорская помощь?

— Да.

Мы ещё поговорили, распоряжений хватает каждый день. Сегодня многое крутится вокруг Стесснер, у меня на неё большие планы.

21 сентября, среда, время 12:35

Кафе рядом с агентство «Music Modern».

— А простого хлеба нет? — вопрошает Елена.

Мы взяли на двоих жареного цыплёнка, салаты из морской капусты и ещё какой-то хрени, супчик на говядине, с рецептом максимально приближённым к русскому. А вот с хлебом... иду на раздачу и беру булочки. Совсем не то, но самое близкое по вкусу. Некогда мне заниматься выпечкой. У себя дома я делаю, мне хватает.

Елена прожёвываёт с гримасой сомнения. Ну, да. Это не славянская кухня.

— Лена, а ты ничего не привезла из дома? — получаю недоумённый взгляд в ответ. — Я, когда бываю в России, хотя бы транзитом, всегда везу домой полтора-два пуда всяких разностей. Солёное сало, тушёнка, маринованные грибы, помидорчики, и всего по мелочи, что под руку попадётся. Ничего не привезла?

Не привезла. Облом. Вздыхаю разочарованно. Елена смеётся.

Спустя час. Репетиционный зал.

<https://www.youtube.com/watch?v=LpVDUFFY4G0>

— Девочки, присядьте пока, — командую девчонкам, — отдохните минут десять.

— Что скажешь, Лена? — скрываю улыбку, глядя на её реакцию. — Это мои трейни, собираюсь делать из них танцевальную фронт-группу агентства. «Люкси гёрлс», — кордебалет, шоу-балет, пока не дала полное название.

— Что я могу сказать, — Лена подыскивает слова, — ваши национальные особенности пока не знаю, возможности девочек мне неизвестны, в шоу-бизнесе мало что понимаю...

Молча жду, гляжу на неё в упор, не моргая.

— Не знаю, что говорить, — Лена окончательно теряется. — А нельзя других посмотреть?

От собственной последней фразы Лена аж краснеет от смущения.

— Не хочу сказать, что...

— Лена! — останавливаю её жестом и тоном. — Некого больше смотреть. Всё намного хуже, чем ты думаешь. Ты можешь не верить, но перед тобой красивейшие девушки Кореи. Вот такого жалкого уровня. Лучше не найдёшь!

Девушка окончательно теряется от моей категоричности.

— Если увидишь красивую азиатку на улице на стройных ножках, можешь быть уверена. Это тайка, филиппинка, вьетнамка или, на худой конец, метиска. Красивее этих ты не найдёшь во всей Корее. Кстати, трое из них метиски. Ты угадаешь, кто это, когда выберешь самых хорошеньких. Учти, что они ещё и пластику делали. Все.

Лена сидит придавленная, как каменным завалом, неожиданной правдой о корейках, выложенная корейкой, бесспорно корейкой, внешний вид которой абсолютно опровергает её же слова.

— А вы?

— Я — редчайшее исключение, генетическая аномалия. Возможно, счастливая мутация. Или, как там ваш Михаил Булгаков говорил? «Вопросы крови — самые сложные вопросы в мире», так? Непонятно, откуда у меня синие глаза взялись. Есть версия, что по крови я восхожу к королеве Мён СонХва, убитой японцами около ста лет назад. По легенде она была голубоглазой.

Что-то слишком много я за один раз на бедную девочку вываливаю. В конце концов, она не из интеллектуальной элиты, а спортивной. Вон, как её упоминание о Булгакове придавило. По глазам вижу, не помнит, откуда эта фраза о вопросах крови.

— Давай вернёмся к теме. О национальных особенностях и всём остальном чуть позже. Мне интересно твоё мнение, как стороннего специалиста, о потенциале девчонок.

— Давай по-другому спрошу, — придумала, как перевести с русского на русский. — На какое место они могут рассчитывать на чемпионате России по художественной гимнастике?

Теперь Стесснер втыкает в меня немигающий взгляд.

— Они же не гимнастки!

— Не важно. Ориентируйтесь исключительно на фактуру, — меня не собьёшь. — Внешний вид и культуру движений. Считайте, что техникой владеют на уровне, позволяющем добиться заметного успеха.

— Девочки миленькие и раскованные...

— Лена, мне реверансы не нужны, — усиливаю нажим, — мне правда нужна.

Лена задумывается.

— На Всероссийском чемпионате они ничего не займут. Хорошо, если в середину пробьются. На региональном конкурсе...

— В Омской области?

— В Омской области им точно ничего не светит, — улыбается Лена. — Нет. Где-нибудь в Челябинской или, того лучше, в Казахстане они могут пробиться на третье место. Если займут первое — я удивлюсь.

Затупила я насчёт Омской области. Если там такая школа, то моим действительно нечего делать.

Открывается дверь, в зал заходит невысокая худенькая девушка. Ли ХинГи. Лицо освещается улыбкой, когда она замечает нас. Подходит, кланяется.

— ЛеНа-сии. ХинГи-ян, — представляю девушек друг другу. Лена улыбается.

— Сдрастуте, ЛеНа-сии, — с трудом выговаривает ХинГи.

— Лена, это твоя переводчица и помощница. Она учит русский язык третий год, но ни

черта в нём не понимает, — мою правоту ХинГи подтверждает лучезарной улыбкой, в которой нет ни тени укоризны. — Лучшего у меня ничего нет. Извини, я сейчас проинструктирую её по-корейски.

— ХинГи-ян! За эту работу будешь получать пятьсот тысяч вон в месяц. Когда увижу, что справляешься хорошо, зарплату тут же удвою. В университете договоришься, что проходишь практику с носителем языка. И всё возможное для себя время проводишь с ней. Договоришься о рабочем графике. Девочки!

Зову группу, выстраиваю перед собой в ряд. Сами мы сидим, ХинГи садиться не смеет.

— Кто хорошо знает английский?

Неуверенно поднимает руку одна. Остальные грустно переглядываются, английский язык ведь такой трудный!

— Вот, Лена! Если рядом нет ХинГи-ян, общаешься через неё по-английски.

Тут выясняется, что у Лены нет планшета.

— Как раз для тебя работа, ХинГи-ян, — пишу записку для ЁнЭ, выделить три миллиона вон на покупку планшета или ноутбука для Стесснер и прочие расходы.

— Лена, выберешь с ней и купишь. Учти, это твои деньги, вычту с зарплаты. Я тебе её как бы авансом даю, — о зверином оскале капитализма забывать нельзя, денежки — врозь, как говорится.

Потом немного подумав, смягчаю позицию.

— Ладно. Раз тебе для работы надо и вообще... считай это подъёмными. Планшет и смартфон будем считать твоим рабочим оборудованием.

И-э-э-х! Спошные расходы...

22 сентября, четверг, время — 10:45.

Сеул, окружной суд Намьянджу

— Господин Ю, — мне не надо играть, мой голос и без сух, как ветер над Сахарой, — объясните мне и суду, по какому принципу вы насчитали такую несуразную сумму моральной компенсации?

Рот господин Ю открыть не успевает. Я продолжаю:

— Любой подсчёт должен вестись на какой-то основе и подчиняться хоть каким-то правилам. Вы говорите, что ваш ежемесячный доход четыре миллиона вон? Прекрасно. Допустим, чисто теоретически, из-за моральной травмы ваша производительность труда упала наполовину. Но тогда выходит, что вы наполовину выведены из строя на целых пятьсот месяцев. Это почти сорок два года...

Первый раунд начинаю я. После всех формальностей начала заседания беру слова. Судья, кажется, действительно, настроен ко мне неприязненно. Зачем-то спросил, почему меня не было на первом заседании, хотя необходимые полномочия мой адвокат имел. Пришлось дать отповедь. Первое заседание, оно ведь техническое, а не по сути дела. Так что и личного моего присутствия не требовалось.

— Закон позволяет присылать своего представителя, — пожала плечами. — Иначе, за что он зарплату получает?

Симпатий со стороны судьи мне это не добавило. Но подозреваю, что зарабатывать у него баллы —дохлый номер.

Истец мне тоже не нравится. В том смысле, что он какой-то непробиваемый. Уже давно

от меня к его голове тянется тоненькая зелёная ниточка, которую вижу только я. Поэтому его эмоциональное состояние для меня не тайна. Если кратко, ему всё по барабану, переполнен уверенностью в завтрашнем дне. Прав ЧжуВон, за спиной у него мощная поддержка, он не сам по себе.

Давно успокоилась, поэтому играть буду хладнокровно. Риски, в общем-то, понятны. Ну, заплачу миллион долларов в самом худшем случае. Тут же выдвину ответный иск и постараюсь содрать ещё больше или хотя бы вернуть утраченное. Фокус с карманным судьёй я тоже могу проверить. Дурное дело не хитрое.

— Итак, господин Ю. Вы пытаетесь приравнять синяк на руке и чувство оскорблённости от жёсткого обращения к реальной инвалидности? Так, будто вы потеряли руку или ногу?

Вид у истца нагловатый, типа, мели, Емеля, твоя неделя. Вхожу в азарт.

— Скажите, господин Ю, у вас есть какие-нибудь документы, обосновывающие такую огромную сумму?

В ответ — недоумённый взор. Объясняю.

— Например, справка от врача-психиатра о том, что ваше психическое состояние близко к критическому. Или, например, приказ о вашем увольнении с места вашей работы вследствие невозможности выполнять свои служебные обязанности из-за синяка на руке.

Из зала раздаются смешки. Судья стучит молоточком.

— У вас всё, госпожа Агдан, — судья смотрит на меня строго и неподкупно.

— Как же всё, господин судья? Истец не ответил ни на один мой вопрос.

— Истец, отвечайте на заданные вопросы, — неподкупный судейский взор обращается к моему оппоненту.

— Я их не понял, господин судья, — спокойненько отвечает Ю ХиГун.

— Могу упростить, — любезно предлагаю я, — вопрос первый: вы продолжаете работать на прежнем месте? У начальства к вам есть претензии?

О! Кажется, это сильный удар. До нокдауна и, тем более, нокаута далеко, но чувствительно.

— Работаю на прежнем месте. У начальника претензий ко мне нет.

— И это замечательно. Значит, этот маленький инцидент с попыткой взять автограф не нарушил вашего психического равновесия?

Молчание. Пауза затягивается. Всё-таки истец успевает опередить судью, собравшегося его поторопить.

— Нарушил. Но на качестве моей работы это не сказалось.

— Справка от психиатра о вашей моральной травме у вас есть? Вы предоставили её суду?

— Нет, — хмуро зыркает на меня истец.

— Тогда возвращаемся к первому вопросу. На каком основании вы исчислили такую гигантскую сумму моральной компенсации?

— Я как-то читал, что одна американская актриса отсудила у пластических хирургов миллион долларов, — объясняет истец. — Объяснила это моральным дискомфортом от того, что её пупок сместился на полсантиметра.

В зале шум, судья опять стучит молотком.

— Вы имеете отношение к шоу-бизнесу? — в моём вежливом голосе судья усматривает ядовитые нотки.

— Госпожа Агдан, вам известно, что к шоу-бизнесу истец не имеет отношения.

— Прекрасно. Тогда почему, господин Ю, вы приравниваете себя к голливудской актрисе? Тем более вам никто не сместил пупок на сторону.

В зале откровенный жизнерадостный смех. Да, в зале есть мои фанаты. У судьи кончается терпение и по его команде охранник выводит самого весёлого фаната из зала.

— Я жду ответа, господин Ю.

— Чем я хуже американской актрисы, — бурчит истец, — все люди равны.

— Все люди равны, — не согласиться нельзя, — но есть профессиональная специфика. Требования актрисы обоснованы. Я сама работала айдолом и моделью и знаю, что в кино и шоу-бизнесе важен каждый сантиметр и каждый килограмм. У вас на работе такая же специфика?

Какой-то он тормознутый. Смотрит вопросительно.

— Вас оштрафуют на работе, если вы прибавите в весе на пару килограмм или явитесь туда, прихрамывая после какого-нибудь падения?

— Нет, — приходится ему так отвечать. Вопрос на уровне риторического. Ответ «да» может вызвать улыбку даже у судьи.

— Вот и разница между вами и американской актрисой. Её безупречный внешний вид — профессиональная необходимость. Для вас это не так. Поэтому ссылка на прецедент с американской актрисой — чистой воды спекуляция.

— Итак. Я повторяю вопрос, потому что вы так и не дали удовлетворительного ответа. На каком основании вы требуете миллиард вон в качестве компенсации?

На помощь припёртому к стенке истцу приходит судья.

— Позвольте, госпожа Агдан, суду решать, удовлетворительный ответ дал истец или нет.

Пришлось позволить. Но на этом развлечения не заканчиваются.

— Господин судья, позвольте представить материалы, доказывающие профессионализм моей охраны и полную неадекватность поведения истца в том инциденте?

Милостиво позволяет. Мой адвокат, который сегодня исполняет роль секретаря, уходит к судейскому секретарю с флешкой. В интернете есть всё, доморощенные папарацци не оставляют без внимания ни одного моего шага на публике. Уже имела удовольствие наблюдать себя с окровавленными руками. Может сложиться впечатление, что это мои руки поранены.

После короткой возни с флешкой на большом экране на боковой стене наблюдаем не слишком качественную съёмку. Что они могут, любители? Но происходящее распознать можно. Тем более с пояснениями моего адвоката на паузах.

— Мы вычислили примерную скорость передвижения истца, — поясняет мой адвокат. — Она около шести метров в секунду. Остановили его на расстоянии чуть более метра. Любой человек согласится, что мужчина комплекции истца легко собьёт с ног хрупкую девушку. Довожу до сведения суда, что вес госпожи Агдан всего пятьдесят четыре килограмма...

Чо, правда?! Вот блин, я и корова! Хотя в зеркале вроде всё хорошо. А, ну да... у меня же бёдра раздались на три сантиметра и грудь на пару. При той же талии, хи-хи...

— Так что мы считаем, что действия охраны госпожи Агдан вполне оправданы, — заканчивает адвокат.

Кстати, надо премию выписать парням за чёткие действия. Чтоб не думалось, что они

меня подставили. И поднадоедает мне этот судебный цирк. Примерный план действий примерно сложился. Вот по этой диспозиции и будем действовать. Истца, так или иначе, стираем в порошок. Чтоб больше никому неповадно было. Меня больше заботит, кто за ним стоит? Так и не обозначили они себя. Ясно только, что кто-то из чеболей. И кто? Самчон роет землю, но пока ничего. Когда он выйдет из суда, ему опять прицепят хвост. Вряд ли будет толк, но вдруг?

— Должна предупредить, господин судья, — говорю в конце заседания, — в дальнейшем мою сторону будет единолично представлять адвокат Чонг. Я, скорее всего, не смогу принять участие в следующих заседаниях.

— По какой причине? — холодно интересуется судья. Он что, больной? Не понимает, что люди моего рода деятельности свободного времени почти не имеют?

— По причине интенсивной подготовки к зарубежным гастролям. В Соединённые Штаты Америки.

Судья сверлит меня немного взглядом, но сказать что-то скептическое после упоминания Америки не смеет. Объявляет заседание закрытым.

— Адью, мон шер ами, адью... — про себя, но слышно для тех, кто поблизости, напеваю я. Очень мелодично. Обычно я пробую голос в разных режимах, когда меня не слышат, но бывает и так. Судья бросает на меня прощальный и очень подозрительный взгляд.

Здесь мне охрана не нужна. Окружающие фаны восторженно хлопают моим напевам, берут в плотное кольцо и торжественно сопровождают на улицу.

Окончание подглавы.

Глава 11.2

23 сентября, пятница, время 08:55

Агентство «Music Modern», личный зал для занятий.

— О, небесные апельсины! — стонет ИнЧжон. Круто я модернизировала «Performans» В первоначальном варианте есть один момент, примерно на 53-й секунде, когда интенсивность и размах движений достигает такого уровня, что очертания рук размазываются в полосы.

<https://youtu.be/1Q-4dOI7Blo>

Момент очень короткий, вот его я и удлинила. Если считать с паузами, когда мы меняем основную позицию, полторы секунды мы догнали до минуты. Людям со слабым сердцем повторять и даже смотреть не рекомендуется. Кстати, надо не забыть о такой предупреждающей записи в клипе. Дополнительный интерес гарантирован.

Дышу тяжело и удовлетворённо. Пожалуй, танец можно использовать в качестве утренней зарядки или короткого тренажа в течение дня. В нашем с ИнЧжон темпе это не танец, а соковыжималка. Мы с ней за полчаса наверняка по килограмму потеряли.

— Вчерне вроде готово, — прокручиваю видеозапись, тычу пальцем в экран, — вот в этот и... этот момент чуточку налажали. Давай медленно.

Медленно — не быстро, ИнЧжон вздыхает и покоряется судьбе. Через сорок минут решаю, что мы достигли удовлетворительного уровня. Теперь закрепление, а завтра — съёмки начисто в павильоне. Теперь переодеваться и за организационные вопросы.

— Аньёнхасейо, саджанним, — звоню в МВК, мне от них кое-что нужно. И приступак к делу почти сразу.

— Саджанним, я хочу купить у вас «Кару».

Долго присматривалась к этой группе. Ножки не у всех идеальны, но полагаю, с использованием возможностей аватара богини, так сказать, с божьей помощью и работой другой богини по имени Лена, дело поправимо. Тем более, по корейским меркам они красотки. Огромный плюс у них имеется. Они все примерно одного роста. На самом популярном их постере крайняя справа выше остальных сантиметра на три. Это видно по тому, что она в босоожках на тонкой подошве, а остальные на платформе.

Ножки не у всех идеальны, хм-м... да только у одной приличные, а не идеальные. Это я в разговоре с президентом МВК продолжаю глядеть на Кару, красующуюся на большом экране.

— Миллиард вон, — смысл слов крайне невозмутимым тоном даже не сразу доходит до меня.

— Простите, саджанним, не поняла, — всё-таки я крута, быстро очухиваюсь, — вы хотели сказать миллион?

— Ха-ха-ха, ах, госпожа Агдан, я слышал, что вы любите пошутить, — в смехе президента почти не ощущается налёт принуждённости.

— Не я одна, судя по всему, — бурчу я. Сама уже раздумываю, сразу сбросить разговор или сначала вежливо распрощаться. Ладно, не будем рубить сплеча.

— «Кара» это дыра в бюджете вашего агентства. Предлагаю за их контракты пятьдесят миллионов.

— Ну, что вы говорите, госпожа Агдан! — искренне возмущается президент. — Миллиард вон это всего лишь неполная компенсация расходов на эту группу...

— Не собираюсь вам ничего компенсировать, саджанним, — отрезаю жёстко, — ваши издержки останутся при вас. Я могу лишь предложить то, что предложила. Взять на себя риски продвижения флопнувшей группы.

«Кару» действительно какой-то рок преследует. Только после последнего концерта агентство нехотя признало, что группа кое-как вышла в ноль. И мерч расходится туго.

— И всё-таки ваше предложение слишком мизерно, — президент тон сбавляет, и можно бы поторговаться, но не собираюсь время тратить.

— Хорошо. Сто миллионов и время на раздумья — до обеда. Если до 13:05 я не дождусь от вас согласия, предложение снимаю.

— Ук. Я согласен, госпожа Агдан, — вдруг сдаётся президент. — Только из уважения к вам.

Мы быстро сговариваемся, что сразу после обеда я заезжаю в МВК и мы всё оформляем. Командую ЁнЭ зарезервировать деньги в финотделе и... гляжу на часы. На обед пора, а ЧжуВон не отзвонился. Значит, в нашем кафе пообедаю.

23 сентября, пятница, время 12:15

Агентство «Music Modern», кафе рядом.

— Мне кажется, ты зря это делаешь, — замечает ДжиХён, поедая куриный супчик. — «Кара» — мусорная группа. Про тебя будут говорить, что ты отбросы собираешь.

ЁнЭ помалкивает, но насколько могу расшифровать её молчание, она тоже сомневается. ДжиХён постепенно становится моим советником по бизнесу. Ничего против не имею, только не решила пока, она — компас или антикомпас. Есть люди, которые полезны вредными советами. Их и называю антикомпасами. Они всегда советуют то, чего ни в коем случае делать нельзя. Другое решение тоже может оказаться неудачным, но может и нет. А вот их совет обязательно приведёт к поражению.

— Посмотрим, — пожимаю плечами. — Если не продвинутся, как популярная группа, то просто включу их в кордебалет. Если ты не заметила, их рост и сложение попадают в их общий стиль.

— И вообще... знаешь, ДжиХён, есть цветы, которым нужна высокая влажность и жара. А другим прохлада и сухость. «Кара» это тот цветок, которому суждено расцвести у меня. Такое у меня чувство.

Чего ДжиХён не знает, да никто не знает, даже ЧжуВон, что у меня есть чит, которого нет ни у кого. Чем больше всего горжусь, так это тем, что это моё собственное изобретение. Не возможности, подаренные ГуаньИнь, а инструмент, созданный моими руками и мозгами.

Всё, как часто бывает, началось с вопроса, с загадки. Почему корейский поп, от которого местные приходят в экстаз, в Европе и Америке вызывает лишь недоумение? Это в лучшем случае. Какие-нибудь монгольские напевы не интересны никому, кроме этнографов и самих монголов. Много месяцев я копалась в огромной куче корейской музыки, современной и фольклорной. И не зря копалась. В итоге составила карту, не менее, чем четырёх измерений. Так что поместиться она может только в моей голове. В компьютере только плоские срезы и сложные схемы.

Есть характерные для каждого народа музыкальные, а бывает, и шумовые ритмы и

фразы. Родные напевы, так сказать. Услышав их в любой обработке, человек на инстинктах признаёт их своими. И раскрывается для восприятия. После этого его намного легче унести. Музыкой. Корейская карта у меня готова. Французская почти готова. Основной ключ к французам — шансон. Заканчиваю японскую карту.

С европейцами в целом проще и сложнее. Европа — родина классической музыки. Весьма разнообразной, изрядной частью восходящей к церковным мелодиям. Орган и все остальные дела. Сложность взаимодействия с фольклором разных народов парадоксальным образом упрощает дело. Многообразие даёт огромный простор для полёта фантазии.

С Америкой тоже понятно. Там великое множество культурных пластов разных народов и социальных групп. Байкеры, панки, чиканос, негритянские гетто. У всех своё. Опять же кантри...

— Что? — за своими мыслями пропускаю мимо ушей слова ЁнЭ.

— Ты на девятом месте в международном рейтинге «The 100 Most Beautiful Faces» за прошлый год, — повторяет ЁнЭ. (<https://youtu.be/1UeJcSlVrd0>)

ДжиХён еле заметно кривится. Этот рейтинг нам известен, несколько лет назад вошёл в силу. Очень престижный и, по слухам, неподкупный. Надо же, а я не знала. Подколоть ДжиХён?

— А ДжиХён на каком? — всё-таки спрашиваю. ДжиХён кривится уже заметно.

— Ни на каком. Её там нет, — хихикает ЁнЭ и добивает мою секретаршу в ноль, — и никогда не было.

— Зато я до сих пор в национальном рейтинге в десятку вхожу, — ДжиХён обретает прежнюю невозмутимость. — А было время, когда месяцами первое место занимала.

— Там на первом месте ты и должна быть всё время. В «Агдан корпорейшн» всё должно быть самым лучшим. Надо будет с тобой поработать, — допиваю свой сок и встаю.

23 сентября, пятница, время 12:45

Агентство «МВК», кухня-столовая общежития.

— Девочки, ваши похоронные лица меня уже наизнанку выворачивают, — заявляет главная красotka группы ХаРа. — Наше последнее выступление всё-таки вышло, хоть и в слабый, но плюс.

— Слабым плюсом сыт не будешь, — вздыхает Николь.

Остальные лицами и вздохами подтверждают её правоту. Малокалорийный десерт приканчивается молча.

Заходит строгий подтянутый мужчина средних лет, менеджер группы.

— Девочки, сразу после обеда к президенту.

Дождавшись поклонов и нестройного хора голосов «Да, господин менеджер», «Хорошо, менеджер ЛюБин», мужчина уходит.

— Ёксоль! — выражает общее мнение ЁнЧжи. Что-то будет. Конец карьеры, расформирование группы? Что бы ни было, точно ничего хорошего...

Через пятнадцать минут ЛюБин выглянул из кабинета, строго оглядел притихших девушек и сухо скомандовал:

— Входите.

Гуськом и бесшумно, чуть ли не на цыпочках, девчонки втягиваются в кабинет под взыскующий взор президента Ким КванСу. Сесть он им не предлагает.

— Девушки, у агентства с вами огромные проблемы. Мы возлагали на вас такие надежды... — президент возводит на мгновение очи к потолку, — и казалось, что не зря. Сколько на вас потрачено времени, денег и сил...

Президент горестно качает головой. Менеджер ЛюБин поддерживает шефа скорбным выражением лица. Девушки покаянно вздыхают.

— Мы стараемся, сонбеним...

— А какие надежды вы подали дебютным выступлением. Появились фанаты, мерч продавался неплохо. И такой бледный концерт позже. И вся ваша карьера получается какой-то ненадёжной. То вверх, тут же вниз. И так всё время. Всё время вы спотыкаетесь. Что мы только не делали, два раза состав меняли. Девочки!

Президент внезапно останавливает свои речи, до чего-то додумавшись.

— Девочки, а вас случайно не прокляли?

Девчонки переглядываются, задумываются, пожимают плечами. Проклятый далеко не всегда знает, что он проклят. Вот и они не знают. Вроде никому ничего плохого не делали, — написано на их лицах. Зато лицо ЛюБина озаряется пониманием, он восхищённо смотрит на шефа. Вон оно что, оказывается!

Президент задумывается. Зря девушки считают, что его тяготит озабоченность их судьбой. КванСу подсчитывал итог. Всё-таки что-то он получил за время работы группы. Неnamного, но расходы на группу отбиты. Так что деньги Агдан — небольшая, но приятная премия. Надо бы ещё что-нибудь выторговать кроме неё.

— Я нашёл решение, девочки, — торжественно объявляет президент. — Ваша жизнь круто изменится. У вас будет новый продюсер, новое руководство и... другое агентство.

Проблеск надежды на лицах девушек сменяется полной растерянностью. Но подробности услышать они не успевают. Звонит внутренний телефон, президент снимает трубку, коротко командует: «Пропустить!» и тут же кладёт.

Через минуту заглядывает секретарша, КванСу не ждёт её доклада, делает приглашающий жест. В кабинет решительно входят две девушки. Та, что впереди, нереальной для Кореи красоты, с узнаваемыми многими в мире и всеми в Корею яркосиними глазами.

— Аньёнхасейо, саджанним, — коротко кланяется Агдан, скользнув почти равнодушным взглядом по «Каре». Её помощница кланяется более почтительно. И даже девушкам-айдолам. Те отвечают более глубоким наклоном всего корпуса. Терпеливо дождавись конца ритуала и приглашения сесть, Агдан располагается рядом с КванСу напротив менеджера ЛюБина, которого ей представляют.

— Вы уже сообщили девушкам?

— Не успел, минуты не хватило, — дежурно улыбается КванСу.

— Девушки, отныне вы работаете в моём агентстве, — поворачивается на секунду к «Каре» Агдан. — Я выкупаю ваши контракты.

— Саджанним, — Агдан поворачивается к коллеге, — думаю, их можно отпустить.

КванСу одним жестом выпроваживает девушек. Напоследок они, ошеломлённые быстротой судьбоносных событий, слышат слова Агдан.

— Девушки, собирайте вещички, минивэн уже здесь и отправляйтесь в «Music Modern». Меня можете не ждать. Там поговорим.

Агентство «МВК».

Спускаемся с ЁнЭ по лестнице в холл и на выход. ЁнЭ тащит кипу папок, личные дела «Кары» и контракты. Обычный стандартный по-корейски рабовладельческий контракт на семь лет. Почти три уже отбарабанили. Менять в части распределения доходов не буду. Никто не помешает мне заплатить больше, если захочу. Добавлю разрешение на отношения, обязательства по охране и социальные гарантии.

Сами документы прочесть не долго. Тем более параллельно с ЁнЭ. Но КванСу возжелал десерта к выкупу.

— Вы же всё равно будете менять имидж группы, — осторожно и вкрадчиво спрашивал президент, — оставьте нам право реализовывать мерч на группу в течение месяца.

— С выплатой полагающихся девушкам процентов?

— Конечно, — КванСу убедительно изображает возмущение самой постановкой вопроса.

— Это последнее ваше пожелание, — взглядом даю понять, что перегибать не стоит, деньги пока не перечислены, так что в любой момент...

Он всё понял правильно.

— Всё, как договорились! — заверяет КванСу.

Только когда мы всё подписали, сделала прощальный подарок.

— Можете сообщить на сайте о переходе группы под моё крыло.

Для тех, кто понимает, действительно царский подарок. Крупное событие в жизни группы всегда привлекает внимание, что отражается на продаже мерча. Если КванСу не дурак, то сумму выкупа за группу он удвоит. Не бог вещь что, но курочки по зёрнышку клюют. А некоторые из них затем золотые яички несут.

— А вы чего не уехали? — удивляюсь присутствию группы, заполнившей минивэн баулами.

— Мы только десять минут, как вышли, — кланяются девушки, — решили вас подождать.

Ну, так даже лучше.

23 сентября, пятница, время 14:35

В машине по дороге из агентства «МВК».

— Что-то мне не по себе, девочки, — Гюри в полном смятении от крутого поворота судьбы.

— Сонбе, было плохо, может, теперь станет лучше? — подаёт голос оптимистка СонХи. — Я слышала, что Агдан даже отношения разрешает.

Мгновенье все борются с инерцией поворота машины, потом Николь скептически кривится.

— Врут! Так не бывает.

— Посмотрим, — философски комментирует ХаРа. — Недолго осталось.

— А что ты думаешь? — высовывает любопытную мордашку ЁнДжи. — Для нас переход чем обернётся?

— Насколько я знаю, все, кто к Агдан прикоснётся, оказываются в шоколаде, — отвечает ХаРа. — И ещё она женщина и будет лучше нас понимать. Помните, как в самом

начале менеджер морщил лоб, когда мы ему пытались объяснить про критические дни?

— Хи-хи-хи, тогда у нас совсем молодой был... неженатый, — все хором смеются.

— Я помню, как она «Корону» подняла, — встревает СонХи, когда все отсмеялись.

— Тоже помню, как ты им завидовала, — начинает потешаться Николь.

Пока девочки веселятся, ХаРа погружается в воспоминания. Она как-то случайно подслушала разговор президента КванСу с главным менеджером. «Корона» тогда опередила «Кару» в Японии. МВК тоже планировал эстрадную экспансию на островную соседку. Нельзя сказать, что FAN обошёл их на повороте. Ни в коем случае. Руководство МВК только раздумывало, а потом наблюдало за успехом «Короны» со сложными чувствами. Радовались их победам, но не очень-то желали их. «На их месте должны были быть мы», — примерно так думали КванСу и «Кара» независимо друг от друга.

Машина аккуратно скинула скорость и завернула с дороги. Водитель повернул голову.

— Девушки, мы приехали. Выходите.

Послушным табунчиком девчонки проходят в холл вслед за Агдан и её помощницей. Чуть задержались на вахте. Пришлось подождать, пока не закончится краткий разговор с охранником. Пропусков-то у «Кары» нет. Сделав недовольный и начальственный вид, важный аджосси всё-таки пропускает девушек.

Пока девчонки пересекают холл, поднимаются по лестнице, непроизвольно оглядывают обстановку. Функционально всё то же самое, ну, лестница не прямо, а сбоку, лифт только грузовой. И общежитие — родной брат их покинутого места обитания.

В центральном холле все девочки дружно спотыкаются, замирают на мгновение. По диагонали помещения, выйдя из бокового коридора, мимо них лёгкой походкой тренированной танцовщицы проходит нереальная красавица-европейка.

Окинув девчонок коротким взглядом и обменявшись с Агдан парой фраз на незнакомом языке, высокая красавица уходит на лестницу.

— Не поняла, какого цвета у неё глаза? — шепчет ЁнДжи. — Голубые?

— Серые, — спорит СонХи.

— Серо-голубые, — выносит вердикт Николь.

— Вам туда, девочки, — Агдан машет рукой в коридор, противоположный от того, откуда выходила девушка с серо-голубыми глазами.

Гу ХаРа.

Времени на обустройство нам не дали. Агдан сказала, что вечером у нас будет время всё обсудить и осмыслить, а сейчас некогда. Заставила надеть короткие шорты и лёгкие блузки или футболки и окунула в организационные хлопоты. Нас сфотографировали, и её помощница ЁнЭ-сонбе умчалась оформлять нам пропуска.

Потом разбирали личные дела, уточняли. Сняли все параметры, не только рост и вес.

— А это зачем, Агдан-сии? — самая любопытная среди нас СонХи. Хорошо с ней, мы все любопытные, но первой не выдерживает всегда она. Нам остаётся только слушать.

Нас зачем-то сажали на стул и мерили расстояние от сиденья до макушки. Ответ Агдан нас заинтриговал ещё больше.

— Коэффициент длины ног относительно роста, — Агдан-сии поясняет подробности, и мы с огромным интересом сверяем результаты.

У меня и СонХи коэффициент оказался пятьдесят. Гюри — пятьдесят с половиной. ЁнДжи — пятьдесят один с половиной, Николь — пятьдесят два.

— Совсем грустно, — бурчит на Николь Агдан-сии, и мы понимаем, что я и СонХи — лучшие. Кх-кх-кх, я и так это знала. Про себя, не про СонХи.

Затем всем девочкам пришлось сильно огорчиться. Мне их не жалко, потому что начали с меня. Сначала Агдан-сии заставила нас по очереди пройти перед ней, покрутиться. После этого вздохнула.

— ХаРа-ян, ножки у тебя ничего, но вообще-то так себе.

Клянусь, я даже не покраснела от обиды. Но кто-то из девчонок хихикнул. Тут же дала себе твёрдое обещание разобраться вечером с СонХи. Это она, я знаю.

— Ты зря хихикаешь, СонХи-ян, — упирает в неё невыносимо яркий синий взгляд Агдан-сии. Я так и знала, что это она.

— У тебя, конечно, ножки ровные и достаточно длинные, но это всё, чем ты можешь похвастать. Так-то смотреть не на что. Даже у ХаРы-ян лучше...

СонХи краснеет, аегусси глупая, а я не понимаю, Агдан-сии меня похвалила или отругала. В любом случае мстить СонХи уже не надо. Хотя всё равно отомщу.

— А вы вообще кривоногие, — Гюри и ЁнДжи после этих слов готовы были заплакать.

— С тобой ещё хуже, — это про Николь. Гюри и ЁнДжи тут же успокаиваются. Ненадолго.

— Ровные у тебя ноги и фигурные, — задумчиво говорит Агдан-сии, — но уж больно... атлетические. С остальными всё ясно, а вот что с тобой делать, прямо не знаю.

Это она точно угадывает. Николь танцует здорово и голосок у неё очень приятный, но хейтеры то и дело обзывают её толстожопой коровой. Что правда, то правда.

— Девочки, вот что... мне нужно ваше одобрение на изменение вашей внешности. Обойдёмся без лишних бумажек. Вы всё равно будете давать письменное согласие по каждому поводу. ЁнЭ, тащи сюда ДжиХён.

Все эти разборки происходят в холле нашего блока общежития. Спален у нас четыре, но двухместные. Само собой, ЁнДжи и СонХи досталась одна комната на двоих.

— Госпожа Агдан? — удивляет нас томным голосом ДжиХён. Мы её знаем. «Корона» совсем недавно гремела на всю страну. Агдан тут же удивляет её и нас ещё больше.

— Скидывай юбку! — звучит её приказ. Мы все замираем, как кролики перед удавом. ДжиХён-сонбе лишь вопросительно вздёргивает бровь. Как-то слишком нахально она ведёт себя с Агдан-сии. Да, приказ, конечно, странный...

— Что тебе не ясно? — голос Агдан слегка леденеет. Лично я уже не только юбку скинула бы, а ДжиХён медлит.

— Скидывай юбку и пройдишь, — рукой Агдан очерчивает маршрут, — пусть девочки на твои ножки посмотрят.

ДжиХён-сонбе замедленно изящным жестом расстёгивает юбку и делает несколько змеиных движений телом. Перешагнув через комок материи, вышагивает по указанной линии, еле заметно качая бёдрами. У-у-у-х! В серых тонких колготках она неотразима!

— А-щ-щ-щ! — восхищённо шипит Гюри. Все остальные молчат, но на лицах всё написано. Даже мне завидно.

— Достаточно, ДжиХён. Можешь идти.

Уходить ДжиХён-сонбе не торопится. Надевает юбку, изгибаясь всем телом. На лице тоже улыбка, почему-то вызывающая образ кобры. Но змеи ведь не могут улыбаться?

— Вы её копиями не станете, — объясняет Агдан-сии, не дожидаясь ухода ДжиХён-сонбе, — но я буду добиваться, чтобы ваша внешность, вся, не только ножки, была такого же

высокого уровня. Возражения есть?

Какие могут быть возражения?! Никто ничего не говорит. Вернее, словами не говорит, на лицах всё написано.

— Согласны? — Агдан-сии смотрит испытующе и, дождавшись кивков и возгласов, командует. — Тогда раздевайтесь! До трусиков и... нет, лифчики тоже снимайте.

Кто-то испуганно пискнул. Может быть и я...

Окончание главы 11.

Глава 12. Гадкие утята

23 сентября, пятница, время 14:35

Агентство «Music Modern», общежитие.

Гу ХаРа.

Она меня пугает. Дольше полсекунды выдерживать прямой взгляд её глаз выше всех моих сил. В её поведении проглядывает что-то мужское, как у всех женщин с большим опытом работы на высоких должностях. Неумолимая жёсткость, которую мужчинам особо проявлять не надо, они и так мужчины.

Всё оказалось не так страшно, как нам почудилось сначала. Каждой предложено проследовать в свою комнату и стриптиз учинять там. Не поняла сразу, что меня смущает. Не мужчина же на нас смотреть станет. Чуть погодя совершаю открытие. Платье Агдан-сии, — красивое, но обычное, без намёка на вульгарную сексапильность, — не может скрыть совершенства её фигурки. Приходится делать ощутимое усилие, чтобы оторвать взгляд от её ножек. Открытых всего лишь от колен и ниже. Подозреваю, что даже та светловолосая европейка смотрит на неё придирчиво и ревниво. И обе эти красавицы, — что скрывать от самой себя, — заставляют испытывать унижение. Нас! МЕНЯ!!!

— А ты чего мнёшься? — Агдан-сии бесцеремонно обращается к краснеющей Гюри. Та смущается ещё больше. Я догадываюсь, в чём дело, одновременно с Агдан.

— У тебя месячные, что ли? — также бесцеремонно интересуется Агдан-сии. — Ничего страшного, поменяешь прокладки. Мне нужно всего четверть часа на каждую. Будешь второй. А ты чего ещё здесь?

Это уже мне. Иду в комнату. Агдан-сии входит через пять минут. Ценю её деликатность. Первый приказ от неё — лечь в кровать на живот, руки вдоль тела, ноги вместе.

— Расслабься! Это не кастинг, это медосмотр, — объяснение не очень понятное, но я и правда расслабляюсь, хотя физически чувствую, как придирчиво она меня даже не осматривает, а изучает, сканирует взглядом. Всем телом ощущаю лёгкий зуд.

— Перевернись!

Убеждаюсь, что была права. Взгляд Агдан-сии ползёт по мне так медленно, будто фиксирует каждый миллиметр моего тела. И первый раз в жизни испытываю лёгкую щекотку не снаружи, а внутри тела. Волна, которую гонит взгляд Агдан-сии. От кончиков пальцев ног до лица и по рукам.

— Смотри на меня! — Агдан-сии садится рядом, из кармана достаёт красивую, золотистую авторучку. — Внимательное смотри! Старайся уследить за движениями.

С непостижимой ловкостью длинные пальцы Агдан-сии начинают крутить ручку. Движения усложняются и ускоряются. Фантастическим образом невероятная игра пальцев заполняет весь обзор, будто я уменьшаюсь и уменьшаюсь, и почти невидимые из-за гиперскорости движения заполняют всё небо...

23 сентября, пятница, время 15:00

Агентство «Music Modern», общежитие.

Так-то лучше! Когда обдумывала, каким образом буду менять тела своих новых

артисток, сразу встал вопрос легендирования. Подумывала найти или сделать какую-нибудь неопознаваемую жужжалку для отвлечения внимания. Навешать лапшу на уши доверчивым девочкам — пара пустяков. Суперновая высокотехнологичная суперразработка, к тому же засекреченная, — так что молчок! — с помощью которой я сканирую их организмы. Своего рода экспресс-медосмотр.

Некогда! Поэтому поступаю просто. Погружаю очередную девочку в гипносон и начинаю работать. Слегка разогнать гормональный фон, иначе перестройки внешности не случится, не представляет никаких трудностей. ГуаньИнь делала это со мной, я делала то же самое с СунОк и ЧжуВоном. И не только это.

Меньше всего работы с Гу ХаРой. Фигурка на четыре с маленьким минусом. Над ножками почти не работала. Чуть-чуть тронула стопы и тазовые кости. Ступни на высоту подъёма, и чуть расширить объём бёдер.

Понятно, что пришлось поработать с медицинской литературой. В период взросления у человека в некоторых местах, зонах роста, кости имеют мягкую структуру. По факту это не кости, а хрящи. Кальция, ответственного за крепость костей, очень мало. Но я его совсем не убираю. В течение нескольких дней содержание кальция уменьшится процентов на десять в приграничных и поверхностных слоях. После этого начнётся работа Стесснер и частично моя.

ХаРа — единственная, которой хватит занятий с Еленой. Остальные...

Гюри и Ёнджи — выпрямить косенькие ножки. Это просто. Ночью будут спать в колодках. Так называю корректирующие устройства, в которых их ноги будут находиться под лёгким давлением в нужных местах. Они довольно громоздкие, в них не соскочишь с кровати, дабы срочно добраться в туалет, например. Так что надо их проинструментировать. Да и сами эти прижимные устройства ещё заказать надо.

Николь тоже будет спать в колодках. И посложнее, чем у её подружек. Положу её на вытяжку всего роста с упором на ноги. Слишком она атлетического сложения, с таким тяжёлыми мешками таскать хорошо.

Ёнджи ещё сиськи надо увеличить. Крупногрудые мне не нужны, недаром балеринам в определённом возрасте грудь плотно бинтуют, чтобы не росла чересчур. Как говорится, широкая попа и шикарный бюст хороши для жизни, но не для танцев. Если только это не танец живота. Но за этим пожалте в Индию или Ближний Восток, у нас такого не водится.

15:40. Гу ХаРа.

Шустрю на кухне, что смыкается с общей комнатой. Переполюющая меня энергия заставляет пританцовывать и припевать. Ножи и прочие принадлежности порхают над столом в моих руках.

И не сказать, что спала меньше получаса. Как в волшебном источнике искупалась. Не знаю, что Агдан-сии со мной делала, но настроение парит выше самого высокого небоскрёба. Кстате, а что она делала?

В общей комнате сидит и скучает перед телевизором СонХи. Госпожа выгнала её из комнаты...

— СонХи-ян, зайти! — командует из приоткрытой двери Агдан-сии.

Через пять минут выходит Гюри, ещё через десять Николь. И тоже весёлые и бодрые.

В 16:00 выходит Агдан-сии. Мы все смотрим на неё с сочувствием. Не знаю, что она

делает, но мы в хорошем настроении и бодрые, а она бледная и на вид усталая.

— Девочки, сделайте мне чаю!

Чуть в кучу малу не сложились, одновременно кинувшись исполнять приказ Госпожи. После дружного смеха и нескольких минут слева от Агдан-сии стоял стульчик с чаем и печеньем. Какие же у неё ноги красивые! Настолько, что и завидовать не хочется.

Госпожа сидит, раскинув руки по спинке дивана и раскованно закинув ногу на ногу. Есть в ней что-то от американки. Те такие же самоуверенные и раскрепощённые.

— Агдан-сии, а что вы с нами делали? — в отсутствие СонХи роль самой любопытной беру на себя.

Госпожа медленно поворачивает ко мне голову, но не до конца. Что-то непонятное говорит, не по-корейски точно. Мне слышится только «...ушке ...ушки».

— Девочки, у каждой успешной компании есть свои секреты. Фишки. Вы наблюдали одну из таких. Сразу предупреждаю, это абсолютно секретная информация. Не собираюсь вам ничего объяснять. Только одно: ваша внешность сильно изменится к лучшему. Сами понимаете, что это значит. Это мерч, это рекламные контракты, это аншлаги на концертах.

Мы молчим. И в самом деле, ничего нам объяснять не надо. Красивые личики на плакатах продаются намного лучше, чем второсортные. В середине этого маленького спича в комнату... нет, не выходит, выскакивает и тут же притормаживает ЁнДжи. И сразу наостряет ушки, проказливая улыбка испаряется.

— Вот с твоей мордашкой, ЁнДжи-ян, — госпожа направляет чашку в сторону экс-макнэ, — придётся поработать пластическому хирургу.

Госпожа делает паузы, похрустывая печеньками.

— Я понимаю, почему КванСу включил тебя в группу. Работа на контрасте. Твоя деревенская мордочка... — на эти слова ЁнДжи слегка краснеет, — сильно отличается от лиц твоих сонбе. Они по-настоящему красивы, и по-разному красивы, а у тебя лицо сельской простушки. Зритель удивляется, постоянно переводит взгляд с одной на другую и... и залипает на вас в итоге.

Ад-ж-ж-ж! Переглядываюсь с Николь. Был у нас такой разговор, не понимали мы тогда решения президента. Но сонбеним часто с нами экспериментировал, в итоге мы просто рукой махнули. За его идеями не уследишь, а расспрашивать разве будешь? Зато Агдан-сии всё мгновенно поняла и нам разложила по полочкам.

Госпожа жестом требует налить ей ещё чашечку. Уничтоженное ей печенье идёт впрок, госпожа оживает. Никто не думает даже сдвигаться с места, я тоже, ведь ЁнДжи здесь. Она и скачет на кухню. Успевает до прихода СонХи исполнить её обязанность.

— Спасибо, — госпожа принимает чашку из рук ЁнДжи и поясняет нам, что она собирается сделать с ЁнДжи.

— Всем остальным лица менять не будем...

А чего их нам менять? Все уже давно прошли через руки пластического хирурга. Только ЁнДжи обошлась блефаропластикой ещё до прихода в группу.

Чат «Цунами», сборище антифанов Агдан. Ночь и утро 24 сентября.

[**S] — Холь! Друзья, какой он всё-таки молодец, этот парень!

[***] — Какой парень? Почему молодец?

[**S] — Ю ХиГун! (ликующий смайлик). Поставил Агданишку на миллиард вон!

[***] — Какой миллиард? Как поставил?

[**S] — Ещё один из села приехал...

[***] — ХиГун затребовал с Агдан в суде моральную компенсацию за избиение его охраной звезды в миллион долларов.

[***] — А-д-ж-ж-ж!

[***] — Холь!

[***] — Вот вам и холь... кх-кх-кх.

[***] — У чувачелло хороший аппетит. Тоже хочу мильярд.

[***] — Я бы не сказал, что это избиение. Парня просто притормозили и нагнули.

Подержали полминуты, пока Агдан в машину не сядет. После отпустили.

[***] — Не просто отпустили, а пинка дали. Чувачелло чуть носом в асфальт не ткнулся, кх-кх-кх...

[**S] — Вот теперь Агдан миллиард и заплатит за этот пинок. Так ей и надо!

[***] — Неизвестно ещё, заплатит или нет. Не было такого никогда...

[***] — Было!!! Пятерым по десять миллионов присудили за нападение на них тодук-кояньи Агдан.

[***] — Так там реальные травмы были. Люди в больницах лечились. А ХиГуну ничего сломали и морду не били.

[***] — Знаю я, что будет дальше. Так же, как с теми пятерыми. Агдан позже подала на них встречный иск уже на сто миллионов каждому плюс уголовное преследование. Те с тех пор отчихаться не могут. По-моему, до сих пор на них уголовные дела не закрыли за хулиганское нападение группой лиц...

[***] — Им что-то ещё приписывают...

[***] — Избиение сестры Агдан, акты вандализма и доведение до больницы мамы Агдан. Неизвестно те или другие, но следствие по этим обвинениям идёт.

[**S] — Не докажут!

[***] — Конечно, не докажут. Но нервы вымотают изрядно. Ты никогда на допросе в полиции не была? Очень советую, многое поймёшь. И сама понимаешь, какая у тех ребят сейчас репутация. Их в приличное место ни на работу не возьмут, ни на учёбу. Под уголовными делами сидели.

[***] — Хочешь сказать, что ХиГуна то же самое ждёт?

[***] — Конечно. Кто помешает Агдан обвинить его в попытке нападения из хулиганских побуждений? На него откроют уголовное дело...

[***] — Суд потом оправдает. Доказательств-то нет.

[***] — Оправдает. А ты возмёшь к себе на работу человека, проходившего по уголовному делу в качестве обвиняемого?

[***] — Э-э-э... не знаю...

[***] — А я знаю. Не возмёшь. И я не возьму.

[***] — Так он уже где-то работает. Думаешь, уволят?

[***] — Могут и уволить. Или зарплату срезать. Смотря насколько его уважают на работе. Если хороший специалист, могут и оставить.

[***] — «Хорошая» перспективка.

[***] — Это всё мелочи. А вот если Агдан тоже затребует моральную компенсацию?

[***] — За что?

[***] — Найдёт за что. Она хитрая и злопамятная.

[**S] — Правильные слова. Агдан — хитрая дрянь.

[***] — Видишь, даже топикстартер подтверждает. Так что нашего смельчака ХиГуна ждут огромные неприятности.

[**S] — И награда в миллион долларов!

[***] — Это если получит

[**2] — Парни, есть идея. Если у ХиГуна всё выгорит, можно хороший куш срубить.

[***] — Холь! Это как?

[***] — Ёксоль! Выкладывай, не тяни кумихо за хвосты!

[**2] — Собираемся в группу в 10–15 человек, выслеживаем АйЮ и нападаем на неё. Если получится до неё добраться, сорвём с неё что-нибудь. Панамку или очки...

[***] — Не надо ограничиваться одеждой. Изнасилуем её, исполним мечту. И пусть миллионы нам завидуют, кхе-кхе-кхе...

[**2] — Изнасиловать не успеем. А вот блузку и юбку на лоскутки порвать, легко и просто...

[***] — Холь! Чур, трусики мои!

[**2] — Представьте, сколько мы денег получим за эти артефакты?! (Ликующий смайлик)

[***] — Только попробуйте к ней подойти, мы вас с землёй смешаем!

[***] — А вот и юэйнны...

[**2] — Им обрывки одежды АйЮ и продадим, кх-кх-кх...

[***] — Вам охрана руки-ноги переломает!

[**2] — Дебак! Будет за что иск на АйЮ подавать! Пусть ломают.

[***] — Да. Пусть ломают. Лишь бы я успел с неё трусики стащить.

[***] — А я лифчик!

[***] — А я шортики!

[***] — А я спасу АйЮ и голую утащу к себе в машину!

[**2] — Здорово я придумал? Всё, что угодно сотворим, а АйЮ нам ещё за это заплатит.

[***] — Щибаль! Мы вас за это уничтожим!

[**2] — А что? Только вам Агдан можно краской обливать?

[***] — Это не мы!!! Это соши!!!

[**2] — Да какая разница? Вы такие же тупые.

[***] — Повторить мне это в глаза сможешь? Давай встретимся!

[**2] — Зачем мне твои глаза? Плюнуть в них!

[***] — Глаза в глаза повторишь мне, что ты сказал.

[**2] — Перебьёшься.

[***] — Боишься, сапсари?

[**2] — Да. Очень боюсь. Человек чем тупее, тем сильнее. А вы, юэйнны, очень тупые.

[***] — Мич-чином!!!

24 сентября, суббота, время 21:20

Особняк Агдан, спальня Агдан.

Раз! Шаг. Два! Подшаг. Теперь движение руками, вытянуться на одной ноге и ф-ф-у-у-х!
Один! Два!

— Получилось, — резюмирую удовлетворённо.

На вечерних занятиях поленилась полную разминку делать. Вернее, они время уделила. Она достигла максимальных высот в растяжке, теперь осваивает гимнастические стойки. Там, чтобы равновесие удержать изрядно постараться надо.

И вот догоняюсь, энергия-то прёт. С СунОк я даже не вспотела. Подсмотрела у Стесснер фуэте, загорелось повторить. Я в гимнастическом купальнике и чёрных колготках, не стала снимать после тренажа, только халат накинула.

Чёрный прикид имеет значение. Изъяны в гимнастических экзерсисах прямо бросаются в глаза. Как и недостатки фигуры, но это не ко мне. Что подтверждает неотрывный взгляд пацака.

Фуэте получилось два раза подряд. А если получится два раза, то со временем получится и двадцать два. Иду к столику, беру авторучку, начинаю вертеть её, то в одной руке, то в другой. Хмыкаю. Интересно, если велеть ЧжуВону следить за её движениями заснёт или нет? Вроде не должен, далеко, к тому же для его глаз зрелище хоть куда и без крутящихся авторучек.

— Ты бы лучше делами агентства с такой же энергией занималась, — голос пацака переполнен фальшивым недовольством.

— А что не так? — бросаю ручку на кровать и падаю назад. Вижу своего пацака в перевёрнутом положении.

— Сегодня я купила агентству «Кару». Задёшево. Уже поработала с ними... у-м-м-м... — выхожу на продольный шпагат в стойке на руках. Пацак тут же ловит мою ступню в мягкий захват.

Медленно опускаюсь на локти и забрасываю пацаку вторую ногу.

— Ф-ф-у! Ты зачем мои ножки целуешь, извращенец?! — возмущаюсь громко и немного фальшиво. — Я по полу без обуви скакала!

— Я ж не подошвы целую, — оправдывается пацак и торопливо переводит тему. — И что там у тебя с «Карой»?

Увожу от него зацелованные ноги обратно, на пол. Выпендриваюсь на полу. Мне просто надо, недотянутые за день связки ноют, требуют нагрузку. Закидываю одну ногу на кровать и сажусь на глубокий шпагат в отрицательной зоне, но связки пока не скрипят.

— Осторожненько подними мне ногу вверх, — пацак аккуратно выполняет команду.

Аж глаза от удовольствия закрываю, так приятно растянуться до предела. Так, достаточно, меняем ногу. Дальше поперечный и руками поработать.

— Раскомандовалась, — бурчит пацак всё так же фальшиво.

— Если муж страшен и силён, как ты, — объясняю высшую политику, — то он должен слушаться и бояться своей жены. Не понимаешь? Это обеспечивает крепость и устойчивость семьи.

Страшный и сильный пацак изо всех сил старается недовольно хмурится, но получается плохо. Да я ещё ему язык показываю.

— Слушай, Юна, — он что, чего-то стесняется? — а давай ложись спать, как есть. Не надо этого снимать.

Какая странная просьба.

— Я, конечно, очень извиняюсь, дорогой. Но ты что, не собираешься сегодня гнусно эксплуатировать моё нежное и красивое тело? Или собираешься, словно яростный демон, разорвать на мне всё в клочья?

Пацак впадает в раздумья, а я ухожу в душ. Хочется ему странного? Обойдётся! Или что-

нибудь придумать. Хотя, в принципе, и так вознаграждён зрелищем, недоступным никому.

26 сентября, понедельник, время 15:35.

Клиника пластической хирургии View.

Почти два часа на ЁнДжи здесь потратила. Загруженная информацией выхожу вместе с ней из кабинета врача-консультанта. На выходе отдаю охраннику файл с полученными документами. Там сгенерированный на компьютере желаемый новый портрет ЁнДжи. С самой разной мимикой. Вот над ним и работали, как проклятые с участием местного дизайнера внешности и художника образов, единого в одном лице.

Не сказать, что я довольна, хотя ЁнДжи светится в предвкушении. По моей оценке, если нынешняя мордашка на три с минусом по пятибалльной системе, то итог предполагается на четвёрку. Слава небесным апельсинам, твёрдую четвёрку. Остальное сделает макияж. Для корейки результат более чем.

Привычно окунаемся в жару на выходе из прохладной благодаря самоотверженной работе кондиционеров атмосферы клиники. Хотя какая это жара? Ниже тридцати по Цельсию, всего градусов на пять выше, чем в здании.

ЁнДжи помалкивает, наверное, её угнетает сумма, которую я отдала за консультацию. Она очень необычная, я влезала во все подробности, вплоть до рисунка крепления мышц на лице. Необычная, подробная и глубокая, поэтому заплатила, вернее, приняла к оплате счёт на десять тысяч долларов. Конечно, не забыла бросить на свою подопечную начальственно недовольный взгляд, де, вот как дорого ты мне обходишься, девочка-припевочка. Не буду же я говорить, что для меня это давно мелочь несусветная. Для неё-то нет.

— Агдан-сии, а когда мы придём на операцию?

— Никогда, — отвечаю не подумав, исправиться заставляет вытянувшееся лицо девушки. — Мы всё сделаем в агентстве. Мы сами можем делать пластику. Только это секрет.

— А это законно? — мы подходим к машине, залезаем на задние сиденья. Тут и отвечаю.

— Абсолютно. Походишь чуток с повязанной мордашкой. Дня три-четыре и всё.

Машина трогается, а ЁнДжи удивляется.

— Агдан-сии, а у вас что, операционная есть?

Надоели мне вопросы на скользкую тему, поэтому поворачиваю к ней строгое лицо, смотрю немигающим взглядом.

— ЁнДжи-ян, в агентстве есть всё, что нам нужно. Смени, пожалуйста, тему, — с некоторой ядовитостью добавляю, — если тебе нетрудно.

Отмирает она быстро, через десять минут.

— Агдан-сии, а когда у нас комбэк будет?

— Месяца через полтора-два, не раньше. Примерно за это время ваша внешность исправится до приемлемых кондиций.

Когда вернулись, пришлось искать комнату для неё. Не нашла. Плюю на всё и веду к себе. В свой секретный закуток за кабинетом.

— Садись, — усаживаю в кресло, а дальше по накатанной. Ручка в пальцах, приказ спать и за работу.

Слава небу, кости кардинально трансформировать не надо. Только чуть-чуть, на это

простого посыла хватит. Ну, может, нескольких. А вот по мелочам работы до краёв. Чуть изогнуть и загустить бровки, губки чуть полнее, глазки чуть пошире...

Как мне работать, я поняла недавно. Мы думали, думали и, наконец, придумали. Сложные проблемы часто решаются просто...

Окончание подглавы.

Глава 12.2

26 сентября, понедельник, время 17:05.

Агентство «Music Modern», комната релаксации Агдан.

— Всё, топай! — развязно хлопаю обработанную Ёнджи по тугому задочку.

От неожиданности та взвизгивает и подпрыгивает. Проблему с её мордашкой решила просто. Гримёры и визажисты мне в помощь. Можно было бы и десять тысяч долларов, кстати, сэкономить. У меня тоже такие есть. Хотя в клинике профильные, чётко понимают границы возможного.

Решение родилось после замечаний гримёров такого рода.

— Вот этой подводкой мы зрительно увеличим разрез глаз...

Какие проблемы? Я не зрительно могу увеличить. И всё аккуратно записала. Разрез глаз немного изменить и увеличить. Мешки под глазами — долой. Губки и так далее... Что-то преобразовать и трансформировать сложно, а просто убрать — пара пустяков. Что для хирурга, что для меня.

Коротко говоря, я действовала по рецептам, которые получила от визажиста. Который в свою очередь отрабатывал моё задание сохранить узнаваемую проказливость мордашки Ёнджи.

Не упомянула, что брекеты ей в клинике по-быстрому тоже нацепили.

Выхожу вслед за девушкой в кабинет.

— Госпожа, а можно спросить?

— Можно.

— А что с нами будет?

— После комбэка? — скрывать мне нет необходимости, и всяк айдол должен понимать манёвр сонбенима. — Выйдете на первое место в корейском топе не позже полугода. Поработаете в Японии. На Европу не рассчитывайте, ваш формат там не впишется. Впрочем, в качестве кордебалета можете и съездить.

— Да, забыла сказать. Вы будете работать на два фронта. Как часть моего кордебалета и как отдельная группа.

— Спасибо, госпожа, — слегка невнятно из-за забинтованного личика лепечет девушка, низко кланяется и уносится прочь.

Трень-брень-хрень! — говорит смартфон. ЧжуВон.

— Чего тебе, Чжу?

— Поехали домой, я пораньше освободился.

Шустрила!

— Зайди ко мне. Что не так? На ножки ДжиХён полюбуешься, она любит тебе их показывать, — иметь возможность вставить шпильку и не сделать этого? Да никогда!

Буркнув что-то невнятное, пацак отключается.

— ДжиХён! — подаю команду в невидимый микрофон. — Сейчас ЧжуВон-оппа подойдёт, пропускай сразу.

— Хорошо, Агдан-сии, — сладким голосом отзывается секретарша.

Знаю, что сейчас будет. ДжиХён сядет так, чтобы устроить беспрепятственный обзор своих ножек. А мой кобель будет любоваться и любезничать. Вот только недолго...

— Насмотрелся?! — мой голос предельно стервозен.

От неожиданности Чжу чуть не подпрыгивает. Всё так, как я спрогнозировала. Стоит и улыбкой на ДжиХён светит. Или на её ножки, выставленные из-за стола. Замедленно она их убирает и докладывает без тени смущения.

— К вам господин Ким, Агдан-сии.

Вот коза!

Опомнившийся ЧжуВон делает вид, что затормозил только на секунду, — кобелина не знает, что я уже секунд десять за дверью их подслушиваю, — движется в кабинет.

Обожаю такие игры!

— Садись, — сухо отдаю команду. Включаю большой экран.

— Оцени! — на экран подаю ролик: <https://youtu.be/nyGxdCivBig>

Танцуют мои девочки Люкси. Черновой вариант показываю. Набело сделаем, когда Кара станет табунчиком нереальных для Кореи красоток. По ходу дела всё это растолковываю мужу.

— Даже в таком варианте выстрелят. В Корею — точно, может быть и в Японии, — выносит авторитетный вердикт пацак, чем подтверждает моё мнение.

— «Кара» будет лицом агентства?

— «Кара» будет козырной картой агентства, — поправляю я, — лицом будут «Luxu girls». И я. А ещё у меня Кей Флай есть.

— Расти тебе, есть куда. Пока что у агентства процент корейского рынка плавает около нуля. На какую долю рассчитываешь?

— Я возьму любую долю, какую захочу, — в моём голосе апломб, который ЧжуВон воспринимает серьёзно, без ухмылки. — Вернее, могу до половины захватить. На большее просто двадцати четырёх часов в сутки не хватит. Но остановлюсь на двадцати-двадцати пяти. Есть ведь ещё и другие страны.

— Вот моя визитка, — на экран выскакивают мои девочки: <https://youtu.be/LpVDUFFY4G0>

Кстати, надо с несколькими из них тоже поработать, как с «Карой». Но ЧжуВон и без того одобряет. С оговорками.

— Ролик с «Карой» выглядит интереснее.

— Блюдо в ресторане должно выглядеть лучше, чем ресторанный вывеска.

Этот аргумент ЧжуВон отбить не может. Оба ролика — моя особая гордость. Они не украдены из мира Юркина, чисто моё творение.

25 сентября, воскресенье, время 18:05.

Торговый центр «Намдемун маркет».

К стеночке близ коридора привалился худощавый паренёк в очках. Типичная картина, втыкает в смартфон, из уха наушник, у ног небольшой саквояж. Всякий проходящий рядом решит, что парень ждёт подружку, что заглянула на свидание с фаянсовым другом.

Из коридора, ведущего в санблок, вырывает высокий толстомордый парень. Очкарик не обращает на него никакого внимания, бросает дежурный взгляд за его спину. Толстомордый не успел пройти, как на лице очкарика появляется брюзгливое облегчение. Вслед за толстомордым идёт среднего роста по-спортивному крепкий парень.

Один из многих тысяч непримечательных эпизодов за день в общем столпотворении

торгового центра. Никто ведь кроме самого очкарика не видел, как в его смартфоне рухнул вниз какой-то индикатор, а потом в пространство ушло сообщение: «Закладка снята».

Маленький эпизод получает продолжение на улице. К вышедшему на тротуар толстомордому, обзаведшемуся пакетом с покупками, сзади быстро приближается пара парней. Те самые очкарик и спортсмен. Очкарик прячет руки в карманах, саквояжа при нём уже нет. Смартфона и наушников тоже не видно.

— Эй, парень, у тебя пакет рвётся! — очкарик сзади сбоку чуть склоняется в полуприседе и мягко охватывает запястье толстомордого.

Дальнейшее происходит в течение одной секунды, не более. Больше и нельзя по полицейскому протоколу. Приветливо клацает защёлка на стальном браслете, мелькает блеском металла цепочка, спортивный парень резко заводит вторую руку толстомордого за спину и фиксирует её. Ненадолго. Запоздалый рывок толстомордого предваряет второе ласковое клацанье. Падает, но так и не рвётся пакет. Из него выкатывается консервная банка с мощной рыбой на картинке.

— Щибаль!!! — орёт скованный парень. — Коджо, шипсэги!

Ближайшие прохожие притормаживают, смотрят с нарастающим любопытством. Скандалы и экшн любят все, независимо от страны проживания, вероисповедания и употребляемого языка.

Сбоку возникает крепкий мужчина со строгим лицом.

— Сохраняйте спокойствие! — он тычет зевакам полицейскую бляху. — Городская полиция.

Подъехавший микроавтобус с надписью «Полиция», где за рулём сидит мужчина в полицейской форме, окончательно проясняет ситуацию. Для толстомордого тоже. Неожиданно он с места рывком срывается в мощный спурт и катится кубарем. Равноускоренное движение, перешедшее в гораздо более сложное вращательно-поступательное сопровождается звучным матом. Количество зевак лавинообразно увеличивается.

К месту захвата уже стянулась вся группа, четверо парней и девушка. Парни, среди которых прихрамывающий спортсмен, — пресечение побега подножкой не обошлось ему даром, задержанный слишком массивен, — волокут ругающегося и стонущего толстомордого к задним дверям автофургона.

Любое зрелище рано или поздно заканчивается. Когда двери микроавтобуса закрываются, зеваки, делаясь впечатлениями, постепенно расходятся.

— Заткнись, — очкарик даёт лёгкого пинка в бедро лежащего на животе задержанного.

— Нельзя задержанных бить, — флегматично замечает полицейский в штатском, и тут же предупреждает. — Будешь шуметь, возьму у водителя дубинку и...

Он наклоняется к задержанному и что-то тихо говорит ему в ухо. Тот немедленно замолкает и прекращает возиться.

Девушка кому-то звонит. Остальные не обращают внимания.

— Да, на этот раз взяли...

— Пока не могу сказать, ГаБи-сонбе. Везём в участок.

— Не мог он успеть. Ему сразу руки за спиной сковали...

— Аньён, ГаБи-сонбе.

27 сентября, вторник, время 20:15.

Особняк Агдан, общая комната.

— Хи-хи-хи... — одёргиваю ногу, которую Мульча щекотнула своими усами. Цеплять обратно босоножку на невысокой шпильке не тороплюсь. Мне надо отбиться от Мульчи, которая норовит на меня взобраться и помурлыкать всласть.

Мульча охотно атакует мою ногу, обхватывает лапами, покусывает. Взвизгиваю и меняю ногу. СунОк недовольно косится.

— Не мешай, Юна! Смотри, что-то интересное показывают.

Телевизор, сияя на нас хорошеньким личиком ведущей, вещает:

«За последнюю неделю группами волонтёров задержано восемь вуайеристов. На них всех полицией заведено дело об административном правонарушении. Как вы знаете, войну этому виду хулиганства объявила Агдан. Созданный ею фонд обещал платить премию в десять миллионов вон каждой группе волонтёров, сумевших задержать злоумышленника и сдать его полиции. Полицейским, принимающим участие в поимке, тоже обещана премия...»

Ты смотри-ка, — думаю я, пихая ножкой лениво отмахивающуюся лапами Мульчу, — ничего не соврали. Это когда такое было?

Мне надоедает мять Мульчу ножками. Слишком уж ей хорошо. Развалилась на спине, лениво машет лапами и мурлычет. Цепляю босоножки на кончики пальцев.

Входит ЧжуВон. В спортзал ходил вслед за нами. Он намного быстрее нас оборачивается. Гирями помашет, энергию сбросит, ему и хватает.

Что-то он опять взгляд на мне задерживает. Б-р-р-р, ёжусь, как от щекотки. Клянусь, ничего такого не делаю. Зареклась. Увидел меня в субботу в танцевальном наряде, воспринял с виду спокойно, — очень такое поведение одобряю, — зато потом полночи успокоиться не мог, заездил меня вконец, хи-хи. Виду не подала, что нашла к нему ключик. Стоит мне нацепить что-то из завлекательного набора чулочно-носочных изделий, как ЧжуВон включается, как кот, учуявший кошачью течку. Собственно, подобные наряды и создаются для такого воздействия.

Это всё цветочки, — размышляю, поглаживая поворачивавшую мне бока мурчащую кошку носком босоножки. Это примитивные цветочки, доступные почти любой достаточно молодой женщине, если только не горбатая, не одноглазая и имеет ноги, на которых может хотя бы как-то передвигаться. Настоящая фишка в ягодках, доступных единицам. На мне сейчас широкий бежевый топик, оставляющий открытой только узкую полоску живота. Топик облегающий, но не в обтяжку. Того же цвета шортики и тоже аккуратные и не тесные. Босоножки — завершающий штрих наряда. И в них ни капли кричащего эротизма.

В таком наряде выглядеть привлекательно могут только по-настоящему красивые девушки. Например, я. Но так одеться и выглядеть это даже не полдела. Не просто так сижу. Чтобы достать предельно оттянутым носком до Мульчи, сижу на краешке дивана. Слегка опираюсь одной рукой, это даёт возможность слегка изогнуть корпус. Меняю ногу, щекочу Мульчу другой ногой, поджав правую. Не просто так сгибаю и ставлю на пол, а тоже на носок.

Все эти манёвры похожи на танец или... замираю от неожиданной мысли. Нечто подобное уже говорила СунОк, но сейчас эта идея окончательно выкристаллизовывается. Реализовывать буду вместе с Еленой.

На ногу осторожно ложится и начинает заливать бедро ощущением тепла широкая

ладонь ЧжуВона. Вот он самый благодарный зритель и ценитель. В отличие от СунОк в глазах Чжу ни тени ревности и зависти. Только тщательно скрываемое восхищение.

У-у-у-х! Могучая сила легко преодолевает силу тяготения, на краткий миг зависаю в воздухе и уютно устраиваюсь в руках владельца этой могучей силы.

— Куда ты? Давай в кабинет! — чувствительно дёргаю пацака за жёсткие волосы. Он меня в спальню тащит, маньяк сексуальный!

Чжу останавливается и смотрит на меня строго.

— Скажи, у нас всегда всё будет по-твоему?

Очень хочется сказать «Да» и показать язык. А вдруг упрётся? Скандал на ровном месте, — не из тех, что я устраиваю озорства ради, а реальный, — мне нужен? Нет!

По-змеиному быстрым движением прихватываю губами мочку его уха, чуть прикусываю.

— А почему бы нам не сделать это в кабинете, — мурлычу ему в ухо, включая низкие регистры с еле уловимой хрипотцой. Парня аж шатнуло.

— Но если хочешь, можно и в спальне.

Идея randevu в непривычной обстановке, — вижу это ясно, — захватывает его, будит фантазию. Он решительно сворачивает в кабинет, в котором без долгих пауз впивается мне в губы... у-у-у-у-х! Кое-как отрываюсь, железной рукой придерживаю его за волосы.

— Скажи, Чжу, — говорю обычным тоном, — почему ты всё время пренебрегаешь прелюдией?

От неожиданного обвинения на пару секунд пацак превращается в монумент. Тема неожиданная. Хочешь реализовать своё законное право мужа, но напарываешься не на «у меня критические дни», «нет настроения» или ссылка на страшные головные боли, а на упрёк в слишком примитивной реализации своего права.

— Посади меня на стол, — слегка капризно, он это любит в определённые моменты, указываю пальчиком на желаемое место приземления.

Пацак отмирает. Моё пожелание исполнено. Монументальный стол с ножками заметно толще моих и не менее фигурных выдержит не только меня. Пожалуй, и под слоном не сразу развалится. Слонёнка тонны в полторы точно выдержит. Обнаружился у ЧжуВона вкус к основательной мебели в стиле гоголевского Собакевича.

Указываю тем же пальчиком место у ног принцессы, большая честь для верного вассала, так сказать.

— Чжу, что ты думаешь о поимках манкеров? — это слово прижилось в среде оперативных групп ГаБи, которые начали отлов озабоченных, подглядывающих под женские юбки.

Чжу старается скрыть разочарование. Ему обещали увлекательную игру и такой облом!

— Что такого сексуального ты видишь в обсуждении этой проблемы? — ой, какой у него сухой и холодный тон. Сейчас я его умою!

— Ты действительно не понимаешь? — испытующе заглядываю ему в глаза. Кстати, согласно только что открытой мной доминантной идее, сиюю очень собранно. Опираюсь обеими руками в край стола, зажав бёдра, слегка болтаю ножками. Спина у меня всегда даже не прямая, а слегка вогнутая назад. Грудь, — её размер только недавно дотянул до размера «В», — торчит вперёд с заносчивым нахальством. Лифчика, кстати, нет. Дома я его редко ношу.

Ха! Говорила же, — про себя, — что смою его по-детски глупое недовольство.

— Даже деловой разговор с красивой девушкой может иметь сексуальный подтекст. Разве нет?

Морщит лоб.

— Ты не собираешься объявить любое моё общение с симпатичными девушками изменой тебе? С ХёМин я каждый день разговариваю.

— Есть одно важное обстоятельство, которое придаёт пикантность именно нашему общению, — объявляю я.

Вопрос «Какое?» не звучит, но ясно читается на его лице.

— Ты не догадлив, — разве я могу удержаться от упрёка? — Мы оба знаем, что в любой момент ты можешь завалить меня прямо на столе и долго сопротивляться я не смогу.

В такие моменты он готов простить мне всё и даже немножко больше. Пользуюсь этим изредка, но беззастенчиво. Пацак придвигается ближе, не шарахаюсь пугливо и кокетливо, а сую ему ближайшую ножку, слегка выгнув её вбок.

— Быстренько целуй и отвечай на вопрос.

— Какой? — невнятно переспрашивает ЧжуВон, оторвавшись от моей ослабевшей ступни.

— Эффективно ли идёт борьба против манкеров? Мои ребята восемь человек отловили...

Он задумчиво трётся лицом о лодыжку.

— Надо динамику смотреть. На первый взгляд враг не сдаётся. Лично я думал, что само объявление войны этим миччиномам резко уменьшит их активность. Их активность снизилась?

Мягко освобождаю свою ногу. И закидываю на неё вторую. Взгляд ЧжуВона опять затуманивается.

— Пожалуй, нет, насколько могу судить по докладам ГаБи.

— Ты усилишь на них давление, — находит в себе силы для рассуждений ЧжуВон, — и сможешь ограничить это позорище. Но полностью оно не исчезнет.

— Ты оценил мою задумку? — босоножка болтается на носке ещё нецелованной ножки перед его лицом. — Да. Я тебя соблазняю, и как только ты на меня набросишься — ты проигрываешь. На манкеров ещё когда усилию давление, а на тебя прямо сейчас.

Ну, наконец-то до него дошло! Трётся щекой о мою ступню не хуже Мульчи и улыбается. Это же не проигрыш. Это его давление на меня. Ответное. И эффективное, в низу живота теплеет.

— Можно пойти на публикацию имён тех, кто попался повторно, — продолжает улыбаться Чжу. — Но тут надо с юристами советоваться.

— Не обязательно, — размышляю, не применить ли по нему ядерный удар? — Можно просто утечку организовать. Тот же «SportSteep» охотно включится.

ЧжуВон слегка касается губами нижней части голени. Изумлённо вздрагиваю. А ведь у меня ноги слабеют! Значит, пора! Одним резким движением сдираю топик и бросаю в ошеломлённое лицо.

Теперь я улыбаюсь. И вожу носком босоножки в районе его могучей шеи.

— Какие ещё идеи есть?

Пока он пытается включиться, совершаю маленькое открытие. Горю изнутри. Женщины, пытающиеся соблазнить мужчину, сами возбуждаются? Вот это новость! Или это исключительно моя фишка?

Чжу медленно встаёт, не сводя с меня глаз. Ещё немного и он проиграет. Нет! Не успеет! Спрыгиваю со стола прямо в его руки. Обхватывать при этом ногами его корпус считаю пошлым, но одну ногу закидываю за него. Движение из танца.

— В задницу стол, — выдыхаю жаром ему в ухо, — неудобно. Неси в спальню. Быстрее. И впиваюсь ему в шею. С зубами.

Через...

Надо мной медленно кружится потолок, я будто плыву или тону в тёплом, безмерно ласковом океане. Самый первый любовный опыт, как грохот тяжёлого фугаса в сравнении с ядерным взрывом. Теперь я знаю точно смысл слова «эйфория». Это она затопляет всё тело, полностью лишая власти над ним. Даже пальцем пошевелить не могу.

Сколько времени прошло? Секунд или минут? Пытаюсь прокрутить в голове происшедший с нами аннигиляционный взрыв, картинки возникают, как в стробоскопе. Вот я под ним, совершенно неприлично извиваюсь. На нём — ещё более непристойные волнообразные движения всем телом. На острейших, как ожог медузы, ощущениях поцелуев в грудь и плечи, больше похожих на укусы, останавливаюсь. Покраснеть мешает только полное отсутствие контроля над телом.

Отвалившийся от меня ЧжуВон с лёгким кряхтением переворачивается на живот. Мне не надо оглядывать его, почему-то и так всё вижу. На спине длинные царапины пучками по две-три линии. Надо бы обработать... данунафиг! Неглубокие, сами заживут... блаженно тону в своём океане.

29 сентября, четверг, время 14:05.

Агентство «Music Modern», репетиционный зал.

— Лена! Огромное спасибо! — с жадностью перебираю листочки, покрытые округлым красивым, а главное, разборчивым почерком.

Стесснер, улыбаясь на мой энтузиазм, отходит к девчонкам, выворачивающимся у станка. Три дня назад, в случайном разговоре, узнала, что в её семье принято было разговаривать на немецком. От бабушки такая традиция шла. Лена в детсад не ходила, поэтому с ней случилась маленькая техническая неприятность. Она пошла в русскую школу в шесть лет, практически не зная русского языка. Помогло то, что она не единственной немкой в классе была.

— Зато потом намного меньше проблем с иностранным языком имела, — смеялась Лена. — Естественно, я выбрала немецкий.

Но в процессе изучения языка в школе проявились подводные камни. Лене пришлось переучиваться. Её семейный немецкий оказался реликтовым, отставшим от современного канонического на триста лет. К тому же прусский диалект.

Для меня важен сам факт уверенности Лены, что диалект именно прусский. Их предки откуда-то из-под Кенигсберга в Россию перебрались. Кафедра немецкого языка, и главный адепт его, профессор БинСук, надеюсь, будут удовлетворены таким материалом и моим анализом. Анализ достаточно прост, найти и свести в систему различия языков. Придётся поработать несколько дней. Лена принесла мне четыре сказки и одну колыбельную. Ещё несколько диалогов на бытовые темы.

Так, сколько листов? Двенадцать! Когда Лена возвращается ко мне, выкладываю из

портмоне миллион двести тысяч вон.

— Что это?

— Премия. Примерно сто долларов за каждый лист...

— Да не надо, ЮнМи-сии, что вы... — Лена смущается.

— Прекрати. Ты не в России. Ты в зоне процветающего капитализма. Здесь любой труд оплачивается. Нет, волонтерство тоже в наличии, но это не наш случай.

Чуть не насильно впихиваю ей деньги.

— Чуть не забыла. Напой мне колыбельную...

Лена напевает, я записываю. Простенькая мелодия, так что никаких проблем. Подавись, проклятый БинСук, не зря твоё имя можно перевести, как двойной сук. Не с корейского, разумеется.

— Замечательно, — прячу ценные бумаги в портфель. — Но я не за этим пришла. Где у тебя можно переодеться? Не хочу в общую раздевалку идти.

Через пять минут в отдельном маленьком примыкающем помещении, в котором хранятся эспандеры, обручи, ростомер, электронный весы и прочий инвентарь, Лена неотрывно смотрит на меня с непроницаемым лицом.

— Не могу понять, ЮнМи-сии, вы занимались гимнастикой?

— Занималась и занимаюсь, но бессистемно, без тренера.

Я облачилась так, как никогда не делала дома. Вдруг ЧжуВон заметит, для него это станет мощнейшим ударом. После этого он трое суток меня из спальни не выпустит. Надевала один раз и сразу отложила, не нужны мне такие риски. Закрытый чёрный купальник с длинными рукавами, под ним тонкие чёрные колготки. Лёгкие туфли на низком каблуке, танцевальный вариант, на высоком не попрыгаешь.

Когда первый раз увидела себя в этом наряде, сама удивилась. СунОк рядом чуть не почернела от зависти. Еле успокоила её тогда. Чёрный цвет не только подчёркивает и выделяет недостатки фигуры, достоинства он тоже выпячивает... ладно, пора на выход. Босоножки на высокой шпильке тоже беру с собой.

— Девочки, все сюда! — командует Лена по-английски и усаживает всех на скамью. Мои ошарашенные моим видом девчонки, толкаясь и спотыкаясь, кое-как выполняют команду. Их растерянностью удовлетворена полностью. Вы считали себя красотками? Только на корейской помойке, — прости великодушно, о ГуаньИнь, — вас могут назвать красавицами. И то, только те, которые не видели меня.

— Девочки, — выхожу на середину под концентрированным огнём горящих неприкрытой завистью глаз, — я пришла к выводу, что вам нужно сказать нечто важное. Дать вам цель. Кто-то из вас полагает, что главное в жизни — достичь коммерческого успеха. Это неплохо, но мелко. Главная цель в жизни каждой женщины совсем в другом...

Окончание главы 12.

Глава 13. Главное, большое и мелкое

29 сентября, четверг, время 14:35.

Агентство «Music Modern», репетиционный зал.

— Что для каждой женщины является главным? Главным оружием, источником высокой самооценки и ежедневного хорошего настроения, иногда проклятием? Её красота, привлекательная внешность, женское обаяние. Всё это складывается из великого множества факторов.

Чуть переступаю ногами, вызывая новую волну завистливых вздохов. Руками и пальцами делаю сложный, неопределённый жест для иллюстрации длинного списка элементов женской красоты.

— Прежде всего, конечно, внешность. Именно поэтому кто-то из вас сейчас выпрямляет кривоватые ножки, кто-то — зубы, многие из вас делали серьёзную пластику...

— Агдан-сии, а вы делали пластику? — с непонятной надеждой в голосе спрашивает ЁнДжи.

— Разочарую вас, девочки, — прячу лёгкое злорадство за нежной улыбкой, — никогда ни один пластический хирург не касался моего тела и моего лица. Я даже без блефаропластики обошлась. Понимаю, что не верите. Президент FАNa в своё время тоже не верил и принуждал меня приносить справку из поликлиники о том, что следов хирургического вмешательства на моём лице и всём остальном не обнаружено.

Делюсь с ними недавно сделанным открытием. Секретом тренировки красоты собственного тела.

— Вы сейчас занимаетесь танцами, гимнастикой. Это сделает вас ещё более стройными и подтянутыми, даст вам культуру движений. Полезно это для вашей красоты? Безусловно. Но есть ещё один секрет, про который даже вы не знаете. Есть ещё один аспект обучения и самообучения.

Предваряя выдачу главного секрета, немного прошлась туда и обратно.

— На что вы сейчас смотрите? Конечно, я красива, сама это знаю, но дело не только в этом. Дело в уже упомянутой культуре движений. Танцующая женщина — завораживающее зрелище. В этом один из секретов вашего успеха. Но танцы это ваша привычная работа. Мой секрет можно выразить двумя предложениями. Каждое ваше движение, просто ли вы идёте куда-то, садитесь и встаёте, режете овощи на кухне, всё должно быть танцем. Но это только первый слой. И сделать это не так трудно. Трудность в другом, и это вторая часть секрета. Ваши обыденные движения, — все движения! — не должны выглядеть нарочитым танцем на публику. Но они должны быть именно танцем, красивым, приковывающим внимание танцем.

Далее заставляю крайнюю из девочек принести стул. Прощась до него, села, поменяла туфельки на босоножки со шпилькой и прошлась ещё раз под различимые вздохи всей публики.

— Я сделала совсем простые движения. Это же не танец, правда? Но судя по вашим глазам, не менее завораживающее зрелище.

Удовлетворена во второй раз. Девочки слушают предельно внимательно.

— Во второй половине прошлого века на небосклоне кино ярко горела звезда Софии

Франни. Её режиссёр, продюсер и любовник помогал раскрываться её таланту. Первое, чем она поразила зрителей — необыкновенно красивая походка. Режиссёр Марко ставил два длинных ряда тумбочек с открытыми дверями. И Софи часами ходила между ними, на каждом шаге закрывая бедром дверцу. Важно было не хлопнуть, закрыть мягко и легко...

Девушки и даже Лена слушают, открыв рты. (Реальная история, только про Софи Лорен, прим. автора).

— Кто-то из вас уже планирует сделать так же и... крупно ошибается. Софи — европейка, высокая и крупная женщина с крутыми бёдрами. Этот рецепт не для вас. Попробуете так же, выйдет просто смешно. Для вашего стиля раскачка бёдрами абсолютно не подходит. Если только еле уловимая...

Показываю ещё несколько движений. Обычных. Повороты, наклоны, открывание-закрывание дверей. За кадром оставляю кое-какие мысли. Например, что движениями можно проказничать или кого-то пародировать.

Приоткрывается дверь, просовывается мордашка ЁнЭ. Ах ты ж!

— ЁнЭ, зайти и немедленно закрой дверь на защёлку! — Как же я об этом не подумала?! Никому постороннему, тем паче мужчинам, меня в таком виде лицезреть не позволено!

29 сентября, четверг, время 15:55.

Агентство «Music Modern», приёмная в кабинет Агдан.

— Ты чего вдруг? — в приёмной сидит муженёк, но подловить его на флирте с ДжиХён не смогла. Оба сидят с невинным видом. Нетрудно догадаться, что звук моих шагов слышали.

— От работы меня отвлекаешь... — пеняю дежурно, открывая кабинет. Додуматься, что причина есть, и причина железная, много ума не надо.

Так оно и есть. Но прежде, чем я его выслушала, получила прекрасный повод понедровольничать. Люблю я это дело. Спихиваю его со стола, на который он уселся передо мной. С трудом спихиваю, здоровенный он стал. По сути, сам слез.

— Что-то ты сегодня злючка, — бурчит под нос.

— На работе свои правила, которые надо соблюдать. Здесь ты мой бизнес-партнёр, так что веди себя прилично. Расслабляемся мы дома, а здесь работаем.

Выслушиваю его, с неуловимой скоростью вертя в пальцах ручку. Сначала одной рукой, затем другой. Постоянные и непрерывные тренировки в течение дня это образ жизни. Идеальная красота недостижима, мы можем только идти по дороге к ней всю жизнь. Только так женщина всегда будет красивой. Это кредо я вложила в головы своим девочкам перед уходом из зала.

— Отказать! — выношу вердикт на новость ЧжуВона. — Не окончательно, конечно. А до момента... догадываешься, какого?

Слегка сбитый с толку ЧжуВон усиленно крутит в голове шарики. Или что у него там? Он принёс в клювике предложение от LG на рекламу их телевизоров. Рекламой со своим личным участием давно не занимаюсь. От желающих поэксплуатировать мой образ отбоярилась элементарно. Поставила планку в миллион долларов. Мелочь сразу отсеялась, а гиганты призадумались. И вот нашёлся желающий. Как-то мгновенно у меня сам собой родился синопсис будущего ролика. Хм-м, а ведь миллиона будет мало.

— Во-первых, миллион это для затравки, — излагаю ЧжуВону свою позицию, — если я привяжу рекламу к новой песне, то плюсом к миллиону будут платить по обычному тарифу: один цент за каждый просмотр в интернете.

— Первым делом подержим ролик только на своём сайте... — включается Чжу.

— Само собой. Во-вторых, я не буду заключать контракт ни с кем из чеболей...

— Пока не узнаешь, кто конкретно натравил на тебя этого шипсэги Ю ХиГуна, — заканчивает ЧжуВон.

— Молодец, — одобряю его сообразительность и царственно протягиваю ему руку, — можешь поцеловать в знак награды.

Пару минут потом приходится от него отбиваться.

— Что мне им сказать... — задумывается ЧжуВон после нашей возни.

— Они могут ускорить подписание договора, если выяснят, кто нам решил подгадить. Ведь трудности с кинокомпаниями, скорее всего, тоже оттуда вылезли. Кстати, сколько в итоге ты поимел?

— Больше шестисот тысяч долларов, — довольно улыбается Чжу.

— Срочные дела есть? — он встаёт с кресла. — А то поедем домой?

— Срочных дел нет, — отвечаю, прокрутив в голове текучку, — но уходить раньше времени не комильфо. Какой пример мы подадим подчинённым?

Предлагаю ему для просмотра черновые ролики «Кары».

— Холь! — возбуждается Чжу. — Их срочно надо на телеэкран! Мне эфир заполнять нечем.

— Ты ничего не заметил? — сбиваю его энтузиазм скепсисом. — Во-первых, ролики сырые и дело не в том, что костюмы тренировочные. Во-вторых, для пущего эффекта их надо выстреливать очередью, серией. Два ролика это мало. Комбек «Кары» должен стать в Корею событием номер один.

ЧужВон вздыхает и сдаётся под напором аргументов.

— Пойдём в наше кафе, обсудим подробности, — нахожу вариант ни вашим, ни нашим. Вроде ещё на работе, и вроде уже ушли.

16:30, кафе рядом с агентством.

— Чжу, а как дела с центром репродукции? — вспоминаю дело, которое начинала сама.

Начала и сразу бросила. Уберегло меня тогда то, что ЧжуВон увязался за мной. С тех пор шарахаюсь от бюрократии, как кошка от огурцов.

Муниципальная организация, отвечающая за энергоснабжение. Таких договоров у нас, как бы не десятки. И вдруг президент этой компании отправляет нас к своему экономисту для обсчёта параметров энергопотребления. На автопилоте собираюсь скакать в указанном направлении, и вдруг меня придерживает ЧжуВон. Дальше он со всей вежливостью обрубаёт шуточки президента-энергетика.

— Простите, саджанним, но мы не можем через вашу голову общаться с вашими подчинёнными.

Поняла, что чуть не вляпалась, а подробно уже в коридоре Чжу всё объяснил:

— Это развод, Юночка. Такой фокус может означать две вещи. Либо он твёрдо намерен не подписывать с нами договор по каким-то причинам. Маловероятно. Просто не вижу таких причин...

— Может, он мой антифан, — проворчала я под смешки ЧжуВона.

— Поддайся мы на его провокацию, набегались бы, — продолжает он, отсмеявшись. —

С тем же результатом.

К слову сказать, этот обормот так и не подписал тогда договор. Как ему впоследствии ЧжуВон руки выкручивал, даже знать не хочу. Взятку, наверное, дал. С тех пор в бюрократические коридоры не суюсь. Только в самые высокие, околопрезидентские. Там хотя бы взятки не вымогают.

— Принципиальное разрешение у нас в кармане, — отвечает ЧжуВон. — Там ещё много мелочей, но это мы решим, когда здание найдём.

Купить центр не получилось. Их немного, и все процветают. Чтобы купить, надо не только без штанов, но и без трусов остаться. Чжу совершил нечто, к чему я даже не знала, как подступиться. Самое главное — найти и уговорить лицензированного специалиста. Вот это он и сделал. Могла бы я, конечно, задействовать свои способности внушения, но опасаясь разить этим мечом направо и налево. Так и заиграться недолго.

— Только ты знаешь, как мне иногда тяжело, — кладу руку на его могучую лапу.

К слову сказать, на месте я не сижу. Штат медиков и генетиков со знанием русского и английского языков готовится. Скоро отправлю их на обучение в Россию. ЧжуВон ещё и за господдержку этого проекта отвечает.

— Ты, главное, свою работу делай, — подмигивает пацак. — Загребай денег побольше. А как удачно их пристроить, я всегда придумаю.

30 сентября, пятница, время 20:15.

Особняк Агдан.

Валяюсь на диване упакованная по самую крышу, уставилась в телевизор. Головой на коленях мамочки, на груди — Мульча. Остальные на экран смотрят вполглаза, политические новости через их уши всегда транзитом просвистывают. Один ЧжуВон внимателен. Ноблесс облич в действии.

Сегодня я без легкомысленных босоножек и кокетства, поэтому Чжу изредка посматривает на меня с лёгким сожалением. Так-то наряд почти тот же, только взамен топики лёгкая рубашка. Мульча расслабленно мурлычет мне в лицо.

«Фракция оппозиционной народной партии в парламенте подала запрос о прокурорской проверке фонда «Национальная культура». Лидер партии господин ВинЧон подозревает фонд в злоупотреблениях, участии в коррупционных схемах и протекционизме компаниям, дающим взятки президенту фонда в громадных размерах в форме спонсорских взносов...», — бодро и весело чирикает хорошенькая ведущая в телевизоре. На заднем фоне большой экран, в котором мужчина с неподкупным лицом этакого азиатского Робеспьера мечет громы и молнии с помощью энергичной жестикуляции.

Хорошенькое дело! ВинЧон решил, что пора начинать предвыборную кампанию? Не понимаю я его. По корейским законам президент не может занимать свой пост больше одного срока. Глупо, кстати говоря. За такой срок ничего для страны не сделаешь. Национально ориентированная политика — игра вдолгую. За один срок можно только успеть карманы набить.

— Онни, подай мне, пожалуйста, телефон, — максимально томным голосом прошу СунОк.

Ещё немного и сестрица начнёт мне поклоны бить и козырять по-военному, но в

мелочах стоит насмерть. Меня это абсолютно не волнует, у каждого человека должен быть маленький уголочек, куда нет хода никому. Некий пяточок, который надо защищать до последнего. Для СунОк это право яростного негодования на мои мелкие команды. Мы обе знаем, что зайдя разговор о серьёзных вещах, она галопом по моему слову поскачет. Я — сэнсей СунОк в гимнастике и уроках этикета. Одно это определяет очень многое. А сейчас мы шалим.

— Совсем обленилась, — недовольно выговаривает СунОк, — приподними задницу и возьми свой телефон.

— Дочь, не груби сестре, — одёргивает её мама.

— Ну, онни, — ною с наслаждением, — у меня мама, Мульча, мне не хочется всех беспокоить...

Мульча перестаёт мурлыкать и обращает строгий взгляд на СунОк. Сестрица держится.

Цирк прекращает ЧжуВон. Молча встаёт и подаёт телефон. Не сказать, что я сильно этим довольна, — пацак порушил мою любимую забаву, — но поблагодарить приходится. Набираю номер, делаю вид, будто не замечаю, как все наостряют уши. Все кроме Мульчи.

— Аньён, господин ВинЧон... — некоторое время приходится тратить на всякие ритуальные эквивоки. Наконец приступаем к сути. В комнате тихо, — ЧжуВон убавил звук, — бормочет только телевизор.

— Господин ВинЧон, у меня для вас не очень приятные новости, — за что прошу простить великодушно, — но вам нужно это знать. Вы не очень удачно выбрали время для атаки на фонд «Национальная культура»...

— Да, мне тоже показалось, что госпожа СунСиль склонна к злоупотреблениям. Но вы ничего кроме мелочей не найдёте...

— Дело вот в чём, господин ВинЧон. Госпожа СунСиль выделила мне из фонда по моей заявке пятьдесят миллионов долларов. Дело в том, что я планирую гастроли в США, там целый комплекс проектов и мне до крайности нужны эти деньги...

В этот момент приходится делать паузу, выслушивая экспрессивные речи оппозиционного лидера. Ну, я же не виновата! Она сама ко мне пришла. Она пришла, а я её выдоила. Что такого?

Вдруг замечаю, что в комнате тишина почти полная. Телевизор что-то говорит лицом красавицы ведущей, но звук полностью отключен. Только бубнит мой смартфон далёким голосом недовольного мужчины. Понять мужинку можно. Выделение таких огромных денег разом снимает все подозрения в том, что фонд создан исключительно для набивания собственного кармана. Нет, он реально занимается продвижением национальной культуры, именно тем, для чего и создан. Мелкие злоупотребления? СунСиль прикарманила полмиллиона или миллион долларов? Мелочь! Она легко их закроет, проверка ничего не покажет!

— Вы понимаете, госпожа Агдан, в какое положение мы попали?! — негодует ВинЧон. И кто ж тебе злобный буратино? Не я ж тебя нацелила вцепиться в этот, надо признать, сомнительный фонд.

— Вы легко можете выкрутиться из этого неприглядного положения. Заодно и укрепить нашу дружбу, — у меня рождается идея.

Тишина становится абсолютной, как в склепе. Даже Мульча перестаёт мурлыкать, удивлённо озирая всех.

— Господин ВинЧон, сделайте так. Снимите свой запрос на проверку фонда, мотивируя

это моей просьбой и свидетельством в том, что фонд выполняет свои функции. Да, вы укрепите мой авторитет, но и свой не уроните. А также покажете своим избирателям, что мы не чужие друг другу люди...

Всё-таки он настоящий политик. Мгновенно взвешивает все «за» и «против» и приходит к очевидному выводу. А что ещё ему остаётся? Проверка кончится пшиком, это уже ясно. И значит, политические дивиденды получит не он, а президентша, его политический противник. Оно ему надо?

Кладу смарт на спинку дивана. В комнате по инерции звенит тишина.

— Чжу, прибавь звук, вдруг ещё что-то важное будет? — мои слова снимают заклятие тишины. Все начинают шевелиться, Мульча приступает к самому важному делу, снова мурлычет. Мама и СунОк кое-как, но отходят от оглушительного по своему масштабу разговора. Их любимой дочки и вредненькой тонсён. Национальный лидер парламентской оппозиции, фонд при президенте республики, пятьдесят миллионов долларов... есть от чего прижать уши. А она мне ещё телефон подавать не хотела! Ха-ха-ха!

Чжу-то привычный. Он сам из этих заоблачных для обычного человека сфер. Его наследства лишили? А если вслушаться, как звучит эта новость: «Корейский принц Ким ЧжуВон лишён права на наследство в размере два миллиарда долларов»? Вроде низвержение с высот, но грандиозного масштаба ведь не отнимешь. Кто ещё способен на такое, лишиться двух миллиардов долларов? Очень немного таких людей у нас в Корее. Да в любой стране. Поэтому он намного легче переносит такие события. Или нет?

Через полчаса меня, беззаботно болтающую ножками, ЧжуВон относит в спальню. С какой-то преувеличенной почтительностью.

— Никак не могу определиться, как к тебе относиться, — жалуется он, валясь рядом на кровать.

— Как к любимой жене, как ещё? — удивляюсь непонятым сложностям. Трёт лоб.

— Да-да... и вдруг любимая жена начинает рулить национальным парламентом...

— А чо такого? — невинно округляю глаза. — Подумаешь, толпа глупых мужчин...

Хихикаю, а пацак со зверским рычанием начинает меня трясти. Якобы в ярости.

— Всё-таки жалко, что ты вчерашних фокусов не стала повторять, — через минуту после того, как отвалился от меня, замечает пацак.

— С ума сошёл! Если я так буду делать каждый раз, то через неделю с ума сойду.

Надо ещё заметить, что сам ЧжуВон вчера заснул, как коней продавши. Такое нечасто бывает, чтобы он одним разом ограничивался. То есть, он тоже выложился. Но про этот нюанс я умолчу.

В этот раз, конечно, всё спокойнее прошло. Закидываю голову ему на грудь, самое время не очень приятную новость сказать. У него сейчас эмоциональный фон на нуле.

— Через неделю-полторы отбываю в Америку. Хочу через неделю, но как всегда, чего-то в последний момент не срастётся...

— А у тебя уже всё готово? — голос у него спокойный, хотя лёгкое огорчение присутствует.

— Всё никогда не будет готово, — отвечаю философски, — но полтора десятка новых песен... ёксоль! Совсем забыла! Мне в Японию надо по-быстрому слетать!

В Америке мне надо киносъёмки запустить. По договорённости с Робинсом без меня он решает только организационные вопросы. Неделю назад сообщил, что в принципе всё готово

для начала съёмок.

— Следующая неделя вообще будет суматошной, — продолжаю делиться планами, — возвращаться домой буду поздно, после восьми часов вечера.

— Ночевать-то всё равно дома будешь, — утвердительно спрашивает Чжу.

— Я — замужня дама! — возмущаюсь и тут же резко сбавляю тон. — Наверное...

И наслаждаюсь долгим подозрительным взглядом мужа.

1 октября, суббота, время 18:20.

Токио, один из элитных ресторанов.

— Знаешь, как-то слишком редко ты ко мне приезжаешь, — ласково пеняет мне Намиэ, — и то по делу...

— Клятвенно обещаю, — хихикаю в предвкушении, — когда будешь рожать, я буду рядом.

Красивые глазки Намиэ стремительно достигают анимэшных размеров. Хихикаю ещё громче.

С основным обедом из морепродуктов, — начинаю привыкать и подсаживаться на морскую кухню, — мы покончили, на настоящий момент наслаждаемся десертным мороженым. Снежно холодное лакомство сногшибательно сочетается с горячим чаем. Японцы — виртуозы и фанаты чайного дела.

С делом, благодаря азартной услужливости Намиэ, мы покончили феноменально быстро. Мне надо было снять с ней совместный ролик, на который у меня большие планы. У меня даже черновой был, вернее, это ролик Намиэ: <https://youtu.be/uYAnOCB0syg>

Рядовая лирическая песенка, сама Намиэ о ней почти забыла. Но мы дадим ей новую жизнь. В тот момент, когда певица подходит к окну, в котором отражается, её отражение вдруг меняется. И голос начинает меняться. Таким образом я там и появляюсь. И начинаю голосить во всю силу, хи-хи-хи! Разумеется, я не про громкость. Включила до предела бархатность голоса и вдоволь порезвилась на обертонах. Попробовали несколько раз, до тех пор, пока присутствующие японцы, — мастера записи и звука, — не начали писаться от восторга. Условно говоря, конечно.

— Знаешь, а я молодец, что вовремя ушла со сцены, — так парадоксально выразила своё восхищение Намиэ, — иначе ты бы выбросила меня оттуда с позором.

Она ещё посомневалась за себя, не слишком ли позорно выглядит рядом со мной.

— Во-первых, при записи что-то будет утеряно, — утешала я подружку. — Во-вторых, свою аранжировочку добавлю. Незаметно будет.

И голосок ей хитренько оцифрую, но про это умалчиваю. Не опозорится она, это точно. И выглядит всё так, будто она мне эстафету передаёт.

Её помощница Харука-ян и моя ГаБи сидят за отдельным столиком и чирикают о своём. У меня такое впечатление, что Харука смотрит на ГаБи немного снизу вверх.

— Ты откуда знаешь? — вскрикивает Намиэ. — Я никому не говорила!

— Подумаешь, бином Ньютона, — смеюсь. Я же обняла её при встрече, сразу на автопилоте просканировала её. Кстати, один маленький вопросец надо решить.

— Мальчик у тебя будет, — наверняка она не знает, раз никому не говорила, что второй месяц беременности на исходе. И вроде нет таких методов на таких малых сроках пол определять.

— Я тебе что-нибудь должна за твоё содействие? — мой вопрос подружку обескураживает. Протестуя отмахивается.

— Предупреждаю сразу, сниму с этого ролика, как минимум, пару миллионов долларов...

— Мелочь! — смеётся Намиэ. — Но кое-что я потребую.

Японка немного мнётся, потом накрывает мою руку своей ладошкой.

— Знаешь, почему-то у меня к тебе странное материнское отношение. Ты разрешишь мне считать себя моей дочкой?

Удивляет она меня этим, если честно. Пожимаю плечами.

— Мы — подруги, это точно. Мне скоро двадцать, тебе тридцать девять, — у Намиэ в этом году день рождения не задалось, в апреле она в клинике при смерти лежала, — годишься по возрасту. В отношениях так часто бывает. Подруги, как сёстры. Наверное, можно и так...

Начинаю хихикать. Намиэ, кажется, готовится обидеться.

— Только давай без рук, — захожусь от смеха, — а то моя мамочка любит мне подзатыльники давать. Двойных репрессий я не выдержу.

Хохочем вместе.

Окончание подглавы.

Глава 13.2

2 октября, воскресенье, время 11:55

Особняк Агдан.

— Почему у нас нет своего личного самолёта? — с лёгким стоном выхожу из машины в традиционно раскрытую ЧжуВоном дверцу. От достижений конфетно-букетного периода отказываться нельзя. Стоит пару раз самой выйти, как положительный, полезный и льстящий моему самолюбию рефлекс угаснет.

— Ехать из аэропорта до дома дольше и утомительнее, чем лететь из Японии, — жалуясь ЧжуВону, заходя в дом.

— Тебе тяжело и утомительно ехать в одной машине с любимым мужем? — поднимает бровь ЧжуВон, на двух пальцах неся мой чемодан.

Аж застыла на месте на секунду. Ничего себе! Ученик пытается конкурировать с учительницей? Это надо поощрять, — решаю на месте.

— Bravo, Чжу! — хохочу. — Моя школа!

Поднимаю руку, хлопаю о его подставленную ладонь, так со смешками входим в гостиную. У-п-с-с-с! Сюрприз! В гостиной за чаем блаженствует самчон. Около него хлопочет довольная мама.

— Аньён, Юночка! — цветёт всем лицом ЮнСок и бесцеремонно расцеловывает в обе щёки. — Хорошеешь с каждым днём!

Понимаю, что мечты о душе придется отложить. Ничего, есть тоже хочется... и новости услышать, — неужто те самые? — вижу ведь многозначительный взгляд самчона. На прямой вопрос, однако, отвечает уклончиво:

— Давай пообедаем, Юночка. О серьёзных делах лучше после еды говорить.

Мама с СунОк тем временем мечут снедь на стол. Один из соблазнительно пахучих вариантов свиной шкурки выставляется перед мужчинами. Девчонкам что полегче, салат-кимчи в исправленном варианте и окрошка, некоторые мои новшества из русской кухни пришлось по вкусу маме и сестре.

И вот когда мы приступили к чаепитию, — слегка посмеиваюсь завистливому взгляду, которым онни сопровождает поедание мужчинами пирожных, — самчон буднично сообщает нечто, чего уже не чаяла дожидаться.

— Юночка, это был «Самсунг»...

Переглядываемся с ЧжуВоном.

— Ты про суд с тем придурком ХиГуном? — уточнить надо, мало ли что. Самчон кивает.

Снова переглядываемся. Эта новость — триггер для целой цепочки наших дальнейших действий.

— Как удалось? — Чжу не сдерживает любопытства, он тоже знаком со сложностями этого дела. Выследить человека, который прикрывал ХиГуна, оказалось сложным делом. В суде был официальный адвокат, но того проверили сразу.

— О-о-о, целую спецоперацию пришлось проводить, — расцветает в предвкушении победной реляции самчон. Но гордая улыбка, обращённая к маме и развесившей уши СунОк, разочарованно гаснет после моих слов:

— Подробности наедине.

— Тебе что, жалко? — темнеет лицом СунОк.

— Скажи, онни, вернее, поклянись, что у тебя не мелькнула соблазнительная мысль поделиться захватывающей историей со всеми подписчиками твоего видеоблога? — смотрю пристально и не мигая. Так смотреть в нашей семье могут только я и Мульча. Вернее, Мульча и я. Мою кошку никто не пересмотрит.

Сунок стущёвывается и хмуро начинает прибирать посуду. Вот не знаю, удастся мне её окончательно перевоспитать или нет.

Время 12:50, кабинет ЧжуВона.

Чжу с огромным интересом слушает самчона, я с восхищением. Всё-таки мой дядюшка кое-что может...

30 сентября, пятница, время 18:20

Сеул, полицейская станция № 177 в Намьянджу

— Это он! Он! Точно он! — горячится молодой парень, тыча пальцем в брюзгливо морщащегося представительного мужчину, сидящего в сторонке.

Происходит всё в кабинете дежурного дознавателя. Рядом с горячим парнем стоит полицейский. Во избежание. Дознаватель, добавление к образу которого нарукавников полностью превратило бы его в типичного бухгалтера, подавляет довольную улыбку. Непонятное убийство на улице в зоне ответственности участка, случившееся трое суток назад потрясло весь бравый полицейский коллектив.

Беда всей корейской полиции в поразительно низкой преступности в целом по стране, как ни странно это звучит. Отработанным до автоматизма навыкам следственной работы просто неоткуда взяться. Почти любому полицейскому чину приходится совершать умственное усилие, напрягать память, что же в таких случаях полагается делать. Шаблонные, универсальные действия затруднений не вызывают. Специальные приходится вспоминать.

Ограбление на вечерней улице, которое где-нибудь в Нью-Йорке или Петербурге полиция размотала бы за один вечер в двух случаях из трёх, для полицейского участка № 177 оказалось задачей повышенной сложности. Такие в школьных учебниках по математике помечают звёздочкой. В некоторых странах.

Так или иначе, дознаватель страшно доволен. Хоть какое-то движение по делу пошло. По его команде задержанного уводят.

— Успокойся, парень. Давай по порядку.

Шумному свидетелю поневоле приходится утихомириться. Трудно произносить своё имя и прочие данные с чувством великого гнева. К тому же раздражитель удалён.

Через полчаса с огромным удовлетворением дознаватель даёт подписать протокол неравнодушному гражданину и отпускает его. Напоследок спрашивает:

— Слушай, а почему ты только через несколько дней пришёл? Почему сразу не заявил в полицию, что видел подозрительного рядом с место преступления?

— Так я только вчера случайно узнал, что совсем рядом было убийство. В интернете новость увидел, — поясняет парень.

— Понятно, — кивает дознаватель. — Если что, мы тебя вызовем. Аннён.

Поразмыслив, дознаватель вздыхает. Нет, всё хорошо, появился подозреваемый, но с доказательствами пока никак. Парень опознал мужчину, который вскоре после момента убийства поспешно удалялся от места преступления. Это всё. Улица, говорит, была пустая. Кхм, слабо, — решает дознаватель и по телефону требует доставить задержанного. Через минуту того вводят.

Настроение дознавателя планирует вниз. Не нравится ему брюзгливо спокойный вид мужчины. Не нравится в том смысле, что не похож он на криминального элемента и виновного хоть в чём-то. Даже в краже носового платка из супермаркета, не говоря об убийстве.

Время 13:20, кабинет ЧжуВона.

— А дальше, ЮнСок-сии? — интересуется Чжу.

— Дальше всё понятно. Что знают двое — знает каждая свинья, — цитирую одного колоритного персонажа из русского фильма мира Юркина.

— И что ты знаешь? — скептически кривится пацак.

— А что тут не знать? — пожимаю плечами. — Самчон находит выход на начальника станции или самого дознавателя. Повод для разговора подойдёт любой. Можно даже такой, который гарантированно встретит отказ. Предложение какой-либо формы сотрудничества, хотя бы про наши волонтерские группы антиманкеров, например, тоже подойдёт...

По мере моего спича в глазах самчона всё более и более разгорается уважение.

— На обеде в пафосном ресторане, — естественно, полицейский ни за что не платит, — затевается разговор о том убийстве. При достаточном уровне ловкости полицейский сам расскажет хорошим людям, что, откуда и зачем. Главное, представить дело, как необязательный светский трёп. Вот и всё.

— Ты рассказываешь даже лучше, чем было, — восхищается самчон. — Всё точно так и сделали, за исключением деталей.

— Каких деталей? — всё-таки прицепился ЧжуВон.

— Парень выдал главное после того, как выпил. Дорогой коньяк, между прочим, был, — со значением смотрит на меня.

— Десять тысяч долларов тебе и двадцать пять помощникам и на расходы, — мгновенно реагирую я. — Если мало, говори прямо. Оформим на тебя лично всю сумму, а ты распределяй, как хочешь.

По его глазам вижу, что угадала желаемый размер премии, а то и слегка превысила. Самчон довольно кивает.

— Всё, — надо скинуть накопившуюся усталость, ещё несколько часов назад я находилась в Японии, — я в душ и спать.

Через полчаса засыпаю под блаженное мурлыканье Мульчи. Больше всего она меня любит, когда я её глажу или сплю. Без ЧжуВона. Который выпытывает сейчас из самчона все подробности.

3 октября, понедельник, время 17:55.

Агентство «Music Modern», репетиционный зал.

В зал заглядывает ЧжуВон с озабоченным видом. А мы тут плюшками балуемся, то есть

репетируем. Кстати, есть для него повод поревновать. Хотя нас с хореографом две дамы, но парней семеро. СанХён не дал мне Bang-Bang, как я просила, но StarsUniors отдал мне аренду. Десять процентов выручки за их эксплуатацию придётся отдать, гонорары парням и их содержание тоже на мне. Сразу предупредила ребят, что на многое им лучше не рассчитывать. Рекламные проекты и подтанцовка.

С парнями реализую давнюю задумку. Пора выпускать в свет «лунную походку». Думаю, что в мире Юркина суперзвезда Майкл Джексон не полностью раскрыл весь потенциал этого стиля. Разбрасывался. Попробую развить его идеи.

(Примерно вот о чём речь: <https://youtu.be/ygfSDSFIAjM> — прим. Автора)

Этим и занимаюсь вторую половину дня. В первую — Елена дрючит мой кордебалет и «Кару». Там я появляюсь не слишком часто. Чтобы не терроризировать девчонок своим видом. На мне чёрный гимнастический купальник и чёрные же колготки, этот предательский для малейших недостатков фигуры цвет делает меня неотразимой. Недостатков у меня нет, и девчонки при мне скисают. Сейчас ещё ничего, а поначалу вообще зеленели от зависти. Они пока не видят улучшений своих фигурок. Они уже проявляются, но глаз не замечает роста травы или деревьев, если видит их непрерывно.

Показываться в таком виде парням не рискую. Так что сейчас я в лёгком и свободном спортивном костюме.

— Ты чего, Чжу? — подхожу к мужу, который немедленно цепляет меня за талию и приветственно целует в щёчку. Стайные игры, так понимаю. Альфа-самец на виду у других самцов помечает свою самку.

— Я ж говорила, что буду поздно, — не отстраняюсь и не пресекаю, самому быстро надоест, а сопротивление заводит.

— Тебе уже доложили? — Чжу продолжает, видя равнодушную реакцию. — Суд по твоему делу вынес решение.

И паузу делает, пацак проклятый. Клясть его нет смысла, сама так люблю делать. Моя школа или моим же салом мне по сусалам, — всплывает в голове русская поговорка.

— Мы проиграли, — досадливо морщится ЧжуВон, — присудили выплатить этому шипсэги сто миллионов вон за моральный ущерб. Апелляцию наш адвокат уже подал.

Раздумываю. Строго говоря, очень удачный момент именно для меня такое быстрое решение. Как раз не могла решить, сейчас же звонить в офис «Самсунга» или после суда. Если до вынесения решения, то они могли отыграть назад и причин для претензий я лишаяюсь. Теперь дело упрощается, у меня все основания бить «Самсунг» так, как захочу.

— Апелляцию отзовите, штраф я выплачу немедленно, — смотрю на мужа, ожидаю приступ удивления, но нет. Включает голову и думает.

— Не могу уследить за всеми изгибами твоей женской хитрости, — честно признаётся через полминуты.

— Мне нужен хотя бы такой символический ущерб, — объясняю высокие планы, — как повод для ответного удара. Апелляцию отозвать, мы подадим встречный иск миллиона на три долларов, в расчёте получить хотя бы один. И повесить эту сумму на ХиГуна. Выплачивать всё равно «Самсунг» будет. Далее вводим в действие план травли этого обормота, чтобы больше ни у кого не возникала дурная мысль поднимать на нас хвост.

— А «Самсунг»?

— А что «Самсунг»? С ним ещё легче. В крупную мишень попасть намного проще...

3 октября, понедельник, время 19:15.

Агентство «Music Modern», холл.

ЁнДжи.

Входим в холл с СонХи, нагруженные пакетами, и натываемся на спускающуюся с лестницы Агдан. Почему я и СонХи понятно любому. Пакеты увестистые и кто их должен таскать, если одна макнэ не справится?

— Контрабанду тащите? — с серьёзным лицом спрашивает госпожа.

Испуганно переглядываемся с СонХи, но вовремя замечаю, что госпожа улыбается. Сразу становится легче, даже пакеты кажутся не такими тяжёлыми. Нас, самых молодых, девчонки угнали в магазин за продуктами. Запас на несколько дней. Ничего запретного мы не покупали, но всё равно страшновато.

Светя на нас лёгкой улыбкой, госпожа проходит мимо. Не могу, не имею права упускать такой выгодный момент, когда мы почти наедине. СонХи — макнэ, её можно не считать.

— Госпожа Агдан, — мой несмелый писк догоняет госпожу. Она оборачивается.

— Госпожа Агдан... я хотела спросить, вернее, попросить... — вот всегда, когда нужно, язык будто отнимается, — тут девочки меня дразнят кривоножкой...

О том, что произошло это с подачи госпожи, умалчиваю.

— Кто посмел? — поднимает бровь госпожа. СонХи незаметно сдвигается за мою спину.

— Э-э-э... — признаться, я теряюсь. Вдруг она накажет ХаРу, а она потом...

Но, слава небесным апельсинам, госпожа не настаивает на ответе.

— ЁнДжи-ян, через месяц у тебя будут очень стройные и красивее ноги. И никому в голову не придёт обзывать тебя хромоножкой, — ласково утешает госпожа и вдруг замолкает.

— ...кривоножкой, — от моей негромкой поправки госпожа отмахивается.

После короткого раздумья вдруг говорит такое, от чего, сама чувствую, расцветаю всем лицом. Попрощавшись, госпожа стремительно удаляется. А у меня от радости рождается в голове туманный клубок идей, из которых выуживаю одну. Самую-самую.

— СонХи! — смотрю на макнэ максимально проникновенно. — Я тебя очень прошу. Называй меня всегда и везде хромоножкой! Особенно в присутствии госпожи.

Сначала СонХи глядит на меня, открыв рот, ты с ума сошла? Затем до неё что-то доходит.

— Нет-нет, ЁнДжи! Ни за что! Ты ж моя подруга! — глаза хитренько поблёскивают.

— Тогда не говори никому, что ты слышала! — захожу с другой стороны.

— Ты не исполнишь распоряжения Госпожи? — округляет глазки хитренькая СонХи. Ёксоль! Ничего не получается!

Когда приходим в общежитие и разгружаемся на кухне, девочки собираются на вечернее чаепитие и СонХи тут же меня предаёт. Или снимает с меня обязанность выполнения приказа госпожи.

— Девочки, а что нам сейчас госпожа сказала! — тут же заявляет СонХи. Щибаль! Не срабатывает мой план. Ну, и ладно...

После лёгкого галдёжа, что, где и почему, доходит до сути.

— Госпожа Агдан сказала, что если будете обзывать ЁнДжи кривоножкой, то она

сделает ей такие ноги, что мы все лопнем от зависти!

Все замолкают. Надолго. А СонХи я ещё отомщу, классный план мне сорвала. Таких дуёв в группе нет, желающих чтобы я их по внешности обскакала. Да, мне до колик в животе хотелось, чтобы госпожа исполнила свою угрозу. А она может, всем нутром чувствую.

Перед сном пристёгиваю на ноги длинные колодки. Чутьочку усиливаю нажим винтами. Укладываться в громоздкий станок Николь помогают Гюри и ХаРа. Кажется мне или нет, что ноги стали чуть прямее?

4 октября, вторник, время 10:45.

Сеул, офисный небоскрёб «Самсунг», кабинет вице-президента Лю ВанХи.

Удивлённый ВанХи ставит в подставку телефон. Растерянность заставляет тереть пальцами лоб. Что-то крутится в голове про эту заносчивую и наглую Агдан, что только-только ему позвонила. ВанХи сужает глаза, вроде вспомнил. Был полусветский разговор с начальников СБ и руководителем рекламного отдела и устное распоряжение президента компании все дела, касающиеся Агдан, перенаправлять первому вице. Он-то третий.

Подтянутый и спортивный, — президент культивировал в среде топ-менеджмента стиль яппи, — ВанХи был скорее молодым, чем молодежавым. Рост чуть выше среднего, аккуратные черты лица, что не так уж часто встречается у корейцев, как и у остальных азиатков. И без приторной слащавости, культивируемой шоу-бизнесом. Тридцать восемь лет идеальный возраст. И для удачной карьеры и всего остального. Удачная карьера, удачная женитьба, умная дочка двенадцати лет, сын на семь лет моложе. Можно уверенно утверждать, что жизнь удалась. Не без мелких неприятностей, которые случаются. Куда от них деться?

Вот как сейчас. ВанХи ещё раз прокручивает в голове голос это нахалки. Мелодичный и красивый, надо признать, но до чего противный. Не сразу он стал таким. Сначала поинтересовалась, с кем говорит, произнесла все требуемые ритуальные приветствия. И затем выложила жёсткий ультиматум.

— Я знаю, что эту историю с судом устроили вы, ваша корпорация. Поэтому доведу до вас своё решение. Никаких дел с «Самсунгом» моя компания иметь не будет вплоть до принесения извинений с вашей стороны. В дальнейшем, если я только заподозрю вас в каких-то интригах против меня, немедленно приму против вас меры. Доведите моё сообщение до высшего руководства.

— Не очень понимаю, о чём вы, но ваши слова передам господину президенту, — таким же сухим и холодным тоном ответил ВанХи.

Сильно его покорило то, что Агдан не стала прощаться, просто отключилась.

Только дочке ничего не надо про Агдан говорить. К сожалению, девочка от неё без ума. В комнате огромный постер висит. ВанХи с трудом изгоняет из памяти властно притягивающий взор образ невообразимо соблазнительной красавицы.

— Она сказала, откуда узнала? — в голосе президента ВанХи слышит беспокойство. И если он это почувствовал, значит, оно немаленькое. Мелочи президента никогда не трогают. Мелкие неприятности — обычный рабочий момент.

— Нет, господин президент, — ВанХи мысленно похвалил себя. Он правильно поступил, что передал сообщение Агдан немедленно.

— Хорошо. Вы правильно поступили, что позвонили сразу, — президент явно

подтвердил правоту ВанХи.

4 октября, вторник, время 12:35.

Сеул, элитный ресторан.

Звонок в офис «Самсунга» был сегодня не единственный. Когда выявляется враг, одновременно определяются невраги. Так что можно идти на контакт с LG. Контакт, седоватый, с импозантной лысиной спереди бодрый аджосси, сидит напротив. Однофамилец, между прочим.

— Вы не правы, господин Ким, — разделяваюсь с тушёной уткой, — миллион долларов, как единовременный гонорар, совсем не много. Учитывая ваши масштабы, платить меньше просто неприлично. Мне, звезде мирового уровня, тоже неприлично мелочь собирать.

— Мы не можем покупать рекламу, не видя её, — мой визави на пару с Чжу наслаждается свиными шкурками.

— Как не видя? — неподдельно удивляюсь. — Разве вы сейчас не видите меня?

Палочки у рта господина Кима зависают.

— Вы хотите сказать, что в рекламе сниметесь лично? — отходит от неожиданности через пару секунд.

— А за что я хочу взять с вас миллион, по-вашему? Ну, если не хотите, не буду сниматься. Кого-нибудь из «Короны» пригласим. Вам кто больше нравится? Тогда и я на ваши полмиллиона соглашусь. Если руку к этому прикладывать не буду. В таком случае этот вопрос можете решить вообще без моего участия. ЧжуВон-оппа легко всё сделает без меня.

У меня уже идея есть, как будет выглядеть рекламный ролик. Кстати, крутить его предполагается и на нашем канале. С моим участием ролик привлечёт больше внимания. Намного больше. И намного дороже будет стоить.

Мне тоже выгодно. Феноменально уникальная ситуация. Если я снимаюсь где-то в рекламе, — за большие деньги, между прочим, — то к приятному многозначному бонусу на счетах корпорации я и себе хорошую рекламу делаю. Нельзя давать себя забывать даже ненадолго и даже мне. Реклама будет напоминать обо мне много раз каждый день.

— Руководство моей компании может согласиться на ваши условия, — выносит резюме господин Ким, — но у меня дополнительное условие. Рекламирывать телевизоры наших конкурентов вы не будете...

— В течение года, — равнодушно поправляет ЧжуВон и поясняет, — всё равно новые модели каждый год появляются. Но эти подробности мы обговорим, Юночка. Ты снимай свой ролик.

— Минутный?

Оба мужчины согласованно кивают.

Едем в агентство. Прокручиваю в голове текущие дела, вроде планы не срываются.

— Одну вещь забыли, — поворачиваюсь к Чжу. Машина стоит перед красным светофором.

— Это невыносимо! — стонет ЧжуВон. — Ты даже не замечаешь, что моя рука у тебя на коленке...

— Это ещё что... — хихикаю, — впереди времена, когда я могу не заметить, как ты

меня трахнешь.

— О небо! Убереги! — ЧжуВон вздымает руки к небесам. Помигав ему напоследок жёлтым, светофор разрешает движение.

— Что мы там забыли? — вспоминает Чжу о деле.

— Сам телевизор.

— Ничего мы не забыли. Завтра привезут.

Окончание главы.

Глава 14. Америка и другие

8 октября, суббота, время 16:20.

Сеул, особняк клана Ким.

— Совсем ты нас забыл, внучок, — упрекает ЧжуВона госпожа Муран.

— Да, сыночек, — картинно всхлипывает ИнХе, — как женился, не показываешься совсем. Скоро мать узнавать перестанешь...

Госпожа Муран косится на невестку, но ничего не говорит. Ей интересно, как внучок сам будет выкручиваться. Хотя ЧжуВон всегда был непробиваемым и себе на уме. Невольно Муран ухмыляется. И ЧжуВон полностью оправдывает её ожидания.

— Хальмони! — вскрикивает он, испуганно косясь на мать. — Кто эта женщина?! Что она делает в нашем доме?!

ИнХе выпучивает на сына глаза, тот весело хохочет. Спустя короткое время к нему присоединяется Муран.

— Если серьёзно, то твоя мать права, — отсмеявшись, Муран решает перенять эстафету от невестки в благородном деле сексуального насилия над мозгом внука. — Давно ты у нас не показывался.

— Странные вы вещи говорите, хальмони, — ЧжуВон по-прежнему непробиваем. — Вы не забыли, что у меня теперь своя семья, которая требует внимания? И работы много, корпорация стремительно растёт.

— И сколько вы сейчас стоите? — любопытствует Муран. ИнХе тоже наостряет уши.

— Стоимость всех активов не меньше двухсот миллиардов вон. Правда, и пассив есть. Юна сумела получить что-то вроде льготного кредита на пятьдесят миллионов долларов.

Муран замолкает. Не зря она называла её подвижной девочкой, ох, не зря. Только несколько месяцев минуло. Когда свадьба-то была? В середине июля, значит, ещё трёх месяцев не прошло, и уже удвоила семейный капитал. Шустра девочка, шустра.

ЧжуВон останавливает взгляд на роллексе и тянет руку к пульту от телевизора.

— Что, уже убежать готовишься? — голос ИнХе грозит наполниться слезами до самых краёв.

— Нет, — коротко отвечает ЧжуВон. Кажется, эта девочка хорошую школу дала внучку, — думает Муран. Он и раньше не сильно забивал себе голову материнскими причитаниями, но сейчас будто вообще их не видит.

— Смотрите... сейчас, через минуту, — озабоченно бормочет ЧжуВон, найдя нужный канал. Его канал, — понимает Муран, ей становится интересно. ИнХе тоже понимает, что их ждёт какой-то сюрприз и затихает.

На телеканале Агдан-ТВ начинается рекламная пауза.

Большой пустой танцзал с большими окнами почти до пола в телевизоре, края которого чуть-чуть не достают до края кадра. Телевизор в телевизоре. Восемь красивых девушек в коротеньких юбочках и открытых топиках, больше похожих на лифчики, туфельки на среднем каблуке. Перед ними девушка с фигурой нереальной красоты, в тёмном купальнике и тонких чёрных колготках.

— Бесстыжая... — злобно шепчет ИнХе. ЧжуВон с трудом удерживает челюсть на месте. Помогает то, что видит далеко не в первый раз.

— Мах вверх! Поворот! Загиб назад! Руки! Держите руки, девочки! — звонко командует Агдан, исполняющая роль хореографа и сама вместе со всеми выполняет завораживающе красивые то ли балетные, то ли гимнастические па. Несомненно, это танец, но крайне необычный. МуРан не может припомнить, чтобы так танцевала хоть какая-то корейская группа.

Камера фокусируется на Агдан, изображение приближается вплотную, укрупняется, вот видны только складки купальника, потом всё размывается. И тут же процесс идёт обратно. У зрителя создаётся впечатление, что Агдан выходит из телевизора в реальный мир. Поворачивается к танцовщицам, машет им рукой.

— На сегодня всё, все свободны!

Фокус снова приближается, на этот раз к лицу Агдан. Во весь экран её невыносимо синие глаза. Понизу экрана печатается надпись, сопровождаемая вкрадчиво соблазнительным голосом Агдан:

— LG — загляни в будущее...

На мгновение вспыхивает логотип LG, изображение и марка телевизора с плазменным экраном необычно большого формата.

Женщины сидят минуты три молча, как пришибленные.

— Вот этим мы и занимаемся. Миллион долларов мы получили только за то, что сделали клип, — рассказывает ЧжуВон. — Сейчас за каждый показ будем грести по пятнадцать миллионов вон. Три-четыре показа в день — пятьдесят тысяч долларов, за месяц — полтора миллиона долларов. Договор на три месяца. Вот на эти воны и живём...

— Какой ты молодец, сыночек, — отмирает ИнХе. — Так скакать любая может, а ты попробуй, придумай!

Мать торжествующе смотрит на сына, но тот вздыхает и не спешит делить с ней чувство триумфа.

— Увы, мама. Всё придумала и сделала Юна. Кинооператора ей пришлось пару раз ругать. Я только бумаги все оформил и в сетку клип запустил.

— У тебя очень красивая, умная и талантливая невестка, дорогая невестка, — говорит МуРан.

ЧжуВон пытливо рассматривает её лицо. МуРан сидит с каменным лицом, никакого сарказма и глумления в голосе, никакой ехидной улыбки на лице. ЧжуВон разочарованно по поводу своей проницательности отворачивается.

8 октября, суббота, время 20:25.

Особняк Агдан.

Насчёт двухсот миллионов долларов наших активов Чжу немножко, но поскромничал. Да, в общих чертах он пересказал нам содержание беседы с женщинами Ким за вечерним чаепитием. Глянула тут курс датакоина, он прёт, как на дрожжах, и штурмует рубеж в двести долларов. Так что часть моих золотовалютных резервов в датакоинах весит почти тридцать миллионов долларов. Золотовалютных... хм-м...

— Чжу, нам кое-что надо обдумать, — сидящего рядом мужа трогаю за колено носочком изогнутой ножки. Ему такие фокусы нравятся, мне полезны, а ревниво завистливый взгляд СунОк страшно забавляет.

Чжу мимолётно гладит ножку и смотрит вопросительно.

— Обдумай закупку золота на русском Дальнем Востоке. Провентилируй и реши этот вопрос. Нам надо застраховать свои финансы. Доллар валюта хоть куда, но... но всё-таки это бумага.

ЧжуВон хмыкает и уходит в раздумья. СунОк с мамой прилипают взглядами к телевизору. Чего это они? А, понятно, моя реклама идёт. Мне-то что, сделала и забыла, а на всех почему-то действует, как песня сирен. Это моё, обожаю все эти дела, съёмки, аранжировки и прочее сопутствующее. Жутко мной нелюбимая административка — попутные издержки...

— Ты когда в Америку поедешь? — ЧжуВон прилаживается плюхнуться мне головой на колени, но его опережает Мульча.

— В понедельник. Примерно на неделю, запущу старт съёмок, кое-что решу с Икутой-саном и вернусь. Но, вообще-то, ближайшие полгода буду часто туда мотаться.

Слетать в США надо для того, чтобы провести разведку оврагов. Тех самых, о которых все забывают, когда пишут планы на бумаге. Не знаю, что и как, но наверняка такие есть. Надо их обнаружить, измерить глубину и ширину. И только после этого писать гладкие планы на бумаге.

Съёмки кинофильмов, несмотря на проложенную дорогу гениальным Джеймсом Кэмероном в мире Юркина, чистейшей воды авантюра. Но я замахваюсь на сотни миллионов долларов прибыли... хотя зачем себя обманывать? Планку я ставлю в миллиард, а снять такие деньги песенками и концертами цель безнадёжная. Насколько можно доверять памяти Юркина, такие мегазвёзды, как Майкл Джексон, Мадонна и другие, были «всег лишь» мультимиллионерами. Обладателями состояния в двести, триста, может быть, пятьсот миллионов долларов. Мелочь, короче. Мне нужны десятки... ой, куда это я? Холь! Пока я строю планы по захвату вселенной, меня уже несут в спальню.

10 октября, понедельник, время 08:15 (часовой пояс Лос-Анджелеса)

Аэропорт Лос-Анджелес (LAX)

Грандиозное великолепие Америки потрясает с первых шагов. И даже на подлёте, когда постепенно вырастает на глазах пейзаж циклопически огромного города. То, что окунаюсь в набирающую убийственную для жителя Севера мощь жару меня не смущает. Я — не северный житель. У нас схожий климат, плюс-минус.

Такое ощущение, что здесь всё большое. Как обвыкнешься, плавали — знаем, это иррациональное чувство жителя маленькой страны уходит на задний план, но не исчезает совсем. Большое всё, аэропорт — город средних размеров, а их тут пять. Добраться до места всё равно, что в соседнюю страну съездить. Столько же времени, терпения и бензина. Тысячекилометровые автострады — обыденность, небоскрёбы — повседневность. Они и у нас привычные, что только добавляет пиетета к Америке. Потому как небоскрёбы «пришли» к нам из США. Только Россия превосходит США в силе давления на психику своими просторами. Площадь почти в два раза больше. Но колоссальность размеров России носит несколько разгильдяйский, неухоженный характер. Вот когда там появятся шестиполосные автострады за Полярным кругом, многомиллионные мегаполисы на Алтае и Восточной Сибири, гигантские порты на Камчатке и Таймыре, вот тогда Россия заткнёт Америку за пояс.

Жаркая погода принуждает носить платье, но двадцать пять по Цельсию по нашим меркам почти холод, поэтому лёгкие джинсы, свободная блузка навывпуск и сандалии это то,

что калифорнийский доктор прописал.

— ЮнМи-ян! — раскрывает мне объятия невысокий японец, напрягая все свои морщины на лице в широчайшей улыбке. Останавливаюсь со своим эскортом из трёх человек. Позволяю Икуте-сану обнять и даже поцеловать в щёчку. От меня не убудет, но...

— Коничва, Икута-сан. Только не берите в привычку целовать меня при каждой встрече. У меня муж очень ревнивый.

— Ревнивый не отпустил бы вас одну так далеко, — грозит пальцем на моё лукавство японец. Умный, что есть, то есть.

Весело трепясь, идём к терминалу. Мои сопровождающие — будущие режиссёр и два оператора. Ключевые фигуры для создания любого фильма. Будут стажироваться у американцев, перенимать, так сказать, опыт. Один из них идёт параллельным курсом, снимая всех, но, в основном, меня. Второй, его сменщик, слегка позёвывает. Говорила им, чтобы спали, ведь смещение по времени прямо-таки беспощадное. Сами виноваты, что прочирикали между собой почти весь рейс.

Мы вылетели около 13 часов из Инчхона 10 октября по сеульскому времени. Прилетели в восемь часов утра опять-таки 10 октября по времени Лос-Анджелеса. Помнится, страшно веселилась по поводу смены часовых поясов над коронками, когда мы в Париж летали. Прямо жалею, что их рядом нет, снова поржала бы с них.

Но вообще-то это жёстко. Сейчас в Сеуле чуть за полночь и уже 11 октября, поэтому моим парням приходится сдерживать зевок. Я-то дисциплинированно проспала большую часть полёта, поэтому бодрая. Но чувствую: даже без учёта жестокой смены часового пояса придётся вспоминать свой навык сна урывками по 15–30 минут в течение многих дней.

10 октября, понедельник, время 10:00

Лос-Анджелес, отель «Хилтон»

Мистер Икута сиял, как новенькая монетка, только что вывезенная из монетного двора. Моя вина. Или заслуга, как посмотреть. Дюжина новых хитов — эта новость моментально вознесла его на седьмое небо, откуда он никак не желал спускаться, как бы я ни старалась.

— Я вам сразу всем пакетом не отдам, — проносится по лицу лёгкое облачко и снова сияет.

— Понятно, — тут же находит утешительный аргумент Икута-сан, — не сразу, но отдадите мне всё.

— Три-четыре песни будут только мои.

— Понимаю. Вы написали их под себя.

— За моей компанией остаются все права на мои песни в смысле любого использования кроме продажи.

— Будете иметь право исполнять на своих концертах, но продажи исключительно через нас, — кивает довольный японец.

— Не только на концертах, но и в изготовлении рекламных клипов и в трансляции по телеканалу...

— Никаких проблем, ЮнМи-ян...

Короче говоря, отбивает все мои подачи однообразным согласием. Немного поторговались, при оценке каждой песни. С телевизором я не справилась. Да никто бы не справился. Поразительно! В Америке, крупнейшем мегаполисе рядом с Кремниевой

Долиной, в номере суперлюкс фешенебельного отеля в телевизоре нет USB-входа! Вот так вот! И на Америке есть пятна.

Пришлось пользоваться собственным планшетом. Проигрываю примерно по тридцать-сорок секунд, этого хватит для первоначальной оценки. И только минусовку, исполнителей ещё подбирать надо.

(При прослушивании песен в женском исполнении прошу учесть, что голосом Агдан ни у нас, ни в том мире, никто не обладает. Естественно, я его показать не могу и надеюсь на ваше воображение, дорогие читатели. Широту тембра, глубину звучания, необыкновенную бархатность голоса Агдан надо накладывать на все предложенные песни. Особенно на те, которые она обозначила, как исключительно свои. Прим. Автора)

1. https://youtu.be/EK_LN3XEcnw — Mambo № 5

— Это одна из самых лучших из всей обоймы, — комментирую спокойно и обоснованно. — Наверняка пробьётся в «Billboard». В десятку лучших, может, и не попадёт, но в середине будет точно. Подбором исполнителя (на роликах только минусовка), аранжировкой, продюсированием, контролем съёмки первого клипа заниматься буду лично. Вследствие этого соглашусь только на тридцать процентов выручки.

2. <https://youtu.be/XwqBwI9XmdE> — Bongo Bong

— Для того же самого исполнителя. Нужен мужчина, знаете, с таким бархатным голосом.

— Профессионального соблазнителя?

— Нет. Просто мужчина, любящий женщин и умеющий с ними обращаться, — уточняю сценический образ.

— Условия?

— Песня замечательная, но в топ может и не пробиться. Надеюсь, выстрелит в Азии. Условия те же, но свой процент могу снизить до двадцати...

— Снижайте, — тут же соглашается хитрый японец.

— На подходе ещё одна песня для того же исполнителя. Но чисто для расширения репертуара. Там по нижнему тарифу в десять процентов.

— Раскручивать этого исполнителя не будете? — мгновенно догадывается Икута. Конечно, не буду. Просто некогда.

3. <https://youtu.be/HeOf1zJqZME> — Lose Yourself (как я это вижу)

— Условия те же, что и по первой песне. Но придётся попотеть. Сильны негритянские мотивы. Чернокожей публике эта манера войдёт, как патрон в патронник. Нужна сильная подпевка, исполнять лучше на пару голосов, плюс хор в поддержку. При соблюдении всех условий песня выстрелит в Америке.

— Думаете, войдёт в Billboard?

— Почти гарантированно.

4. <https://youtu.be/Ou4ke5cpp8c> — I'll Meet You at Midnight

— Надо подобрать мужской ансамбль. Если найдётся, то песня выстрелит. На самые верхние позиции вряд ли выйдет, но шанс войти в топ-100 есть. И неплохие. Мой процент — двадцать, при моём полном участии в изготовлении премьер-клипа.

5. <https://youtu.be/zkh5pWogfow> — I Feel Love

— Это тоже из золотой серии. Условия стандартные для этого класса песен. Включая мой процент.

Икута-сан, сверкая глазами, моментально соглашается. Руки он сцепил вместе. Кажется,

они у него трясутся...

— Первое исполнение хочу оставить за собой, как образец.

Икута так затряс головой, что я пугаюсь за его шейные связки.

6. <https://youtu.be/7a75NODeh40> — Coco Jamboo

— Золотая или почти золотая серия. Петь надо на два голоса, мужской и женский. В топ-100 в Америке точно войдёт. Условия те же.

7. https://youtu.be/oQyFFTh_YGc — I Like You

— С этой песенкой особый разговор. В топ-100 тоже должна войти, поэтому условия те же, но есть обстоятельство. Вообще-то у песни огромный рекламный потенциал. Реклама женской обуви...

Полагала, что больше невозможно, но глаза японца полыхают уже совсем нестерпимым светом.

8. <https://youtu.be/TG1y5gWin5c> — Can't Get You Out Of My Head

— Песня с высоким потенциалом, тоже способна попасть в топ-100. Есть одна тонкость. Идеальна для меня, как исполнительницы. Трудно будет подобрать замену...

— Подберём, — Икута-сан уверен в своих возможностях.

9. <https://youtu.be/o10AM5-NpMk>

10. <https://youtu.be/qKDj-OVJ6hc>

11. <https://youtu.be/iUzGJx9ftQ>

— Это только мои песни. Исполнять буду только я и стричь купоны тоже. Продажи отдаю вам и соглашаюсь на десять процентов, — немного поразмышляв, умеряю аппетиты. — Даже за пять. Песни не для простого народа, для искушённой и образованной публики.

В дверь номера стучат, на мой возглас совывается голова одного из моих ребят.

— Агдан-сии, мы вернулись, — отпускала их погулять в окрестностях. — Вам что-нибудь нужно?

— Пока нет. Можете отдохнуть, но ни в коем случае не спать, — этого нельзя делать, иначе адаптация затянется, а времени мало.

— Вы говорили, что у вас дюжина песен, — Икута открывает бодро пшикнувшую бутылку минералки, наливает радостно пускающую пузырьки хрустальную воду.

— Ищу, у меня тут творческий бедлам... нашла. Но её я присоединяю к предыдущей группе. Для неё самый лучший голос — мой.

12. https://youtu.be/q_RPaoRcy3c — Paradise

— Скоро обед, ЮнМи-ян, — Икута смотрит на часы. Как незаметно время пролетело.

13. <https://youtu.be/kyopTrbleTU> — Morze

14. <https://youtu.be/5rmb7WhmW30> — Friendships

— Ещё кое-что забыла, — нахожу и вывожу ещё две мелодии. — Особые клипы. Их можно, как песни, продавать, но, вообще-то, это рекламные проекты. Первая мелодия нацелена на клининговые компании и что-то подобное, вторая — на торговые центры, можно аэропорты, парки и другое, такое же объёмное.

— Как делить будем?

Обсуждаем место этих мелодий. Десять процентов с выручки — они всегда со мной. И

половина от рекламы при моём полном изготовлении клипов и взятии на себя всей административной и юридической организации дела корпорацией «Sony».

Какой-то огромный пакет у меня получается. Кажется, в Америке я застряну надолго.

8 октября, суббота, время 11:15

Сеул, офис торговой компании.

— ХиГун, ты уже получил свои деньги от Агдан? — начальник смотрит требовательно.

— Да, кунчанним. Позавчера деньги пришли, — с лёгким поклоном, не вставая, отвечает ХиГун.

— О-о-о! И что же ты молчишь?! — воодушевляется начальник.

— Вы меня просто опередили, кунчанним. Приглашаю всех в ресторан, — ХиГун называет заведение не самое-самое, но вполне приличное.

Заявление ХиГуна вызывает прилив восторга не только у начальника, маленького кругленького, лысенького и очень жизнерадостного мужчины. Двое коллег, отдел небольшой по количеству людей, что не может не радовать в таких случаях. Одно дело разоряться на банкет из нескольких десятков сослуживцев, совсем другое для себя плюс трое. Деньги шальные, вполне можно потратить тысяч пятьсот или даже миллион.

Почему суббота, тоже понятно. Всем и во всём мире. Последний рабочий, хоть и укороченный в их компании, день. Можно расслабиться, и есть выходной, чтобы прийти в себя после безудержного отдыха.

Невольно у ХиГуна поднимается настроение, индуцированное воодушевлением коллег. Само по себе предстоящее выбрасывание не таких уж мелких денег на ветер мало кого может порадовать. Пусть даже их много. Но невозможно удержаться от искренней улыбки, глядя на довольных коллег. В конце концов, никто никогда не увиливает от обязанности проставиться по любому поводу. Свадьба, рождение ребёнка, юбилейный день рождения...

Один из коллег, моложе и шустрее, уже звонит в ресторан, заказывая столик на четверых. Под одобрительным взглядом кунчаннима. И ХиГуна, который вдруг осознаёт, что одержал нелёгкую победу в судебном поединке и отметить её самому хочется. А с кем её отмечать, как не с друзьями и коллегами? Ведь он же победил! И кого? Агдан это почти чеболь. Другой чеболь стоял за его спиной, намного мощнее, но кто об этом знает? Настроение поднимается всё выше и выше. ХиГун не знал русскую поговорку о том, радость, разделённая с друзьями, вдвойне больше, но ясно чувствовал её справедливость на себе.

— Всё! — решительно хлопает ладонью шеф отдела первичной обработки документов. — На сегодня всё!

Через пару минут группа мужчин, весело гомоня, спускается по лестнице со своего родного второго этажа и вливается в негустую толпу остальных служащих компании. Только ветер, только радость, только счастье впереди! Ветер, понятное дело, в голове и под влиянием вкусного соджи, но так даже лучше.

Всё это дружная компания получила спустя пару часов, только никто не ожидал чрезвычайно подлого выпада злобной судьбы, изрядно подпортившей им праздник.

Окончание подглавы.

Глава 14.2

11 октября, вторник, время 09:10

Лос-Анджелес, павильон «Коламбия пикчерс»

— Может, имеет смысл взять нового директора картины? — лениво цежу слова и кофе. Слова наружу, кофе вовнутрь.

Пресловутый директор, одна из ключевых фигур любого фильма, хотя, по сути — завхоз, стоит и мнётся в паре метров от нас. Мы со Стивом за столиком, где он угостил меня кофе. Особая благодарность директору, что заставил меня испытать стресс, который я им заливаю.

Фил Мартинс, так зовут этого высокого, слегка расхристанного, — у американцев это часто встречается, — и, надо признать, раскованного и привлекающего внимание мужчины. Видимо, склонен к полноте и пытается с этим бороться с переменным успехом. Живот заметен, но при определённом усилии его ещё можно втянуть. Галстук слегка расслаблен, верхняя пуговица расстёгнута. Это понятно, погода тёплая, но не настолько, чтобы включать кондиционер.

Трудно мне его простить не потому, что он, первым встретившим меня в павильоне, сразу положил руку мне на талию. И не потому, что пока я от неожиданности хлопала глазами, непринуждённо сдвинул шаловливую руку на задницу. Больше всего не могу простить ему свою же реакцию. Ладно, что отпрянула, но...

— Да брось, Юна, — отговаривает меня Стив, — Фил — толковый парень.

— Америка большая, найдётся и другой толковый. Но, понимаешь, Стив... — перехожу на доверительный тон, — как мне это ему простить? Я даже в юности так вульгарно не материлась.

«Факинг щщит» никак не тянет на первое приветствие. Стив не хочет со мной соглашаться. Вот тупизна! Еле заметно ему подмигиваю. Если сейчас не врубится, то... даже не знаю, что делать.

— Всё-таки как-то слишком резко увольнять ключевую фигуру в фильме по настолько мелкому поводу, не находишь? — задумчиво смотрит на меня Стив. Понял что ли? Незаметно для Фила улыбаюсь режиссёру одним уголком губ.

Прощтрафившийся директор стоит, мнётся и потеет. Бесцеремонно хватать руками продюсера, едва его увидев? Охранники мои, пара пугающего вида мордovorотов, поотстали в лабиринтах, потому я и вошла первая. Они, вернее один из них, через секунду взял директоришку, — именно так он и выглядел рядом с моим громилой, — своими лапищами за грудки и в районе загривка, приподнял и отставил в сторону. Больше ничего объяснять не потребовалось. Парни прекрасно знают, что здесь я — главная. Охранная компания, что взялась меня опекать на территории США, предварительно ознакомила с правилами. По ним за мной обязанность держать свою охрану в курсе, куда, зачем и почему мы движемся.

Надеюсь, Стив понимает, чего я добиваюсь. Как бы мне неприятны ни были грубые мужские приставания, — щибаль, даже ЮСон так не делал, — это мелочи. Привести мужичка в чувство, дать по голове (морально) и можно работать дальше. Но не воспользоваться ситуацией?

— Зачем вам это надо было? — Стив то ли не догадывается, то ли хочет провериться.

Директор исчезает, условно прощённый, как можно быстрее, чтобы мы не передумали. Стив всё-таки уловил мой посыл и выгородил директора.

— Теперь он тебе обязан и знает, что если захочешь от него избавиться, продюсер возражать не будет, — объясняю очевидную для меня вещь. — Пусть бежит по одному щелчку твоего пальца. Понимаешь свою выгоду?

Понимает, судя по ухмылке. Это один из фокусов управления людьми. Чжу научил. Манипуляция людьми? А не надо незнакомых девушек за корму хватать! Должна я за это хоть что-то получить? Да просто обязана. Промах Филя конвертирую в зависимость от режиссёра. Он знает, что у меня в опале, а режиссёр его защищает. Так что старайся и чисть ему ботинки.

— Он что, всегда такой? — пора переходить к делу, но надо разобраться. — Актрисы на него не жалуются?

— Никто не жалуется, — отмахивается Стив. — Как-то благосклонно девушки к нему относятся. Он их своими приставаниями только забавляет и веселит.

— Давай Винкельхока посмотрим, — предлагаю и тут же останавливаю Стива, что потянулся к телефону. — Подожди, надо подготовиться.

Самое трудное в подготовке объяснить задачу одному из своих на английском. Иногда страдаю излишним перфекционизмом, можно и на корейском, но хочу скорейшего включения своих людей в процесс.

— Стив, заранее прошу. Я буду у вас исключительно наездами, так что с моими ребятами будешь сам разбираться. Просьба вот в чём: больше терпения, и если захочешь назвать их тупыми узкоглазыми обезьянами, то делай это не вслух.

Стив ржёт, в этом деле его не поддерживаю.

— Английский они знают весьма условно. Поэтому простыми фразами с ними разговаривай. Примерно так: возьми ту шгуку, — и пальцем покажи, — и поставь туда, и опять пальцем. Сложные лексические конструкции употребляй, чтобы они знали, куда стремиться, но понимания не жди.

— Усложняете мне работу, мэ, — изображает фальшивую озабоченность Стив.

— Перестань! Ты — руководитель и обязан уметь обращать любую ситуацию на пользу дела.

Пока мы беседуем, мои парни и ребята Стива выстраивают диспозицию. Можно звать Арнольда.

Когда он входит в помещение, сбоку сзади от него резко бахает. Сначала я предлагала уронить что-нибудь тяжёлое, но Стив велел своим просто протащить туда звуковую колонку, через которую включили резкий звук в виде громкого хлопка. Надо отметить, что это не звук выстрела или чего-то такого. Особо это подчёркивала...

Арнольд не испугался. Он резко и ловко, как на шарнирах, оборачивается влево всем телом. Там группа парней возится с оборудованием и не обращает ни на кого внимания. Вполне адекватная у актёра реакция. Вот только неправильная, потому как человеческая.

Стив приглашает его за столик и после знакомства, начинаю втирать ему высшую политику.

— Арнольд, ты неправильно среагировал...

Ловлю себя на том, что я буквально наслаждаюсь аурой свободного общения в американском стиле, свободном от очень многих условностей. В английском отсутствует даже разделение «вы» и «ты». Сравнить с азиатской многоступенчатой градацией

общения, которое зависит и от пола, и от разницы возраста и других факторов статуса, просто невозможно. Тут и лексика, и глубина поклонов и сложные стереотипы поведения.

Актёр внимательно меня слушает. Отсутствие множества условностей не мешает ему воспринимать мои слова, как глас свыше. Плачу деньги, значит, заказываю музыку и танцюю всех.

— Сейчас я покажу тебе, как ты обязан был среагировать, — прохожу к выходу, даю отмашку.

Громко хлопает, моё лицо остаётся неподвижным и непроницаемым. Не меняя положения тела, неторопливо поворачиваю голову, оцениваю обстановку, иду дальше однообразным механическим шагом.

За столиком поясняю:

— Слышите резкий звук. Анализируете буквально в короткую долю секунды. Во-первых, не похоже на выстрел любого оружия, характеристики которого есть в вашей базе данных. Во-вторых, не получено ни одного повреждения. В-третьих, событие, возможно, несущее угрозу, уже произошло. Первоначальный вывод: угрозы нет. Всё это надо прогнать в одно мгновение, не меняя выражения лица. Зритель это почувствует неосознанно.

— Зачем тогда мне поворачивать голову? — уточняет Арнольд.

— Исключительно для оценки обстановки. Всё, что вас окружает должно быть оценено со всех сторон. Прежде всего, в смысле возможной угрозы. В нашем случае приходите к выводу, что оборудование и персонал потенциально могут маскировать настоящую опасность. В программе зашито, что потенциальные угрозы должны учитываться, но не в боевой обстановке активная реакция на них не рациональна. Бездушная рациональность — главная доминанта вашей управляющей программы.

Арнольд медленно склоняет голову. Лицо его неподвижно, Стив смотрит с одобрением.

Когда он уходит, кладу перед Стивом несколько листов.

— Изменения сюжета. Введём новую линию. Погоня будет двойной, за терминатором затеет погоню крутой полицейский...

Стива это не радует, досадливо морщится.

— Юна, мы так не договаривались...

— Стив, за те деньги, что я тебе плачу, ты каждое моё слово должен на лету ловить, — подумав, добавляю, — и за бутербродами для меня бегать.

Короче, бунт на корабле подавляю. Стандартный гонорар американского режиссёра за фильм — миллион вечнозелёных. За десять миллионов, — на самом деле, там сложнее, но если не углубляться в детали, то именно так, — Стив должен мне тапочки в зубах носить.

Мне нужно внести в расходы по первому фильму огромные издержки за второй. Близким к идеальному был бы результат сам-на-сам. Сколько вложил, столько получил. Или с небольшим приварком. Не хочу я своему гениальному, но жадному режиссёру платить проценты с выручки. Но придётся. Потому и ввела эту линию со второй погоней, чтобы облегчить выпуск второго фильма, но уже без Стива.

Сливки сниму со второго фильма. Жуткие расходы на спецэффекты «Терминатора-2» спишу на первый фильм. Все не удастся. Жидкометаллические эффекты не втиснешь. Но многие сцены в стиле экшн вполне. Держись, Америка! Свой миллиард я с тебя срежу!

8 октября, суббота, время 14:05

Сеул, ресторан среднего уровня.

— Ёксоль! — вскрикивает один из четырёх мужчин за уставленным явствами и бутылками столом. — Проклятые журналюги, сожри их кумихо!

Настроение коллег ХиГуна и его самого было близко к похоронному. Он всегда стоял на стороне таблоидов, когда они выдавали нечто скандальное про известных людей. Это справедливо. Ведь если ты смог заработать большие деньги и добиться славы, это не значит, что ты можешь позволить себе всё. И вот он заработал так, как никогда в жизни и неожиданно прославился.

Поймали их прямо у выхода из здания. Небольшая толпа энергичных и бесцеремонных людей. Все мужчины, что понятно. Манеры у всех такие, что любую, даже очень зубастую даму, быстро затопчут. А поди ещё найди энергичную и стервозную девушку в Корее. Они там отсутствуют, как вид.

— Скажите, вам уже пришли деньги, на которые суд оштрафовал Агдан в вашу пользу?

Перед ХиГуном уже маячит микрофон, а говорит среднего роста, полноватый, но шустрый мужичок очень быстро. Так быстро, что ХиГун скорее по интонации и несколькими словам понимает, о чём речь.

— Да, пришли...

Позже, сидя в ресторане, ХиГун размышлял, может, надо было соврать и сказать, что не пришли или не знает. И пришёл к выводу, что эти гиены от него всё равно не отстали бы...

— Скажите, а как вам удалось добиться решения суда в свою пользу?

— Я здесь ни при чём, — выставляет руки в защитном жесте ХиГун, — у меня был хороший адвокат и суд решил в мою пользу.

— Как вы додумались подать в суд на Агдан? Вы — простой человек, а она — известная и влиятельная личность?

— Друзья посоветовали... — вот за эти слова ХиГун позже клял себя всеми словами.

— Какие друзья? Которые рядом с вами? — группа мгновенно распределяет внимание по всем остальным, перед каждым возникает микрофон.

Коллеги ХиГуна испуганно пятятся и стараются укрыться за спиной ХиГуна.

— Это не друзья, это коллеги... — смятение охватывает ХиГуна, он начинает сбиваться, — то есть, друзья, конечно, но посоветовали другие друзья.

С видимой неохотой журналисты отстают от коллег ХиГуна.

— А кто вам помогал? Вы же не хотите сказать, что самостоятельно добились через суд выплаты вам ста тысяч долларов за один синяк? — задаёт новый неприятный вопрос полноватый и шустрый. Вроде он из «Sportstep»...

— Поделитесь секретом, — вроде серьёзно обращается ещё один, — мне тоже хочется заработать столько денег за несколько секунд.

— Именно так и было. И не за синяк, — ХиГун приходит в себя и начинает защищаться, — а за грубость. Мне нравились её песни, любил смотреть её концерты... я всего лишь хотел взять автограф. Но она обошлась со мной очень грубо и недостойно. Я разочаровался в ней...

— Разочарование стоит ста тысяч долларов, да-да, — журналист говорит вроде про себя и вдруг огорошивает ХиГуна неожиданной новостью.

— А вы знаете, что юристы Агдан подали на вас встречный иск в сумме три миллиона долларов?

— Н-нет... — растерянно мямлит ХиГун.

— Вы в курсе, что президент нашей республики госпожа ГынХе очень благоволит к Агдан? — задаёт вопрос ещё один.

ХиГун в полном раздрае мотает головой. Только сейчас он догадывается, что вправе прервать летучую и неожиданную конференцию.

Кое-как они сумели отделаться от настырных журналистов. Но до сих пор ХиГун не может растворить никаким соджу ледянок комков страха внутри себя. Как он расплатится, если новый суд приговорит его выплатить хотя бы половину этой огромной суммы?

8 октября, суббота, время 15:35

Агентство «Music Modern», неприметный кабинетик.

ЮнСок сидит за непритязательным столом, обладающим, тем не менее, всеми необходимыми атрибутами начальника средней руки. Компьютер, бокс для документов, селектор офисной связи с встроенными часами и другая офисная атрибутика.

Сторонний наблюдатель мог бы решить, что ЮнСок занят обычными текущими делами, если бы не вырвавшийся из него явственный вздох облегчения, когда он берётся за издающий птичьи трели телефон.

— Завтра? Где и во сколько?

— Перестань! Мне запись не нужна...

— Ладно, кумихо с тобой.

— Придётся самим выслеживать, — говорит ЮнСок уже сам себе, а не телефону. — Твои неприятности только начинаются, парень...

Перед тем, как уйти, записывает в блокнот ряд цифр, похожих на номер телефона.

12 октября, среда, время 09:35

Лос-Анджелес, «Коламбия пикчерс»

— Смотри, Стив, — о, небеса! Как же мне нравится эта простая форма общения. Только в Америке понимаю, как меня достают поклоны и лексические реверансы на каждом шагу. Хотя немного лукавлю, поклоны в мою сторону, которых намного больше, «терплю» с лёгкостью необыкновенной, хи-хи...

Показываю Робинсу тот клип с Амурой, где я играю роль её отображения в зеркале и подхватываю её песню.

— Сама песня в Америке не выстрелит, но наша цель другая. Мы с Намиэ только покажемся в кадре на экране перед корейской или японской молодёжью.

— Хочешь вставить в фильм зацепку для зрителей вашего региона? — проницательно догадывается Стив. Показываю ему большой палец.

— Подошедший голый терминатор просканирует удивлённых парнишек, сделает заключение, что детская одежда ему не подходит и уйдёт, — ухмыляется режиссёр.

— Хи-хи-хи, может выскочить примерно такое сообщение на внутренний экран: «Что за мелочь тут собралась, подростки какие-то?», — добавляю перчику в сцену. Стив начинает смеяться.

— А ещё добавлю кадр, где парни закрывают глаза девушкам и заставляют их отворачиваться, чтобы не пялились на то, что у него ниже пояса, гы-гы-гы... — Стив

откровенно гогочет.

— Точно! — поднимаю руку, Стив свою и я хлопаю ладошкой о его ладонь. — Кстати, это соответствует нашему менталитету.

— Корейцев или японцев?

— В данном случае и тех и других.

Режиссёр пребывает в прекрасном настроении, самое время воспользоваться моментом и выполнить обещанное кое-кому.

— У меня просьба, Стив. Есть одна француженка, которой обещала роль в фильме. Не пугайся, — вижу, как тучка наползает на его лицо, — роль нужна второстепенная, хватит одного эпизода. К примеру, бармен, изготавливающий коктейль. Она вроде барменом когда-то работала. Ей даже платить не надо...

— Ну, это не проблема, — режиссёрское лицо проясняется.

Перед уходом напоследок вдыхаю особую ауру киномастерской. Разогретая аппаратура, сладковатый запах грима и пыли, сожженной мощными софитами, сигаретный дым.

13 октября, четверг, время 10:15

Агентство «Music Modern», репетиционный зал.

Девочки, старательно выполняющие все батманы, задаваемые командирским голосом высокой, красивой европейки, не обращают внимания на слегка приоткрывшиеся двери.

ЧжуВон осторожноенько входит, скромненько встаёт у стеночки и ждёт. Ждать ему не в тягость. Настоящий мужчина даже при смерти не откажется поразглядывать красивых, легко одетых девушек, что старательно тянут стройные ножки вверх и красиво изгибаются. А уж молодого за уши не оттащишь.

Долго наслаждаться зрелищем ему не дают.

— Вы что-то хотели, мистер Ким? — на ЧжуВона смотрят ясные серые глаза. «Красивая девушка, красивые глаза, но Юна ярче», — думает ЧжуВон, прежде чем ответить.

— Вы мне нужны на полчаса. Срочно.

Мужу Агдан, второму лицу в корпорации и первому в её отсутствие, отказать невозможно.

— У меня в последний момент не сложилось с переводчиком, — медленно по-английски говорит мужчина, — а выйти на связь договорился именно на это время.

— А с кем говорить? Я только английский и немецкий знаю...

— Как? — ЧжуВон не может сдержать разочарования. — А Юна... госпожа Агдан говорила мне, что вы — русская.

На громкий смех Стесснер оглядываются все девушки. Ей приходится отвлечься, чтобы загрузить их снова, дать задание на полчаса свободных занятий.

— Простите, господин Ким, — Елена аккуратно промокает платочком глаза, смеялась до слёз, — машинально сказала. Обычно человек не считает знание родного языка своим преимуществом. Да, конечно, я из России и русским языком владею свободно.

— Прошу учесть, госпожа ЛеНа. О содержании переговоров никто не должен знать. Дело не касается государственных тайн, ничего подобного, — ЧжуВон слегка придерживает девушку за локоток, когда они спускаются по лестнице, и убирает руку после последней ступеньки. — Корпоративные секреты. Никто не должен знать, чьи акции мы покупаем или куда вкладываем деньги. Иначе начинается паразитная конкуренция. Или другие сложности.

Вы меня понимаете?

Они выходят на улицу и направляются к джипу ЧжуВона.

— Наши контрагенты — русские и у них тоже сложности с переводчиками. Они есть, но та же проблема, что и у меня. Секретность. Вас это тоже касается, ну, я вас уже предупредил...

ЧжуВон открывает перед девушкой дверь машины, уже не осознавая, что поступает не по-корейски. Охрану выставляет на улицу.

Устроившись внутри, хозяин машины набирает номер и после нескольких гудков так же замедленно и короткими предложениями обменивается несколькими фразами с абонентом. Ничего особенного. Представляет свою переводчицу. Потом закрывает телефон рукой и шепчет Стесснер:

— Имя своё не говорите, — и передаёт телефон.

Лене действительно хватает четверти часа, чтобы обговорить все требуемые детали. И она, выслушав горячие благодарности, уходит. Унося с собой сто тысяч вон. Отказываться не стала, любой труд должен быть оплачен.

«Вроде всё в порядке», — размышляет ЧжуВон, трогая джип с места, — «золотые слитки высшей пробы на сумму два миллиона долларов будут готовы через месяц. 13 ноября прибываю на яхте в Хабаровск и там оформляю сделку. По курсу Лондонской биржи на день покупки. Юне пока говорить не буду. Но взять её в Хабаровск надо. С ней без переводчиков можно обойтись. Кх-кх-кх, оказывается, как удобно иметь жену-полиглотку...».

Чат «Цунами», антифаны Агдан на портале **OhmyNews**, ночь и утро 14 октября.

Пользователь [**S] открывает новую ветку «Выскачка в Америке, муж не теряет времени»

[**S] — Холь! Противная выскачка усвистала в Америку! Думает, ей везде мёдом намазано.

[***] — Мёд в Америке у неё уже был. Она там Грэмми получила.

[**S] — Подумаешь, какое достижение! Каждый год десятки человек Грэмми получают. На этот раз она там флопнется.

[***] — Почему ты так думаешь? Не, хорошо бы, конечно...

[**S] — Не может никому везти постоянно и во всём. Ей выпало десять раз подряд двенадцать очков на костях, и теперь она думает, что так будет всегда.

[***] — Справедливости ради... у АйЮ тоже всё получается. Ей тоже подряд две шестёрки всё время выпадают.

[**S] — Успех АйЮ заслуженный. Она много лет упорно трудилась и вела себя идеально.

[***] — И получает больше, чем эта выскачка. Младшая сестра нации, фронтгёрл национальной полиции, награды правительства...

[**2] — Только вот Грэмми нет, кх-кх-кх...

[***] — Пошёл вон отсюда! Как хорошо без вас было! Воняй где-нибудь в другом месте.

[**2] — Как скажете. Но помните, помните твёрдо! Агдан неповторима и блистательна. А главное — помните, что Небесное Божественное Око следит за вами! Не только мы.

[***] — Проваливай!

[**S] — АйЮ — лапочка. Душа взлетает, когда её вижу. А как узнала, что Агдан в

Америку убралась, сразу дышать стало легче.

[***] — Это правда. Я тоже будто тяжёлый мешок с плеч скинула.

[***] — А что там с её мужем? Гляжу название ветки и никак не найду новостей про него.

[**S] — А что муж? Как только жена из дома, он сразу на сторону вильнул. Вот, глядите... (ссылка на ролик папарацци, где ЧжуВон и Стесснер уединяются в машине)

[***] — Щибаль! Где он такую красотку урвал?

[***] — Из Европы выписал? Тоже такую хочу! Почему кому-то всё, а мне — ничего?

[***] — Почему ничего? Тебе какую-нибудь кривоногую коротышку, кх-кх-кх...

[***] — Себе такую бери!

[***] — И что интересно, охрану ЧжуВон из машины выставил. И сели на заднее сиденье, где стёкла затонированы.

[***] — А знаете, кто у него секретарша? ХёМин из «Короны», самая красивая из всей группы.

[***] — Самая красивая — ДжиХён!

[***] — ДжиХён да, тоже супер, но её Агдан к себе забрала.

[***] — Говорят, что Ким ЧжуВон всегда ХёМин выделял из всей группы.

[***] — И получил её. Только не пойму, как Агдан ему разрешила?

[***] — Кстати, кто эта европейка? Или она американка?

[***] — Скорее всего, американка. Только они ходят, так высоко задирая нос.

[***] — С такой американкой ему и ХёМин не нужна.

[***] — Холь! Почему не нужна? Я бы ни от кого не отказался!

[***] — А больше всего от Агдан, кх-кх-кх...

Окончание главы 14.

Глава 15. Подготовка к штурму

15 октября, суббота, время 10:05

Лос-Анжелес, Sony Music Entertainment

— В этом месте, — воспроизвожу фрагмент, — сделайте голос ниже, дальше снова вверх...

Лу Бега. Лу Бега, так Лу Бега, лучше всё равно нет.

Выбрали его вчера утром, а вечером он встал передо мной, как лист перед травой. В числе прочих, кстати. И когда после прослушивания всех кандидатов по очереди, — всего их было пять, — его позвали обратно, то он уже сиял в предвкушении.

Да, мы выбрали его после короткого совещания с Икутой.

— На четвёрку, — вынесла такую резолюцию.

— Зная вас, ЮнМи-ян, заключаю, что кандидатура практически идеальна, — улыбается всеми морщинами японец.

— Только я могу быть идеальной, — бурчу в ответ, — и то не всегда.

И вот контракт заключён, сферы ответственности определены, работа в разгаре. «Мамбо № 5» стартанёт в Америке, словно ракета и выведет нашего Лу на вершину. На какое-то время. Ведь нет ничего вечного в мире. А топовое место — продукт скоропортящийся.

— Всё! Хватит! — снимаю наушники. — Больше ничего не выжмешь.

Лу Бега слегка дёргается и смотрит виновато. Икута-сан ободряюще улыбается.

— Не волнуйтесь, Лу. Госпожа Агдан — суперперфекционистка.

— Надо подобрать подтанцовку, — озадачиваю обоих мужчин. — Согласно его внешности. Лу, ты с Ямайки?

Оказалось, его корни в Африке, но по оливковому цвету кожи и облику где-нибудь в Папуа Новой Гвинее его за своего примут. Кожа темнее, чем у белых и много светлее, чем у негров.

— Будешь с Ямайки, — моё решение не предполагает возражений. — Не пугайся. Мы даже говорить ничего не будем. Только твоя подтанцовка будет оттуда. Частично.

— Обязательно с Ямайки?

— Ямайки или с Океании, а там по фактуре выберем.

Смотрю на Икуту с ожиданием, пока он не включается.

— Придётся кастинг проводить.

— И что такого? Даже лететь никуда не надо, в Америке кого только нет.

Наступает время обеда, но выходить никуда не надо и хорошо. Здесь, в высотном здании представительства Sony есть всё.

— У меня для вас сюрприз, ЮнМи-ян, — между делом, обучая меня расправляться с лобстером, сообщает Икута.

— Приятный? — проявляю вялый интерес, всё-таки я изрядно вымоталась. Это ещё Робинс хлопот не доставляет, не зря я ему столько плачу. Сильва у него в павильоне трётся, ждёт своего эпизода. Довольная, как затраханная кошка, да простят мне это мыслепреступление небесные апельсины.

Работа с Икутой знакома и привычна не во всём. С дебютантами никогда не работала.

Но это они для меня новички, а так-то они давно в шоу-бизнесе трутся. Только на вторых ролях. Дефицит репертуара вещь жестокая. Великое множество талантливых исполнителей в тени.

Сегодня решаю согрешить и попить кофе, надо снять усталость, которая почему-то здесь в Калифорнии копится быстрее, чем дома. Надо вечером сходить искупаться в океане.

— Пойдём глядеть мой сюрприз, ЮнМи-ян? — Икуте, видимо, не терпится меня обрадовать. Зато я могу потерпеть.

Отвечаю ему улыбкой, но уходить из ресторана не спешу. Встаю перед стеклянной стеной, заложив руки за спину, люблюсь городским пейзажем. Заговариваю только через длинную паузу.

— Вы, японцы, ещё больше нас склонны к трудоголизму. Нам надо учиться отдыхать, отвлекаться от работы. Сколько нам положено времени на обед? Час? Этот час мы работать не будем, Икута-сан. Смотрите, какая красота!

17 октября, понедельник, время 08:05

Сеул, офис торговой компании.

— Что с тобой, ХиГун? Чего ты такой встрёпанный? И почему так поздно пришёл? — тревожится начальник отдела ЮСин. Как всякий от природы жизнерадостный человек ЮСин не выносит грустных и печальных событий. И кислых выражений лиц.

— Кунчанним... — стонет ХиГун и принимается за печальное повествование.

Сначала в метро на него обратила внимание симпатичная девушка средних лет. Миленько смущаясь, попросила автограф. ХиГун очень удивился и расписался предложенной авторучкой на каком-то календарике.

— И что же в этом плохого? — с энтузиазмом вскрикивает ЮСин. Коллеги смотрят с завистью.

— Плохого досталось намного больше... — вздыхает ХиГун.

Там, в метро, он не обратил внимания на группу молодых людей. И не придавал значения тому, что девушка, взявшая автограф, что-то им сказала.

Молодые люди нагнали его на улице.

— Простите, аджосси, вы тот самый ХиГун, который срезал с Агдан сто миллионов? — на ХиГуна смотрели восторженные глаза.

Вокруг начала собираться толпа, уйти ХиГун никак не мог.

— Пропустите, я на работу опаздываю, — но толпа не унималась. Его хлопали по плечу, в толкотне кто-то сорвал с него бейсболку, из-за которой тут же возникла лёгкая потасовка. Всем хотелось приобщиться к знаменитости. Ему совали в лицо календарики, визитки и прочую бумажную мелочь, требуя подписи.

— Так это тот самый шипсэги, который обидел нашу Агдан! — вдруг раздаётся крик где-то с краю толкучки.

Подошла другая группа, которая, не тратя времени на разгон, начинает поливать последними словами ХиГуна, всех его предков и родственников, коллег, друзей и соседей. А также всех присутствующих.

Разгорелась массовая склока, крики усиливались. Кучка народа за счёт любопытных, которые неизменно быстро включались в скандал, увеличивалась до изрядных размеров толпы.

ХиГун с ужасом понял, что выбраться не может. Положение спас полицейский патруль.

— Хорошо, что не задержали и протокол не стали оформлять. Сказали, чтобы я больше так не делал, — заканчивает грустный ХиГун.

— Что не делал? — не понимают коллеги. ХиГун пожимает плечами, откуда ему знать?

«Ты ещё узнаешь, что такое бремя славы», — где-то на другом конце города злорадствует ЮнСок.

15 октября, суббота, время 13:10

Лос-Анжелес, Sony Music Entertainment

— Холь! Это кто?! — вскрикиваю, непроизвольно переходя на корейский. Передо мной стоит ОНА. Не понимаю, как такое может быть? Тот, который во мне сидел, был бы потрясён ещё больше. Теперь это моя привилегия, база данных удивляться не может.

Икута довольно посмеивается, девушка заметно смущается, слегка розовеет.

— Сандра Лайер, — представляет девушку Икута. — Сценический псевдоним. Настоящее имя...

— Клара Лееман, мы уже знакомы. — на Грэмми её представляли.

Без тебя вижу, что Сандра. Только сейчас дошло: как её угораздило родиться на тридцать лет позже? Или сорок? В семидесятых ведь она взошла на небосклон шоу-бизнеса в мире Юркина.

Немного старше меня, Икута-сан что-то трещит про её карьеру, слушаю вполуха. Чего это она продолжает краснеть? А, это я веду себя с крайней бесцеремонностью, оглядываю её, как лошадь при покупке. И что такого? Принципиальных отличий не вижу.

— Не хотите послушать, ЮнМи-ян, — предлагает японец.

— С удовольствием, — соглашаюсь мгновенно. — Прошу, Сандра.

Загоняю её в комнату прослушивания, сажусь в предвкушении.

— ЮнМи-ян, запись можно послушать, — укоряет японец. Отмахиваюсь. Вживую всегда лучше.

Голосок не разочаровывает. Девочка в полной силе и моего благотворного влияния не требуется. Если только чуть-чуть. Незаметно расширить диапазон, немного усилить голос. Опять обхожу её вокруг.

— Фигурка замечательная, никаких вопросов, — внимательно смотрю на смущённое личико, пальцем за подбородок не даю опустить очи долу.

— К пластическому хирургу не желаешь сходить? В счёт будущих заработков? Носик тебе слегка подправить, и станешь нереальной красоткой?

Засыпаю её вопросами, ответов на которые от ошеломлённой девушки даже не жду. Краем глаза замечаю, как веселится персонал студии. Наконец отлипаю от неё и сажусь рядом с Икутой, который опять мобилизует все свои морщины в кучу.

— Я её забираю. Через несколько дней улетаю в Сеул, она со мной.

— ЮнМи-ян, хе-хе-хе... — смеётся японец, — вы ничего не забыли? Вдруг она не согласится?

— Как она может не согласиться? — с искренним недоумением округляю глаза. — Она же пришла сюда? Ну, как хотите... Сандра, ты согласна заключить контракт с моим агентством?

— Минутку, минутку, ЮнМи-ян, — беспокоится Икута, — это же моя певица!

— Ой, да перестаньте, Икута-сан. Я её заберу, сделаю из неё конфетку, снабжу репертуаром, лет через пять получу от неё полное удовлетворение и отдам вам.

Немного ругаемся с Икутой по поводу условий и сроков. Соглашается на два с половиной года, а далее Сандра переходит под совместное управление.

Окончательно сбита с толку моими рабовладельческими пассажирами, но довольная, Сандра уходит. А мы начинаем заниматься текучкой, подбором местных исполнителей и продвижением наполеоновских планов.

— Разбрасываетесь, ЮнМи-ян, вроде и много песен, а альбомов нет, — бурчит Икута.

— Икута-сан, а что мешает выпустить диск с общим названием «Команда Агдан» или что-то в этом роде? У нас же нет исполнителей первого ряда с большим гонором.

Икута-сан задумывается, и я примерно представляю о чём. О будущей рекламной кампании, названии диска и всё такое. Подливаю керосинчику в костёре его размышлений.

— Прогоним отдельные песни, а на диске укажете, что там пять, — или сколько там получится? — песен из Billboard-100. Чем не реклама?

17 октября, понедельник, время 09:10

Прибалтика, небольшой городок в Латвии.

Гостиница на мой вкус, испорченный роскошью «Хилтона», задрипанная, но чувствуется удивительно симпатичная уютность. Выпендриваться не стала, взяла двухместный номер на нас с Сандрой.

На улице холод невозможный, по мнению Сандры. Плюс четырнадцать, облачно, лафа на мой взгляд. Собираюсь на волю.

— Сандра, не хочешь прогуляться?

— А можно я не пойду, Агдан-сии?

Это я её приучила. Не нравится мне «миссис» или, спаси меня небо, «мэм». Не хочешь, как хочешь, одеваюсь в своё любимое: джинсы, кроссовки, ветровка, бейсболка. Образ рафинированной красотки-аристократки надоел до чёртиков.

Скатываюсь по лестнице и на крыльцо. Солнышко будто ожидало меня, выглядывает из-за облачка, ласково приветствует. Далеко уйти не удалось. Огромный соблазн погулять одной, без охраны, вдруг теряет свою привлекательность.

— Смотри, какая девушка! — сбоку приближается пара парней.

— Пикантененькая! — соглашается второй.

Только уличного пикапа мне не хватает! Ладно, морду тяпкой и вперёд.

— Уот ду ю вонт? — дальше добавляю, видя как морщины на лбах отображают усиленную работу мозгов. — Ду ю спик инглиш?

Парни симпатичные, высокие, блондинистые, наверное, местные. Красавцы, но с английским беда, хотя один что-то пытается мямлить. Отвечаю в смысле «моя твоя не понимай». Но так дело не пойдёт, возвращаюсь в гостиницу.

Девушка на ресепшне, что интересно, русская, так что никаких проблем. Ни у неё, ни у меня. Хотя при заселении, зная о громадном пиетете балтийцев к европейцам и американцам, начала говорить на английском. Стройная сероглазая шатёнка легко приняла мою английскую подачу, но я услышала её обращение к носильщику и поняла, что она русская или хорошо знает русский язык.

— Рашен? — и получив утвердительный кивок, предложила. — Могу говорить по-русски, если вам удобно.

Девушка согласилась к обоюдному облегчению. Мне всё равно, на каком языке трещать, но республика русифицированная, много русских, так что на русском удобнее. Местным легче объяснять тонкие моменты.

— Жанна, как бы мне с полицией связаться?

От моего запроса девушка чуточку пугается, но выслушав, оказывает помощь.

— У меня есть знакомый полицейский...

Жанна начинает названивать и через час к отелю подходит пара серьёзного вида мужчин. Договориться удаётся быстро, они сразу соглашаются. Бедненько тут люди живут, каждый евро берегут.

— Вы мне нужны на два дня. Оплата — сто евро в день. Страховая сумма, если что-то с вами случится на службе, десять тысяч евро. Понятное дело, это максимальная сумма. Возможна пролонгация договора на тех же условиях, если мне придётся задержаться.

Согласились они сразу, но затребовали письменное обязательство. Каждому.

Странно получается. Мечтала в одиночку или в компании друзей прогуляться без надоедливой охраны, но нет. Это удовольствие мне теперь недоступно. И не потому, что боюсь. Вернее, боюсь за свои планы, своих людей, свою компанию.

За всеми этими хлопотами время подходит к обеду, и я всё-таки вытаскиваю Сандру в ресторан. Борщ, драники, голубцы, холодец... мои разгоревшиеся глаза носятся по списку меню, как сумасшедшие. Прибалтийская кухня относится к славянским, чтобы они там про свою самость не пели.

Отпускаю Сандру и топаю пешком в мэрию. Городок маленький, а мне хочется размять ноги.

Из двухэтажного здания чудесной архитектуры выхожу через три часа окончательно очумевшая. Не одна выхожу, поэтому стараюсь не показывать вида. Много чего ожидала, вплоть до посылания в далёкие места прямо с порога. Как всегда, готовилась к худшему, надеялась на лучшее. Но меня как будто водоворотом всосало в омут, как только я заикнулась, что планирую инвестировать в город пару миллионов долларов. Для начала, — так я выразилась. Секретарша средних лет, деловитая и породистая дама, только что руки мне не начала целовать. Утрирую, конечно.

Мэр Янис Лачплесис, дядечка, возрастом приближающийся к пожилому в этом смысле тоже стал похож на секретаршу. Чуть позже. Мне он понравился, облик слегка крестьянский, усы его усиливают, очки придают интеллигентности простоватому лицу забавно прямоугольной формы.

Сломался он после ответа на его очень осторожный вопрос о масштабах инвестиций. Завела свои прекрасные очи к потолку, прикинула в уме и решила для начала прояснить местные масштабы.

— А какой у вашего города годовой бюджет?

— Сто миллионов евро плюс-минус, — мэр стал похож на охотничью собаку, почуявшую дичь.

— А подоходный налог с физических лиц куда уходит? В республиканский бюджет или городской? — не хватило мне одного вопроса.

— Подоходный распределяется в соотношении 75:25 в нашу пользу. Имущественный налог, земельный налог в городской бюджет отчисляется полностью...

— Если всё будет складываться, если мне не будут чинить препятствий и, вообще, хорошо относиться, то... — завожу глаза вверх, опять считаю, — речь идёт о сотнях миллионов долларов в течение нескольких лет.

— Но предупреждаю сразу, — смотрю на не верящего своему счастью мэра, — пик активности будет года два-три, что будет дальше, зависит от многих факторов, включая политику вашего правительства. Например, меня жутко угнетают обязательные платежи с зарплаты в ваши внебюджетные фонды.

Мои объяснения сути медицинского бизнеса его особо не заинтересовали. Хозяйственник, он уже прикидывал: будет строительство, значит, тендер и народ подзаработает. Город своё получит за подключение коммуникаций, налоги, само собой. Но и службы его могут получить свою долю при строительстве. Ожидается приток народа, отели получают загрузку, предприятия общепита получают дополнительную клиентуру. От моих опасений мэр отмахивается, при сдаче крови, лимфы и генетических биоматериалов доноров можно оформить, как нерезидентов.

— В этом случае заплатите двадцать процентов подоходного и всё... — такой коленкор меня устраивает.

Городок у меня в кармане, планирую тратить тут бешеные бабки, подробности аккуратно довожу до мэра, но слава ГуаньИнь, они его особо не интересуют. Есть там скользкие моменты. Если с подоходного налога городок получает три четверти, то за год могут набежать десятки миллионов долларов в бюджет. Тут весь городок мне ноги целовать будет.

Можно уезжать. Оставила ему адрес электронной почты и озадачила поиском места, с предоставлением карты и фотографий. Янис порывается покатать меня по городу, чтобы я сама посмотрела. Кое-как отбиваюсь, спешить надо не торопясь.

— Есть одна просьба, — мужчина слегка смущается, но продолжает, — могу ли я утверждать, что это я вас нашёл и уговорил вложиться в наш город?

Хм-м... взятка борзыми щенками? Почему бы и нет, в такой невинной форме?

— А разве именно сейчас происходит не это? — смотрю на него совершенно невинными глазами. Их цвет в таких случаях очень помогает.

— Можете сказать, что приглашали меня посетить ваш город...

На лице Яниса появляется лёгкое сомнение, загадочное для меня. Смотрю на него, чего он мнётся?

— Очуметь! — хорошо, что говорим по-русски, этот язык богат на экспрессивные выражения. — Янис, вы что, меня не знаете?!

Удивлена до глубины души! Где-то даже обидно. Добиваю мэра окончательно.

— А ещё Европой себя считаете! Я же Агдан, певица, звезда мирового уровня, меня все знают!

— Да? Простите, не очень слежу за культурными событиями... — что-то мелькает всё-таки в глазах, смутное узнавание на периферии памяти. Там, где хранится всё постороннее.

— В интернете посмотрите, — советую перед прощанием, — с детьми поговорите.

Мы уже вышли на улицу, возбуждённый Янис вызывает служебную машину, мои слабые протесты не слушает. Так что отпускаю охрану и еду обратно с комфортом. На прощание Янис даже руку поцеловал.

В этом городе есть один недостаток. Отсутствие аэропорта и магистральных железнодорожных линий. Без пересадок нельзя даже до Москвы добраться. Но тут как

посмотреть, иногда труднодоступность оборачивается плюсом. И примириться с этим можно, в крупном логистическом узле, например в Риге, меня на руках носить не будут. По крайней мере, сразу.

Сидим в номере, смотрим с Сандрой, как выбраться отсюда. Решаю, что лучше через Витебск. Машину можно у Яниса затребовать, а можно дать нашим охранникам заработать. На автобусе чересчур утомительно.

17 октября, понедельник, время 09:15.

Сеул, окружной суд Намьянджу

— Объясните, пожалуйста, суду, господин адвокат, на каком основании вы предъявляете иск такого колоссального размера? — строго спрашивает седоватый судья с пронзительными глазами.

Молодой адвокат, не медля, встаёт. Вид у него бодрый, в отличие от Ю ХиГуна, подавленность которого заметна всем.

— Мы исходим, главным образом, из двух обстоятельств, господин судья, — адвокат начинает речь с некоторой развязностью, но под прищуром судьи мгновенно перестраивается на деловой тон.

— Первое обстоятельство. На охрану первого лица «корпорации Агдан» и членов её семьи тратится три миллиарда вон в год. Именно такую сумму и заявляет в качестве иска моя доверительница. Документы могу предоставить, господин судья...

Судья делает знак рукой, мужчина в форме забирает несколько скреплённых листов со стола адвоката. Полминуты судья просматривает документы, затем даёт команду адвокату продолжать.

— Как вы понимаете, господин судья, даже очень богатый человек был бы рад избавиться от таких расходов. Но почему моя доверительница и другие известные люди тратят такие огромные деньги на охрану? Можно сослаться на низкий культурный уровень обычных людей, но с этим, к сожалению, мы ничего не можем поделать. Зато можем конкретизировать и персонализировать обвинение. Моя доверительница считает, что именно ответчик виновен в том, что ей приходится нести такие затраты на охрану себя и членов своей семьи. И ответчик доказал делом, что именно от него опасность нанесения вреда моей доверительнице реальна. Отсюда и сумма иска, пусть виновный оплатит хотя бы годовое содержание охраны.

— Протестую! — вскакивает господин Чанг, адвокат ХиГуна, юридический клон адвоката Агдан. Костюм такого же кроя, выражение лица, только ростом чуть ниже.

— Нет доказательств реальности угрозы истце со стороны ответчика! — громко заявляет адвокат Чанг.

— Есть! — уверенно заявляет оппонент, адвокат Нам. — Суд, рассматривавший иск ответчика моей доверительнице, снизил исковую сумму на основании... цитирую: «действия гражданина Ю ХиГуна охрана Агдан, в силу специфики своей работы, вправе была расценить, как возможную угрозу неприкосновенности охраняемого лица».

— Итак, — продолжает довольный хмурым видом своего оппонента адвокат Нам, — ответчика вполне законно отнести именно к той категории граждан, из-за которых моя доверительница вынуждена держать охрану.

— Допустим, — не спешит окончательно соглашаться судья. — Но почему ответчик

должен платить за всех не умеющих себя вести граждан?

— Спасибо, господин судья, — расплывается адвокат Нам, — вы очень ловко подвели меня к изложению второго обстоятельства.

— Второе важное обстоятельство, — берёт быка за рога адвокат, — ответчик своим иском моей доверительнице поставил её в очень опасное положение. И не только её, а всех известных и популярных людей.

— Поясните, — требует судья, параллельно жестом останавливая адвоката Чанга.

— В сети нетизены уже обсуждают подобные способы заработка. Достаточно спровоцировать охрану любого айдола на резкие действия, как можно подавать в суд и получать огромные отступные. Ответчик Ю ХиГун создал опаснейший прецедент. Если суд не удовлетворит наш иск, страна, её судебные инстанции окажутся под валом претензий к известным людям, требующих гигантских компенсаций за моральный ущерб. Им всем, не только моей доверительнице, придётся резко увеличивать расходы на охрану, они будут страшиться выходить из своих квартир и домов. Есть опасность возникновения новой социальной эпидемии, на подобие той, с которой уже борется моя доверительница... я говорю о манкинге.

Адвокат Нам с огромным удовольствием бросает взгляд на оппонента. Излагаемые аргументы, совершенно меняющие картину дела, приводят того в состояние, близкое к шоку. Нам ГиЮн возносит хвалу небу, а пуще инструкциям Агдан, которые ставят суд в безвыходное положение. Судья не дурак, прекрасно понимает, что грозит лично ему, если он не закроет ящик Пандоры на крепкий замок.

— Вы преувеличиваете опасность для популярных людей! — выкрикивает адвокат Чанг. Так как он не продолжает, судья ограничивается строгим взглядом.

— То есть, вы признаёте, что такая опасность реально существует? — едко срезает его ГиЮн.

ГиЮн не мог заранее знать, что только за эту фразу Агдан впоследствии премирует его. Три тысячи долларов мало кому покажутся мелочью. Если только самой Агдан. ГиЮн не мог этого знать, но в данный момент хвалил себя изо всех сил.

Всё дальнейшее — дело техники и бюрократического оформления. Конечно, Чанг пытается выкрутиться, но отказ от своих же слов безнадёжно обрушивает его авторитет в глазах судьи.

Окончание подглавы.

Глава 15.2

19 октября, среда, время 19:35
Белоруссия, ж/д вокзал Витебска.

— Мы бронировали билеты на Москву, — сую паспорта в кассовое окошечко. Женщина средних лет быстро стучит по клавишам в поиске наших данных.

Она их находит, два места в одно СВ-купе. Небольшой затык возникает при оплате. Белорусских рублей у нас нет и покупать их нет смысла, мы здесь проездом и планируем только одну покупку.

— А сколько это будет в евро? — мой вопрос не повергает кассиршу в шок. Но заставляет отвлечься.

— Ирочка, посмотри там, сколько стоит билет СВ до Москвы в евро!

— Сто шестьдесят за два билета, — кассирша ретранслирует мне полученную экспертную справку.

Слава небесам, нашлись у меня две стоевровые бумажки. Для точной суммы мелочи не набралось.

— Сдачи в еврах нет, — ожидаемо извещают меня. Знакомая по многим странам система ниппель.

— Давайте в ваших рублях, пригодится.

Кассирша опять подвисает, что-то высчитывает на калькуляторе, записывает что-то в ведомость, даёт расписаться и в конце этого небольшого квеста выдаёт кучку разноцветных бумажек.

Забавный дизайн, — разглядываю с Сандрой местную валюту, считаем нули на купюрах.

На белорусскую сдачу идём в привокзальное кафе. Не одни. С местным милиционером, сержантом, если правильно распознаю его погоны. Да, познакомились с местным полисменом.

— Прошу предъявить документы! — после приветствия и скороговоркой произнесённой фамилии начинает сержант. Ага, точно сержант! Никифоров он, если я правильно расслышала.

Сначала хихикаю, сержант держит покерфейс. Толкаю Сандру плечом и говорю по-английски:

— Сандра, этот полицейский хочет с нами познакомиться. Поговори с ним.

Уговаривать её не приходится. Она выдаёт свою самую очаровательную улыбку, сержант засматривается на её ямочки на щеках.

— Хеллоу, мистер полисмен, май нейм из Сандра.

— Хиз нейм из Сържант Ньикифорофф, — просвещаю свою спутницу.

Обе сверкаем на милиционера самыми ослепительными улыбками. Начинаем кокетничать, документы даже не думаем показывать. Слава небесам, он не слышал, как я беру билеты. Хотя что там услышишь? Может я сказала: ту тискет, плиз, то Москау? Паренёк начинает теряться. Морщит лоб и вдруг выдаёт:

— Битте аусвайс!

Тут меня срубает, начинаю хохотать, как ненормальная. Это ж надо же, через сколько

лет и как аукнулась война, прокатившаяся по Белоруссии. Немцев давно уж нет, а культурный, так сказать, след остался. Из памяти Юркина знаю, что все русские знают такие немецкие слова, как «хальт», «хенде хох», «Гитлер капут» и многие другие.

Сандра тарашится на меня в недоумении, сержант розовеет от смущения, негустая публика вокруг оглядывается, успокаиваюсь только с помощью неимоверного волевого усилия. Милиционер разочарованно поворачивается, собирается уходить. И замирает от моего возгласа.

— Товарищ сержант, куда же вы? — по-русски его окликаю, вот он и столбенеет.

Опомнись ему не даю, показываю кучу разноцветных белорусских бумажек и спрашиваю:

— Скажите, а нам хватит этих денег в кафе посидеть? А вы не можете нас туда проводить?

Парень пытается взбрыкнуть.

— Документики ваши, пожалуйста.

— Зач-чем вам наши документы? — кокетливо улыбаюсь, грожу пальчиком. — Не прикидывайтесь. Документики только повод познакомиться с двумя красотками. Это можно. Пойдёмте уже в кафе.

Подмигиваю Сандре, берём сержанта под плотный конвой с двух сторон. Тому ничего не остаётся, как вести нас в вокзальное кафе. Там я взвизгиваю от восторга при виде парящих жаром беляшей. Удачненько мы сюда зашли!

— Попробуй, Сандра! — убеждаю я. — Это местный фастфуд, больше нигде такого не встретишь.

Уговариваю на одну штуку, сама с трудом отказываюсь от трёх. Горестно вздыхая, беру два. Плюс компот, винегретик и я полностью счастлива. Хлеба не беру, винегрет закусываю беляшом, урча от наслаждения. Польщённая буфетчица, обладательница необъятного бюста, смотрит на меня с явным удовольствием. Беру про запас три штуки.

В общем, славно мы полтора часа до поезда провели. Дали сержанту автографы, честно предупредили, что автограф Сандры через год станет на вес даже не золота, а бриллиантов. Он нас ещё на поезд проводил, и мы его, — не могла упустить момент пошалить, — поцеловали в щёчку с двух сторон. Машем ему, стоящему на уплывающем с ускорением перроне и не понимающему пока, как невероятно ему повезло. Ничего, потом узнает, что общался запросто с двумя богинями.

20 октября, четверг, время 16:55

Москва, аэропорт Шереметьево.

Идём в зону дьюти-фри. Мы с Сандрой предпочитаем комфорт, поэтому по приезде с утра оседаем в аэропортовской гостинице с почасовой оплатой. Надо отдохнуть, принять душ, привести себя в порядок. Цены по российским меркам кусачие, для меня мелочь. Самолет в пол-седьмого вечера по местному времени, билеты беру бизнес-класса, разорившись меньше, чем на десять тысяч долларов

Выяснилось, что отдых мы с Сандрой понимаем по-разному. Первым делом под её удивлённым видом принимаюсь за разминку в стиле аэробики.

— Чего ты валяешься? Ну-ка присоединяйся!

Протестовать она пробует, но недолго, всё-таки я её работодатель, фактически

собственница. Кроме разницы в статусе, есть физическое преимущество. Набрасываюсь на неё, выкручиваю руки, хлопаю по попке. Мне всё равно, как тренироваться. Батманить у стула, — балетного станка тут нет, — или подружку кошмарить. Долго не получается, слаба она против сангсы морской пехоты.

Попеть не получилось, на наши голоса примчалась дежурная и попросила не шуметь. Наглость какая! Наши голоса шумом обозвать! Но вслух, разумеется, не высказываюсь.

И вот мы вламываемся в дьюти-фри. И кого же я вижу за прилавком?

— Глеб! Это ты?! — хорошенький мальчик, на которого положила глаз Борамка, когда мы в Париж летали.

Пять секунд пялится, только затем светиться улыбкой.

— О-о-о! А где... — он оглядывает пространство вокруг нас, затем поясняет вопрос забавным жестом, ставит горизонтально ладонь чуть выше пояса.

Покатываюсь со смеху, точнее и быстрее Борамку охарактеризовать невозможно. Разочаровываю парня.

— Так она же в Сеуле живёт и гастрольную работу прекратила. Всё. Не увидишь больше Борамку.

Глеб тоскливо вздыхает.

— Что, понравилась? — прямой вопрос уместен, времени на долгие пережёвывания нет. Глеб молчит, только снова вздыхает.

— Мне вот это, это и этого... две банки. Гляди за весом, больше двадцати килограмм не унесём, — нагружаю ошалевшую от впечатлений Сандру, набиваю свой рюкзак. Заранее им запаслась.

— Слушай, Глеб, — а почему и нет, думаю так про себя, — а ты женись на ней, если она тебе нравится. Она согласится, вот увидишь.

От неожиданности парень коченеет.

— Что? А как? Она ж в Сеуле, я-то москвич...

— Вот и узнаешь, что за МКАДом есть много чего интересного. Например, столиць побольше Москвы.

— Сеул больше Москвы? — сомневается Глеб. — В Москве так-то пятнадцать миллионов...

— В Сеуле — двадцать.

Не удаётся его уговорить всё бросить и лететь с нами в Корею. И паспорта с собой нет и вообще... — так он сказал. Оставляю ему адрес электронной почты, и мы уходим на регистрацию. Парень провожает нас задумчивым и затуманенным взглядом. Ему ещё надо осознать, что Москва, хоть и третий Рим, но в чём-то тоже провинция.

21 октября, пятница, время 15:10.

Сеул, окружной суд Намьянджу

— Хорошо, что вы сами явились, госпожа Агдан, — холодным взглядом судья будто высверливает во мне дырку. — У меня есть вопросы к вам лично.

— Буду рада удовлетворить ваше любопытство, господин судья.

Пришлось всё-таки сюда притащиться. Мой адвокат сияет так, что хочется его лимоном угостить, однако, чувствую, придётся премировать. Чего это судье приспичило увидеть меня наяву? Даже заседание перенёс, лишь бы моего авиарейса дожидаться. Домой только

пообедать успела заскочить.

— Вам не жалко простого человека, который вынужден будет выплачивать такую огромную сумму? Он же сразу станет нищим.

— И что я могу сделать? — недоумённо пожимаю плечами. — Как я могу идти против законов и традиций всего нашего общества?

Лукавлю. Иногда именно так и хожу, на что безмолвно, одной еле заметной улыбкой, намекает судья.

— Это в наших национальных традициях. Никого не интересует, что ты там можешь или не можешь, если нарвался на штраф — обязан заплатить, невзирая ни на что. Приведу в пример один случай. Восемь лет назад группа ГэнБойс поссорилась с руководством своего агентства, разорвала с ними контракт и покинула его. Агентство вчинило им иск на сумму... — тут мой голос становится злым и звонким, — в пятьсот миллиардов вон. Четверо ребят, все из простых семей, сумма иска была явно завышена во много раз. Ни одна группа за всё время своей карьеры столько не зарабатывала. Более того, ни одна группа не приносила таких гигантских прибылей своему агентству. Но суд утвердил этот иск.

Немного молчу, давая время присутствующим осознать удивительную ситуацию.

— Попробуйте ещё раз осознать эту сумму. Полмиллиарда долларов, которые даже в годовом бюджете всей страны не затеряются. Кого-нибудь взволновало, что там могут выплатить эти мальчики, которым к тому же негласно запретили работать по профессии. Ни одно агентство не взяло их к себе. То есть, имела место ещё и внесудебная расправа.

— Да, в нашем обществе есть некие жестокие традиции, и что? Когда-то и у меня был момент, когда президент моего агентства собирался выкинуть меня за ворота и повесить на меня долг в шестнадцать миллионов долларов. Мне пришлось бы расплачиваться лет десять, если бы он не передумал...

— Но всё-таки передумал? — переспрашивает судья.

— Он сделал это под давлением внешних обстоятельств. Получил известие из Америки, что меня номинировали на Грэмми. В итоге, как вы, наверное, знаете, я его получила. Вовсе не из жалости он меня оставил работать.

Делаю паузу, но не кушаю твикс.

— Почему меня, юную и наивную, совершившую ошибку в экстремальной ситуации, можно было наказывать гигантской неустойкой, а взрослого опытного мужчину, который просто обязан взвешивать все свои поступки, нельзя?

— Госпожа Агдан! — ХиГун, имеющий вид изрядно бледный и затравленный, вдруг вскакивает со своего места.

Судейский взгляд почти материальной силы не останавливает мужчину. Адвокату тоже не удаётся удержать. ХиГун делает пару шагов в мою сторону, — непроизвольно напрягаюсь, моей охраны здесь нет, придётся самой его останавливать, — и вдруг падает на колени.

— Госпожа Агдан! Пожалейте! Я всё отдам, только отзовите свой иск!

Это что за хрень? Я в полном изумлении, судья тоже. Адвокат всё-таки оттаскивает своего клиента, помогает окрик судьи. Без слов киваю судье на ХиГуна, судья кивает в ответ.

— Господин ХиГун, позвольте поинтересоваться, это что за цирк вы тут устроили? — моим голосом можно замораживать мясо, звякаю дальше таким металлом, что самой не по себе. — Господин ХиГун, мы же оба знаем, что платить придётся не вам. Зачем вы устроили

это представление?

Поняв, что ответа от замкнувшегося ответчика не дожждётся, обращаюсь к судье. Извиняюсь за несанкционированное выступление уже обычным, достаточно мягким тоном. Судья секунду раздумывает.

— У меня возник новый вопрос, госпожа Агдан. Что вы имели в виду под словами, что платить придётся не ответчику?

— Полагаю, вы сами понимаете, вы — человек опытный. Не может простой человек тягаться с чеболями, не имея поддержки за спиной, — весь мой вид говорит об элементарности догадки.

Судья, по всему видать, до такой мысли всё-таки не додумался. На ответчика глядит с новым выражением лица, которое мне почему-то нравится.

22 октября, суббота, время 17:40.

Сеул, пентхаус элитной высотки.

ВанХи, вице-президент «Самсунга» входит в комнату своей любимой двенадцатилетней дочки ТуЛан. Симпатичная девочка с живыми глазами не сразу замечает отца. Отплясывает под неслышную из-за наушников музыку перед экраном ноутбука, где выделяет невероятные па какая-то женская поп-группа.

Кажется, Агдан там нет, — машинально отмечает ВанХи и морщится. Что-то слишком много её становится вокруг. Сегодня даже на завершающем рабочую неделю совещании на высшем уровне ей посвятили несколько минут. Начальник СБ доложил, что Агдан выиграла встречный иск к Ю ХиГуну, который ранее отсудил у неё сто миллионов вон. Агдан ударила намного сокрушительнее, теперь ХиГуну придётся платить два миллиарда.

— Агдан выигрывает с разгромным счётом, — заключает шеф СБ. — Нам надо решить, что делать: подавать апелляцию или соглашаться. Ещё можно оставить ХиГуна разбираться с этой проблемой самостоятельно...

Президент хмыкнул, но ничего не сказал. И так ясно, клерк средней руки не сможет выплатить такую сумму. Если только лет за сто.

— Выделим требуемую сумму этому человеку и закроем вопрос, — вынес вердикт президент и пояснил, заводя глаза вверх, — мне звонили оттуда и посоветовали заканчивать конфликт с Агдан.

Сообщил президент всё переворачивающую новость спокойно, но не только ВанХи продрал мороз по коже. С кем они связались? — переглядывались между собой руководители служб и вице-президенты.

На этом дело не кончается. Руководитель рекламного отдела даёт справку, что их конкурент в области бытовой электроники LG ожидает годового прироста продаж на пять процентов.

— Они относят это на суперудачную рекламу, которую сделала Агдан...

ВанХи и другим не надо объяснять, чем это грозит «Самсунгу». Рынок не резиновый если у кого-то рост, то кому-то надо готовиться к падению.

И сейчас ВанХи решает выяснить для себя, кто же эта Агдан? Насколько это возможно. Снисходительное отношение к восторженному восхищению дочки некоторыми айдолами окрашивается в другие тона. Из невинной детской увлечённости можно извлечь конкретную пользу.

— О, папочка! — крутнувшаяся вокруг оси девочка замечает отца, залипшего взглядом на огромный постер. Красавица с невероятно яркими синими глазами будто загнипнотизировала его.

— погоди, папочка! — девочке надо закончить танец вместе со своими кумирами. Так что ВанХи получает время на разглядывание постера. Мельком он уже видел его, но только раз. Повесила его дочь относительно недавно. До того какой-то другой висел, не такой яркий.

— Она тебе нравится? — ВанХи не успевает остановить вылетевший изо рта глупый вопрос. Как такая девушка может кому-то не нравится? Мужчин таких точно нет. И дочке нравится, раз она её картинку повесила.

— Холь! — вспыхивают глаза девочки. — Конечно! Она же богиня!

— У тебя нет её рекламного ролика для LG? — ВанХи, как настоящий мужчина, задаёт вопрос в лоб, избегая языка намёков.

— Дебак! Есть! Давай посмотрим, я его уже пятнадцать раз смотрела, — девочка бросается к ноутбуку.

— Видишь, какая она?! — тормозит девочка отца, впавшего в оцепенение после просмотра.

Они нас обошли с этим телевизором, — грустно размышляет ВанХи, — но с такой рекламой продажи вырастут у любой ерунды. Это не реклама, это магия какая-то...

— ТуЛан-ян, — осторожно говорит мужчина, глядя дочку по голове, — LG для нас конкурент. Если у них дела пойдут в гору, мы можем споткнуться...

— Так попросите Агдан сделать вам рекламу, — ни на секунду не задумывается девочка.

— Кажется, мы опоздали... — ВанХи не собирается сообщать дочке, что их корпорация пыталась нагадить «богине».

22 октября, суббота, время 18:55.

Длинный морской пляж близ Сеула.

Шурх! Шурх! Шурх! — одобряет мой неторопливый бег пляжный мокрый песок. За мной тянется постепенно смываемая особо дерзкими волнами цепочка следов.

Неторопливость даётся мне с трудом. Еле сдерживаю себя от того, чтобы припустить вдоль морской кромки со скоростью мотоцикла. Энергии за время пребывания в Америке накопилось под самое горло. Занятия в отеле, как и редкие купания в океане, не могли меня удовлетворить полностью. Время от времени требуется сверхнапряжение.

Пляж чист и пустынен, купальный сезон давно кончился. ЧжуВон бежит по шоссе параллельному береговой кромке, за ним — машина с охраной. Охрана тоже не прочь размяться, но делают это по очереди. Кому-то всё время надо рассматривать окружающий мир через прицельную планку.

— Пять километров, Юна! — кричит Чжу и спускается ко мне. Я начинаю разминку.

— Включи-ка музыку! — по моей просьбе Чжу подбирает на смарте нечто заводное и отдаёт охраннику. Сам присоединяется ко мне, заразившись моим энтузиазмом.

— Ты правильно всё рассчитала, Юночка, — ловя мои удары ногами на блок, хвалит меня ЧжуВон. — Я про суд говорю. Аргумент, что ХиГуна надо наказать за дерзость, иначе все кинутся подавать иски на популярных людей, сработал. Наш адвокат говорит, что судья

после этого сразу стал смотреть на ответчика по-другому.

— Надо премировать его, — провожу удар нэро чаги (удар сверху, требует недюжинной растяжки), — п-х-х-а-й!

21 октября, пятница, время 21:15

Агентство «Music Modern», общежитие.

— Ш-ш-ш-и-х-шлёп! — мордашку Ёнджи от звонкой оплеухи бросает в сторону.

— Ты с ума сошла, идиотка! — не могу справиться с приступом ярости. — Ш-с-с-шлёп!

Перевожу дыхалку, стараясь успокоиться. СонХи забилась в угол своей кровати, пара девочек испуганно заглядывает в двери из-за спины Сандры. Николь не видно, она тоже в колодках, только на растяжение. Сандра открыла рот от изумления.

— Ты что хочешь? — шиплю на девушку, отводящую от меня глаза. — Чтобы тебе ноги расплющило?

Эта кретинка затянула колодки на максимум, что я категорически запретила делать. Торопиться красоткой стать, дура! Встаю.

— Сколько раз так делала?

— Только сегодня, Агдан-сии... — лепечет Ёнджи, но глазки отводит.

— Щибаль! Не ври мне!

— Вчера чуточку сильнее затянула... — признаётся девушка. Это похоже на правду.

— Ещё раз что-нибудь подобное сделаешь, вылетишь из группы и агентства. Пока штраф на десять миллионов вон. И на сегодняшнюю ночь колодки сними.

Ухожу из общежития, прощаясь на пороге с Сандрой, её рядом с Еленой поселила. Обе не знают корейского языка, уже что-то общее есть, так что сойдутся. И надо не забыть менеджера оштрафовать, не уследил.

По дороге домой кое-как упорядочиваю клубок мыслей. Чтобы осознать себя жёстким руководителем, требуется время. И не ожидала подобных вывертов от сверхдисциплинированных корейнок. Хотя в любой отаре овец можно найти паршивую или хромоногую. Может, я и перегнула палку, но трезво оценив ситуацию, прихожу к выводу, что была права. Девочки должны знать: нарушение важных инструкций чревато не только обычным наказанием, но и моей бурной реакцией.

Замечаю, что меняюсь. Бронзовею, не бронзовею, но окружающие начинают выстраиваться при одном моём появлении. Даже старшее поколение в агентстве, которым палец в рот не клади, нервно затихают при моём появлении. Но ещё более характерно поведение СунОк...

— Онни, сделай мне быстренько чаю и персиковое варенье вытащи, — говорю сестре, входя в дом, — устала, сил нет...

И СунОк без слов галопом мчится на кухню. То ли она изменилась, во что я не очень верю, то ли я, но это не мне решать. Возможно, сестра элементарно соскучилась по мне, потому и бегаёт по первому слову. Только тон у меня начальственный, надо признать.

— А ты, Мультча, что скажешь?

— М-м-рау! — кошка трётся о ноги, привставая на задних лапах.

Окончание главы 15.

14 ноября, четверг, время 10:35.

Университет Хангук, лекционный зал.

— Такие выводы можно сделать на основе анализа изменений в языках, накапливаемых в течение столетий.

Заканчиваю доклад по своей работе, которую с некоторыми усилиями, но принудила руководство Хангука засчитать, как дипломную работу. Почему нет, если она так и весит? На основе материалов от Стесснер, но я там ещё много накопала. Не проблема. Проблема остановиться, ни к чему проводить научную работу, которая потянет на диссертацию.

Передо мной целый ряд госуников, семь человек, как только им не лень. Немного терзают меня вопросами, кое-какие отсекаю.

— Происхождение народов — тема очень интересная, но вне рамок моей работы. Могу только указать примерное направление поисков, о которых вы наверняка знаете. Если у какого-то оседлого народа имеется излишне богатая лексика, касающаяся коневодства и скотоводства, то законно предположить, что народ когда-то сформировался из кочевых племён.

БинСук, шеф кафедры немецкого языка, один из самых недовольных моей чересчур стремительной учёбой. Очень хочется ему меня прибрать к рукам. Длинную очередь на десятки километров замыкать не хочет, зато жаждет пролезть вперёд на дурнилку.

— Всё-таки я считаю, что студентку Пак ЮнМи рано выпускать из стен университета, — заявляет он. — Не отрицаю полезности проведённой работы, но...

Не страдающий краткостью спич БинСука сводится к простой формуле: из Агдан надо выжать, как можно больше. Ещё лучше совсем не выпускать из университета и доить её вечно.

Щ-щ-а-з-з-з!

— Госуним, — вознаграждаю его и остальных самой ослепительной улыбкой, — вы предлагаете мне прекрасную карьеру, и моей благодарности нет предела. Вот только на данный момент я принимаю активнейшее участие в грандиозном национальном проекте. Масштабы проекта титанические по любым меркам. Сотни миллиардов долларов, десятки лет по времени выполнения, миллионы корейцев, которых проект непосредственно затронет. Проект пока засекречен, поэтому подробностей от меня не ждите. В общих чертах его цель известна только руководству университета. Как и пожелание правительства, чтобы я получила диплом, как можно скорее.

Отдалённо госуним БинСук стал напоминать человека, на которого неожиданно вылили ведро студёной воды. После моей отповеди задали только один, хотя и заковыристый вопросик.

— Скажите, госпожа Агдан, — с лёгкой улыбкой обращается госуним с кафедры русского языка, — не носителей русского языка ставит в тупик фраза «Да нет, наверное». Мало кто понимает, почему такой ответ считается отрицательным.

— Отрицательным с долей сомнения, — приступаю к объяснениям, благословляя своё любопытство, когда проясняла этот вопрос для себя, — с возможностью изменения смысла на противоположный в неопределённом будущем.

После дополнения приступаю к объяснению.

— Слово «да» в русском языке многоликое. Оно может быть утвердительной частицей, выражающей согласие. Просто частицей речи, носящей, например, функцию объединительного союза «и»...

— Пример можете привести?

— Пожалуйста, госуним. Есть пожелание новобрачным «совет да любовь». Союз «и» в нём не используется, потому что он слишком технический, повествовательный, а частица «да» выражает доброжелательное отношение говорящего. Употребляется, к примеру, фраза «Да что ты говоришь?!», где «да» выступает в качестве междометия, усиливающего эмоцию удивления в ответ на какую-то неожиданную или сенсационную новость. Междометие это третье обличье слова «да». Во фразе «да нет, наверное» слово «да» как раз междометие, не имеющее утвердительного значения.

Убедила. Спец по русскому языку заметил, что я не совсем точна в формулировках, но вид имел благоудовлетворённый.

Тем всё и завершилось. Мне ставят оценку «отлично» и с добрыми пожеланиями отпускают. За дверями с огромным облегчением говорю: «У-ф-ф-ф-ф!». Ещё один барьер взят. Считаю, диплом у меня в кармане. Не зря почти две недели корпела.

16 ноября, суббота, время 20:35

Особняк Агдан, спальня.

— Мне твоя Сандра сразу понравилась, — заявляет Чжу. Только что вышел из душа, завёрнутый в махровый халат.

— Но после пластики она стала неопишимо красивой, — продолжает он свою мысль.

— Вы, корейские мужчины, очень не избалованы женской красотой, — пожимаю плечами. — Даже ты, женатый на одной из красивейших женщин планеты, называешь её красавицей. Объективно она хорошенькая, не более того. Скоро она станет обладательницей особой ауры звезды, и все будут восхищаться её красотой, хотя объективно... всё та же ладненькая, хорошенькая девушка, каких очень много. К сожалению, не в Корее много.

ЧжуВон заваливается рядом на кровать и подгребает меня к себе.

— Юночка, а не говорит ли в тебе обычная женская ревность?

И сразу смущается от моего взгляда, из которого скепсис льётся щедрым потоком.

— Ты серьёзно? То есть, ты не заметил, что это я её слепила такой? Больше скажу, программа улучшения её внешности не закончена. Ты, правда, считаешь, что я, будучи подвержена обычным женским слабостям, тем не менее, прилагаю серьёзные усилия, чтобы превратить Сандру в реальную конкурентку для себя?

Мне удаётся загнать его в угол. Там он и сидит, условно говоря, заваленный моей иронией выше головы.

— Да, я хочу, чтобы публика, увидев и услышав Сандру, тут же решила, что более красивых и сладкозвучных девушек не существует. И пребывала бы в этой уверенности вплоть до того момента, пока не увидит и не услышит меня. Но баловать собой я их буду очень не часто.

Показываю ему язык. Не только ему, всем. Но остальные этого не видят.

— Что ты ждёшь от своего кинодуплета в Америке? — Чжу технично заканчивает

проигранный раунд.

— В финансовом отношении мы получим примерно полмиллиарда долларов. Чистыми. После уплаты всех налогов и закрытия всех договоров.

— Ты обещала сделать меня миллиардером.

— Это нижняя планка. При удаче можно рассчитывать на миллиард. Плюс миллионов сто пятьдесят от концертной и рекламной деятельности.

— Это все наши активы? — ЧжуВон водит пальцами мне по животу. Немного щекотно, но терпимо.

— Нет. У тебя сколько датакоинов? Всего пять тысяч? Ф-и-и-и! — показываю ему планшет, в котором ковыряюсь параллельно разговорам. — Смотри! Он подскочил до пятисот долларов!

— Ого! — радуется ЧжуВон. — У меня два с половиной миллиона долларов образовалось?

— Мелко плаваешь, пацак, — опускаю его во второй раз. Зная меня, он заранее мрачнеет.

— У меня сто сорок тысяч датакоинов. Сколько это в долларах? Семьдесят миллионов. Вот какие карманные деньги имеют настоящие миллиардеры, — радостно хихикаю и снова показываю язык.

— Что будем делать дальше? — Чжу начинает новый раунд.

— А дальше ухнем заработанный миллиард в суперпроект. Расшифровка генома человека.

Опять хихикаю, глядя, как вытягивается мужское лицо в огромном недоумении.

— Это же фундаментальная наука! — возмущается пацак. — Она по определению затратна!

— А вдруг удастся, и откроются невиданные перспективы? — как обойтись без маленькой провокации? — Например, откроем секрет вечной жизни?

Пацак немедленно подвисает, снова хихикаю.

— А если серьёзно? — доходит, наконец, до него.

— Серьёзно? О чём больше всего мечтает весь наш народ?

Этот вопрос тоже вызывает огромные затруднения. Ждать, когда он додумается, лениво.

— Все мечтают быть красивыми. Особенно девушки.

— Так уж и все, — слегка кривится ЧжуВон. Снова переполняюсь иронией, как можно не видеть того, что прямо лезет в глаза.

— Почему именно в Корее так развита пластическая хирургия? Как будто японцы красивее нас. Такие же маленькие, плосколицые, узкоглазые и кривоногие. Но пластика у них сравнительно слабо развита.

— Если это только модное поветрие? — не сдаётся пацак.

— Мода не продержалась бы настолько долго, что возникла целая отрасль экономики, которая всё время растёт и процветает.

Прерываюсь, собираюсь с мыслями. Вдруг действительно расчёт не сработает? А чего я одна голову ломаю?

— Сам-то что думаешь? Если мы предложим нашим гражданам способ стать красивыми, они будут сомневаться и тормозить? Или ринутся в очередь к нам буйною толпой?

— Ринутся, конечно, — соглашается ЧжуВон и заводит руку под меня. — Но что будет

через десять или двадцать лет, предсказывать не берусь.

— Через двадцать лет рынок пластической хирургии начнёт съёживаться. Сначала еле заметно, потом всё больше. Как, по-твоему, сколько стоит десять процентов рынка услуг пластических хирургов? А если большая часть?

Удалось мне его впечатлить. Кошу на него глаза, подвис парень надолго.

Всё жду вопроса, как я собираюсь этого добиваться. Как-как... передом вперёд. Экстрапоральное оплодотворение на что? В развитых азиатских странах, вроде нашей, среди девушек считается престижным иметь парня европейца. А уж замуж выйти совсем здорово. Или жениться на европейке. У нас количество сампо скоро достигнет процентов десяти, пять давно уже есть. Отказались от секса, отношений и замужества? Пусть! Откажутся ли они родить ребёнка либо чисто европейской внешности, либо метиса? При благоприятном отношении государства, — а президентша заверила меня, что правительство всеми руками за, — компенсации затрат, оформлении заметных размеров регулярного пособия до определённого возраста, они первыми в ту самую очередь кинутся.

Если в первом поколении количество рискнувших иметь детей с примесью европейской крови будет десять процентов, то в следующем — не меньше половины. И не дойдёт дело до целого поколения. Лет пять-десять пройдёт, не больше, когда первые дети появятся на улице и их увидят все. А то и раньше, если рекламные возможности подключить.

Убью одним выстрелом пятнадцать зайцев. Первый заяц — решение демографической проблемы. Все страшенькие, а они на девяносто процентов страшные, корейские бабы кинутся рожать. Второй заяц — корейская нация в следующем поколении станет на порядок красивее. Остальные зайцы это многозначные числа на счетах моей корпорации.

Конец книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net